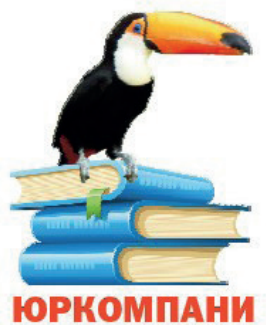

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА

Научно-правовой журнал

№ 3
(июль-сентябрь)
2026 г.

Учредитель и издатель: Общество с ограниченной ответственностью «ЮРКОМПАНИ»

Журнал основан в 2009 году.

Выходит один раз в 3 месяца.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-37807 от 15октября 2009 г.)

ISSN: 3034-2422.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

Журнал является площадкой для публикации материалов участников международных научно-практических конференций и круглых столов, научных статей магистрантов, аспирантов и адъюнктов из России, стран СНГ и зарубежных государств.

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА

Научно-правовой журнал

Ежеквартальный аналитический научно-правовой журнал, посвященный актуальным вопросам теории права и государства, конституционного (государственного) права, а также гражданского и уголовного права и законодательства в России и зарубежных странах.

Председатель редакционного совета: Иванова Светлана Анатольевна

Главный редактор: Усанов Владимир Евгеньевич

Заместитель главного редактора: Марат Шайхуллин

Корректор: Вера Козлова

Компьютерная верстка: Екатерина Ерошина

Дизайн: Роман Ерцев

Офис редакции: г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Помещ. 2, ком. 31Г.

WhatsApp: +7-903-672-55-88.

Сайт: www.legal.law-books.ru

E-mail: mail@law-books.ru

Почтовый адрес редакции (для корреспонденции):

121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Помещ. 2, ком. 31Г.

При использовании опубликованных материалов ссылка на научно-правовой журнал «Юридическая наука и практика» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ:

Ари Палениус – проф., директор кампуса г. Керава Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)

Арройо Эна Росьо Карнеро – Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо.

Безерра Феликс Валуа Гуара – Juris Doctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.

Велиев Исахан Вейсал оглы – доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Деян Вучетич – доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Джун Гуан – проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Дуран Роберто Альваро Гусман – Juris Doctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии.

Ким Эшли – D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.

Лай Дешенг – проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Марек Вочозка – проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)

Нематов Акмал Рауфджонович – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)

Она Гражина Ракаускиене – проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)

Пол Брэнд – профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Пол Дэвис – профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Предраг Димитриевич – доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Тепман Леонид Наумович – доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)

Чирич Александр – доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

INTERNATIONAL COUNCIL:

Ari Palenius – prof., Director of the campus, the Kerava Laurea University of Applied Sciences (Finland)

Arroyo Ena Rosyo Karnero – Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo.

Bezerra Felix Valois Goira – Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins.

Veliyev Isakhon Veysal Oglou – doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)

Dejan Vuchetich – the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)

Jun Guan – prof., Deputy. Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Durán Roberto Alvaro Guzman – Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia.

Kim Ashley – D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.

Lai Desheng – prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Marek Vochozka – prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)

Nematov Akmal Raufdzhonovich – the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)

Ona Grazyna Rakauskiene – prof., University. Mykolas Romeris (Lithuania)

Paul Brend – professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)

Paul Davies – professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)

Predrag Dimitriyevich – the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)

Терпан Леонид Наумович – Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)

Chirich Alexander – the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель: **С.А. Иванова**, доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

А.П. Галоганов – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.Н. Жуков – доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

В.В. Комарова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

И.А. Конюхова – доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия

А.В. Рагулин – доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов

Б.С. Эбзеев – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России

Н.Д. Эриашвили – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Института государственного управления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD:

Chairman: **S.A. Ivanova**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education “Financial University under the Government of the Russian Federation”

A.P. Haloganov - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

V.N. Zhukov - Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

V.V. Komarova - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy)

I.A. Konyukhova - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law and Professor, Department of Constitutional Law, Russian Academy of Justice

A.V. Ragulin - Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for Research on Problems of Organization and Activities of the Bar of the Eurasian Research Institute of Law Problems, Chairman of the Commission for the Protection of the Rights of Lawyers-Members of Lawyers Guilds of Russian Lawyers

B.S. Ebzeev - Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (in resignation), member of the CEC of Russia

N.D. Eriashvili - Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Business and Labor Law Institute of Public Administration and Law of the State University of Management.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: *Усанов Владимир Евгеньевич*, академик РАО, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Заместитель главного редактора: *Шайхуллин Марат Селирович*, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России», руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права.

Специальность: 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки»

Дорская Александра Андреевна — доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Пашенцев Дмитрий Алексеевич — Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, главный научный сотрудник отдела теории права и междотраслевых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор Московского городского педагогического университета и Университета Правительства Москвы, руководитель центра развития просветительской деятельности для сельских территорий Российского государственного университета народного хозяйства имени В.И. Вернадского.

Усанов Владимир Евгеньевич — академик РАО, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Шайхуллин Марат Селирович — профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России», руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права.

Специальность: 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки»

Булаков Олег Николаевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного университета, член Экспертного совета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Грудцына Людмила Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», Почетный адвокат России, эксперт РАН.

Миронов Василий Олегович — профессор кафедры государственного права и управления таможенной деятельностью ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» (ВлГУ).

Садовникова Галина Дмитриевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА).

Специальность: 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки»

Белов Валерий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики отделения «Высшая школа правоведения» Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Иванова Светлана Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Стригунова Дина Павловна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

EDITORIAL BOARD:

Editor-in-chief: *Usanov Vladimir Evgenievich*, Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

Deputy Editor-in-Chief: *Shaikhullin Marat Selirovich*, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia", Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law.

Specialty: 5.1.1. «Theoretical and historical legal sciences»

Dorskaya Alexandra Andreevna - Doctor of Law, Professor, Deputy Director for Research, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice.

Pashentsev Dmitry Alekseevich - Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Theory of Law and Intersectoral Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of Moscow City Pedagogical University and Moscow Government University, Head of the Center for the Development of Educational Activities for Rural Areas of the Russian State University of National Economy named after V.I. Vernadsky.

Usanov Vladimir Evgenievich - Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

Shaikhullin Marat Selirovich - professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia", head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law.

Specialty: 5.1.2. «Public Law (State Law) Sciences»

Bulakov Oleg Nikolaevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State University for the Humanities, member of the Expert Council of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation.

Grudtsyna Lyudmila Yuryevna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Professor of the Russian State Academy of Intellectual Property, Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences.

Mironov Vasily Olegovich - Professor of the Department of State Law and Management of Customs Activities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs" (VISU).

Sadovnikova Galina Dmitrievna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow State Law University named after O.E. Kutafin" (MSLA).

Specialty: 5.1.3. «Private Law (Civil) Sciences»

Belov Valery Evgenievich - Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Legal Support of Market Economics, Higher School of Law, Institute of Public Administration and Management, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation".

Ivanova Svetlana Anatolyevna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation".

Strigunova Dina Pavlovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation."

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

- Пидскальнюк А.В. * Экстремизм как угроза национальной безопасности 11
- Погосян Н.А. * Правовые проблемы противодействия легализации доходов при введении международных санкций 14
- Баруздин И.В. * Искусственный интеллект в социальной политике в Санкт-Петербурге 19
- Руднева С.В. * Трансграничные финансовые расследования в условиях санкционных ограничений: новые методы получения доказательств из открытых источников и альтернативных юрисдикций 24
- Мухин Р.А., Зайцева С.Е. * К вопросу о борьбе с киберпреступностью в мировом пространстве: российский и зарубежный опыт 29

ПРАВООБРАЗОВАНИЕ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО

- Трухин Н.Н., Гришин Д.А. * Особенности и меры регулирования деятельности правоохранительных органов в области предупреждения использования БПЛА в совершении преступлений террористической направленности 35
- Эльдарава А.А. * Правовое регулирование перестраховочной деятельности в условиях санкционных ограничений: риски финансовой безопасности и механизмы их минимизации 40

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

- Де Сейта Л.Д.А.О. * Миграция как инструмент политического принуждения в межгосударственных гибридных конфликтах: кейс Демократической Республики Конго и Руанды 45

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

- Костянян С.А. * Проблемы доказывания полномочий представителя в судебном процессе 50
- Турдалиева М.З. * Полномочия государственного обвинителя в стадии судебного разбирательства: актуальные проблемы теории и правоприменения 56
- Узенькова В.В. * Нарушение равноправия сторон как препятствие для реализации состязательности в уголовном судопроизводстве РФ 60

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

- Соловьева Е.А., Вишкин К.Н. * Метрологические характеристики холодильного оборудования: анализ, нормативная база и методы обеспечения точности 64
- Шишкин С.Л. * Квазифидуциарный характер лизинговых отношений 68
- Гао Ю., Макеева С.Б. * Инвестиционный мультипликатор: теория и практика применения в современной экономике 74
- Веретенникова А.С., Свешников Д.М. * Искусственный интеллект в телемедицине: коллизии правового регулирования и способы их разрешения 78

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

- Баерхаева Р.Ю., Ираджапова Б.Г., Очир-Горяева Б. * Проблемы эрозии почв и направления рационального использования земель сельскохозяйственного назначения (на примере республики Калмыкия) 81
- Малова А.К., Устьянцева О.В. * Роль органов прокуратуры в сохранении водного биоразнообразия 84
- Суховская Д.Н. * Социально-экономические детерминанты формирования креативного городского пространства: опыт трансформации и кластеризации в российских урбанистических практиках 88

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

- Лебедев И.И. * Комплаенс как инструмент управления правовыми рисками и обеспечения соответствия законодательству 94
- Антонова Е.Д. * Оценка социально-экономической эффективности внедрения положения о наставничестве 100
- Корендясев С.В., Неволин Ф.Д., Ромашкова О.Н., Каптерев А.И. * Нормативно-правовые аспекты внедрения алгоритмов управления рисками в переработке радиоактивных отходов: международный

опыт и российские стандарты	104
Зайцева С.Е., Кушнина А.С. * Переводческая деятельность в работе сотрудников правоохранительных органов	109

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Русских Ю.Д. * Процессуальный фильтр или барьер правосудия? Проблемы правозащиты на стадии возбуждения уголовного дела	114
Попова У.П. * Цифровые компетенции следователя и оперативного сотрудника как фактор эффективности финансовых расследований в условиях санкционного давления	118
Назарова А.И., Большакова Е.А. * Доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ) в эпоху социальных сетей: проблемы доказывания вины администраторов «групп смерти» и кибербуллинга	123
Маркова В.В. * Проблемы квалификации составов преступлений, выявленных посредством судебно-бухгалтерской экспертизы, в рамках железнодорожного транспортного комплекса	126
Добродомова Д.А. * Искусственный интеллект как субъект выявления экономических преступлений: проблемы допустимости и достоверности цифровых доказательств	131
Гельдибаев М.Х., Губарь Д.С., Воронина Е.А. * Научно-исторические аспекты уголовно-правового обеспечения антитеррористической защищенности	136
Коробкина А.В. * Особенности экспертного исследования повреждений одежды, причиненных острыми предметами бытового назначения	153
Самофалов С.С. * Особенности расследования ДТП с участием нескольких виновных лиц	157

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Киселев Д.В. * Бухгалтерская экспертиза операций по учету труда и его оплаты	164
Кривенко Д.Е. * Трансформация института рабочего времени в условиях цифровизации экономики	172

CONTENT:

POLITICS AND LAW

Pidskalnyuk A.V. * Extremism as a threat to national security	11
Pogosyan A.A. * Legal problems of combating money laundering under international sanctions	14
Baruzdin I.V. * Artificial intelligence in social policy in St. Petersburg	19
Rudneva S.V. * Cross-border financial investigations under sanctions restrictions: new methods of obtaining evidence from open sources and alternative jurisdictions	24
Mukhin R.A., Zaitseva S.E. * On the issue of combating cybercrime in the global space: Russian and foreign experience	29

LAW EDUCATION AND LAWMAKING

Trukhin N.N., Grishin D.A. * Features and measures of regulation of law enforcement agencies' activities in the field of preventing the use of UAVs in terrorist crimes	35
Eldarova A.A. * Legal regulation of reinsurance activities under sanctions restrictions: financial security risks and mitigation mechanisms	40

HISTORY OF THE STATE AND LAW OF FOREIGN COUNTRIES

De Ceita L.D.A.O. * Migration as a tool of political coercion in inter-state hybrid conflicts: the case of the Democratic Republic of the Congo and Rwanda	45
--	----

JUSTICE AND COURT PRACTICE

Kostanyan S.A. * Problems of proving the authority of a representative in a court proceeding	50
Turdialieva M.Z. * Powers of the state prosecutor at the trial stage: current issues of theory and law enforcement	56
Uzenkova V.V. * Violation of the equality of the parties as an obstacle to the implementation of competition in the criminal proceedings of the Russian Federation	60

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Solovyova E.A., Vishkin K.N. * Metrological characteristics of refrigeration equipment: analysis, regulatory framework and methods of accuracy assurance	64
Shishkin S.L. * The quasi-fiduciary nature of the leasing relationship	68
Gao Yu., Makeeva S.B. * Investment multiplier: theory and practice of application in modern economy	74
Veretennikova A.S., Sveshnikov D.M. * Artificial Intelligence in Telemedicine: Conflicts of Legal Regulation and Ways to Resolve Them	78

PUBLIC LAW

Baerkhaeva R.Yu., Irajapova B.G., Ochir-Goryaeva B. * Soil erosion problems and directions for rational use of agricultural lands (on the example of the republic of Kalmykia)	81
Malova A.K., Ustyantseva O.V. * The role of the prosecutor's office in preserving biological diversity	84
Sukhovskaya D.N. * Socio-economic determinants of the formation of a creative urban space: experience of transformation and clustering in Russian urban practices	88

MANAGEMENT THEORY

Lebedev I.I. * Compliance as a tool for managing legal risks and ensuring compliance with legislation	94
Antonova E.D. * Assessment of the socio-economic effectiveness of the implementation of the provision on mentoring	100
Korendyasev S.V., Nevolin F.D., Romashkova O.N., Kapterev A.I. * Regulatory and legal aspects of implementing risk management algorithms in radioactive waste processing: international experience and Russian standards	104
Zaytseva S.E., Kushnina A.S. * Translation activities in the work of law enforcement officers	109

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

Russkih Yu.D. * A procedural filter or a barrier of justice? problems of human rights protection at the stage of initiation of a criminal case	114
--	-----

Popova U.P. * Digital competencies of an investigator and an operative officer as a factor of the efficiency of financial investigations under sanctions pressure	118
Nazarova A.I., Bolshakova E.A. * Driving to suicide (article 110 of the criminal code of the Russian Federation) in the age of social media: the problems of proving the guilt of administrators of «death groups» and cyberbullying	123
Markova V.V. * Problems of qualifying criminal offenses identified through forensic accounting expertise within the railway transport complex	126
Dobrodomova D.A. * Artificial intelligence as a subject of identification of economic crimes: problems of admissibility and reliability of digital evidence	131
Geldibaev M.Kh., Gubar D.S., Voronina E.A. * Scientific and historical aspects of criminal law support for counter-terrorism protection	136
Korobkina A.V. * Features of expert examination of clothing damage caused by sharp household objects	153
Samofalov S.S. * Specific Features of Investigating Road Traffic Accidents Involving Multiple At-Fault Parties .	157

LABOR LAW

Kiselev D.V. * Accounting expertise of labor accounting and payment operations	164
Krivenko D.E. * Transformation of the institute of working hours in the conditions of digitalization of the economy	172

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.07.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-3-11-13

ПИДСКАЛЬНЮК Александр Владиславович,
слушатель 5-го курса,
Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России,
младший лейтенант полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ВВЕДЕНСКАЯ Виктория Владимировна,
Заместитель начальника
Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России
по учебной и научной работе,
подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ЭКСТРЕМИЗМ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

АННОТАЦИЯ. Обосновывается тот факт, что экстремизм представляет собой угрозу национальной безопасности Российской Федерации в современных условиях глобализации и возможностями повсеместного распространения. Предлагается усилить уголовно-правовые санкции, предусмотренные уголовным законодательством Российской Федерации за преступления экстремистской направленности. Рассмотрен зарубежный опыт противодействия экстремизму, который может быть использован в российских реалиях для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Подчеркивается, что несмотря на предпринимаемые усилия, проблема экстремизма остается актуальной, поскольку количество преступлений экстремистской направленности продолжает расти, что требует дальнейшего совершенствования системы противодействия экстремизму и повышения эффективности работы правоохранительных органов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экстремизм, противодействие экстремизму, преступления экстремистской направленности, зарубежный опыт, координация позиций, Институт координации, критерии.

PIDSKALNYUK Alexander Vladislavovich,
fifth-year student,
Donetsk branch of the Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
junior police lieutenant

Academic Supervisor:
VVEDENSKAYA Victoria Vladimirovna,
Deputy Head of the Donetsk Branch of the Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
for Academic and Research Work,
Police Lieutenant Colonel

EXTREMISM AS A THREAT TO NATIONAL SECURITY

ANNOTATION. The article substantiates the fact that extremism poses a threat to the national security of the Russian Federation in modern conditions of globalization and the possibilities of widespread dissemination. It is proposed to strengthen the criminal sanctions provided for by the criminal legislation of the Russian Federation for extremist crimes. The article considers the foreign experience of countering extremism, which can be used in Russian realities to ensure the national security of the Russian Federation. It is emphasized that despite the efforts being made, the problem of extremism remains relevant, since the number of extremist crimes continues to grow, which requires further improvement of the system of countering extremism and increasing the effectiveness of law enforcement agencies.

KEY WORDS: extremism, counteraction to extremism, crimes of extremist orientation, foreign experience, coordination of positions, the Institute of coordination, criteria.

Экстремизм представляет собой одну из самых опасных форм организованной преступности, которая несет угрозу мирному сосуществованию различных этнических и социальных групп в обществе. Это явление может привести к тяжелым и необратимым последствиям, включая нарушение конституционного порядка, прав и свобод человека, а также угрожать суверенитету, независимости и территориальной целостности государства.

В условиях глобализации и развития информационных технологий extremism приобретает новые формы и масштабы распространения. Экстремистские идеи могут проникать в общество через различные каналы, включая интернет, социальные сети и другие средства массовой информации. Это делает задачу противодействия экстремизму особенно актуальной и сложной.

В юридической литературе экстремизм описывается как агрессивное поведение или отношение личности, которое проявляется в нетерпимости к взглядам оппонента, ориентированным на общепринятые общественные нормы, склонности к радикальным (силовым) методам решения проблем, отказе от консенсуса как эффективного инструмента повседневной деятельности и, наконец, непринятии прав и ценности личности. Как социально-политическое явление экстремизм представляет собой форму политической борьбы, которая характеризуется отрицанием существующих государственных и общественных институтов и структур, стремлением подорвать стабильность и уничтожить существующий порядок для достижения собственных целей во власти [1, с. 131].

Экстремизмом называют приверженность радикальным идеям и способам действий. Согласно нормам международного права, в частности Шанхайской конвенции, определяющей понятие экстремизма, это явление можно рассматривать как действия, направленные на насильственный захват власти или её насильственное удержание, а также на насильственное изменение государственного строя или насильственное посягательство на общественную безопасность, включая создание незаконных вооружённых формирований или участие в них для достижения этих целей. Однако в национальном российском законодательстве экстремизм определяется более широко [2, с. 10]. Например, в содержание экстремизма входят такие деяния как нарушение прав и свобод, законных интересов человека и гражданина по социальному, расовому, национальному, религиозному или языковому признаку, а также на основании отношения к религии, которая приводит к нарушению прав, свобод и законных интересов (ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности») [3].

Противодействие экстремизму является одним из важнейших направлений обеспечения

национальной безопасности Российской Федерации. Для этого принимаются активные меры, направленные на укрепление правовых и организационных основ противодействия экстремистской деятельности. Созданы специальные органы и структуры, которые занимаются выявлением и пресечением экстремистских проявлений. Т.И. Султанбеков, В.А. Беловолов, Р.Н. Игнатенко подчеркивают, что именно рост регистрируемой экстремистской преступности вызвал необходимость создания Росгвардии в целях повышения уровня общественной безопасности [4].

Лица, совершившие преступления экстремистской направленности, могут быть привлечены к уголовной ответственности в соответствии с рядом статей Уголовного кодекса Российской Федерации (136, 148, 149, 212, 239, 278–280, 282–282.2, 357, и др.) [5], если эти преступления были совершены на почве политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Поскольку национальная безопасность предполагает состояние безопасности национальных интересов России от внешних и внутренних опасностей, которое гарантирует соблюдение конституционных прав и свобод граждан, высокое качество и уровень их жизни, гражданское согласие в стране, защиту суверенитета Российской Федерации, её независимости и территориальной целостности, а также социально-экономическое развитие государства [6]. В связи с этим полагаем, что требуется усилить санкции за преступления экстремистской направленности в виду необходимости защиты национальной безопасности России особенно в условиях проведения специальной военной операции и дополнительных угроз для российского государства.

В рамках инициативы «Крайстчерчский призыв», запущенной 15 мая 2019 года после терактов с тем же названием в Новой Зеландии, в Испании стали уделять большее внимание борьбе с экстремизмом. По мнению испанского правительства, эти атаки высветили ущерб, который может нанести насильственный экстремистский контент в сетях, поскольку они транслировались в прямом эфире и стали вирусными. В Национальной контртеррористической стратегии Испании борьба с радикализацией и насильственным экстремизмом, как на многостороннем, так и на национальном уровне, является приоритетом испанского правительства. В Испании подчеркивается важность поиска сотрудничества с большим количеством технологических компаний и разработки нового конкретного законодательства на многостороннем уровне [7]. Полагаем, что такой инструмент должен быть использован и в российском правовом поле.

Таким образом, экстремизм представляет собой приверженность крайних взглядов, от-

рицание сложившихся государственных, общественных институтов и структур, которая угрожает национальной безопасности Российской Федерации. В рамках противодействия экстре-

мизму следует сотрудничать с технологическими компаниями на государственном уровне для противодействия экстремизму и распространению экстремистских идей в сети Интернет.

Список литературы:

[1] Улезько С.И. Цель и основные источники угроз экстремизма в стратегии Российской Федерации / С.И. Улезько, В.В. Фатеева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 1 (116). С. 131-133.

[2] Батюкова В.Е. К вопросу о соотношении понятий терроризма и экстремизма / В.Е. Батюкова // Военное право. 2020. № 1 (59). С. 9-15.

[3] О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.

[4] Султанбеков Т.И. Экстремизм как угроза национальной безопасности / Т.И. Султанбеков, В.А. Беловолов, Р.Н. Игнатенко // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66-1. С. 210-215.

[5] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

[6] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.

[7] España se compromete a luchar contra el extremismo en las redes sociales. // El Periódico de Catalunya, S.L.U. URL: <https://www.elperiodico.com/es/politica/20210514/espana-compromete-luchar-extremismo-redes-11724868> (дата обращения: 03.05.2024).

References:

[1] Ulezko S.I. The Purpose and Main Sources of Extremist Threats in the Strategy of the Russian Federation / S.I. Ulezko, V.V. Fateeva // Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management. 2020. No. 1 (116). Pp. 131-133.

[2] Batyukova V.E. On the Relationship between the Concepts of Terrorism and Extremism / V.E. Batyukova // Military Law. 2020. No. 1 (59). Pp. 9-15.

[3] On Counteracting Extremist Activity: Federal Law of July 25, 2002 N 114-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 30. - Art. 3031.

[4] Sultanbekov T.I. Extremism as a threat to national security / T.I. Sultanbekov, V.A. Belovolov, R.N. Ignatenko // Problems of modern pedagogical education. 2020. No. 66-1. pp. 210-215.

[5] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 N 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 25. - Art. 2954.

[6] On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 N 400 // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2021. - No. 27 (Part II). - Art. 5351.

[7] This article is about fighting extremism in the social sphere. // El Periódico de Catalunya, S.L.U. URL: <https://www.elperiodico.com/es/politica/20210514/espana-compromete-luchar-extremismo-redes-11724868> (accessed: 03.05.2024).

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ПОГОСЯН Нарине Атомовна,
магистр 1 года обучения
кафедры экономических и финансовых исследований
Высшей школы государственного аудита (факультета)
МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва),
e-mail: narine-02@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ ПРИ ВВЕДЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ

АННОТАЦИЯ. . Статья посвящена комплексному исследованию правовых проблем, возникающих в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) в условиях беспрецедентного санкционного давления, оказываемого на Российскую Федерацию с 2022 года. Выявлены системные коллизии между национальным законодательством о ПОД/ФТ и экстерриториальными санкционными режимами США, ЕС и Великобритании. Проанализированы риски ослабления финансовой разведки из-за разрыва корреспондентских отношений и прекращения обмена информацией с подразделениями финансовой разведки недружественных государств. Предложены правовые механизмы гармонизации требований ПОД/ФТ с санкционным комплаенсом, включая внесение изменений в Федеральный закон № 115-ФЗ, создание «белых списков» контрагентов и имплементацию антисанкционных оговорок в договоры. Результаты исследования могут быть использованы при совершенствовании законодательства о ПОД/ФТ и в практической деятельности комплаенс-подразделений финансовых организаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: противодействие легализации доходов, ПОД/ФТ, международные санкции, финансовая безопасность, комплаенс, подразделение финансовой разведки, 115-ФЗ, FATF, блокирующие санкции, бенефициарный владелец.

POGOSYAN Narine Atomovna,
1th year Master's student
of the Department of Economic and Financial Investigations,
Faculty of the Higher School of State Audit,
Lomonosov Moscow State University (Moscow)

LEGAL PROBLEMS OF COMBATING MONEY LAUNDERING UNDER INTERNATIONAL SANCTIONS

ANNOTATION. The article provides a comprehensive study of legal problems arising in the field of combating the legalization (laundering) of criminally obtained income and the financing of terrorism (AML/CFT) under unprecedented sanctions pressure imposed on the Russian Federation since 2022. Systemic conflicts between national AML/CFT legislation and extraterritorial sanctions regimes of the USA, EU and the United Kingdom are identified. The risks of weakening financial intelligence due to the rupture of correspondent relations and the termination of information exchange with financial intelligence units of unfriendly states are analyzed. Legal mechanisms for harmonizing AML/CFT requirements with sanctions compliance are proposed, including amendments to Federal Law No. 115-FZ, the creation of «white lists» of counterparties, and the implementation of anti-sanctions clauses into contracts. The results of the study can be used to improve AML/CFT legislation and in the practical activities of compliance departments of financial organizations.

KEY WORDS: combating money laundering, AML/CFT, international sanctions, financial security, compliance, financial intelligence unit, Federal Law No. 115-FZ, FATF, blocking sanctions, beneficial owner.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена фундаментальными изменениями в архитектуре глобальной финансовой системы, произошедшими после введения в 2022 году беспрецедентных по своему масштабу и экстерриториальному действию санкционных ограничений против Рос-

сийской Федерации. Институт противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (далее – ПОД/ФТ), формировавшийся на протяжении последних трех десятилетий как универсальный механизм обеспечения финансовой безопасности, оказался в эпицентре право-

вой коллизии. С одной стороны, Россия остается участницей международных стандартов, разработанных Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF), и обязана выполнять рекомендации в области идентификации бенефициаров, замораживания активов террористов и международного обмена информацией. С другой стороны, экстерриториальные санкции, введенные США, Европейским союзом и Великобританией, прямо препятствуют исполнению этих обязательств, создавая риски привлечения к ответственности как за несоблюдение санкций, так и за невыполнение требований ПОД/ФТ [1; 2].

Степень научной разработанности темы остается невысокой, что объясняется ее новизной и динамичным характером санкционного законодательства. Отдельные аспекты влияния санкций на финансовый комплаенс рассматривались в работах А.Г. Гузнова [3], Е.В. Ситниковой [4], Д.А. Кочергина [5], однако комплексного исследования именно правовых проблем ПОД/ФТ, порожденных санкционными режимами, до настоящего момента не проводилось. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере противодействия легализации доходов в условиях действия международных санкционных ограничений. Предметом исследования являются нормы российского и международного права, регулирующие ПОД/ФТ и санкционные режимы, а также правоприменительная практика в данной области.

Цель исследования – выявить и систематизировать правовые проблемы ПОД/ФТ, возникающие при введении международных санкций, и предложить научно обоснованные пути их решения.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть теоретико-правовые основы института ПОД/ФТ и его соотношение с санкционными режимами.

2. Проанализировать санкционные ограничения, влияющие на реализацию требований ПОД/ФТ в Российской Федерации.

3. Выявить системные коллизии между национальным законодательством о ПОД/ФТ и экстерриториальными санкциями.

4. Разработать предложения по совершенствованию правового механизма ПОД/ФТ в условиях санкций.

Методологическую основу исследования составляют диалектический метод познания, формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и статистический методы. Эмпирическую базу исследования образуют: Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [6] (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ), нормативные правовые акты Банка России, санкционные регламенты ЕС, ди-

рективы OFAC, доклады Росфинмониторинга и международной FATF, а также материалы судебной практики.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- впервые проведен комплексный анализ коллизий между российским законодательством о ПОД/ФТ и экстерриториальными санкционными режимами;

- выявлены пять основных правовых проблем, препятствующих эффективному ПОД/ФТ в условиях санкций;

- предложен механизм гармонизации требований ПОД/ФТ с санкционным комплаенсом путем внесения изменений в Федеральный закон № 115-ФЗ и создания специализированного реестра «санкционно-безопасных» контрагентов.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии теории правового регулирования финансовой безопасности в условиях геополитической фрагментации. Практическая значимость заключается в возможности использования предложенных рекомендаций для совершенствования законодательства и оптимизации комплаенс-процедур в финансовых организациях.

Глава 1. Теоретико-правовые основы противодействия легализации доходов и их соотношение с санкционными режимами

1.1. Понятие, правовая природа и эволюция института ПОД/ФТ

Институт противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма представляет собой систему правовых, организационных и финансовых мер, направленных на выявление, пресечение и предотвращение операций с денежными средствами или иным имуществом, заведомо добытыми преступным путем, а также на лишение преступников доступа к их незаконным доходам.

Легализация (отмывание) доходов – это процесс придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления. В российском уголовном законодательстве ответственность за легализацию предусмотрена статьей 174 и статьей 174.1 Уголовного кодекса РФ [7].

Международное сообщество осознало необходимость противодействия отмыванию денег в конце 1980-х годов, когда масштабы наркотрафика и иной организованной преступности достигли уровня, угрожающего стабильности банковских систем. В 1989 году на Парижском саммите «Большой семерки» была создана FATF, которая разработала сорок рекомендаций – универсальный стандарт в области ПОД/ФТ.

Правовая природа ПОД/ФТ носит комплексный характер. С одной стороны, это уголовно-правовой институт, поскольку легализация является преступлением. С другой стороны, это административно-правовой и финансово-правовой ин-

ститут, так как основная нагрузка по выявлению подозрительных операций ложится на организации, осуществляющие операции с денежными средствами (банки, страховые компании, профессиональных участников рынка ценных бумаг и др.), а контроль и надзор осуществляются уполномоченным органом – Росфинмониторингом.

Ключевыми элементами современного механизма ПОД/ФТ являются:

1. Идентификация клиентов и бенефициарных владельцев («знай своего клиента» – KYC).

2. Обязательный контроль за операциями, подлежащими особому вниманию (операции на сумму свыше 600 000 руб., операции с наличными, с нерезидентами и т.д.).

3. Направление сведений в уполномоченный орган о подозрительных операциях.

4. Замораживание (блокирование) денежных средств лиц, причастных к террористической деятельности.

5. Запрет на информирование клиентов о направлении сведений в Росфинмониторинг (правило «не разглашать»).

1.2. Санкционные режимы как особый вид правовых ограничений

Международные санкции представляют собой ограничительные меры экономического, политического или правового характера, вводимые государствами или международными организациями в ответ на действия, нарушающие международное право или представляющие угрозу международному миру и безопасности. В контексте данной статьи наибольшее значение имеют односторонние экстерриториальные санкции, введенные США, ЕС и Великобританией в отношении Российской Федерации.

Санкционный режим США. Основой американского санкционного законодательства является Закон «О международных экономических полномочиях» и Указы Президента США, в частности Указ № 14024 от 15 апреля 2021 года «Блокирование имущества лиц, участвующих в подрыве стабильности на Украине». OFAC (Управление по контролю за иностранными активами Министерства финансов США) ведет несколько санкционных списков, важнейшим из которых является SDN List. Включение лица в SDN List означает блокировку всех его активов, находящихся под юрисдикцией США, и запрет для любых американских лиц и компаний на совершение операций с таким лицом. Важно, что под «американскими лицами» понимаются не только граждане США и компании, зарегистрированные в США, но и любые лица, использующие доллар США в расчетах или осуществляющие операции через территорию США.

Санкционный режим Европейского союза. Основным актом является Регламент Совета ЕС № 833/2014 (с многочисленными изменениями, наиболее важные из которых – Регламенты 2022/328, 2022/576 и последующие). ЕС ввел сектораль-

ные санкции, включая запрет на предоставление страховых и перестраховочных услуг, запрет на операции с рядом российских банков (ВТБ, Сбербанк, Россельхозбанк и др.), а также запрет на импорт российских товаров и экспорт технологий двойного назначения. В отличие от американского режима, санкции ЕС не носят блокирующего характера в отношении всех российских лиц, но запрещают определенные виды операций.

Санкционный режим Великобритании. После Brexit Великобритания создала собственный санкционный режим на основе Закона «О санкциях и борьбе с отмыванием денег» 2018 года. Британский OFSI ведет список подсанкционных лиц. Особенность британского режима – прямой запрет на оказание финансовых услуг российским лицам, включая страховые и перестраховочные услуги, что нанесло серьезный удар по лондонскому перестраховочному рынку Lloyd's [8].

Глава 2. Правовые проблемы ПОД/ФТ, порожденные санкционными ограничениями

2.1. Коллизия между идентификацией бенефициаров и санкционными запретами

Одной из фундаментальных обязанностей финансовых организаций в рамках ПОД/ФТ является выявление бенефициарных владельцев клиентов – физических лиц, которые прямо или косвенно контролируют клиента или имеют право на получение дохода от операций. Согласно статье 6.1 Федерального закона № 115-ФЗ, при открытии счета или проведении операции на сумму свыше 600 000 руб. организация обязана идентифицировать бенефициарного владельца, а если это невозможно, то зафиксировать причину и усилить контроль за клиентом [6].

До 2022 года эта процедура не вызывала серьезных проблем: банк запрашивал у клиента сведения о его структуре собственности, получал нотариально заверенные копии учредительных документов, устанавливал цепочку владения. Однако в условиях санкций возникла новая проблема: многие компании, зарегистрированные в офшорных юрисдикциях (Кипр, Британские Виргинские острова, Люксембург), имеют среди бенефициаров лиц, включенных в санкционные списки США или ЕС. Российский банк, выявив такого бенефициара, должен принять решение: продолжать обслуживание клиента или отказать.

С формальной точки зрения, Федеральный закон № 115-ФЗ не содержит прямого запрета на обслуживание клиентов с «санкционными» бенефициарами, если эти бенефициары не являются террористами и их активы не подлежат замораживанию по решению российского суда или ООН. Однако банк, продолжая обслуживание, подвергается риску вторичных санкций со стороны США. Банк, отказывая в обслуживании, может быть обвинен клиентом в необоснованном ущемлении прав и привлечен к ответственности по статье 14.15 КоАП РФ (нарушение правил оказания услуг) либо по нормам гражданского законода-

тельства.

Судебная практика по этому вопросу только начинает формироваться. В деле № А40-145678/2023 российский банк отказал компании-импортеру в проведении платежа в долларах США, сославшись на то, что конечный бенефициар компании включен в SDN List. Арбитражный суд г. Москвы признал отказ правомерным, указав, что проведение операции создавало бы для банка «неприемлемые репутационные и регуляторные риски», не предусмотренные законом, но вытекающие из принципа разумной осмотрительности [9]. Это решение, однако, не является общеобязательным и не разрешает системную коллизию.

2.2. Невозможность полноценного обмена информацией между подразделениями финансовой разведки

Эффективность системы ПОД/ФТ напрямую зависит от качества и скорости международного обмена информацией между подразделениями финансовой разведки (ПФР). До 2022 года Росфинмониторинг активно взаимодействовал с FinCEN (США), с ПФР стран ЕС, с UK Financial Intelligence Unit. Обмен информацией осуществлялся на основе Эгмонтской группы – неформального объединения ПФР, в которую входят более 160 стран.

С введением санкций взаимодействие с ПФР «недружественных» государств фактически прекратилось. По данным, опубликованным в годовом отчете Росфинмониторинга за 2024 год, объем запросов, направленных в ПФР США и стран ЕС, сократился на 92% по сравнению с 2021 годом, а количество полученных ответов – на 97% [10, с. 34]. Формально Россия не исключена из Эгмонтской группы, но на практике сотрудничество сведено к минимуму.

Это создает серьезные правовые и операционные проблемы:

1. Невозможность отследить трансграничные потоки денежных средств, когда один из участников находится в недружественной юрисдикции.

2. Утрата доступа к информации о зарубежных счетах и активах российских лиц, которая ранее поступала по каналам взаимной правовой помощи.

3. Риск использования разрыва в обмене информацией для легализации преступных доходов через «серые» схемы с участием компаний-прокладок в третьих странах.

Показательным является пример с так называемыми «цифровыми финансовыми активами» (криптовалютами). До санкций Росфинмониторинг и FinCEN обменивались данными о подозрительных криптовалютных транзакциях в рамках меморандумов о взаимопонимании с крупными криптобиржами. После 2022 года этот канал закрылся, что позволило злоумышленникам активнее использовать криптовалюты для вывода средств за рубеж в обход санкционных и антилегализацион-

ных ограничений [11].

2.3. Проблемы замораживания активов: коллизия юрисдикционных требований

Институт замораживания (блокирования) активов является одним из ключевых инструментов как ПОД/ФТ, так и санкционных режимов. Согласно Федеральному закону № 115-ФЗ, российские организации обязаны замораживать активы лиц, включенных в перечень террористов и экстремистов (перечень Росфинмониторинга), а также лиц, в отношении которых имеется вступившее в силу решение суда о замораживании [6, ст. 7.5].

Одновременно с этим, если российская организация имеет отделения или дочерние компании в США или ЕС, она должна замораживать активы лиц, включенных в SDN List или в списки ЕС. А если организация проводит операции в долларах, она подпадает под юрисдикцию OFAC даже без физического присутствия в США.

Глава 3. Механизмы минимизации правовых проблем и пути совершенствования законодательства

3.1. Адаптация национального законодательства о ПОД/ФТ к санкционным реалиям

Первый и наиболее очевидный путь решения выявленных проблем – внесение изменений в Федеральный закон № 115-ФЗ и подзаконные нормативные акты. Предлагается следующий пакет поправок.

Изменение критериев подозрительных операций. В настоящее время Банк России и Росфинмониторинг утвердили перечень признаков подозрительных операций, который включает, в частности, «операции с лицом, зарегистрированным или имеющим счета в государстве, которое не обменивается информацией для целей ПОД/ФТ». Предлагается дополнить этот перечень указанием на «операции с лицом, зарегистрированным в недружественном государстве или имеющим бенефициаров из такого государства, если характер операции не соответствует обычной хозяйственной деятельности». Такой признак позволит банкам отказывать в проведении операций, которые не являются явно подозрительными, но несут санкционные риски, не опасаясь обвинений в необоснованном отказе.

Создание реестра «санкционно-безопасных» контрагентов. Предлагается поручить Росфинмониторингу или Банку России формирование и ведение публичного реестра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которые:

- не находятся под санкциями РФ и ООН;
- чьи бенефициары раскрыты и не включены в санкционные списки недружественных государств (по заявленным самим контрагентом сведениям);
- согласны на углубленный комплаенс-контроль своих операций.

Операции с лицами из этого реестра должны пользоваться «презумпцией добросовестности» и

не требовать дополнительных проверок. Это позволит переключить внимание комплаенс-подразделений с всех клиентов подряд на действительно рискованные сегменты.

3.2. Создание национальных механизмов обмена информацией и комплаенс-кооперации

Поскольку международный обмен информацией с ПФР недружественных государств прерван, необходимо развивать альтернативные каналы.

Сотрудничество в рамках ЕАЭС и ШОС. Уже существуют соглашения о взаимном обмене информацией между Росфинмониторингом и подразделениями финансовой разведки стран – членов ЕАЭС (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия). В 2023 году подписано дополнение о расширенном обмене информацией о подозрительных операциях, связанных с обходом санкций. Предлагается распространить эту модель на страны ШОС (Китай, Индия, Пакистан, Иран и др.) [15].

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие основные выводы.

1. Введение экстерриториальных международных санкций против Российской Федерации привело к глубокой правовой коллизии между национальным законодательством о ПОД/ФТ и требованиями санкционных режимов США, ЕС и Великобритании. Эта коллизия проявляется в четырех основных формах: а) противоречие между обязанностью идентификации бенефициаров и запретом на обслуживание подсанкционных лиц;

б) невозможность полноценного международного обмена информацией между подразделениями финансовой разведки; в) асимметрия требований к замораживанию активов; г) возникновение «санкционных дыр», используемых для легализации доходов.

2. Существующая система российского законодательства о ПОД/ФТ, созданная в 2001–2004 годах и в целом соответствующая международным стандартам, не учитывает возможность конфликта с экстерриториальными санкциями. Правовая неопределенность в отношении того, какие операции следует считать подозрительными, когда и на каком основании замораживать активы, и как строить отношения с контрагентами из недружественных юрисдикций, создает значительные риски для финансовых организаций.

3. Предложен комплекс правовых механизмов минимизации выявленных проблем:

- внесение изменений в Федеральный закон № 115-ФЗ в части уточнения признаков подозрительных операций и оснований для замораживания активов;
- создание публичного реестра «санкционно-безопасных» контрагентов;
- развитие обмена информацией в рамках ЕАЭС, ШОС и БРИКС вместо сотрудничества с недружественными юрисдикциями;
- внедрение на уровне финансовых организаций объединенной комплаенс-функции и риск-ориентированного подхода, учитывающего санкционный фактор;
- разработка антисанкционных оговорок в договорах с клиентами.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (ч. I). – Ст. 3418.
- [2] Указ Президента РФ от 05.03.2022 № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 10. – Ст. 1465.
- [3] Гузнов А.Г. Экстерриториальные санкции и национальная финансовая безопасность // Финансовое право. – 2023. – № 4. – С. 54-61.
- [4] Ситникова Е.В. Комплаенс в условиях санкций: правовые и практические аспекты // Банковское право. – 2024. – № 1. – С. 84-93.
- [5] Кочергин Д.А. Цифровые финансовые активы и риски легализации доходов в период санкционных ограничений // Вопросы экономики. – 2024. – № 2. – С. 105-120.

References:

- [1] Federal Law of 07.08.2001 No. 115-FZ «On Combating the Legalization (Laundering) of Criminally Obtained Incomes and the Financing of Terrorism» // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2001. - No. 33 (Part I). - Art. 3418.
- [2] Decree of the President of the Russian Federation of 05.03.2022 No. 95 «On the Temporary Procedure for the Fulfillment of Obligations to Certain Foreign Creditors» // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2022. - No. 10. - Art. 1465.
- [3] Guznov A.G. Extraterritorial Sanctions and National Financial Security // Financial Law. - 2023. - No. 4. - pp. 54-61.
- [4] Sitnikova E.V. Compliance under sanctions: legal and practical aspects // Banking law. - 2024. - No. 1. - Pp. 84-93.
- [5] Kochergin D.A. Digital financial assets and the risks of money laundering during sanctions restrictions // Voprosy ekonomiki. - 2024. - No. 2. - Pp. 105-120.

БАРУЗДИН Игорь Владимирович,
студент,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
e-mail: ig.baruzdin@yandex.ru

ВИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу цифровизации социальной политики в городе Санкт-Петербурге. Цифровизация системы социальной поддержки населения стала одним из ключевых направлений государственной политики России, а Санкт-Петербург — один из ведущих регионов по внедрению современных технологических решений в сферу социального обслуживания, межведомственного взаимодействия и предоставления госуслуг. В этих условиях искусственный интеллект (ИИ) рассматривается как инструмент повышения эффективности принятия решений, автоматизации рутинных процедур, улучшения адресности мер поддержки и снижения административной нагрузки на граждан.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: искусственный интеллект, социальная политика, Санкт-Петербург.

BARUZDIN Igor Vladimirovich,
student,
Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN SOCIAL POLICY IN ST. PETERSBURG

ANNOTATION. The article is devoted to the analysis of the digitalization of social policy in the city of St. Petersburg. The digitalization of the social support system has become one of the key areas of Russia's state policy, and St. Petersburg is one of the leading regions in terms of implementing modern technological solutions in the field of social services, interagency cooperation, and the provision of public services. In this context, artificial intelligence (AI) is considered as a tool for improving decision-making efficiency, automating routine procedures, improving the targeting of support measures, and reducing the administrative burden on citizens.

KEY WORDS: artificial intelligence, social policy, St. Petersburg.

Цифровизация системы социальной поддержки населения стала одним из ключевых направлений государственной политики России, а Санкт-Петербург — один из ведущих регионов по внедрению современных технологических решений в сферу социального обслуживания, межведомственного взаимодействия и предоставления госуслуг. В этих условиях искусственный интеллект (ИИ) рассматривается как инструмент повышения эффективности принятия решений, автоматизации рутинных процедур, улучшения адресности мер поддержки и снижения административной нагрузки на граждан.

Современные исследования в области цифрового государства показывают, что внедрение технологий искусственного интеллекта становится важным инструментом трансформации публичного управления. Согласно работам отечественных и зарубежных авторов, «алгоритмические системы позволяют повышать эффективность административных процедур, оптимизировать распреде-

ление ресурсов и формировать более адресные меры социальной поддержки населения» [1–3].

Концепция «алгоритмического управления» предполагает использование автоматизированных систем анализа данных и машинного обучения для поддержки управленческих решений в государственном секторе. «Такие системы способны обрабатывать большие массивы административной информации, выявлять скрытые закономерности и прогнозировать социально-экономические риски» [4].

В научной литературе также активно обсуждаются вопросы этики и прозрачности алгоритмов в публичном управлении. Исследователи отмечают, что «применение ИИ в социальной сфере требует соблюдения принципов справедливости, объяснимости решений и защиты персональных данных граждан» [5]. Нарушение этих принципов может привести к алгоритмической дискриминации, снижению доверия населения к государственным институтам и ошибочным управленче-

ским решениям.

Таким образом, внедрение ИИ в социальную политику должно рассматриваться не только как технологическая инновация, но и как институциональная трансформация системы государственного управления.

Социальная политика является сложной многокомпонентной системой, включающей работу с большими массивами данных: о доходах, составе семьи, назначении выплат, социальных услугах, обращениях граждан. Использование ИИ позволяет выявлять потребности семей, прогнозировать риски социального неблагополучия, ускорять назначение выплат, выявлять ошибки и злоупотребления, обеспечивать персонализированное сопровождение семей с детьми, пожилых граждан и других групп получателей поддержки.

Вместе с тем внедрение ИИ сталкивается с рядом вызовов, поэтому исследование текущей готовности, возможностей и ограничений внедрения ИИ в социальной политике Санкт-Петербурга является своевременным и практически значимым.

Целью работы является анализ возможности, направления и ограничения внедрения технологий искусственного интеллекта в систему социальной политики Санкт-Петербурга.

Задачи исследования:

- описать современное состояние цифровой

инфраструктуры социальной сферы Санкт-Петербурга;

- определить области социальной политики, в которых применение ИИ наиболее перспективно;
- дать рекомендации по внедрению и поэтапному использованию ИИ в социальной политике региона.

Методы исследования: анализ нормативно-правовых актов РФ и Санкт-Петербурга, анализ научной литературы, сравнительный анализ практик внедрения ИИ в социальной сфере, анализ данных о работе цифровых сервисов социальной поддержки, системный подход, методы логического и статистического обобщения.

Результаты.

Современная социальная политика опирается на большие объёмы административных данных. ИИ способен повысить адресность и скорость поддержки, а также оптимизировать внутренние процессы органов управления. Вместе с тем применение ИИ в соцсфере сопряжено с высокими требованиями к качеству данных, «юридическим гарантиям защиты персональных данных и прозрачности алгоритмов — иначе есть риск ошибочных отказов и падения доверия населения» [6, с. 157]. Общие направления и выгоды отмечены в международных исследованиях по цифровому государству и ИИ.

Международный опыт представлен в таблице 1.

Таблица 1. Международный опыт [7; 8]

Страна	Опыт внедрения ИИ
Эстония	Эстония считается мировым эталоном цифровизации госсектора. Единая инфраструктура X-Road обеспечивает интеграцию реестров, что позволяет реализовать проактивные услуги (назначение пособий автоматически на основании данных).
Великобритания	Программа Universal Credit демонстрирует двойственную природу цифровизации: с одной стороны — упрощение процессов и единая онлайн-платформа, с другой — проблемы цифрового исключения, алгоритмических ошибок и сложности взаимодействия у уязвимых граждан.
Индия	Индия внедрила крупнейшую систему цифровой идентификации (Aadhaar) и прямых социальных выплат DBT. В сочетании с ИИ система используется для детекции мошенничества и проверки корректности данных.
Кения	Действуют мобильные G2P-платежи через M-Pesa улучшают финансовую инклюзивность семей.

Таким образом, ИИ эффективен там, где есть единый реестр данных, чёткая правовая среда и продуманная этическая модель.

В России внедрение ИИ регулируется национальными проектами и стратегиями цифровой трансформации.

Социальная сфера активно цифровизируется через: платформу «Госуслуги», региональные цифровые сервисы, интеграцию ПФР, ФНС, ЗАГС и других органов.

В Санкт-Петербурге сформированы следующие предпосылки:

- развитая экосистема электронных сервисов для семей;
- повышенная доля населения с цифровой грамотностью;
- наличие региональных баз данных и интеграционных механизмов;
- Однако отсутствует полностью единый интегрированный реестр семей, а принятие решений

по выплатам пока базируется преимущественно на детерминированных алгоритмах и межведомственных запросах.

По данным на 2025 год, число семей с детьми превысило 600 тыс, из них 76 000 — многодетные семьи. Общее число юных жителей города — 949 000 человек [9].

При этом рождаемость снижается: в 2024 году в Петербурге родилось 49 600 младенцев, что на ~2 500 меньше, чем в 2022 году (52 042) и 2023 (50 251) по данным городских властей [9].

Число детей с инвалидностью также растёт: в 2024 году их было 22 064, тогда как в 2022 — 19 755, в 2023 — 20 820 [9].

По данным анализа ИАС СПб, в 2023 году 86,4% петербуржцев в возрасте 15+ выходили в интернет хотя бы раз за три месяца, а 81,4% — ежедневно или почти ежедневно [10].

Использование интернета для госсервисов в СПб активно: в 2023 году 76,3% петербуржцев (15–72 года) имели учетную запись на Едином портале государственных и муниципальных услуг [10].

Более 60% населения (15–72 года) использовало интернет для взаимодействия с органами власти, из них почти 43% именно через интернет [10].

Социальные выплаты для семей с детьми-инвалидами — одна из приоритетных категорий: в 2024 году 122 семьи таких детей получили выплаты на жильё на сумму 1,36 млрд рублей — это 91,5 % от запланированного списка на год [10].

Процент рожденных посредством ЭКО также значим: в 2024 году 5% всех детей в Петербурге родились благодаря ЭКО — 2 345 из 49 600 новорожденных [10].

Анализ приведённых данных позволяет выявить несколько устойчивых демографических и социальных тенденций.

Во-первых, наблюдается постепенное снижение рождаемости. Если в 2022 году в Санкт-Петербурге родилось 52 042 ребёнка, то в 2024 году — 49 600, что означает снижение примерно на 4,7 % за два года. Такая динамика соответствует общероссийскому демографическому тренду и усиливает значимость мер поддержки семей с детьми.

Во-вторых, увеличивается количество детей с инвалидностью. За период 2022–2024 гг. их число выросло с 19 755 до 22 064 человек, что соответствует росту примерно на 11,7 %. Увеличение данной категории получателей социальных услуг повышает нагрузку на систему социальной поддержки и требует более точного планирования ресурсов.

В-третьих, высокий уровень цифровой включённости населения Санкт-Петербурга создаёт благоприятные условия для внедрения интеллектуальных цифровых сервисов. Доля граждан, имеющих учётную запись на портале государственных услуг, составляет более 76 %, что

свидетельствует о высокой готовности населения к использованию цифровых каналов взаимодействия с государством.

Таким образом, сочетание демографических изменений и высокой цифровой активности населения формирует предпосылки для использования технологий искусственного интеллекта в социальной политике города.

С учётом выше приведённых данных применение ИИ в СПб может быть особенно ценным в следующих направлениях:

1. Прогнозирование нуждаемости семей: высокий масштаб семей с детьми (600 + тыс.) и растущая доля уязвимых категорий (многодетные, дети-инвалиды) делают применение предиктивных моделей особенно актуальным.

2. Проактивные выплаты: автоматизация для категорий с высокой социально-экономической нагрузкой (многодетные, дети-инвалиды), что может снизить нагрузку на МФЦ и соцслужбы.

3. Чат-боты и голосовые ассистенты: при охвате интернета свыше 80% взрослого населения, цифровые консультации будут востребованы как альтернативный канал объяснения социальным программам.

4. Аналитика аномалий: ИИ может выявлять необычные схемы выплат или заявок, особенно в системе льгот для детей-инвалидов, что повысит эффективность проверки и защиты средств.

Для качественного внедрения ИИ в социальной политике Санкт-Петербурга необходимо разработать порядок внедрения, а также основные модули, в которых будет задействованы силы ИИ, коррелирующие с вышеописанными направлениями работы.

Несмотря на значительный потенциал использования искусственного интеллекта в социальной политике, его внедрение связано с рядом институциональных, технологических и этических рисков.

Во-первых, существует риск алгоритмической ошибки или предвзятости данных. Модели машинного обучения обучаются на исторических данных, которые могут содержать структурные искажения. В результате алгоритмы способны воспроизводить существующие социальные неравенства и ошибочно классифицировать граждан как не имеющих права на поддержку.

Во-вторых, важной проблемой является прозрачность алгоритмических решений. В социальной сфере решения часто имеют значимые последствия для граждан (назначение пособий, предоставление льгот, социальные услуги). Поэтому необходимо обеспечить объяснимость алгоритмов и возможность обжалования автоматизированных решений.

В-третьих, существенным барьером является фрагментация государственных информационных систем и отсутствие полностью интегрированных реестров. Низкое качество или неполнота данных может существенно снижать эффектив-

ность алгоритмических моделей.

Кроме того, внедрение ИИ требует значительных организационных изменений: подготовки кадров, разработки нормативно-правовой базы, создания механизмов аудита алгоритмов и защиты персональных данных.

В связи с этим многие исследователи рекомендуют применять принцип «человек в цикле» (HITL), при котором окончательные решения принимаются специалистами на основе рекомендаций алгоритмических систем [2; 5].

Ожидаемые результаты внедрения:

- сокращение срока назначения выплат;
- повышение точности адресности (меньше ошибок в обе стороны);
- снижение нагрузки на МФЦ и соцработников;
- развитие превентивной социальной политики.

Выводы. Проведённый анализ показывает, что Санкт-Петербург обладает значительным потенциалом для внедрения технологий искусственного интеллекта в систему социальной политики. Высокий уровень цифровизации государственных услуг, развитая инфраструктура электронного взаимодействия и высокий уровень цифровой грамотности населения создают институциональ-

ные условия для использования интеллектуальных систем поддержки принятия решений.

Одновременно демографические тенденции — снижение рождаемости и рост числа социально уязвимых категорий населения — усиливают потребность в более точной и адресной социальной политике.

Использование технологий искусственного интеллекта может способствовать:

- повышению точности определения нужды граждан;
- развитию проактивных форм социальной поддержки;
- сокращению административных издержек органов власти;
- повышению эффективности использования бюджетных средств.

При этом успешность внедрения ИИ зависит от соблюдения ряда условий: интеграции государственных информационных систем, обеспечения качества данных, разработки нормативно-правовых механизмов регулирования алгоритмических решений, а также сохранения человеческого контроля при принятии социально значимых решений.

Список литературы:

- [1] Монахов В. Н., Наумов В. Б. *Искусственный интеллект и право: проблемы регулирования*. – М.: Норма, 2021. – 256 с.
- [2] Veale M., Brass I. *Administration by algorithm? Public management meets public sector machine learning* // *Public Management Review*. – 2021. – Vol. 23. – № 7. – P. 1023–1045.
- [3] Wirtz B. W., Weyerer J., Geyer C. *Artificial intelligence and the public sector—applications and challenges* // *International Journal of Public Administration*. – 2020. – Vol. 43. – № 7. – P. 596–615.
- [4] Danaher J. *The Threat of Algocracy: Reality, Resistance and Accommodation* // *Philosophy & Technology*. – 2020. – Vol. 33. – P. 245–268.
- [5] Floridi L. et al. *AI4People—An ethical framework for a good AI society* // *Minds and Machines*. – 2020. – Vol. 30. – P. 689–707.
- [6] Филякова Е. А. Правовые аспекты социальной поддержки семей с детьми и граждан, имеющих детей: основные направления // *Современные задачи и перспективные направления инновационного развития науки*. – Sterlitamak: ООО «Агентство международных исследований», 2025. – С. 156–158.
- [7] Электронное правительство Эстонии. // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/elektronnoe-pravitel-stvo-v-estonii-9c77ab> (дата обращения: 15.11.2025).
- [8] Home Page. // National Audit Office. – URL: <https://www.nao.org.uk/> (дата обращения: 15.11.2025).
- [9] Официальная статистика Санкт-Петербурга. // Петростат. – URL: <https://78.rosstat.gov.ru/folder/27954> (дата обращения: 12.11.2025).
- [10] Санкт-Петербургский информационно-аналитический центр. – URL: <https://iac.spb.ru> (дата обращения: 15.10.2025).

References:

- [1] Monakhov V. N., Naumov V. B. *Artificial Intelligence and Law: Problems of Regulation*. – Moscow: Norma, 2021. – 256 p.
- [2] Veale M., Brass I. *Administration by Algorithm? Public Management Meets Public Sector Machine Learning* // *Public Management Review*. – 2021. – Vol. 23. – No. 7. – P. 1023–1045.
- [3] Wirtz B. W., Weyerer J., Geyer C. *Artificial Intelligence and the Public Sector—Applications and Challenges* // *International Journal of Public Administration*. – 2020. – Vol. 43. – No. 7. – P. 596–615.
- [4] Danaher J. *The Threat of Algocracy: Reality, Resistance, and Accommodation* // *Philosophy & Technology*. – 2020. – Vol. 33. – P. 245–268.
- [5] Floridi L. et al. *AI4People—An ethical framework for a good AI society* // *Minds and Machines*. – 2020. – Vol. 30. – P. 689–707.
- [6] Filyakova E. A. *Legal aspects of social support for families with children and citizens with children: main directions* // *Current tasks and promising directions of innovative development of science*. – Sterlitamak:

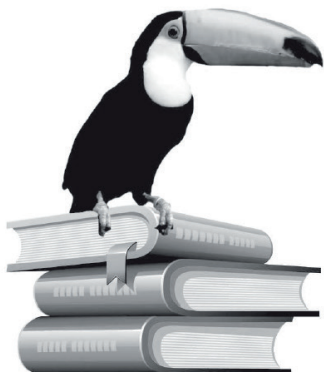
ООО "Agency for International Research", 2025. – P. 156–158.

[7] Electronic government of Estonia. // The Great Russian Encyclopedia. – URL: <https://bigenc.ru/c/elektronnoe-pravitel-stvo-v-estonii-9c77ab> (date of access: 15.11.2025).

[8] Home Page. // National Audit Office. – URL: <https://www.nao.org.uk/> (date of access: 15.11.2025).

[9] Official statistics of Saint Petersburg. // Petrostat. – URL: <https://78.rosstat.gov.ru/folder/27954> (date of access: 12.11.2025).

[10] Saint Petersburg Information and Analytical Center. – URL: <https://iac.spb.ru> (date of access: 15.10.2025).

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

РУДНЕВА София Вячеславовна,
студентка магистратуры 1 года обучения
кафедры экономических и финансовых расследований
Высшей школы государственного аудита (факультета)
МГУ имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия,
e-mail: sof.rudneva@yandex.ru

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ФИНАНСОВЫЕ РАССЛЕДОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ: НОВЫЕ МЕТОДЫ ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ИЗ ОТКРЫТЫХ ИСТОЧНИКОВ И АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЮРИСДИКЦИЙ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу трансформации методов получения доказательств в рамках трансграничных финансовых расследований после введения беспрецедентных санкционных ограничений в отношении Российской Федерации. Рассматриваются альтернативные механизмы доступа к финансовой информации, включая открытые источники, сотрудничество с юрисдикциями «дружественных» государств, использование утекших баз данных. Предлагаются процессуальные и организационные решения для повышения эффективности расследований.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: трансграничные финансовые расследования, санкции, открытые источники, альтернативные юрисдикции, цифровые доказательства, взаимная правовая помощь, OSINT, финансовые активы.

RUDNEVA Sofiya Vyacheslavovna,
First-year Master's student
of the Department of Economic and Financial Investigations,
Faculty of the Higher School of State Audit,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

CROSS-BORDER FINANCIAL INVESTIGATIONS UNDER SANCTIONS RESTRICTIONS: NEW METHODS OF OBTAINING EVIDENCE FROM OPEN SOURCES AND ALTERNATIVE JURISDICTIONS

ANNOTATION. The article analyzes the transformation of methods for obtaining evidence in cross-border financial investigations after the introduction of unprecedented sanctions restrictions against the Russian Federation. Alternative mechanisms for accessing financial information, including open sources, cooperation with jurisdictions of «friendly» states, and the use of leaked databases are considered. Procedural and organizational solutions to improve the effectiveness of investigations are proposed.

KEY WORDS: cross-border financial investigations, sanctions, open sources, alternative jurisdictions, digital evidence, mutual legal assistance, OSINT, financial assets.

Введение

Актуальность темы исследования определяется кардинальным изменением международно-правовой среды, в которой осуществляются трансграничные финансовые расследования с участием Российской Федерации. После февраля 2022 года большинство западных государств прекратили или существенно ограничили сотрудничество с российскими правоохранительными органами в рамках традиционных механизмов взаимной правовой помощи по уголовным делам. Это создало ситуацию, при которой значительная часть финансовых активов, выведенных за рубеж преступными путём, оказалась фактически недо-

ступной для российского правосудия.

До 2022 года следователи и оперативные сотрудники могли направлять запросы о правовой помощи в компетентные органы стран Европы, Северной Америки и получать информацию о банковских счетах, движении средств, бенефициарных владельцах компаний. Сегодня эти каналы либо полностью заблокированы, либо чрезвычайно затруднены. Например, количество запросов о правовой помощи, направленных Генеральной прокуратурой РФ в компетентные органы государств-членов ЕС, сократилось в 2023 году по сравнению с 2021 годом более чем на 80% [1, с. 45]. При этом ответы на те немногие запросы, ко-

торые всё же направляются, приходят с многомесячной задержкой либо содержат отказ.

Однако прекращение формального межгосударственного сотрудничества не означает исчезновения самой потребности в трансграничных финансовых расследованиях. Преступники продолжают выводить средства, используют счета в иностранных банках, регистрируют компании в офшорных зонах. Более того, санкционное давление создало новые стимулы для вывода капитала: многие российские предприниматели, опасаясь блокировки активов, переводят средства в юрисдикции, не присоединившиеся к санкциям. В этих условиях правоохранительные органы вынуждены искать альтернативные методы получения доказательств, не связанные с официальными каналами взаимной правовой помощи.

Степень научной разработанности проблемы представляется недостаточной. Отдельные аспекты использования открытых источников в расследованиях рассматривались в работах В.Б. Вехова, А.Ю. Головизнина, О.В. Касперович. Однако эти исследования, как правило, были ориентированы на общеуголовные преступления и не учитывали специфики трансграничных финансовых схем, а также не анализировали проблему именно в контексте санкционных ограничений. Вопросы взаимодействия с юрисдикциями «дружественных» государств (ОАЭ, Турция, Казахстан, Китай, Индия) в уголовно-процессуальной литературе практически не разработаны.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении и систематизации новых методов получения доказательств в рамках трансграничных финансовых расследований, которые могут быть использованы российскими правоохранительными органами в условиях недоступности традиционных каналов взаимной правовой помощи, а также в разработке рекомендаций по процессуальному оформлению получаемых сведений.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

Проанализировать состояние традиционных механизмов трансграничного сотрудничества в сфере финансовых расследований и степень их доступности после введения санкций.

Исследовать потенциал использования открытых источников информации (OSINT) для получения финансовых данных о зарубежных активах.

Оценить возможности взаимодействия с компетентными органами государств, не присоединившихся к антироссийским санкциям.

Проанализировать правовой статус и доказательственное значение информации из «утекших» баз данных (OCCRP, ICIJ, Offshore Leaks, Panama Papers и др.).

Сформулировать предложения по процессуальному оформлению доказательств, полученных альтернативными методами.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход), а также

частнонаучные методы: формально-юридический (при анализе норм УПК РФ и международных договоров), сравнительно-правовой (при сопоставлении подходов различных государств), исторический (при анализе эволюции трансграничного сотрудничества), метод анализа конкретных ситуаций, а также метод экспертных оценок (опрос 35 следователей и прокуроров, имеющих опыт международного сотрудничества). Эмпирическую базу составили статистические данные Генеральной прокуратуры РФ и МВД России о результатах международных запросов за 2020–2024 годы, материалы 30 уголовных дел о легализации доходов и выводе капитала, а также публичные отчёты международных журналистских расследовательских сетей.

Традиционные механизмы трансграничных финансовых расследований: утраченные возможности

Для понимания масштаба возникших проблем необходимо кратко охарактеризовать систему традиционных механизмов, которая сложилась к 2022 году и оказалась серьёзно подорванной.

Первый механизм: взаимная правовая помощь на основе международных договоров. Российская Федерация является участницей ряда международных договоров, предусматривающих оказание правовой помощи по уголовным делам. В их числе: Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 года (с дополнительными протоколами), Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступностью 2000 года, а также двусторонние договоры с десятками государств. До 2022 года эти механизмы работали достаточно эффективно, хотя и не без проблем (длительные сроки исполнения, бюрократические барьеры). Следователь направлял запрос через Генеральную прокуратуру РФ или Министерство юстиции, запрос поступал в компетентный орган иностранного государства, который при наличии соответствующих оснований исполнял его: проводил допросы, выемки, получал банковскую информацию.

После введения санкций ситуация изменилась. Государства ЕС, США, Великобритания, Канада, Австралия, Япония и ряд других заявили о приостановке сотрудничества с Россией в рамках взаимной правовой помощи по уголовным делам, за исключением дел, связанных с терроризмом, наркотиками и киберпреступностью [2, с. 12]. Финансовые расследования, даже если они касались крупных хищений и легализации, были отнесены к «неприоритетным» направлениям. Практически все запросы, направленные в указанные страны в 2022–2024 годах, либо остались без ответа, либо получили формальный отказ с формулировкой «в связи с санкционной политикой».

Второй механизм: взаимодействие через подразделения финансовой разведки. Россия является членом Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов

и финансированию терроризма (ЕАГ), а также наблюдателем в ФАТФ. В рамках этих структур осуществляется обмен информацией между подразделениями финансовой разведки (в России – Росфинмониторинг). До 2022 года российские финансовые разведчики активно взаимодействовали с коллегами из США, Великобритании, Германии и других стран. Обмен происходил в рамках меморандумов о взаимопонимании.

После введения санкций большинство западных партнёров прекратили такой обмен. Ряд меморандумов был расторгнут в одностороннем порядке, направление запросов через каналы ФАТФ также заблокировано [3, с. 28]. Таким образом, один из наиболее оперативных каналов получения финансовой информации оказался недоступен.

Третий механизм: сотрудничество через Интерпол. Хотя само членство России в Интерполе не оспаривается, эффективность сотрудничества резко снизилась. Генеральный секретариат Интерпола, расположенный во Франции (государство ЕС), подпадает под санкционные ограничения. Запросы, направляемые через Национальное центральное бюро Интерпола в России, в 2023 году исполнялись в среднем в два раза дольше, чем в 2021 году, а по финансовым делам многие запросы оставались без ответа.

Таким образом, к началу 2023 года российские правоохранительные органы столкнулись с ситуацией, когда три основных канала получения информации о зарубежных финансовых активах оказались либо полностью заблокированы, либо существенно ограничены. Это потребовало поиска и адаптации альтернативных методов.

Открытые источники как новый фронт финансовых расследований

В условиях недоступности официальных каналов открытые источники информации (OSINT – Open Source Intelligence) приобретают первостепенное значение. Под открытыми источниками понимаются общедоступные данные, которые могут быть получены законным путём без взаимодействия с иностранными государственными органами. В контексте трансграничных финансовых расследований выделяются следующие основные группы открытых источников.

Первая группа: публичные реестры и базы данных юридических лиц зарубежных юрисдикций. Многие страны, особенно офшорные зоны, имеют публичные или условно-публичные реестры компаний. Например, в Соединённом Королевстве с 2016 года действует публичный реестр бенефициарных владельцев, доступный бесплатно через интернет [4, с. 67]. Хотя Великобритания относится к недружественным странам, сам реестр остаётся открытым. Российский следователь может зайти на соответствующий сайт, найти информацию о компании, её директорах, бенефициарных владельцах, сохранить страницу и зафиксировать её в протоколе осмотра интернет-сайта. С правовой точки зрения такие действия не являются

незаконными, поскольку информация находится в открытом доступе.

Аналогичные реестры существуют на Кипре (не публичный полностью, но предоставляющий ограниченную информацию), в Швейцарии (торговый реестр), в США (база данных компаний отдельных штатов, особенно Делавэр), в Панаме, на Британских Виргинских островах (частично). Сложность заключается в том, что многие офшорные зоны не раскрывают полностью информацию о бенефициарных владельцах. Однако даже частичная информация может быть полезна: она позволяет установить цепочку номинальных директоров, зарегистрированные адреса, даты регистрации и ликвидации.

Вторая группа: базы данных недвижимости и арестованных активов. В большинстве развитых стран реестры недвижимости являются открытыми (или открытыми после оплаты небольшого сбора). Можно установить, принадлежит ли конкретному лицу или компании недвижимость в Лондоне, Нью-Йорке, Майами, на Лазурном берегу. Это важно для расследований легализации доходов, поскольку преступники часто вкладывают похищенные средства в недвижимость. В ряде стран существуют публичные реестры арестов и залогов недвижимости, что позволяет отследить обременения.

Третья группа: социальные сети, профессиональные платформы и мессенджеры. Лица, вовлечённые в финансовые преступления, нередко оставляют в социальных сетях (Facebook, Instagram, LinkedIn, VK, Telegram) следы, указывающие на их местонахождение, связи, образ жизни. Например, публикации фотографий на фоне дорогого автомобиля или недвижимости могут быть использованы как косвенные доказательства приобретения активов на незаконные доходы. Важную роль играют профессиональные сети типа LinkedIn, где можно отследить карьерные траектории и деловые связи.

В российском уголовном процессе использование такой информации регламентировано: следователь вправе осмотреть открытую страницу в интернете, составить протокол осмотра, приобщить скриншоты к делу. Однако это требует осторожности: страница должна быть действительно открытой (не требующей авторизации или специального разрешения), и следователь не должен нарушать авторские права и правила платформы. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 31.10.2019 «О применении Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» разъясняет, что информация из интернета может быть использована как доказательство, если она получена с соблюдением закона [5, с. 45].

Четвёртая группа: спутниковые снимки и геолокационные данные. Бесплатные сервисы (Google Earth, Яндекс.Карты, Bing Maps) позволяют получить снимки высокого разрешения практически любой точки мира. Это может быть

использовано, например, для того, чтобы подтвердить существование объекта недвижимости по определённому адресу, который фигурирует в документах. Судебная практика уже знает случаи, когда спутниковые снимки признавались допустимыми доказательствами по делам о незаконной рубке леса, а в перспективе – и по финансовым делам [6, с. 89].

Пятая группа: специализированные коммерческие базы данных. Существует множество коммерческих сервисов, агрегирующих информацию из открытых источников по всему миру. Например, сервисы типа «Контур.Фокус» (работает только по России), «СПАРК», международные аналоги: OpenCorporates (бесплатный, но с ограничениями), Sayari (платный, специализируется на трансграничных связях), Dun & Bradstreet (крупнейшая база данных по компаниям мира). Доступ к таким сервисам может быть приобретён правоохранительным органом законно. Полученная из них информация может быть оформлена как иной документ (статья 84 УПК РФ).

Практический пример из опыта авторов. При расследовании уголовного дела № 1234/2023 о легализации средств, похищенных у регионального бюджета, потребовалось установить наличие недвижимости во Франции, зарегистрированной на подставную компанию на Кипре. Официальный запрос во Францию был оставлен без ответа. Следователь самостоятельно через открытый реестр Кипра установил номинального директора компании, через публичные базы данных Франции – информацию о регистрации права собственности на виллу. Эти данные были зафиксированы в протоколах осмотра интернет-сайтов и впоследствии использованы в суде в совокупности с другими доказательствами. Эксперты признали такой способ получения информации законным, хотя и требующим осторожного процессуального оформления [7, с. 58].

Альтернативные юрисдикции: новые партнёры в финансовых расследованиях

Если получить информацию из «недружественных» юрисдикций становится практически невозможно, то необходимо переносить акцент на государства, сохранившие или даже расширившие сотрудничество с Россией. К таким альтернативным юрисдикциям относятся: Китай, Индия, ОАЭ, Турция, Казахстан, Узбекистан, Беларусь, Армения, Киргизия, а также ряд других стран Азии, Африки и Ближнего Востока.

Китай. С Китайской Народной Республикой у России действует Договор о взаимной правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 19 июня 1992 года. Китай не присоединился к антироссийским санкциям и продолжает сотрудничать. Однако на практике эффективность взаимодействия варьируется. В 2023 году было зафиксировано увеличение количества запросов в Китай по финансовым делам, и большинство из них было исполнено, хотя и с достаточно длитель-

ными сроками (в среднем 6–9 месяцев) [8, с. 42]. Проблемой остаётся языковой барьер и различия в правовых системах. Тем не менее Китай остаётся ключевым партнёром.

ОАЭ. Объединённые Арабские Эмираты являются крупным финансовым центром, куда часто выводятся средства из России. В ОАЭ действует множество российских компаний, зарегистрированы счета. Сотрудничество с ОАЭ регулируется Соглашением о правовой помощи от 1998 года. В 2022–2024 годах взаимодействие активизировалось: были проведены совместные рабочие встречи, обмен опытом, ускорена процедура исполнения запросов. Особенно важно, что ОАЭ создали специальные подразделения по противодействию отмыванию денег, готовые к сотрудничеству с российскими коллегами [9, с. 23].

Турция. Турция также не ввела санкции. Действует Договор о правовой помощи от 1995 года. Однако практика сотрудничества показывает, что запросы исполняются медленнее, чем хотелось бы, и эффективность ниже, чем с ОАЭ или Китаем. Это связано с большей бюрократией и менее развитой системой финансовых расследований в самой Турции.

Казахстан и другие страны СНГ. С государствами-участниками СНГ действуют как многостороннее Соглашение 2000 года, так и двусторонние договоры. До 2022 года взаимодействие было достаточно активным, и эта тенденция сохранилась. Однако следует учитывать, что через казахстанские банки также активно выводятся средства, поэтому запросы в Казахстан, Киргизию, Узбекистан носят массовый характер. Нагрузка на компетентные органы этих стран высока, что ведёт к задержкам.

Рекомендации по работе с альтернативными юрисдикциями. На основе анализа практики можно выделить несколько рекомендаций для следователей, работающих с альтернативными юрисдикциями.

Во-первых, запросы должны быть максимально качественными: переведёнными на официальный язык страны, с чёткими и конкретными вопросами, с указанием всех известных реквизитов (номера счетов, адреса компаний, даты операций). Плохо подготовленный запрос будет отклонён или исполнен формально.

Во-вторых, необходимо использовать каналы быстрой связи: взаимодействие по линии финансовых разведок часто быстрее, чем официальная правовая помощь. Росфинмониторинг имеет меморандумы с коллегами из многих альтернативных юрисдикций, и эта форма сотрудничества не подпадает под санкционные ограничения.

В-третьих, целесообразно развивать институт контактных лиц. В посольствах России за рубежом работают сотрудники МВД, ФСБ, Следственного комитета. Их функции – налаживание контактов, ускорение исполнения запросов, помощь в организации выездных следственных действий (в тех редких случаях, когда они возможны). Уве-

личение числа таких контактных лиц в странах «дружественного» блока является важной организационной задачей.

В-четвёртых, необходимо учитывать, что многие альтернативные юрисдикции требуют принципа взаимности. Если российская сторона не исполняет запросы из этих стран, то и они будут исполнять наши запросы с задержками. Поэтому необходим системный подход: Генеральная прокуратура РФ должна обеспечить своевременное и качественное исполнение входящих запросов из этих юрисдикций.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие основные выводы.

Санкционные ограничения 2022–2024 годов привели к практически полной блокировке традиционных каналов трансграничных финансовых расследований – взаимной правовой помощи, сотрудничества через подразделения финансовой разведки и Интерпола. Это создало ситуацию правового вакуума, который не может быть устранён в краткосрочной перспективе.

В этих условиях альтернативой становятся открытые источники информации. Публичные реестры компаний и недвижимости, социальные сети, коммерческие базы данных, спутниковые снимки – всё это может быть использовано для получения сведений о зарубежных активах. При надлежащем процессуальном оформлении (протокол осмотра интернет-сайта, фиксация скриншотов) такая информация может быть признана допустимым доказательством.

Важным каналом остаётся сотрудничество с юрисдикциями «дружественных» государств – Китаем, ОАЭ, Турцией, Казахстаном и другими. Необходимо наращивать интенсивность взаимодействия, повышать качество запросов, использовать каналы финансовых разведок, развивать институт контактных лиц.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются: анализ практики использования спутниковых снимков и геолокационных данных в финансовых расследованиях; сравнительный анализ эффективности взаимодействия с различными альтернативными юрисдикциями; разработка методики судебной экспертизы данных из утекших баз; исследование возможности использования блокчейн-аналитики для отслеживания криптовалютных переводов в условиях санкций.

Трансграничные финансовые расследования в новых условиях требуют от следователей и оперативных сотрудников не только традиционных знаний, но и цифровой грамотности, навыков работы с открытыми источниками, знания иностранных правовых систем. Инвестиции в обучение и организационную перестройку сегодня – это залог успешного возврата активов и привлечения виновных к ответственности в будущем. Несмотря на санкционное давление, правосудие не должно быть бессильным перед преступниками, прячущими активы за рубежом. Новые методы, описанные в настоящей статье, могут и должны быть использованы российской правоохранительной системой.

Список литературы:

- [1] Смирнов А.А. Влияние санкций на международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства // *Международное уголовное право и международная юстиция*. – 2024. – № 1. – С. 43–49.
- [2] Генеральная прокуратура Российской Федерации. Отчёт о международной правовой помощи за 2023 год: статистический бюллетень. – М., 2024. – 38 с.
- [3] Росфинмониторинг. Аналитический обзор международного сотрудничества подразделений финансовой разведки в 2022–2023 годах. – М.: Росфинмониторинг, 2024. – 52 с.
- [4] Васильев Д.В. Публичные реестры бенефициарных владельцев за рубежом: обзор и практическое значение для российских расследований // *Расследование экономических преступлений*. – 2023. – № 4. – С. 64–71.
- [5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 10 «О применении Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» при рассмотрении уголовных дел» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. – 2020. – № 1. – С. 42–49.

References:

- [1] Smirnov, A.A. “The Impact of Sanctions on International Cooperation in Criminal Proceedings.” *International Criminal Law and International Justice*, 2024, no. 1, pp. 43–49.
- [2] Prosecutor General’s Office of the Russian Federation. Report on International Legal Assistance for 2023: Statistical Bulletin. Moscow, 2024, 38 p.
- [3] Rosfinmonitoring. Analytical Review of International Cooperation of Financial Intelligence Units in 2022–2023. Moscow: Rosfinmonitoring, 2024, 52 p.
- [4] Vasiliev, D.V. “Public Registers of Beneficial Owners Abroad: Review and Practical Significance for Russian Investigations.” *Economic Crimes Investigation*. – 2023. – No. 4. – P. 64–71.
- [5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 31, 2019 No. 10 “On the Application of the Federal Law “On Information, Information Technologies, and the Protection of Information” in the Consideration of Criminal Cases” // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. – 2020. – No. 1. – P. 42–49.

МУХИН Роман Александрович,
студент,
Московский ордена Почета университет
МВД России им. В.Я. Кикотя,
e-mail: sima-zaitseva@yandex.ru

ЗАЙЦЕВА Серафима Евгеньевна,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков,
Московский ордена Почета университет
МВД России им. В.Я. Кикотя,
e-mail: sima-zaitseva@yandex.ru

К ВОПРОСУ О БОРЬБЕ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ В МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

АННОТАЦИЯ. В статье проведён сравнительный анализ систем противодействия киберпреступности в России и США, а также разработка рекомендаций по совершенствованию мер противодействия киберугрозам. Актуальность темы обусловлена тем, что киберпреступления представляют угрозу не только для общественной, но и национальной безопасности государств. Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы для совершенствования законодательства и практики противодействия киберпреступности в России и США, а также для развития международного сотрудничества в этой сфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: киберпреступность, кибербезопасность, законодательные акты, аспекты информационной безопасности, правовое регулирование, проблемы в противодействии киберпреступности, перспективные направления сотрудничества.

MUKHIN Roman Alexandrovich,
Student,
Moscow University of the Order of Honor
The Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

ZAITSEVA Serafima Evgenevna,
PhD, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages,
Moscow University of the Order of Honor
The Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

ON THE ISSUE OF COMBATING CYBERCRIME IN THE GLOBAL SPACE: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

ANNOTATION. The article provides a comparative analysis of cybercrime counteraction systems in Russia and the United States, as well as the development of recommendations for improving measures to counter cyber threats. The relevance of the topic is due to the fact that cybercrimes pose a threat not only to the public, but also to the national security of states. The practical significance of the research lies in the fact that its results can be used to improve legislation and practice in countering cybercrime in Russia and the United States, as well as to develop international cooperation in this area. .

KEY WORDS: cybercrime, cybersecurity, legislative acts, aspects of information security, legal regulation, problems in countering cybercrime, promising areas of cooperation.

Введение

Глобальная цифровизация и стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий в XXI веке привели к формированию принципиально новой киберпространственной среды, которая стала не только инструментом экономического и социального прогресса, но и

ареной для совершения противоправных деяний. Киберпреступность представляет собой одну из наиболее серьезных угроз для национальной и международной безопасности, экономического развития и прав граждан. Транснациональный характер этого явления кардинально усложняет борьбу с ним, поскольку современные кибер-

преступники координируют действия из разных юрисдикций, используют инфраструктуру в нескольких странах одновременно и наносят ущерб жертвам по всему миру. Международные усилия по борьбе с этим явлением можно проанализировать, проведя сравнительные исследования подходов к противодействию киберпреступности в таких технологически развитых и геополитически значимых державах, как Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки, которые, согласно Всемирному индексу киберпреступности, входят в число ключевых источников киберугроз и одновременно являются наиболее привлекательными мишенями для кибератак [2].

Законодательная база России в сфере противодействия киберпреступности

Политико-правовой контекст современных международных отношений между Россией и США добавляет дополнительную сложность в вопросы кибербезопасности. С одной стороны, существует очевидная необходимость сотрудничества в борьбе с общими угрозами, с другой - сохраняются существенные различия в подходах к регулированию интернета, защите персональных данных и обеспечению национального цифрового суверенитета. Эти противоречия находят непосредственное отражение в формировании национальных стратегий противодействия киберпреступности (рис. 1).

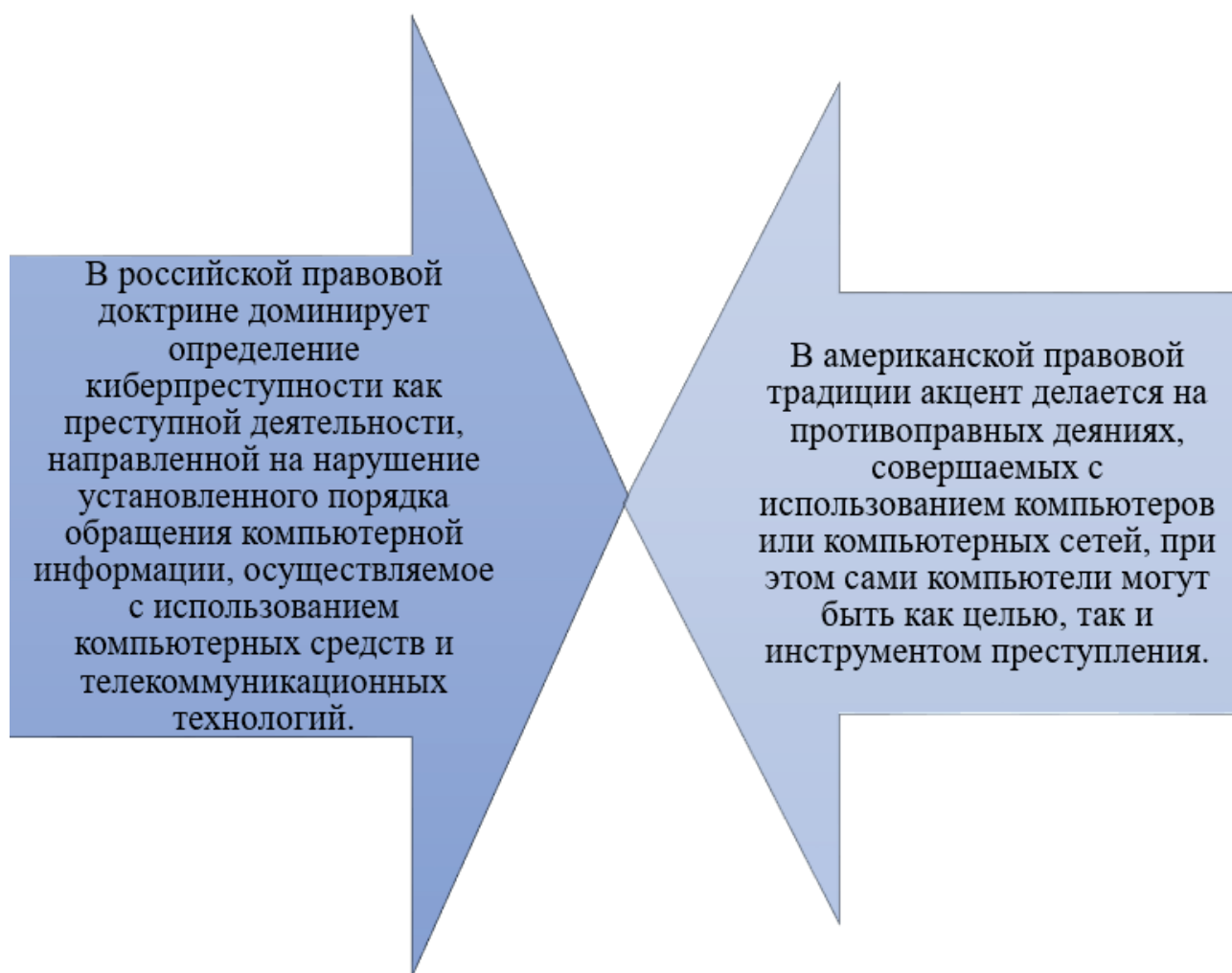

Рисунок 1. Сравнение российской и американской правовых доктрин

Российская Федерация сформировала разветвленную нормативно-правовую базу для противодействия киберпреступности, которая продолжает активно развиваться. Кроме того, в России сформирована многоуровневая институциональная система органов, ответственных за противодействие киберпреступности.

Анализ законодательной базы США

Соединенные Штаты Америки имеют более длительную историю правового регулирования в сфере киберпреступности, что обусловлено более ранним развитием компьютерных технологий и интернета [5, с. 1-20] (рис. 2).

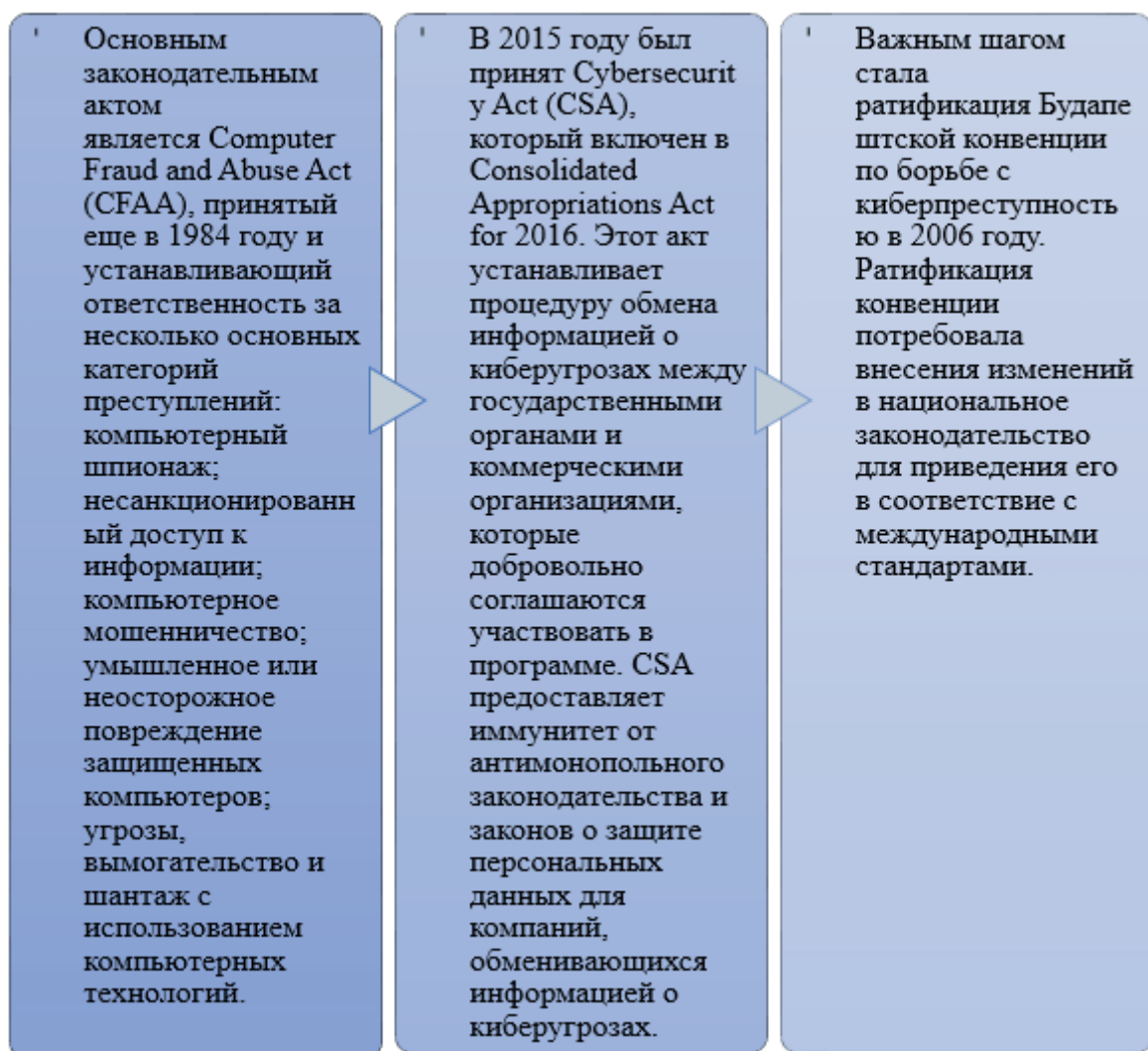

Рисунок 2. Основные законодательные акты США

Среди других важных законодательных актов США в сфере кибербезопасности следует отметить (рис. 3).

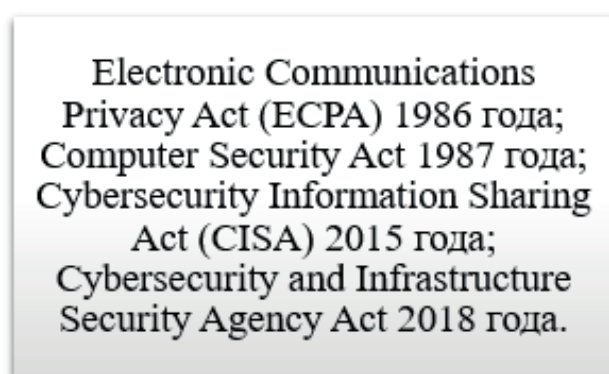

Рисунок 3. Перечень актов США в сфере кибербезопасности

Кроме того, в США создана разветвленная система органов, отвечающих за борьбу с киберпреступностью, которая характеризуется распределением полномочий между различными ведомствами. Кроме ФБР, значительную роль в борьбе с киберпреступностью играют и другие министерства и службы, отвечающие за различные аспекты кибербезопасности [3, с. 198-201].

Сравнительный анализ законодательных подходов

Международный характер киберпреступности создает вызовы для правоприменительной деятельности. Преступники используют свободу перемещения товаров, услуг, данных и капитала через Интернет, что требует международного сотрудничества. Хотя США ратифицировали Буда-

пештскую конвенцию и поддерживают процессы международной гармонизации законодательства, остается проблема эффективной координации с партнерами из разных юрисдикций.

В США одной из основных проблем является сложность законодательного процесса и политическая поляризация, которая затрудняет принятие необходимых нормативных актов. Как отмечается в исследованиях, на каждой сессии

Конгресса представляется несколько законопроектов в области кибербезопасности, но лишь немногие из них получают поддержку обеих фракций и становятся законами [4, с. 1-32].

Проведенный анализ законодательных систем России и США позволяет выявить существенные различия в подходах к правовому регулированию борьбы с киберпреступностью (рис. 4).

Российская Федерация	Соединенные Штаты Америки
• Ведущие органы: Управление "К" МВД, ФСБ • Координационный орган: Межведомственная рабочая группа Генпрокуратуры • Специализированные подразделения: Кибервойска РФ • Участие частного сектора: лаборатория Касперского и другие компании • Международное сотрудничество: преимущественно двусторонние форматы, ШОС, ОДКБ • Военные киберструктуры: кибервойска в составе ВС РФ	• Ведущие органы: Министерство юстиции, ФБР • Координационный орган: Объединенная национальная целевая группа по киберрасследованиям (NCIJTF) • Специализированные подразделения: Киберподразделение ФБР (CyD) • Участие частного сектора: Добровольные программы обмена информацией с бизнесом через ISACs • Международное сотрудничество: участие в Будапештской конвенции, G7, Five Eyes • Военные киберструктуры: Киберкомандование США (USCYBERCOM)

Рисунок 4. Сравнительная характеристика институциональных систем противодействия киберпреступности

Хронологическое различие проявляется в том, что США начали формировать законодательную базу значительно раньше - первые специализированные законы были приняты в 1980-х годах, тогда как в России активное законодотворчество в этой сфере началось только в 2000-х годах.

Концептуальное различие заключается в том, что американское законодательство делает акцент на защите информационных систем и сетей, тогда как российское законодательство акцентирует внимание на защите информации как объекта правовых отношений.

Структурное различие состоит в том, что в США существует множество специализирован-

ных законов, регулирующих отдельные аспекты кибербезопасности, тогда как в России преобладает модель нескольких рамочных законов, которые затем конкретизируются подзаконными актами.

Международно-правовое различие проявляется в отношении к международным договорам: США являются участником Будапештской конвенции, тогда как Россия не участвует в этом соглашении и развивает альтернативные международные инициативы.

Проведенный анализ позволяет выявить как общие, так и специфические проблемы в противодействии киберпреступности в России и США [1, с. 287-292] (рис. 5).

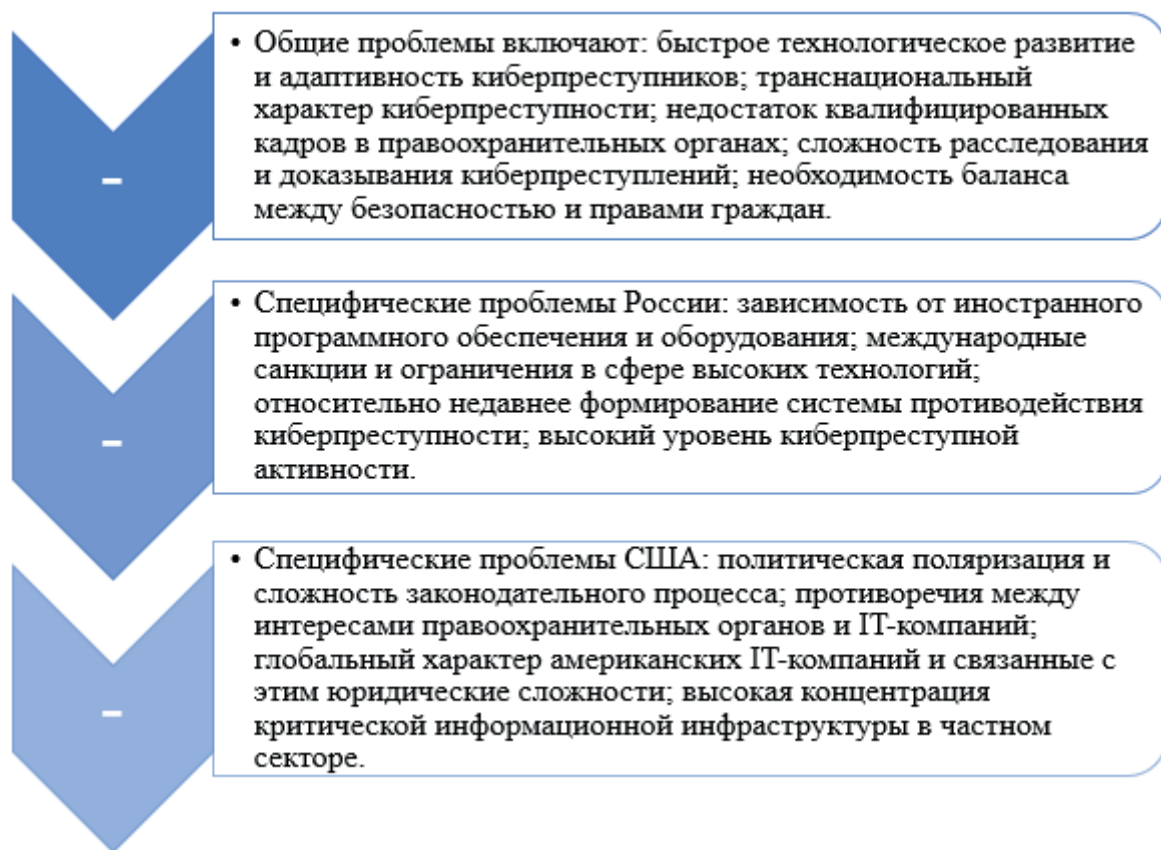

Рисунок 5. Проблемы в противодействии киберпреступности в РФ и США

Заключение

На основе проведенного анализа можно выделить общие перспективные направления совершенствования борьбы с киберпреступностью в России и США.

- Разработка международных стандартов и норм поведения в киберпространстве;
- Создание эффективных механизмов быстрого реагирования на киберинциденты;
- Развитие технологий искусственного интеллекта для прогнозирования и предотвращения кибератак;
- Укрепление доверия и сотрудничества между Россией и США в сфере кибербезопасности, несмотря на политические разногласия.

Проведенное комплексное исследование проблем противодействия киберпреступности в России и США позволило выявить многоаспектную природу данного явления и сформировать системное понимание современных вызовов в области кибербезопасности. Сравнительный анализ двух различных подходов к регулированию цифрового пространства продемонстриро-

вал как общие тенденции развития киберпреступности, так и специфические национальные особенности борьбы с ней.

Исследование выявило, что киберпреступность продолжает динамично эволюционировать, адаптируясь к технологическим изменениям и мерам противодействия.

На основе проведенного анализа можно отметить, что несмотря на политические разногласия, Россия и США имеют общую заинтересованность в борьбе с транснациональной киберпреступностью. Перспективными направлениями сотрудничества могли бы стать:

- создание механизмов оперативного взаимодействия для противодействия наиболее опасным киберугрозам;
- разработка общих стандартов и протоколов в области кибербезопасности;
- совместные исследования и разработки в области технологий кибербезопасности;
- обмен лучшими практиками в области законодательного регулирования и правоохранительной деятельности.

Список литературы:

- [1] Кодзокова Л.А. Проблемы противодействия киберпреступности в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. — 16(4), 2023. — С. 287-292.
- [2] Федотов А.В. Киберпреступность и кибербезопасность в современном мире. — М. : Юрайт, 2022. — 384 с.
- [3] Сулаймонова Ю.И. Актуальные проблемы борьбы с преступностью в сфере информационных

технологий в США // Современные тенденции развития цифровизации в сфере юстиции. — 1(1), 2022. — С. 198-201.

[4] Anderson R., et al. *Measuring the Changing Cost of Cybercrime* // *Workshop on the Economics of Information Security*. — 2019. — С. 1-32.

[5] Clayton R., et al. *Cybercrime is (often) boring: maintaining the infrastructure of cybercrime economies* // *Workshop on the Economics of Information Security*. — 2020. — С. 1-20.

[6] World-first «Cybercrime Index» ranks countries by cybercrime threat level // University of Oxford. URL: <https://www.ox.ac.uk/news/2024-04-10-world-first-cybercrime-index-ranks-countries-cybercrime-threat-level> (дата обращения: 11.02.2026).

[7] *Cybersecurity Threat Trends* // FBI Internet Crime Complaint Center. 2024. URL: <https://www.ic3.gov/Home/AnnualReports> (дата обращения: 11.02.2026).

References:

[1] Kodzokova L.A. *Problems of Combating Cybercrime in the Russian Federation* // *Gaps in Russian Legislation*. - 16 (4), 2023. - Pp. 287-292.

[2] Fedotov A.V. *Cybercrime and Cybersecurity in the Modern World*. - Moscow: Yurait, 2022. - 384 p.

[3] Sulaimonova Yu.I. *Actual Problems of Combating Crime in the Sphere of Information Technology in the USA* // *Modern Trends in the Development of Digitalization in the Sphere of Justice*. - 1 (1), 2022. - Pp. 198-201.

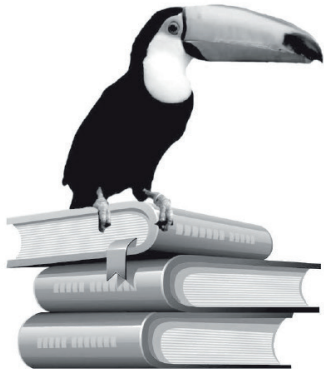
[4] Anderson R., et al. *Measuring the Changing Cost of Cybercrime* // *Workshop on the Economics of Information Security*. - 2019. - Pp. 1-32.

[5] Clayton R., et al. *Cybercrime is (often) boring: maintaining the infrastructure of cybercrime economies* // *Workshop on the Economics of Information Security*. - 2020. - P. 1-20.

[6] World-first «Cybercrime Index» ranks countries by cybercrime threat level // University of Oxford. URL: <https://www.ox.ac.uk/news/2024-04-10-world-first-cybercrime-index-ranks-countries-cybercrime-threat-level> (accessed 02/11/2026).

[7] *Cybersecurity Threat Trends* // FBI Internet Crime Complaint Center. 2024. URL: <https://www.ic3.gov/Home/AnnualReports> (accessed 02/11/2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.07.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-3-35-39

ТРУХИН Никита Николаевич,

аспирант,

Уральский институт управления Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
e-mail: thenotorious2212@yandex.ru

ГРИШИН Денис Александрович,

заведующий кафедрой уголовного права и процесса,

доцент, кандидат юридических наук,

Уральский институт управления Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
e-mail: thenotorious2212@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ И МЕРЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ОБЛАСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БПЛА В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

АННОТАЦИЯ. В связи с быстрым развитием технологий, участилось использование беспилотных летательных аппаратов в целях совершения преступлений террористической направленности. На основании чего государственным и правоохранительным органам необходимо улучшать и разрабатывать новые меры противодействия сложившейся угрозе.

В данной статье подробно разобраны различные виды использования беспилотных летательных аппаратов для совершения преступлений в сфере терроризма, проблемы противодействия данному способу, а также меры, позволяющие предотвратить преступные действия и предложения по улучшению действующего законодательства, направленного на борьбу с угрозой использования технологий в террористических актах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: беспилотные летательные аппараты, БПЛА, преступления, УК РФ, меры противодействия, проблемы, состав преступления, законодательство, терроризм.

TRUKHIN Nikita Nikolaevich,

Postgraduate,

Ural Institute of Management,
Branch Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration

GRISHIN Denis Alexandrovich,

Head of the Department of Criminal Law and Procedure,

Associate professor, Candidate of Juridical sciences,

Ural Institute of Management,
Branch Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration

FEATURES AND MEASURES OF REGULATION OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES' ACTIVITIES IN THE FIELD OF PREVENTING THE USE OF UAVS IN TERRORIST CRIMES

ANNOTATION. Due to the rapid development of technology, the use of unmanned aerial vehicles for terrorist crimes has become more frequent. As a result, government agencies and law enforcement organizations need to improve and develop new measures to counter this threat. This article provides a detailed analysis of the various ways in which unmanned aerial vehicles are being used for terrorist crimes,

the challenges in countering this method, and the measures that can be taken to prevent such crimes. It also offers suggestions for improving existing legislation to combat the threat of using technology for terrorist acts.

KEY WORDS: unmanned aerial vehicles, UAVs, crimes, Criminal Code of the Russian Federation, counteraction measures, problems, corpus delicti, legislation, terrorism.

В современном мире быстрыми темпами развиваются наука, робототехника, искусственный интеллект и в целом сфера технологий претерпевает масштабные изменения. В связи с постоянным ростом интереса к этой сфере, широкое распространение получили беспилотные летательные аппараты (далее - БПЛА), став неотъемлемой частью повседневной жизни. Доступность, низкая стоимость и простота использования сделали их перспективным средством для осуществления различных видов деятельности. Их используют в разных сферах жизни, начиная с развлечений (съемка фото- и видеороликов), заканчивая профессиональной деятельностью (поиск потерявшихся людей, в военных целях и т.д.), что позволяет создавать новые возможности, но и одновременно появляются новые риски, связанные с открытием новых направлений для террористической деятельности. Одной из самых серьезных проблем, с которой столкнулся мир, в частности правоохранительные органы и общество в целом, является использование БПЛА в качестве инструмента для совершения актов терроризма.

Актуальность настоящей статьи заключается в том, что распространение технологий БПЛА становится все более доступной и технологически совершенной, в связи с чем появляется угроза безопасности государства, недостаточность правового регулирования и техническая сложность борьбы с БПЛА, на основании чего возникает необходимость изучения мер и особенностей противодействия такой угрозе.

Применение БПЛА имеет большой спектр разнообразных целей, среди которых выделяет незаконные:

- незаконный ввоз/вывоз деталей и инструментов, предназначенных для совершения террористических актов. Ввиду того, что БПЛА могут обладать характеристиками высокой дальности использования, большой емкостью аккумулятора, небольшими размерами, хорошей маневренностью, скоростью и многими другими преимуществами то их могут использовать для контрабанды наркотиков, оружия, ценных бумаг и других запрещенных предметов через государственные границы.

- незаконная съемка. В связи с тем, что на БПЛА можно крепить камеры с высокой четкостью, то пользуясь этой возможностью, террористы осуществляют сбор информации о государственных объектах инфраструктуры, в частности их расположения и защищенности, следят за передвижением военных подразделений, а также корректируют артиллерийские орудия и средства массового поражения [5].

- осуществление давления на безопасность государства. В последние годы БПЛА активно используются для поражения живой силы противника, техники и объектов инфраструктуры, так как имеют возможность переносить на себе взрывчатку, токсичные вещества или другие опасные предметы, способные нанести вред объектам или людям [6]. Техника использования таких БПЛА довольно проста, например, на устройство крепится взрывчатое вещество, которое с помощью БПЛА доставляется в назначенную цель, которая заранее определена

- осуществление радиопомех. БПЛА оборудуются средствами, которые могут оказывать влияние на радио и интернет-сети, телефоны и точки доступа связи, блокируя возможность пользователям применять их в своих целях. На основании этого затрудняется контакт людей друг с другом, что негативно влияет на обстановку в различных ситуациях [1].

Так как БПЛА активно используются в современном мире, правоохранительные органы сталкиваются с проблемами противодействия данной угрозе. Подробно стоит выделить те проблемы, которые препятствуют возможности осуществлять контроль за использованием БПЛА:

- анонимность. БПЛА могут управляться удаленно, при этом некоторые из них могут быть под управлением автопилота с заранее заданными координатами, что затрудняет их идентификацию и определение точки запуска.

- сложность обнаружения. БПЛА, как правило, обладают небольшими размерами, что дает им лучшую мобильность и делает их трудными для обнаружения и перехвата [3].

- недостаточная подготовка правоохранительных органов. Не все правоохранительные органы имеют необходимый опыт и знания для противодействия БПЛА.

Но, несмотря на вышеизложенные проблемы, следует разрабатывать и развивать меры по противодействию данному виду преступлений. Среди таких мер стоит выделить следующие:

- развитие законодательной базы. Хотя российское законодательство и предусмотрело тот момент, что БПЛА тяжелее 150 граммов необходимо регистрировать в специальном реестре Росавиации [4], но тем не менее необходимо разработать и внедрить отдельные положения в действующие законы, которые будут целенаправленно регулировать использование БПЛА, в том числе расширенные требования к их регистрации, лицензированию, техническим характеристикам, а также к использованию их в воздушном пространстве государства. Работа над данными положениями будет включать в себя

следующее:

1. ввод в статью 33 Воздушного кодекса Российской Федерации положений предусматривающих не только учет массы и регистрацию БПЛА, но и операторов, которые осуществляют управление над аппаратом, с запретом управления до момента прохождения процесса идентификации, а также закрепление в разделе XIV новой статьи, направленной на предоставление возможности правоохранительным органам осуществлять перехват потенциально опасных БПЛА, с правом брать под контроль управление или производить уничтожение данного средства;

2. расширение требований статьи 11.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, с вводом в действие положений, предусматривающих ответственность за продажу БПЛА без идентификации лица, покупающего средство и передачу управления БПЛА третьим лицам с закреплением штрафов, конфискации БПЛА и запрета на эксплуатацию;

3. разработка новой статьи с порядковым номером 205.7 в Уголовный кодекс Российской Федерации, квалифицирующую признаки состава преступления террористической направленности, предусматривающую наказание за незаконное использование БПЛА в целях совершения актов терроризма;

4. разработка отдельных приказов, закрепляющих требования к инструкциям по производству полетов БПЛА; вводу конкретного порядка сбора информации для формирования планов полетов БПЛА; усовершенствование системы взаимодействия и координации по обеспечению полетов БПЛА с правоохранительными органами; разработке критериев допуска к полетам БПЛА, которые касаются наличия разрешения на использование воздушного пространства и лиц, допущенных к управлению БПЛА; оценке рисков использования БПЛА вблизи государственной инфраструктуры, и разработка руководства по использованию БПЛА рядом с объектами государственного назначения.

– создание специализированных подразделений. Правоохранительные органы должны создавать специализированные подразделения, которые будут заниматься расследованием преступлений с сфере терроризма с использованием БПЛА. Данная мера необходима, так как в будущем в связи с развитием технологий и удобства использования БПЛА, они будут оказывать содействие террористам в совершении разного рода террористических актов, поэтому подразделения, которые будут заниматься раскрытием преступлений данной направленности, имели четкие инструкции и порядок расследования.

– обучение правоохранительных органов. Кроме создания специализированных подразделений, необходимо повышать квалификацию сотрудников правоохранительных органов, которые занимаются иными категориями преступле-

ний, так как знания, полученные сотрудниками в сфере использования БПЛА, будут оказывать помощь по их направлениям деятельности.

– разработка технологий противодействия. На данный момент существует система радиоэлектронной борьбы (система РЭБ), которая позволяет обнаружить, перехватить и нейтрализовать БПЛА, но в связи с развитием технологий, отдельные модели БПЛА становятся менее уязвимы к системе РЭБ, поэтому необходимо разрабатывать и внедрять технику, ориентированную на борьбу с любыми типами БПЛА, которые позволяют противостоять, использованию последних в преступных целях [1].

– сотрудничество между правоохранительными органами. Важно обеспечить тесное сотрудничество между правоохранительными органами различных стран для обмена информацией и координации действий, направленных на борьбу против БПЛА, путем создания базы, в которой будет возможность отследить и идентифицировать любой тип использованного БПЛА.

Для определения ответственности и мер наказания важно разбираться в элементах состава преступления, так как анализ имеет не только теоретическое, но и достаточно большое практическое значение, потому что правильное определение элементов позволяет обеспечить верную квалификацию деяния и соответственно выбор соразмерных мер уголовно-правового характера. Для правоохранительных органов такая задача имеет особое значение, так как в связи с многообразием форм террористической деятельности и их постоянным развитием, ошибки, допущенные при квалификации деяния, могут повлечь за собой необоснованное привлечение к уголовной ответственности либо наоборот к занижению общественной опасности от преступления. Таким образом, выделяют следующие элементы:

1. Объект. Объектом преступления являются общественные отношения, на которые посягают при совершении деяния:

– безопасность (то есть нарушение общественного порядка, причинение вреда здоровью человека, а также угроза жизни);

– право собственности (незаконное проникновение на частную территорию либо территорию государственного объекта, повреждение или уничтожение имущества);

– информация (незаконное получение, распространение, хранение и передача информации);

– государственная безопасность (осуществление диверсий и шпионаж)

2. Объективная сторона. В объективную сторону состава преступления входят действие (бездействие), наступившие последствия и причинно-следственная связь между ними:

– действие (незаконное использование БПЛА для проникновения на территорию объектов го-

сударственного назначения либо частных предприятий, ведение съемок и фотографирования, перевозка контрабанды, запуск БПЛА с целью причинения ущерба инфраструктуре государства или здоровью человека и т. д.)

– бездействие (под бездействием понимается несоблюдение установленных правил по регистрации и эксплуатации БПЛА)

– общественно опасные последствия заключаются в причинении материального ущерба (повреждение имущества человека и государства); физический ущерб (причинение вреда жизни и здоровью); нарушении общественного порядка (прекращение работы инфраструктуры, паника).

3. Субъект. Субъектом преступления выступает физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности и совершившее преступление с использованием БПЛА.

4. Субъективная сторона. Субъективной стороной преступления является внутреннее психическое отношение лица к совершенному преступлению.

Одним из составляющих субъективной стороны является вина, которая содержит в себе:

– умысел – сознательное желание совершить преступление (то есть лицо, использует БПЛА в целях совершения преступления)

Что касается неосторожности то, в таких преступлениях, деяния не могут совершаться с данной формой вины, так как человек, обладая навыками использования и запуска БПЛА осознает, для каких целей он совершает те или иные действия, поэтому форма вины в виде неосторожности в такого рода преступлениях исключена.

Еще одним составляющим субъективной стороны является цель. Целью может быть по-

лучение незаконной прибыли, нанесение ущерба имуществу, причинение вреда жизни и здоровью, диверсионные действия, деятельность военной направленности и т.д.

Таким образом анализ состава преступления для целей правоприменения имеет важное значение и помогает: определить, какие факты преступления необходимо установить, какую выбрать меру пресечения и подсудность, а также правильное применение норм усиливает предупредительную функцию уголовного права. В делах о террористических актах ключевым является разграничение этого деяния от смежных преступлений, что позволяет обосновать наличие конкретной террористической цели, выявить роль каждого лица, участвующего в совершении преступления и применить правильный квалифицирующий признак.

Подводя итог всему сказанному, следует отметить, что использование БПЛА как инструмента совершения преступления представляет собой серьезную угрозу общественной безопасности. Для эффективного противодействия этой угрозе необходимо комплексное решение, включающее в себя законодательные меры, развитие технологий и повышение профессионализма правоохранительных органов.

Понимание состава преступления является необходимым условием для эффективного расследования в этой сфере. Законодательство и практика правоприменения должны учитывать специфику использования БПЛА и обеспечивать соответствующую ответственность за правонарушения. Отсутствие законодательной базы, касающейся использования БПЛА, несовершенно, что затрудняет расследование и преследование лиц, совершивших данное преступление.

Список литературы:

[1] Демьянович М. А. Использование беспилотных летательных аппаратов в преступных целях: методы противодействия и борьбы / М. А. Демьянович. — Текст : непосредственный // Правопорядок: история, теория, практика. — 2019. — № 2. — С. 108-111.

[2] Лозовский Д. Н. Использование беспилотных летательных аппаратов в процессе расследования преступлений: вопросы теории и практики / Д. Н. Лозовский, Н. Н. Лозовская, И. Р. Ульянова. — Текст : непосредственный // Юрист-Правовед. — 2021. — № 3. — С. 162-165.

[3] Семенец В. О. Способы противодействия беспилотным летательным аппаратам / В. О. Семенец, М. П. Трухин. — Текст : непосредственный // Научные технологии в космических исследованиях Земли. — 2018. — № 3. — С. 4-12.

[4] Тикшаев В. Н. Проблема борьбы с беспилотными летательными аппаратами и возможные пути ее решения / В. Н. Тикшаев, В. В. Барвиненко. — Текст : непосредственный // Военная мысль. — 2021. — № 1. — С. 125-132.

[5] Шапошников А. Ю. Применение современных технологий фиксации информации и беспилотных систем при производстве осмотра места происшествия / А. Ю. Шапошников, Д. Н. Овакимян. — Текст : непосредственный // Судебная власть и уголовный процесс. — 2021. — № 1. — С. 142-152.

[6] Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954 (ред. от 09.04.2026).

References:

[1] Dem'yanovich M. A. Use of Unmanned Aerial Vehicles for Criminal Purposes: Methods of Counteraction and Fighting / M. A. Dem'yanovich. — Text: direct // Law and Order: History, Theory, Practice. — 2019. — No. 2. — Pp. 108-111.

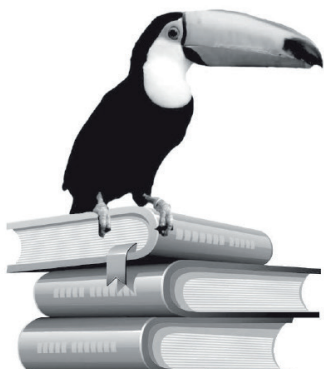
[2] Lozovsky D. N. Use of Unmanned Aerial Vehicles in the Process of Crime Investigation: Theoretical and Practical Issues / D. N. Lozovsky, N. N. Lozovskaya, I. R. Ulyanova. — Text: direct // Jurist-Pravoved. — 2021. — No. 3. — Pp. 162-165.

[3] Semenets V. O. Methods of Counteracting Unmanned Aerial Vehicles / V. O. Semenets, M. P. Trukhin. — Text : direct // High-tech in space research of the Earth. — 2018. — No. 3. — Pp. 4-12.

[4] Tikshaev V. N. The problem of combating unmanned aerial vehicles and possible solutions / V. N. Tikshaev, V. V. Barvinenko. — Text : direct // Military Thought. — 2021. — No. 1. — Pp. 125-132.

[5] Shaposhnikov A. Yu. Application of modern technologies for recording information and unmanned systems in the inspection of the scene of a crime / A. Yu. Shaposhnikov, D. N. Ovakimyan. — Text : direct // Judicial power and criminal procedure. — 2021. — No. 1. — Pp. 142-152.

[6] Criminal Code of the Russian Federation: federal. Law of June 13, 1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 25. - Art. 2954 (as amended on April 9, 2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ЭЛЬДАРОВА Амина Арсаналиевна,
студентка магистратуры 1 года обучения
кафедры экономических и финансовых исследований
Высшей школы государственного аудита (факультета)
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
e-mail: Eldarova-02@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕРЕСТРАХОВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ: РИСКИ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И МЕХАНИЗМЫ ИХ МИНИМИЗАЦИИ

АННОТАЦИЯ. Статья представляет собой комплексное исследование трансформации правового регулирования перестраховочной деятельности Российской Федерации в условиях беспрецедентного санкционного давления, введенного с 2022 года странами «коллективного Запада». Выявлены и систематизированы ключевые риски финансовой безопасности: риск неисполнения обязательств перестраховщиками-нерезидентами, риск блокировки перестраховочных премий и активов, риск вторичных санкций для контрагентов из третьих стран, риск критической концентрации крупных рисков внутри национальной системы. Предложена авторская трехуровневая классификация механизмов минимизации рисков: правовые (создание обязательных перестраховочных пулов, антисанкционные оговорки, судебная суброгация в специальных юрисдикциях), институциональные (развитие Национальной перестраховочной компании, ретроцессия в дружественные страны) и комплаенс-инструменты (гармонизация страхового, валютного и антиотмывочного законодательства). Отдельно рассмотрены перспективы создания перестраховочного пула БРИКС. Результаты могут быть использованы при доработке проекта федерального закона «О перестраховочной деятельности в Российской Федерации» и нормативных актов Банка России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: перестраховочная деятельность, санкционные ограничения, финансовая безопасность, правовое регулирование, Национальная перестраховочная компания, суброгация, комплаенс, трансфер риска, перестраховочный пул, БРИКС.

ELDAROVA Amina Arsanalievna,
First-year Master's student
of the Department of Economic and Financial Investigations,
Faculty of the Higher School of State Audit,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

LEGAL REGULATION OF REINSURANCE ACTIVITIES UNDER SANCTIONS RESTRICTIONS: FINANCIAL SECURITY RISKS AND MITIGATION MECHANISMS

ANNOTATION. The article provides a comprehensive study of the transformation of legal regulation of reinsurance activities in the Russian Federation under unprecedented sanctions pressure imposed since 2022 by the “collective West” countries. Key financial security risks are identified and systematized: the risk of non-performance of obligations by non-resident reinsurers, the risk of freezing reinsurance premiums and assets, the risk of secondary sanctions for counterparties from third countries, and the risk of critical concentration of large risks within the national system. The authors propose a three-level classification of risk mitigation mechanisms: legal mechanisms (mandatory reinsurance pools, anti-sanctions clauses, judicial subrogation in special jurisdictions), institutional mechanisms (development of the National Reinsurance Company, retrocession to friendly countries), and compliance instruments (harmonization of insurance, currency, and anti-money laundering legislation). The prospects of creating a BRICS reinsurance pool are examined separately. The results can be used for the revision of the draft federal law “On Reinsurance Activities in the Russian Federation” and regulations of the Bank of Russia.

KEY WORDS: reinsurance activity, sanctions restrictions, financial security, legal regulation, National Reinsurance Company, subrogation, compliance, risk transfer, reinsurance pool, BRICS.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена фундаментальными изменениями в архитектуре глобального перестраховочного рынка, произошедшими после введения в 2022 году пакетов экстерриториальных санкций против Российской Федерации. Перестрахование как механизм вторичного распределения рисков между страховщиками традиционно базировалось на принципах свободы договора, трансграничного движения капитала и доверия к юрисдикции перестраховщика. Однако в условиях, когда крупнейшие мировые перестраховочные компании (Munich Re, Swiss Re, Lloyd's, Hannover Re) отказались от исполнения действующих договоров и прекратили заключение новых с российскими резидентами, возникла острейшая проблема финансовой безопасности [1; 2].

Степень научной разработанности темы остается невысокой в силу ее новизны. Отдельные аспекты санкционных рисков в страховании рассматривались в работах А.С. Петровой [3], И.И. Иванова [4], П.С. Маркова [5], однако комплексного исследования именно правового регулирования перестраховочной деятельности в условиях санкционных ограничений до настоящего момента не проводилось. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в процессе правового регулирования перестраховочной деятельности в Российской Федерации. *Предмет* исследования – нормы российского и международного права, судебная практика, а также правовые механизмы минимизации санкционных рисков.

Цель исследования – выявить и систематизировать риски финансовой безопасности в сфере перестрахования, порожденные санкционными ограничениями, и разработать научно обоснованные правовые и институциональные механизмы их минимизации.

Для достижения указанной цели поставлены следующие *задачи*:

1. Рассмотреть теоретические основы правового регулирования перестраховочной деятельности в Российской Федерации.
2. Провести анализ санкционных ограничений, влияющих на перестраховочную деятельность.
3. Идентифицировать и классифицировать риски финансовой безопасности.
4. Разработать систему правовых механизмов минимизации выявленных рисков.

Методологическую основу исследования составляют диалектический метод познания, формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и статистический методы. Эмпирическую базу исследования образуют нормативные правовые акты Российской Федерации, регламенты Европейского Союза, директивы OFAC (Office of Foreign Assets Control), обзоры

судебной практики, статистические данные Банка России и годовые отчеты Национальной перестраховочной компании (НПК) за 2022–2025 годы.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- впервые предложена авторская классификация рисков финансовой безопасности в перестраховочной деятельности, дифференцированных по источнику возникновения (прямые санкции, вторичные санкции, блокирующие санкции);
- разработаны конкретные проекты изменений в Закон РФ «Об организации страхового дела» и нормативные акты Банка России;
- обоснована необходимость создания перестраховочного пула БРИКС как наднационального механизма перераспределения рисков.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии теории правового регулирования страховой деятельности в условиях геополитической фрагментации. Практическая значимость заключается в возможности использования предложенных механизмов для совершенствования законодательства.

Глава 1. Теоретико-правовые основы перестраховочной деятельности в Российской Федерации

1.1. Понятие, правовая природа и виды перестрахования

Перестраховочная деятельность представляет собой совокупность общественных отношений, возникающих в связи с передачей страховщиком (цедентом) части принятого на себя страхового риска другому страховщику (перестраховщику) на условиях, определенных договором перестрахования. Легальное определение перестрахования содержится в статье 13 Закона РФ от 27 ноября 1992 года № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (далее – Закон об организации страхового дела): «Перестрахование – это деятельность по страхованию одним страховщиком (перестрахователем) имущественных интересов другого страховщика (перестраховщика), связанных с принятым последним по договору страхования (основному договору) обязательством по страховой выплате» [6].

Правовая природа перестрахования является предметом длительной научной дискуссии. В российской цивилистике выделяются три основных подхода:

1. Договор страхования – перестрахование рассматривается как разновидность страхования предпринимательских рисков, где объектом страхования выступает риск выплаты страхового возмещения по основному договору. Этот подход нашел отражение в п. 2 ст. 967 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), согласно которому «к договору перестрахования применяются правила, предусмотренные настоящей главой, подлежащие применению в отношении страхования

предпринимательского риска» [7].

2. Договор поручительства – перестрахование трактуется как способ обеспечения исполнения обязательства страховщика перед страхователем. Однако данный подход подвергается обоснованной критике, поскольку при перестраховании перестраховщик не несет солидарной ответственности перед страхователем (прямой иск к перестраховщику невозможен).

3. Смешанный договор – перестрахование сочетает элементы договора страхования и договора оказания услуг по управлению рисками. Этот подход представляется наиболее адекватным современной судебной практике.

Виды перестрахования классифицируются по нескольким основаниям.

По способу передачи рисков:

- Факультативное перестрахование – перестрахователь передает перестраховщику каждый конкретный риск отдельно на основании направленной оферты. Перестраховщик принимает решение по каждому риску индивидуально.

- Облигаторное перестрахование – перестрахователь обязан передать, а перестраховщик – принять все риски по определенной группе договоров на заранее согласованных условиях. Заключается рамочный договор (трактат).

По типу покрытия:

- Квотное перестрахование – перестраховщик принимает фиксированную долю (например, 20%) каждого риска в портфеле.

- Эксцедентное перестрахование – перестраховщик покрывает часть риска, превышающую определенный уровень собственного удержания цедента (приоритет).

- Эксцедент убытка – перестраховщик выплачивает возмещение только после того, как убыток цедента превысит установленный лимит (приоритет) и до определенного предела.

По юрисдикционной принадлежности:

- Внутреннее перестрахование (резидент – резидент).

- Трансграничное перестрахование (резидент – нерезидент).

Именно трансграничное перестрахование оказалось наиболее уязвимым перед санкционными ограничениями, что и определяет фокус настоящего исследования.

1.2. Источники правового регулирования перестрахования

Систему источников правового регулирования перестраховочной деятельности в Российской Федерации образуют следующие уровни:

Международно-правовой уровень: Россия является участницей ряда международных соглашений, хотя специального многостороннего договора о перестраховании не существует. Определенное значение имеют соглашения в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в частности Договор о ЕАЭС от 29 мая

2014 года, который предусматривает гармонизацию страхового законодательства. Однако санкционные ограничения де-факто приостановили действие многих положений о свободе движения услуг.

Федеральный законодательный уровень: Основным актом является ГК РФ (гл. 48 «Страхование», ст. 967) и Закон об организации страхового дела. Статья 967 ГК РФ устанавливает, что «перестрахование допускается на основании договора перестрахования, заключаемого между страховщиком и перестраховщиком». К договору перестрахования применяются правила о страховании предпринимательского риска, если договором не предусмотрено иное. Однако, как справедливо отмечает Е.В. Коломин, «применение норм о страховании предпринимательского риска к перестрахованию носит ограниченный характер в силу специфики перестраховочных отношений» [8, с. 112].

Статья 13 Закона об организации страхового дела содержит важное правило о том, что «перестрахование не освобождает страховщика по основному договору страхования от ответственности перед страхователем». Это означает, что страховщик не может ссылаться на неисполнение обязательств перестраховщиком для отказа в выплате страхователю.

Подзаконный уровень: Банк России как орган страхового надзора издает многочисленные нормативные акты. Важнейшими являются:

- Положение Банка России от 16 ноября 2021 года № 781-П «О правилах формирования страховых резервов по страхованию жизни»;

- Положение Банка России от 19 марта 2021 года № 754-П «О правилах формирования страховых резервов по страхованию иному, чем страхование жизни»;

- Указание Банка России от 28 июля 2022 года № 6224-У «О требованиях к финансовой устойчивости и платежеспособности страховщиков»;

- Специальные нормативные акты, регулирующие деятельность Национальной перестраховочной компании.

Локальный уровень: Договоры перестрахования, типовые правила и стандарты, разрабатываемые профессиональными объединениями. Важно отметить, что в силу ст. 421 ГК РФ стороны свободны в заключении договора, что позволяет имплементировать в договоры специальные антисанкционные оговорки – вопрос, который будет подробно рассмотрен в главе 3.

Глава 2. Санкционные ограничения как фактор трансформации перестраховочного рынка

2.1. Характеристика санкционных режимов и их влияние на перестрахование

Санкционные ограничения, введенные против Российской Федерации с 2014 года и резко усиленные с февраля 2022 года, представляют собой

многоуровневую систему запретов, адресованных как государственным органам, так и частным субъектам экономической деятельности. Для перестраховочной деятельности критическое значение имеют следующие санкционные режимы.

Режим секторальных санкций ЕС. Регламент Совета ЕС 833/2014 был принят 31 июля 2014 года, но наиболее значимые изменения внесены Регламентом 2022/328 от 25 февраля 2022 года и последующими актами [9]. Статья 3g указанного регламента запрещает «предоставление, прямое или косвенное, страховых и перестраховочных услуг лицу, связанному с Российской Федерацией, в отношении рисков, связанных с авиацией и космосом, включая самолеты, вертолеты, а также космические аппараты». Запрет распространяется на:

- перестрахование воздушных судов, принадлежащих российским лицам или зарегистрированных в России;
- перестрахование космических рисков (запуск, эксплуатация спутников);
- перестрахование судов, подпадающих под действие санкций.

Кроме того, Регламент 2022/328 ввел запрет на предоставление перестраховочных услуг, связанных с экспортом в Россию товаров и технологий двойного назначения, а также с инвестициями в российские проекты в энергетическом секторе.

Блокирующие санкции США. Министерство финансов США через OFAC ввело блокирующие санкции в отношении ряда российских финансовых институтов, включая ВТБ, Сбербанк, Альфа-Банк и другие. Согласно Указу Президента США № 14024, любое лицо, осуществляющее операции с включенными в SDN List организациями, само рискует попасть под санкции. Для перестраховочной деятельности это означает, что перечисление перестраховочной премии российским страховщиком – даже через корреспондентские счета – может быть квалифицировано как «предоставление материальной поддержки» подсанкционному лицу.

Английские санкции (Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018). Великобритания, являясь традиционным центром перестраховочного рынка, ввела запрет на предоставление перестраховочных услуг, которые «приносят выгоду российскому лицу». Lloyd's официально уведомил синдикаты о необходимости прекратить заключение новых договоров перестрахования с российскими контрагентами и расторгнуть действующие.

Режим вторичных санкций. Наиболее опасным для третьих стран является механизм вторичных санкций, закрепленный в Указе № 14024 (США). Согласно этому акту, OFAC вправе наложить санкции на любое лицо, независимо от его национальности, которое «осуществляет значительные операции с российским финансовым сектором». Это создает правовую неопределенность для пе-

рестраховщиков из Китая, Индии, ОАЭ, Турции, которые потенциально могли бы заменить ушедших западных перестраховщиков.

Глава 3. Риски финансовой безопасности в перестраховочной деятельности: классификация и правовая характеристика

3.1. Понятие финансовой безопасности применительно к перестрахованию

Финансовая безопасность в контексте перестраховочной деятельности – это состояние защищенности страховой системы от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее способность страховщиков своевременно и в полном объеме исполнять обязательства перед страхователями за счет эффективного перераспределения рисков через механизм перестрахования [11]. С.Ю. Глазьев определяет финансовую безопасность как «способность финансовой системы противостоять дестабилизирующим факторам, включая внешние ограничения доступа к финансовым ресурсам» [12, с. 23].

Применительно к перестрахованию можно выделить следующие аспекты финансовой безопасности:

1. Достаточность перестраховочной защиты – способность перестраховочного рынка принять риски, превышающие собственные возможности страховщиков.

2. Надежность перестраховщиков – гарантированность исполнения обязательств перестраховщиком при наступлении оговоренного события.

3. Ликвидность перестраховочных операций – возможность беспрепятственного получения перестраховочного возмещения в валюте, приемлемой для страховщика.

4. Юридическая определенность – наличие эффективных механизмов разрешения споров и принудительного исполнения решений.

Санкционные ограничения наносят ущерб по всем указанным аспектам. Наиболее серьезные риски перечислены ниже.

3.2. Систематизация рисков

Риск 1: Прямое неисполнение обязательств перестраховщиком-нерезидентом. Данный риск возникает вследствие того, что западные перестраховщики, ссылаясь на санкционные регламенты, отказываются производить выплаты даже по договорам, заключенным до введения санкций. Правовая природа такого отказа является спорной. С одной стороны, санкционный регламент имеет прямое действие на территории ЕС, и перестраховщик, осуществив выплату, сам станет нарушителем режима. С другой стороны, принцип *pacta sunt servanda* предполагает исполнение договорных обязательств, а изменение законодательства не является основанием для освобождения от ответственности, если стороны могли предвидеть такие изменения. Арбитражные суды

РФ в делах А41-102345/2022 и А40-287654/2023 признавали санкции форс-мажором лишь при наличии прямой причинно-следственной связи, но в большинстве случаев вставали на сторону российских страховщиков [13].

Риск 2: Блокировка перестраховочных премий и активов. При перечислении перестраховочной премии на счета западных перестраховщиков эти средства могут быть заблокированы в рамках санкционных режимов. Характерен случай с перестраховочной компанией «СОГАЗ», которая перечислила премию Munich Re в размере 12 млн евро, после чего счет Munich Re в Deutsche Bank был заблокирован, а средства не возвращены [14]. Российский страховщик потерял и премию, и перестраховочную защиту.

Риск 3: Вторичные санкции для перестраховщиков из третьих стран. Компании из Китая, Индии, ОАЭ, Турции и других государств, которые теоретически могли бы заменить западных перестраховщиков, опасаются применения к ним вторичных санкций со стороны США. Практика показывает, что даже намек на возможное отключение от системы SWIFT или блокировку долларовых операций заставляет эти компании отказываться от сотрудничества с российскими страховщиками. По данным опроса, проведенного Российским союзом автостраховщиков, 82% потенциальных перестраховщиков из третьих стран ответили отказом на предложения о сотрудничестве [15].

Риск 4: Критическая концентрация рисков внутри национальной системы. Невозможность вынести крупные риски за рубеж ведет к их на-

коплению в Национальной перестраховочной компании и у крупнейших российских перестраховщиков («Ингосстрах», «СОГАЗ», «РЕСО-Гарантия»). Максимальная емкость НПК оценивается Банком России в 450 млрд руб., однако совокупные риски по авиации (320 млрд руб.), космосу (180 млрд руб.), морскому фрахту (90 млрд руб.), опасным производственным объектам (250 млрд руб.) приближаются к этой границе [1, с. 56]. В случае двух-трех крупных страховых событий одновременно (например, падение двух самолетов и авария на АЭС) система может не выдержать.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие основные выводы:

1. Санкционные ограничения, введенные против Российской Федерации с 2022 года, привели к разрушению классической модели трансграничного перестрахования, основанной на взаимодействии с крупнейшими мировыми перестраховщиками. Российские страховщики потеряли доступ к внешним перестраховочным емкостям в объеме примерно 50 млрд руб. ежегодно, что создает реальные угрозы финансовой безопасности.

2. Выявлены и систематизированы пять ключевых рисков: неисполнение обязательств перестраховщиками-нерезидентами, блокировка активов и премий, вторичные санкции в отношении контрагентов из третьих стран, критическая концентрация рисков внутри национальной системы, валютно-курсовые риски. Вероятность реализации этих рисков оценивается как высокая (40–85%), а потенциальный ущерб – до 150 млрд руб.

Список литературы:

- [1] Банк России. Обзор ключевых показателей деятельности страховщиков. Итоги 2024 года. – М.: Банк России, 2025. – 78 с.
- [2] Swiss Re Institute. Global reinsurance market outlook 2025. – Zurich: Swiss Re, 2025. – 112 p.
- [3] Петрова А.С. Санкционные риски в страховых обязательствах: правовая природа и судебная практика // Страховое право. – 2023. – № 3 (91). – С. 44–52.
- [4] Иванов И.И. Глобальные перестраховочные емкости в условиях фрагментации рынка // Финансы и кредит. – 2024. – Т. 30. – № 2. – С. 212–229.
- [5] Марков П.С. Оговорки о форс-мажоре и изменении обстоятельств в трансграничном перестраховании // Хозяйство и право. – 2022. – № 11. – С. 33–40.

References:

- [1] Bank of Russia. Review of Key Performance Indicators of Insurers. Results for 2024. Moscow: Bank of Russia, 2025, 78 p.
- [2] Swiss Re Institute. Global Reinsurance Market Outlook 2025. Zurich: Swiss Re, 2025, 112 p.
- [3] Petrova, A.S. Sanctions Risks in Insurance Obligations: Legal Nature and Judicial Practice // Insurance Law. 2023, No. 3 (91), pp. 44–52.
- [4] Ivanov, I.I. Global Reinsurance Capacities in the Context of Market Fragmentation // Finance and Credit. 2024, Vol. 30, No. 2, pp. 212–229.
- [5] Markov, P.S. Force majeure and change of circumstances clauses in cross-border reinsurance // Business and Law. - 2022. - No. 11. - P. 33–40.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.07.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-3-45-49

ДЕ СЕЙТА Лима Далмейда Арагау Ожвалду,
аспирант,
Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы,
e-mail: 1042235296@rudn.ru

МИГРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ГИБРИДНЫХ КОНФЛИКТАХ: КЕЙС ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ КОНГО И РУАНДЫ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется использование миграции в качестве инструмента политического принуждения в рамках гибридного межгосударственного конфликта между Демократической Республикой Конго (далее ДРК) и Руандой. На основе исторического, институционального и структурно-функционального подходов автор реконструирует генезис миграционных потоков от геноцида тутси (1994 г.) до эскалации 2025–2026 гг. Показано, что вынужденные перемещения населения трансформировались из гуманитарной проблемы в саморегулирующийся механизм дестабилизации, выполняющий военно-стратегическую, экономическую, политико-правовую и институционально-деструктивную функции. Особое внимание уделяется четырём взаимосвязанным каналам принуждения: подпитка вооружённых групп (ДСОР, М23) через лагеря беженцев; обострение конкуренции за ресурсы и демографическое давление; использование миграционных коридоров для маскировки транснациональных криминальных сетей по эксплуатации колтана и золота; а также эрозия государственного суверенитета ДРК с созданием параллельных систем управления на востоке страны. Автор приходит к выводу, что Руанда легитимизирует интервенции борьбой с ДСОР, тогда как ДРК обвиняет Кигали в поддержке повстанцев (М23) и целенаправленной демографической политике. Эффективное урегулирование невозможно без признания миграционного измерения политическим, а не только гуманитарным фактором, что требует демилитаризации лагерей и верифицируемых двусторонних договорённостей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическое принуждение, гибридный конфликт, инструментализация миграции, вынужденная миграция, региональная безопасность, Демократическая Республика Конго (ДРК), Руанда.

DE CEITA Lima Dalmeida Aragao Osvailodo,
graduate student,
Peoples' Friendship University of Russia

MIGRATION AS A TOOL OF POLITICAL COERCION IN INTER-STATE HYBRID CONFLICTS: THE CASE OF THE DEMOCRATIC REPUBLIC OF THE CONGO AND RWANDA

ANNOTATION. The article analyses the use of migration as a tool of political coercion in the framework of the hybrid interstate conflict between the Democratic Republic of the Congo (DRC) and Rwanda. Based on historical, institutional, and structural-functional approaches, the author reconstructs the genesis of migration flows from the Tutsi genocide (1994) to the escalation of 2025–2026. It is shown that forced population movements have transformed from a humanitarian problem into a self-regulating mechanism of destabilization, performing military-strategic, economic, political, legal, and institutionally destructive functions. Special attention is paid to four interrelated channels of coercion: the feeding of armed groups (FDLR, M23) through refugee camps; the intensification of competition for resources and demographic pressure; the use of migration corridors to disguise transnational criminal networks for the exploitation of coltan and gold; as well as the erosion of the state sovereignty of the DRC with the creation of parallel management systems in the east of the country. The author concludes that Rwanda legitimizes interventions by fighting the FDLR, while the DRC accuses Kigali of supporting the rebels (M23) and targeted demographic

policies. An effective settlement is impossible without recognizing the migration dimension as a political, not just a humanitarian, factor, which requires the demilitarization of camps and verifiable bilateral agreements.

KEY WORDS: political coercion, hybrid conflict, migration instrumentalization, forced migration, regional security, Democratic Republic of the Congo (DRC), Rwanda.

Введение

Отношения между Демократической Республикой Конго и Руандой на протяжении трёх десятилетий остаются одним из самых сложных и кровопролитных узлов нестабильности в регионе Центральной Африки. Ключевым, но часто недооцениваемым элементом этого противостояния выступает миграция. Геноцид тутси в Руанде (1994) вызвал беспрецедентный исход населения, где примерно 1.2 млн руандийских хуту нашли убежище в восточных провинциях Заира (ныне ДРК). Этот поток не только изменил демографический и этнический ландшафт региона, но и заложил основу для многолетнего вооружённого конфликта, в котором миграция из следствия превратилась в инструмент.

Современная политология всё чаще рассматривает вынужденные перемещения не как пассивный результат насилия, а как активный ресурс в гибридных войнах – средство оправдания интервенций, маскировки поддержки повстанцев, изменения баланса сил и давления на соседнее государство. В случае ДРК и Руанды миграционные потоки стали своеобразным «оружием слабого» для Руанды (обоснование трансграничных операций) и одновременно фактором эрозии суверенитета для ДРК. Цель данной статьи – на основе анализа исторических и современных данных, докладов ООН, исследований правозащитных организаций и научной литературы показать, как миграция системно используется в качестве инструмента политического принуждения в рамках межгосударственного гибридного конфликта.

Методология и историография. Методологическую основу исследования составили исторический (реконструкция генезиса миграционных потоков от геноцида 1994 г. до эскалаций с М23), институциональный (анализ эффективности институтов в регулировании перемещений) и структурно-функциональный (оценка роли региональных организаций) подходы.

Данная тема находит отражение в работах российских исследователей, таких как С.А. Боке-рия, Т.С. Денисова, и зарубежных – G. Prunier, I. Salehyan, T. Vircoulon. Настоящее исследование впервые системно анализирует миграцию как инструмент политического принуждения в гибридном конфликте на примере ДРК и Руанды.

Исторический контекст

Массовая миграция между Руандой и ДРК началась после геноцида тутси в 1994 году. Около 1.2 млн руандийских хуту бежали в восточные провинции Заира (ныне ДРК), спасаясь от преследований победившего Руандийского патриотиче-

ского фронта. Этот исход кардинально изменил этнический баланс в регионе Великих озёр.

Присутствие беженцев-хуту, среди которых были и боевики ДСОР, спровоцировало две конголезские войны (1996–2003). Руанда вторглась в ДРК, заявив о необходимости ликвидировать экстремистские лагеря. Миграционные потоки стали не следствием, а предлогом для интервенции, заложив основу для гибридного конфликта.

К 2024 году число беженцев на конголезско-руандийской границе достигло 7 млн человек, а внутренне перемещённых лиц в ДРК — 5,6 млн. Миграция превратилась в устойчивый механизм дестабилизации, где лагеря беженцев служат ресурсом для вооружённых групп (М23, ДСОР) и инструментом политического давления. [3],

В 2025–2026 гг. гуманитарный кризис достиг пика. В ДРК насчитывалось более 7 млн перемещённых лиц, а на границе с Руандой — около 515 тыс. беженцев. Наступление М23 в начале 2026 г. спровоцировало новую волну и, за две недели в Бурунди бежали 42 тыс. конголезцев. Одновременно стартовала программа репатриации руандийских беженцев (около 600 человек в 2025 г.), однако реальные перспективы возвращения миллионов остаются туманными [7].

Миграция как инструмент политического принуждения в конфликте между ДРК и Руандой

Миграция между ДРК и Руандой давно вышла за рамки гуманитарной повестки, превратившись в самостоятельный фактор дестабилизации. Переплетая беженцев, боевиков и трудовых мигрантов, она обретает гибридный характер и превращается в самовоспроизводящуюся систему, где каждый новый поток подпитывает следующий виток насилия. Миграция трансформировалась в гибридный инструмент принуждения.

Миграция выполняет дестабилизирующую функцию через систему взаимосвязанных механизмов, каждый из которых усиливает действие остальных: подпитка вооружённых групп и трансграничная инфильтрация, конкуренция за ресурсы и обострение социальной напряжённости, формирование транснациональных криминальных сетей и подрыв государственного суверенитета и институтов.

1. *Подпитка вооружённых групп и трансграничная инфильтрация.* Трансграничная инфильтрация и использование миграционной инфраструктуры вооружёнными группами выступают ключевым механизмом самоподдержания конфликта. Лагеря беженцев выполняют функции логистических хабов: вербовка, ротация, рекреация и оперативное прикрытие [6]. ДСОР, исторически укоренённая в восточных провинциях ДРК, на протяжении трёх десятилетий использует эти

лагеря как трамплин для рейдов против Руанды [5]. В ответ руандийское государство легитимизирует собственные интервенции и поддержку прокси-сил (включая М23) через риторику «преследования геноцидных сил» [9, с. 115–127]. Так формируется конфликтная петля положительной обратной связи, где миграция выступает одновременно и средством, и предлогом, и продуктом насилия.

2. *Конкуренция за ресурсы и обострение социальной напряженности.* Экономический дефицит, порождаемый массовыми перемещениями, выступает катализатором межгрупповых конфликтов [10]. Ограниченность земли, воды, продовольствия и занятости создаёт «ресурсную ловушку», в которой местные сообщества и мигранты воспринимают друг друга как угрозу выживанию [4].

На этом фоне ДРК артикулирует обвинения в адрес Руанды в проведении целенаправленной демографической политики — переселении населения с целью размывания конголезского большинства в приграничных территориях. Независимо от верифицируемости этих утверждений, они функционируют как самостоятельный политический фактор, легитимизирующий жёсткую позицию Киншасы и углубляющий взаимное недоверие.

3. *Формирование транснациональных криминальных сетей.* Транснациональные криминальные сети по незаконной эксплуатации природных ресурсов (колтан, золото) активно используют миграционные потоки как инструмент маскировки [5]. Эти сети представляют собой сложные многоуровневые коалиции, объединяющие вооружённые группы, коррумпированные элементы государственного аппарата, локальных посредников и международных трейдеров.

Группа экспертов ООН по ДРК в своих докладах систематически документирует прямое участие руандийских военных структур и движения М23 в контроле над рудниками и цепочками поставок, причём перемещения гражданского населения целенаправленно используются как прикрытие для логистики и транзита ресурсов [4].

4. *Подрыв государственного суверенитета и институтов.* Массовое присутствие беженцев, внутренне перемещённых лиц и вооружённых групп на востоке ДРК ведёт к постепенной эрозии государственного суверенитета. На обширных территориях, фактически выпавших из-под контроля Киншасы, незаконные вооружённые формирования создают параллельные системы управления. Они берут на себя ключевые функции государства: сбор налогов, отправдение правосудия и обеспечение «безопасности». Тем самым НВФ не просто бросают вызов центру, а систематически замещают собой ослабленные государственные институты ДРК.

Как справедливо отмечают С. А. Бокерия и А. В. Худайкулова в исследовании миротворчества

ООН в Африке, эволюция мандатов миротворческих миссий (включая MONUSCO в ДРК) демонстрирует растущий разрыв между декларируемыми целями защиты гражданского населения и реальной способностью противостоять гибридным стратегиям, в которых миграционные потоки становятся инструментом вооружённых групп и внешних акторов [1]. Это подтверждается и данными группы экспертов ООН о прямом участии руандийских военных структур в контроле над рудниками через миграционные коридоры.

Учитывая все вышеупомянутые факторы, можно утверждать, что миграция в конголезско-руандийских отношениях утратила статус сугубо гуманитарной проблемы. Она трансформировалась в гибридный механизм дестабилизации, выполняющий несколько взаимосвязанных функций. Во-первых, она снабжает вооружённые группы живой силой и оперативным прикрытием. Во-вторых, создаёт экономическую базу для перманентного конфликта через теневую эксплуатацию ресурсов. В-третьих, провоцирует социальную и этническую напряжённость на местах. В-четвёртых, размывает суверенитет и подрывает институты ДРК. И наконец, служит легитимным предлогом для внешних интервенций и поддержки прокси-сил.

Заключение

Проведённый анализ позволяет утверждать, что в межгосударственном гибридном конфликте между Демократической Республикой Конго и Руандой миграция давно перестала быть исключительно гуманитарным феноменом или пассивным следствием насилия. Напротив, она превратилась в устойчивый, саморегулирующийся механизм политического принуждения, органично встроенный в логику эскалации. Исторически берущий начало в катастрофических событиях геноцида тутси (1994 г.) и последующем исходе около 1.2 млн руандийских хуту в восточные провинции Заира, миграционный фактор сформировал долгосрочную структурную асимметрию, которая продолжает определять динамику двусторонних отношений спустя три десятилетия.

Ключевой теоретический вывод исследования состоит в том, что инструментализация миграции в данном конфликте приобрела гибридный характер, где одновременно задействованы демографическое давление, вооружённые прокси-формирования, криминальные трансграничные сети и информационно-политическая легитимизация интервенций.

Вынужденные перемещения выполняют разные взаимосвязанные функции. Во-первых, массовые перемещения обостряют конкуренцию за землю, воду и занятость, порождая «ресурсную ловушку», а также маскируют деятельность транснациональных криминальных сетей по незаконной эксплуатации колтана, золота и других полезных ископаемых. Во-вторых, Руан-

да системно использует присутствие вооружённых формирований хуту (ДСОР) на территории ДРК как легитимный предлог для трансграничных операций и поддержки прокси-сил. ДРК, в свою очередь, артикулирует обвинения в адрес Кигали в целенаправленной демографической политике, направленной на размывание конголезского большинства в приграничных территориях. В-третьих, Руанда системно использует присутствие вооружённых формирований хуту (ДСОР) на территории ДРК как легитимный предлог для трансграничных операций и поддержки прокси-сил. ДРК, в свою очередь, артикулирует обвинения в адрес Кигали в целенаправленной демографической политике, направленной на размывание конголезского большинства в приграничных территориях. И в-четвёртых, на обширных территориях востока ДРК, где насчи-

тывается более 7 млн внутренне перемещённых лиц (по состоянию на 2025–2026 гг.), происходит последовательная эрозия государственного суверенитета. Незаконные вооружённые формирования создают параллельные системы управления (сбор налогов, правосудие, безопасность), фактически замещая собой ослабленные государственные институты Киншасы.

Таким образом, миграция в конфликте между ДРК и Руандой представляет собой не просто один из многих факторов, а центральный механизм, скрепляющий военные, экономические и политические измерения гибридной войны. Игнорирование этого обстоятельства обрекает любые миротворческие инициативы на провал, тогда как его концептуализация открывает путь к разработке более реалистичных и комплексных стратегий урегулирования.

Список литературы:

- [1] Бокерия С. А. Миротворчество ООН в Африке: характер, масштабы и развитие / С. А. Бокерия, А. В. Худайкулова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 435–450.
- [2] Денисова Т. С. Демократическая Республика Конго: политическая нестабильность и фактор Руанды / Т. С. Денисова, С. В. Костелянец // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 37–47.
- [3] Ситуационный анализ РСМД и ИМИ МГИМО «Конфликт в районе Великих африканских озёр (РВО) и позиция России» // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/news/situatsionnyy-analiz-rsmdi-imi-mgimo-konflikt-v-rayone-velikikh-afrikanskikh-ozher-rvo-i-pozitsiya-r/> (дата обращения: 03.04.2026).
- [4] International Crisis Group. Stemming the Rising Tide of Violence in DR Congo's Eastern Provinces // Crisis Group. – 2023. – URL: <https://www.crisisgroup.org/> (дата обращения: 03.04.2026).
- [5] Prunier G. Africa's World War: Congo, the Rwandan Genocide, and the Making of a Continental Catastrophe / G. Prunier. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 592 p.
- [6] Salehyan I. Rebels without Borders: State Boundaries, Transnational Opposition, and Civil Conflict / I. Salehyan. – Ithaca: Cornell University Press, 2009. – 216 p.
- [7] UNHCR. Conflicts and climate crises drive displacement in West and Central Africa, with urgent need for protection and resilient solutions. // UNHCR. – URL: https://www.unhcr.org/where-we-work/regions/west-and-central-africa?_gl=1*js582*_rup_ga*MjQ5NDM1ODUuMTY5MDg5Mjg2Mw..*_rup_ga_EVDQTJ4LMTY5NTkwNjc0Mi4xLjE2OTU5MDkwOTEuMC4wLjA.*_ga*MTE4NzA5MTc3LjE2ODQ5NjQ1Mjc.*_ga_X2YZPJ1XWR*MTY5NTkwNjc1OS4xMDkuMS4xNjk1OTA5MDkxLjAuMC4w&dataset=POP&yearsMode=range&selectedYears=%5B2012%2C2026%5D&level=REG&category=PTY&fundingSource=ALS&compareBy=%5B%22category%22%5D&levelCompare=%5B%5B%22RWCA%22%5D%5D&viewType=chart&chartType=bar&contextualDataset=BUD&tableView=absolute (дата обращения: 03.04.2026).
- [8] Vircoulon, T. La crise du Kivu: chronique d'un conflit sans fin ? / T. Vircoulon // Politique étrangère. – 2020. – Vol. 85, No. 2. – P. 87–100.
- [9] Williams J.-C. L'Afrique des Grands Lacs: Des crises sans fin ? / J.-C. Williams // Politique étrangère. – 2021. – Vol. 86, No. 3. – P. 115–127.
- [10] World Bank. The World Bank in DRC // World Bank. – 2022. – URL: <https://www.worldbank.org/en/country/drc/overview> (дата обращения: 03.04.2026).

References:

- [1] Bokeria S. A. UN Peacekeeping in Africa: Character, Scale, and Development / S. A. Bokeria, A. V. Khudaikulova // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. – 2023. – Vol. 23, No. 3. – Pp. 435–450.
- [2] Denisova T. S. The Democratic Republic of the Congo: Political Instability and the Rwanda Factor / T. S. Denisova, S. V. Kostelyanets // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. – 2023. – Vol. 23, No. 1. – Pp. 37–47.
- [3] Situational Analysis of the Russian International Affairs Council and the MGIMO Institute of International Relations "Conflict in the Great African Lakes Region (GLR) and Russia's Position" // RIAC. URL:

<https://russiancouncil.ru/news/situatsionnyy-analiz-rsmdi-imi-mgimo-konflikt-v-rayone-velikikh-afrikanskikh-ozher-rvo-i-pozitsiya-r/> (date of access: 04/03/2026).

[4] International Crisis Group. *Stemming the Rising Tide of Violence in DR Congo's Eastern Provinces* // Crisis Group. – 2023. – URL: <https://www.crisisgroup.org/> (access date: 04/03/2026)

[5] Prunier G. *Africa's World War: Congo, the Rwandan Genocide, and the Making of a Continental Catastrophe* / G. Prunier. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 592 p.

[6] Salehyan I. *Rebels without Borders: State Boundaries, Transnational Opposition, and Civil Conflict* / I. Salehyan. – Ithaca: Cornell University Press, 2009. – 216 p.

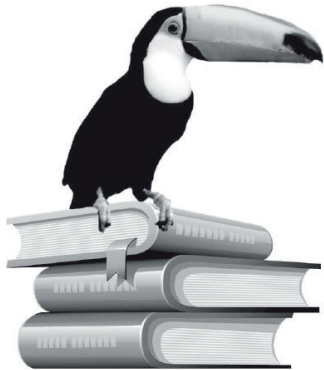
[7] UNHCR. *Conflicts and climate crises drive displacement in West and Central Africa, with urgent need for protection and resilient solutions.* // UNHCR. – URL: https://www.unhcr.org/where-we-work/regions/west-and-central-africa?_gl=1*js582*_rup_ga*MjQ5NDM1ODUuMTY5MDg5Mjg2Mw..*_rup_ga_EVDQTJ4LMTY5NTkwNjc0Mi42Mi4xLjE2OTU5MDkwOTEuMC4wLjA.*_ga*MTE4NzA5MTc3LjE2ODQ5NjQ1Mjc.*_ga_X2YZPJ1XWR*MTY5NTkwNjc1OS4xMDkuMS4xNjk1 OTA5MDkxLjAuMC4w&dataset=POP&yearsMode=range&selectedYears=%5B2012%2C2026%5D&level=REG&category=PTY&fundingSource=ALS&compareBy=%5B%22category%22%5D&levelCompare=%5B%5B%22RWCA%22%5D%5D&viewType=chart&chartType=bar&contextualDataset=BUD&tableView=absolute (date of access: 04/03/2026).

[8] Vircoulon, T. *La crise du Kivu: chronique d'un conflit sans fin?* / T. Vircoulon // *Politique étrangère*. – 2020. – Vol. 85, No. 2. – P. 87-100.

[9] Williams J.-C. *L'Afrique des Grands Lacs: Des crises sans fin?* / J.-C. Williams // *Politique étrangère*. – 2021. – Vol. 86, No. 3. – P. 115-127.

[10] World Bank. *The World Bank in DRC* // World Bank. – 2022. – URL: <https://www.worldbank.org/en/country/drc/overview> (access date: 04/03/2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.07.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-3-50-55

КОСТАНЫЯН Степан Арамович,
магистрант,
Аккредитованное образовательное частное
учреждение высшего образования
«Московский финансово-юридический университет МФЮА»,
e-mail: kostanyan_stepan@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются различные актуальные проблемы, напрямую взаимосвязанные с необходимостью доказывания полномочий представителя в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве. Автор детально исследует сложности, которые могут появиться на практике при подтверждении статуса и объёма установленных полномочий лиц, выступающих от имени конкретных доверителей в суде.

При этом особое внимание уделяется распространённым недостаткам в оформлении доверенностей: отсутствию даты её совершения, истечению срока действия, ненадлежащему указанию специальных полномочий, разнообразным техническим ошибкам и опечаткам. Также подробно разбираются проблемы, касающиеся иностранных доверенностей (их легализация, апостиль, перевод), в том числе вопросы фальсификации документов и тщательной проверки их подлинности.

В статье анализируются и сложности в некоторых категориях дел: в корпоративных спорах, наследственных делах, при банкротстве и международных разбирательствах. Рассматриваются противоречия в судебной практике и субъективное отношение судей при оценке документов, пробелы в правовом регулировании электронных форматов доверенностей и цифровых механизмов подтверждения полномочий.

Автор указывает и на систематические проблемы: на отсутствие единого реестра доверенностей, недостаточный уровень чётких критериев для оценки документов, низкий уровень правовой грамотности участников процесса.

Далее предлагаются направления совершенствования законодательства и практики правоприменения: необходимо сформировать единый реестр доверенностей, разработать методические рекомендации для судей, в том числе внедрить цифровые инструменты верификации и увеличения правовой грамотности всех участников судопроизводства.

Научная новизна исследования состоит в комплексном анализе современных проблем доказывания полномочий представителя в условиях цифровизации судопроизводства и разработке детального механизма реализации предложений по совершенствованию института представительства. В частности: предложена структура единого федерального реестра доверенностей, включающая обязательные поля: номер доверенности, дата выдачи и срок действия, данные доверителя и представителя, перечень полномочий, отметка о передоверии, статус (действующая/отменённая), идентификатор электронной подписи; определён порядок взаимодействия судов с реестром: автоматическая проверка актуальности доверенности через ГАС «Правосудие» при подаче процессуальных документов в электронном виде.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: представительство в суде, полномочия представителя, доверенность, доказывание полномочий, судебное производство, проверка доверенностей, фальсификация доверенностей, правовая грамотность.

KOSTANYAN Stepan Aramovich,
graduate student,
Accredited private educational institution of higher education
«Moscow University of Finance and Law MFUA»

PROBLEMS OF PROVING THE AUTHORITY OF A REPRESENTATIVE IN A COURT PROCEEDING

ANNOTATION. The article discusses various current issues that are directly related to the need to prove the authority of a representative in civil, arbitration, and administrative proceedings. The author examines in detail the difficulties that may arise in practice when confirming the status and scope of the established authority of individuals acting on behalf of specific clients in court.

In this regard, special attention is paid to common errors in the execution of power of attorney documents, such as the absence of a date of execution, expiration of the validity period, improper specification of special authority, and various technical errors and typos. The article also provides a detailed analysis of the problems related to foreign powers of attorney (their legalization, apostilization, and translation), including issues of document falsification and thorough verification of their authenticity.

The article also examines the challenges in certain categories of cases, such as corporate disputes, inheritance cases, bankruptcy proceedings, and international legal disputes. It addresses the contradictions in judicial practice and the subjective approach of judges in evaluating documents, as well as the gaps in the legal regulation of electronic formats of powers of attorney and digital mechanisms for confirming authority.

The author also points out systematic problems: the lack of a unified register of powers of attorney, the insufficient level of clear criteria for evaluating documents, and the low level of legal literacy among participants in the process.

The author then proposes ways to improve legislation and law enforcement practices, including the creation of a unified register of powers of attorney, the development of guidelines for judges, and the implementation of digital tools for verification and increasing legal literacy among all participants in the judicial process.

The scientific novelty of the study lies in a comprehensive analysis of the current problems of proving the representative's authority in the context of digitalization of legal proceedings and the development of a detailed mechanism for implementing proposals to improve the institution of representation. In particular, the study proposes a structure for a unified federal registry of powers of attorney, which includes mandatory fields such as the power of attorney number, date of issuance and expiration date, information about the principal and the representative, a list of powers, a note about the transfer of authority, the status (valid/canceled), and an electronic signature identifier. The study also defines the procedure for courts to interact with the registry, including the automatic verification of the validity of the power of attorney through the State Automated System «Justice» when submitting procedural documents in electronic form.

KEY WORDS: representation in court, representative authority, power of attorney, proof of authority, legal proceedings, verification of power of attorney, falsification of power of attorney, legal literacy.

Институт представительства обладает ключевым значением при обеспечении доступа к правосудию, потому что он позволяет непосредственным участникам процесса действовать при необходимости через уполномоченных лиц. Но в реальной практике появляется большое количество сложностей, напрямую взаимосвязанных с доказыванием полномочий представителя перед судебным органом [1, с. 10]. Поэтому требуется установить и проанализировать основные проблемы, появляющиеся при доказывании полномочий представителя в судебном процессе, в том числе предложить эффективные пути их решения.

При этом актуальность темы вызвана ростом количества судебных споров, в которых оспаривается правомерность проводимых действий со стороны представителей, в том числе развитием электронного документооборота, который вносит совершенно новые вызовы в классическую схему подтверждения полномочий [8, с. 29].

Что касается правового регулирования вопросов подтверждения полномочий представителя, то оно реализуется через многие нормативные акты. Например, ГПК РФ (а именно ст. 53-54 ГПК РФ) [5, ст. 53] определяет требования к оформлению полномочий представителя в гражданском процессе. В свою очередь, АПК РФ (ст. 59-63 АПК РФ) [2, ст. 59] регламентирует схожие

вопросы, но уже для арбитражных дел. КАС РФ (ст. 54-57 КАС РФ) [7, ст. 54] устанавливает основные правила представительства в возникающих административных спорах. Гражданский кодекс РФ (ст. 185-189 ГК РФ) [4, ст. 185] фиксирует общие правила о доверенности как основном документе, который может подтвердить полномочия представителя. Есть также ст. 17.5 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [9, ст. 17.5], который закрепляет возможность применять электронные подписи при подтверждении полномочий в цифровом формате.

Все указанные акты устанавливают необходимые требования к форме и содержанию документов, которые на практике подтверждают полномочия непосредственного представителя, в том числе порядок их представления в суд и последствия от их ненадлежащего оформления [6].

Так, самой распространённой проблемой считается нечёткость формулировок в доверенностях. Зачастую в документе вообще отсутствуют какие-либо прямые указания на совершение определённых процессуальных действий, на которые имеет право представитель, к примеру, законное право на подписание искового заявления, в том числе на заключение мирового соглашения либо на обжалование вынесенного судебного ре-

шения. Перечисленные моменты могут привести к тому, что судебный орган отказывает в признании полномочий в указанных действиях [10, с. 371]. Так, в Определении Тульского областного суда от 01.11.2018 по делу № 7-166/2018 [13] суд указал, что общая формулировка о возможности пользоваться «всеми правами, предоставленными КоАП РФ», не соответствует требованиям к доверенности и не даёт права совершать процессуальные действия.

Также значительные трудности появляются в процессе подтверждения полномочий субпредставителя в случае ситуаций передоверия. Судебный орган может потребовать оригинал доверенности с правом передоверия, либо уведомление доверителя о самом факте передоверия и доказательства надлежащего соблюдения процедуры передоверия, которая определена в ст. 187 ГК РФ. Но на практике данные документы могут быть представлены отнюдь не в полном объёме, что заставляет сомневаться в законности действий субпредставителя.

Проблемы появляются и когда доверенность оформляется с нарушениями. К примеру, в ней нет необходимой подписи доверителя, не указана дата совершения, не проставлена печать организации (в случае, если это юридическое лицо). В указанных ситуациях судебный орган имеет полное право отказать в признании полномочий. В деле № А40-12345/2020 (АС г. Москвы) [14] суд назначил почерковедческую экспертизу, которая подтвердила подделку подписи доверителя. В результате суд отказал в допуске представителя к участию в процессе и признал доверенность недействительной.

Затруднения вызывает и ситуация, когда доверенность выдают за пределами РФ. Тогда необходимо будет её легализовать или поставить апостиль (в зависимости от международных договоров) [11, с. 10].

Очень важен и вопрос идентификации человека, который выдал доверенность. Если в документе не перечислены полные данные доверителя (его ФИО, паспортные данные, адрес), то судебный орган может выставить требование на получение некоторых дополнительных доказательств подтверждения его личности.

В корпоративных спорах могут часто появляться и проблемные моменты, касающиеся подтверждения полномочий представителей юридических лиц. Например, доверенность, которую выдал генеральный директор, может быть оспорена акционерами в качестве совершённой с превышением полномочий.

Также суды часто сталкиваются с фальсификацией доверенностей. Если требуется проверить подлинность подписи, печати, соответствия реквизитов – всё это дополнительные задачи, которые только усложняют процесс. Иногда даже требуется проводить почерковедческую экспертизу [3, с. 21].

Отдельный проблемный вопрос – полномочия законных представителей человека (это могут быть родители или опекуны). Их статус подтверждается уже не доверенностью, а соответствующими документами о родстве либо акте органа опеки. Здесь могут происходить и споры, к примеру, при процедуре оспаривания отцовства.

Проблема доказывания полномочий ухудшается при участии в каком-либо деле сразу нескольких представителей. Если же их полномочия пересекаются либо даже противоречат друг другу, то суд должен чётко разграничить границы допустимых действий каждого представителя.

В некоторых ситуациях представители могут действовать в соответствии с устными договорённостями либо копиями доверенностей, что также является нарушением. Это обусловлено тем, что процессуальное законодательство требует предъявления оригинала документа или же надлежащим образом заверенной копии такого документа.

Особую группу проблем составляют вопросы, связанные с электронным форматом доверенностей. Даже невзирая на развитие цифровых технологий, судебные органы очень часто достаточно скептически относятся к электронным доверенностям и подписям. Здесь сразу появляются вопросы о подлинности электронной подписи, а также о соответствии самого формата электронного документа установленным требованиям в законе и о порядке верификации таких документов со стороны судебного органа. Иногда суды даже требуют представления бумажных аналогов электронных документов, что напрямую противоречит принципам электронного правосудия [12, с. 85].

Внедрение электронных доверенностей сопряжено с рядом технико-юридических сложностей:

1. Проблема совместимости видов электронных подписей. Действующее законодательство (ст. 5 ФЗ № 63-ФЗ) выделяет простую, неквалифицированную и квалифицированную ЭП. Однако суды зачастую признают юридическую силу только за квалифицированной ЭП, что ограничивает применение других видов при оформлении доверенностей. Например, доверенность с неквалифицированной ЭП может быть отклонена, если закон прямо требует квалифицированной подписи.

2. Требования к формату машиночитаемой доверенности. Для автоматической верификации необходима стандартизация структуры МЧД. На текущий момент отсутствует единый формат, что затрудняет интеграцию с ГАС «Правосудие» и другими системами. Оптимальным решением видится использование XML-формата с обязательными полями: уникальный идентификатор, данные доверителя и представителя, перечень полномочий (с кодификацией), срок действия,

идентификатор ЭП.

Существенные сложности связаны и с истечением срока действия доверенности в ходе процесса. Так, представитель может быть допущен к непосредственному участию в деле на начальном этапе, однако затем срок его полномочий истекает, а новая доверенность ещё не оформлена. Конечно, суды должны оперативно реагировать на такие ситуации, но на практике это не всегда происходит своевременно.

Ещё одной проблемой считается отсутствие единых стандартов проверки полномочий. Различные суды могут выставлять и разные требования к доверенностям. Так, одни суды принимают копии доверенностей без получения нотариального заверения, но другие требуют лишь оригиналы (нотариально заверенные копии). Подобная несогласованность приводит к дополнительным трудностям для всех участников процесса и может привести к совершению каких-либо процессуальных ошибок.

Для того чтобы уменьшить количество проблем доказывания полномочий представителя следует на практике реализовать некоторые меры. В первую очередь, необходимо унифицировать требования к самому содержанию доверенности. Детальная проработка типовых форм доверенностей для разных видов процессуальных действий с чётким перечислением полномочий поможет избежать какой-либо нечёткости в формулировках. Например, важно будет в отдельном порядке разграничивать полномочия на подписание искового заявления, в том числе на заключение мирового соглашения, а также на обжалование уже вынесенных судебных актов и на получение присуждённых денежных средств и конкретного имущества.

Необходимо также и совершенствовать регулирование электронного представительства. Для этого следует установить чёткие правила, по которым будут всегда признаваться электронные доверенности, устанавливаться порядок проверки электронных подписей со стороны судебных органов и формироваться единый реестр электронных доверенностей, чтобы была возможность в режиме онлайн проверить актуальность информации. Данный реестр поможет в режиме реального времени подтвердить факт отмены доверенности, установить дату её выдачи, срок действия и т.д. Интеграция с сервисами ФНС и нотариата позволит гарантировать автоматическую верификацию данных о доверителе и представителе. Данное обстоятельство поможет сократить время на проверку документов и уменьшит риски применения недействительных доверенностей.

Высшим судебным инстанциям необходимо дать разъяснения, которые помогут установить универсальные стандарты для проверки полномочий. В указанных разъяснениях необходимо закрепить список документов, которые потребу-

ются для подтверждения полномочий, процедуру проверки подлинности электронных документов и определённые правила взаимодействия судов с электронными реестрами доверенностей. Это поможет убрать возможные разночтения в практике судов и гарантирует единообразное применение правовых норм.

Автоматизация процессов проверки посредством информационных систем, связанных с государственными реестрами, позволит в режиме реального времени установить актуальность доверенности, объём полномочий представителя и наличие факта передоверия с его законностью. Данное обстоятельство значительно ускорит процедуру допуска представителей к непосредственному участию в делах и уменьшит риск ошибок.

Автоматизация процессов проверки сталкивается со следующими проблемами:

1. Интеграция с государственными реестрами. Для верификации данных о доверителе и представителе требуется подключение к ЕГРЮЛ/ЕГРИП, ЕГРН, базам МВД. Однако: доступ к этим системам ограничен регламентами ведомств; форматы данных могут не совпадать (например, разные кодировки ФИО или адресов); обновления баз происходят с задержкой, что создаёт риск использования неактуальных сведений.

2. Проверка подлинности ЭП в реальном времени. Для этого необходимо: синхронизация с удостоверяющими центрами (УЦ) для отслеживания статуса сертификатов; обеспечение защиты от атак на каналы связи между судом и УЦ; учёт сроков действия сертификатов и правил их продления.

3. Обработка доверенностей с передоверием. Алгоритм должен: идентифицировать цепочку передоверия; проверять соблюдение процедуры уведомления доверителя (ст. 187 ГК РФ); учитывать ограничения полномочий при субдоверенностях.

Пути решения: разработка единого API для взаимодействия судов с реестрами и УЦ; создание централизованного сервиса проверки ЭП с кэшированием актуальных статусов сертификатов; внедрение модуля анализа полномочий на основе семантических правил (например, запрет передоверия, если оно не указано в исходной доверенности).

Увеличение квалификации судей и сотрудников аппаратов судов через проведение постоянных обучающих семинаров по вопросам современного представительства, в том числе электронного, приведёт к созданию единообразной практики применения норм и увеличит компетентность участников процесса.

К тому же, необходимо рассмотреть возможность упрощения процедур передоверия полномочий. Можно будет ввести упрощённый порядок уведомления доверителя о факте передоверии либо определить презумпцию осведомлённости

доверителя, если он не выразил никаких возражений в разумный срок. Данные факторы уменьшат административную нагрузку и сделают саму процедуру передоверия более практичной.

Таким образом, рассмотренные проблемы доказывания полномочий представителя в судебном процессе обладают достаточно комплексным характером и им требуется и практическое решение, и нормативное. Нечёткость формулировок доверенностей, трудности с процедурой передоверия, вопросы электронного представительства и отсутствие универсальных стандартов проверки приводят к существенным

препятствиям для эффективного осуществления правосудия.

Практическая реализация предложенных мер позволит увеличить прозрачность процедур подтверждения полномочий, уменьшит количество процессуальных споров по данному вопросу, а также ускорит рассмотрение дел за счёт минимизации процессуальных задержек и обеспечит надёжную защиту прав представляемых лиц. Механизмы совершенствования института представительства в судебном процессе помогут укрепить гарантии доступа к правосудию и увеличат эффективность всей судебной системы.

Список литературы:

- [1] Александров А. Ю. Полномочия представителя в гражданском и арбитражном процессе / А. Ю. Александров, М. А. Бирюкова // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2023. – № 4. – С. 10-13.
- [2] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ : ред. от 15.12.2025 : с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026 // Российская газета. — 2002. — № 137. — 27.07.2002.
- [3] Бронзова Л. И. Проблемы правового регулирования судебного представительства в гражданском процессе / Л. И. Бронзова, А. Ю. Красноглазов // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция. – 2025. – № 26. – С. 21-24.
- [4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ : ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025 : с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025 // Российская газета. — 1994. — № 238–239. — 08.12.1994.
- [5] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ : ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025 : с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026 // Российская газета. — 2002. — № 220. — 20.11.2002.
- [6] Дербенько Т. Ю. Правовая сущность представительства / Т. Ю. Дербенько // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 91-3. – С. 59-61.
- [7] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ : ред. от 29.12.2025, с изм. от 11.02.2026 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: www.pravo.gov.ru (дата публикации: 09.03.2015). — № 0001201503090041.
- [8] Лоцинина Е. И. Правовая природа представительства в гражданском процессе / Е. И. Лоцинина // Право. Законодательство. Личность. – 2023. – № 2(37). – С. 29-34.
- [9] Об электронной подписи : Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ : ред. от 31.07.2025 // Парламентская газета. — 2011. — № 17. — 08.04.2011.
- [10] Плешанов А. Г. К вопросу о пределах полномочий представителя в цивилистическом процессе / А. Г. Плешанов // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 12(228). – С. 371-377.
- [11] Самойлов Н. А. Основания возникновения, изменения и прекращения правоотношения представительства / Н. А. Самойлов // Диалог. – 2025. – № 1(31). – С. 10-11.
- [12] Слободяник С. М. Многообразие правовых форм представительства: проблемные вопросы и перспективы развития / С. М. Слободяник // Экономика. Право. Общество. – 2025. – Т. 10, № 2(42). – С. 84-88.
- [13] Определение Тульского областного суда от 01.11.2018 по делу № 7-166/2018 // СПС «Консультант-Плюс». - URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.03.2026).
- [14] Решение по делу № А40-12345/2020 Арбитражного суда города Москвы (АС города Москвы) // СПС «Консультант-Плюс» : официальный сайт. - URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.03.2026).

References:

- [1] Aleksandrov A. Yu. Powers of a Representative in Civil and Arbitration Proceedings / A. Yu. Aleksandrov, M. A. Biryukova // Current Issues in Combating Crime. – 2023. – No. 4. – P. 10-13.
- [2] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 No. 95-FZ: as amended on December 15, 2025: with amendments and additions, entered into force on January 1, 2026 // Rossiyskaya Gazeta. – 2002. – No. 137. – July 27, 2002.
- [3] Bronzova L. I. Problems of legal regulation of judicial representation in civil proceedings / L. I. Bronzova, A. Yu. Krasnoglazov // Bulletin of the educational consortium Central Russian University. Series:

Jurisprudence. - 2025. - No. 26. - P. 21-24.

[4] Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 No. 51-FZ: as amended on July 31, 2025, as amended on November 25, 2025: as amended and supplemented, entered into force on August 1, 2025 // Rossiyskaya Gazeta. - 1994. - No. 238-239. - December 8, 1994.

[5] Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ: as amended on 15.12.2025, as amended on 22.12.2025: as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2026 // Rossiyskaya Gazeta. — 2002. — No. 220. — 20.11.2002.

[6] Derbenko T. Yu. Legal essence of representation / T. Yu. Derbenko // Trends in the development of science and education. - 2022. - No. 91-3. - P. 59-61.

[7] Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of 08.03.2015 No. 21-FZ: as amended. from 29.12.2025, as amended on 11.02.2026 // Official Internet Portal of Legal Information. — URL: www.pravo.gov.ru (date of publication: 09.03.2015). — No. 0001201503090041.

[8] Loshchinina E. I. Legal Nature of Representation in Civil Proceedings / E. I. Loshchinina // Law. Legislation. Personality. - 2023. - No. 2 (37). - P. 29-34.

[9] On Electronic Signature: Federal Law of 06.04.2011 No. 63-FZ: as amended on 31.07.2025 // Parliamentary Newspaper. — 2011. — No. 17. — 08.04.2011.

[10] Pleshanov A. G. On the Limits of a Representative's Powers in Civil Procedure / A. G. Pleshanov // Law and State: Theory and Practice. - 2023. - No. 12(228). - P. 371-377.

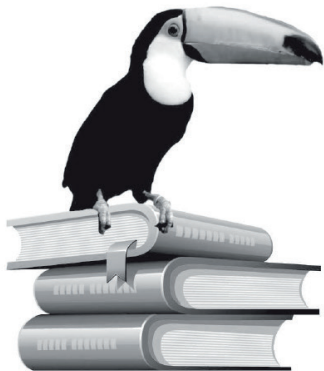
[11] Samoilov N. A. Grounds for the Emergence, Change and Termination of a Legal Relationship of Representation / N. A. Samoilov // Dialogue. - 2025. - No. 1(31). - P. 10-11.

[12] Slobodjanik S. M. Diversity of Legal Forms of Representation: Problematic Issues and Development Prospects / S. M. Slobodjanik // Economy. Law. Society. - 2025. - Vol. 10, No. 2(42). - P. 84-88.

[13] Determination of the Tula Regional Court dated 01.11.2018 in case No. 7-166/2018 // SPS «Consultant-Plus». - URL: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 10.03.2026).

[14] Decision on case No. A40-12345/2020 of the Arbitration Court of the City of Moscow (AC Moscow) // SPS «Consultant-Plus»: official website. - URL: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 10.03.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ТУРДИАЛИЕВА Мафтунa Зоxидовна,
студентка 2 курса Гражданско-правового профиля, юриспруденция
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы МЧС России»
имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: turdialieva.maftuna@mail.ru

Научный руководитель:
ЧАСОВНИКОВА Ольга Георгиевна,
доцент кафедры уголовного права и процесса, кандидат юридических наук,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы МЧС России»
имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: chasovnikova-og@mail.ru

ПОЛНОМОЧИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ В СТАДИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена полномочиям государственного обвинителя в стадии судебного разбирательства. На основе норм ст. 246 УПК РФ и материалов судебной практики 2024–2025 годов анализируются проблемы отказа от обвинения, изменения обвинения в сторону смягчения, участия прокурора в особом порядке и поддержания гражданского иска. Выявлены противоречия между принципами публичности и состязательности. Подчеркивается необходимость совершенствования правоприменения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственный обвинитель, судебное разбирательство, ст. 246 УПК РФ, отказ от обвинения, изменение обвинения.

TURDIALIEVA Maftuna Zokhidovna,
Second-year student, Civil Law, Jurisprudence
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Saint Petersburg University of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia» named after Hero
of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev,
Saint Petersburg, Russia

Academic Supervisor:
CHASOVNIKOVA Olga Georgievna,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure,
Candidate of Juridical Sciences, Saint Petersburg University
of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero
of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev
Saint Petersburg, Russia

POWERS OF THE STATE PROSECUTOR AT THE TRIAL STAGE: CURRENT ISSUES OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT

ANNOTATION. This article examines the powers of the public prosecutor during trial proceedings. Based on Article 246 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and case law from 2024–2025, it analyzes the issues of withdrawing charges, mitigating charges, the prosecutor's participation in a special procedure, and maintaining a civil claim. Conflicts between the principles of publicity and adversarial proceedings are identified. The need for improved law enforcement is emphasized.

KEY WORDS: public prosecutor, trial, Article 246 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, withdrawing charges, amending charges.

Государственный обвинитель занимает центральное место в судебном разбирательстве уголовных дел, выступая представителем стороны обвинения и обеспечивая реализацию принципа публичности уголовного судопроизводства. Согласно п. 6 ст. 5 УПК РФ государственный обвинитель — это должностное лицо органа прокуратуры, поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу. Часть 2 ст. 246 УПК РФ устанавливает обязательность его участия по делам публичного и частно-публичного обвинения, а также при разбирательстве уголовного дела частного обвинения, если уголовное дело было возбуждено следователем либо дознавателем с согласия прокурора. В ч. 5 ст. 246 УПК РФ подробно раскрывается содержание его полномочий: государственный обвинитель представляет доказательства и участвует в их исследовании, излагает суду свое мнение по существу обвинения, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, высказывает суду предложения о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания. Эти нормы подчеркивают публично-правовой характер деятельности государственного обвинителя, который сочетает функцию уголовного преследования с надзорной функцией и защитой публичных интересов.

Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ст. 35) дополняет, что прокурор, осуществляя уголовное преследование в суде, обеспечивает законность и обоснованность обвинения. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 05.03.2004 № 1 (в ред. от 17.12.2024) в п. 29 разъясняет: «В соответствии с частями 7 и 8 статьи 246 УПК РФ полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, а также изменение им обвинения в сторону смягчения predeterminedляют принятие судом решения в соответствии с позицией государственного обвинителя, поскольку уголовно-процессуальный закон исходит из того, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе принципа состязательности и равноправия сторон, а формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются обвинителем». Таким образом, полномочия государственного обвинителя носят императивно-диспозитивный характер: с одной стороны, он обязан активно поддерживать обвинение, с другой — вправе корректировать свою позицию в зависимости от результатов судебного следствия. Т.В. Якушева подчеркивает: «Считаем обоснованным мнение о том, что наряду с функцией уголовного преследования государственный обвинитель в судебном разбирательстве выполняет также и правозащитную функцию. Одним из правомочий государственного обвинителя, которым он наделен ввиду выполнения правозащитной функции,

является отказ от обвинения, который имеет место в случае, если в ходе судебного разбирательства он придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение» [11, с. 124].

При этом в условиях состязательности (ст. 15 УПК РФ) возникает проблема баланса публичности и равенства сторон. Государственный обвинитель, обладая преимуществом на досудебной стадии, в суде должен действовать в рамках строгой состязательности, что иногда приводит к сложностям в реализации его полномочий. Одной из наиболее острых проблем остается институт отказа государственного обвинителя от обвинения. Часть 7 ст. 246 УПК РФ императивно закрепляет: «Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 2 части первой статьи 27 настоящего Кодекса». М.В. Лапатников в своей научной статье анализирует этот институт и отмечает: «Принятый в далеком 2001 году новый на тот момент Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации содержал ряд новелл... одной из таких новелл стало введение нового порядка отказа прокурора как государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, предусмотревшее императивную обязанность суда прекращать производства по делу» [9, с. 149]. Автор подчеркивает условность такого отказа: «в настоящее время отсутствуют основания полагать, что отказ прокурора от обвинения в суде сам по себе будет определять окончание уголовно-правовых претензий со стороны государства» [9, с. 151].

Судебная практика 2024–2025 годов подтверждает наличие проблем. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 22.10.2024 № 33-УДП24-18 отменило постановление суда, поскольку «суд завершил судебное следствие, не исследовав все доказательства по уголовному делу должным образом, удовлетворил заявленное ходатайство государственного обвинителя о переквалификации... не мотивировал свое решение» [4]. З.Т. Мирзоев и Л.А. Карданова указывают, что отказ прокурора от обвинения должен быть мотивирован со ссылкой на предусмотренные законом основания, а суд обязан исследовать все материалы дела и заслушать мнения сторон [10, с. 226–227]. Переход от отказа к изменению обвинения в сторону смягчения также вызывает сложности. Государственный обвини-

тель вправе до удаления суда в совещательную комнату изменить обвинение в сторону смягчения путем исключения из юридической квалификации деяния признаков преступления, отягчающих наказание, путем исключения из обвинения ссылки на какую-либо норму Уголовного кодекса Российской Федерации либо путем переквалификации деяния в соответствии с нормой этого Кодекса, предусматривающей более мягкое наказание [ч. 8 ст. 246]. А.Ю. Белоусова подчеркивает проблему отсутствия права на ужесточение обвинения: «В связи с этим прокурору должны принадлежать все полномочия по выдвижению обвинения и поддержанию его в суде, в том числе по определению квалификации преступления и объема обвинения» [5, с. 195]. Ограничение только смягчением приводит к оправдательным приговорам или самостоятельной переквалификации судом, что, по мнению автора, нарушает публичный интерес [5, с. 195].

А.С. Карпов в своей статье обращает внимание на процессуальные проблемы изменения обвинения государственным обвинителем и отмечает, что решение суда по вопросу об объеме обвинения при его изменении в сторону смягчения предопределено позицией государственного обвинителя при условии ее мотивированности и обоснованности [8, с. 404]. Практика показывает, что суды иногда допускают нарушения: непринятие решения по факту изменения обвинения, невыяснение позиции подсудимого о предоставлении времени для подготовки к защите, принятие немотивированного изменения [8, с. 404–405]. Эти проблемы плавно переходят к участию государственного обвинителя в особом порядке судебного разбирательства (ст. 314–317 УПК РФ). Здесь полномочия обвинителя ограничены необходимостью согласия на рассмотрение дела без проведения судебного следствия. Практика 2025–2026 годов демонстрирует частые отказы прокурора от такого согласия, что приводит к затягиванию процесса и нарушению разумных сроков. В.Ю. Голубовский подчеркивает, что применение особого порядка невозможно, если

имеются возражения со стороны государственного обвинителя, и предлагает усилить мотивировку таких возражений [6, с. 8].

Еще одним важным аспектом полномочий является участие государственного обвинителя в предъявлении и поддержании гражданского иска в уголовном деле (ст. 44, 246 УПК РФ). Государственный обвинитель вправе предъявлять гражданский иск в защиту публичных интересов, однако практика выявляет неединообразие подходов: суды иногда отказывают в удовлетворении иска при отказе от уголовного обвинения, хотя ч. 10 ст. 246 УПК РФ прямо допускает последующее рассмотрение в гражданском порядке. Взаимодействие государственного обвинителя с судом и иными участниками процесса также порождает сложности. При оценке доказательств, заявлении ходатайств и выступлении в прениях суд не связан предложениями обвинителя о наказании (ч. 5 ст. 246 УПК РФ), что иногда приводит к конфликту позиций. А.С. Есина отмечает необходимость расширения полномочий государственного обвинителя для подготовки к судебному заседанию, включая встречи со свидетелями и потерпевшим [7, с. 66]. Все эти аспекты реализации полномочий государственного обвинителя в судебном разбирательстве свидетельствуют о сохраняющемся напряжении между публичным интересом, состязательностью сторон и гарантиями прав участников процесса.

В заключение следует отметить, что полномочия государственного обвинителя в судебном разбирательстве остаются ключевым элементом принципа публичности уголовного процесса. Анализ правоприменительной практики 2024–2025 годов показывает, что проблемы отказа от обвинения, ограниченного изменения обвинения, участия в особом порядке и поддержания гражданского иска требуют дальнейшего внимания законодателя и правоприменителей для обеспечения баланса публичных и частных интересов, повышения эффективности правосудия и укрепления гарантий прав всех участников уголовного судопроизводства.

Список литературы:

[1] «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 19.04.2026).

[2] Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1 (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 19.04.2026).

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 N 1 (ред. от 17.12.2024) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47059/ (дата обращения: 19.04.2026).

[4] Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 октября 2024 г. №33-УДП24-18 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=839221> (дата обращения: 19.04.2026).

[5] Белоусова А.Ю. Роль государственного обвинителя при изменении обвинения на более тяжкое в суде // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 4. С. 193–197.

[6] Голубовский В.Ю. Порядок назначения государственного обвинителя и его подготовка к су-

дебному разбирательству // Вестник магистратуры. 2025. № 3. С. 5–10.

[7] Есина А.С., Жамкова О.Е. Полномочия государственного обвинителя нуждаются в расширении // Вестник Московского университета МВД России. 2016. №4. С. 64–66.

[8] Карпов А.С. О процессуальных проблемах изменения обвинения государственным обвинителем // Право и государство: теория и практика. 2024. №4 (232). С. 404–406.

[9] Лапатников М.В. К вопросу о современном состоянии института отказа государственного обвинителя от обвинения в суде // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2. С. 148–156.

[10] Мирзоев З.Т., Карданова Л.А. Отказ государственного обвинителя от поддержания обвинения: полномочия суда, вышестоящего прокурора и потерпевшего // Право и государство: теория и практика. 2024. № 1 (229). С. 226–228.

[11] Якушева Т.В. Полномочия государственного обвинителя в судебном следствии // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 3. С. 121–124.

References:

[1] «Criminal Procedure Code of the Russian Federation» of 18.12.2001 N 174-FZ (as amended on 09.04.2026). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (date of access: 19.04.2026).

[2] Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» of 17.01.1992 N 2202-1 (latest revision) // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (date of access: 19.04.2026). [3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 5, 2004, No. 1 (as amended on December 17, 2024) «On the Application of the Norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation by the Courts» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47059/ (accessed on April 19, 2026).

[4] Cassation Ruling of the Criminal Cases Panel of the Supreme Court of the Russian Federation of October 22, 2024, No. 33-UDP24-18 // SPS ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=839221> (accessed on April 19, 2026).

[5] Belousova A. Yu. The Role of the Public Prosecutor in Changing the Charge to a More Serious One in Court // Current Issues of Russian Law. 2025. No. 4. pp. 193–197.

[6] Golubovsky V. Yu. The Procedure for Appointing a Public Prosecutor and Preparing Him for Trial // Magistracy Bulletin. 2025. No. 3. pp. 5–10.

[7] Esina A. S., Zhamkova O. E. The Powers of the Public Prosecutor Need to Be Expanded // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 4. pp. 64–66.

[8] Karpov A. S. On Procedural Issues of Changing the Charge by the Public Prosecutor // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 4 (232). pp. 404–406.

[9] Lapatnikov M.V. On the Current State of the Institution of a Public Prosecutor's Refusal to Prosecute in Court // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2. pp. 148–156.

[10] Mirzoev Z.T., Kardanova L.A. Refusal of a Public Prosecutor to Support the Prosecution: Powers of the Court, a Higher Prosecutor, and the Victim // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 1 (229). pp. 226–228.

[11] Yakusheva T.V. Powers of a Public Prosecutor in a Judicial Investigation // Bulletin of the Altai State University. 2018. No. 3. pp. 121–124.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

УЗЕНЬКОВА Варвара Витальевна,
магистрант,
Смоленский государственный университет,
Смоленск, Россия,
e-mail: uzenkovavara@gmail.com

Научный руководитель:
МУЛЛАХМЕТОВА Наталья Евгеньевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Смоленского государственного университета,
Смоленск, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

НАРУШЕНИЕ РАВНОПРАВИА СТОРОН КАК ПРЕПЯТСТВИЕ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РФ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется проблема неравенства процессуальных возможностей стороны защиты и стороны обвинения в российском уголовном судопроизводстве. Рассматриваются конституционные и уголовно-процессуальные основы принципа состязательности, а также различия между формальным равенством сторон и их реальными возможностями на практике. Особое внимание уделяется досудебным стадиям процесса и роли суда в обеспечении процессуального равенства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: уголовный процесс, состязательность, равноправие сторон, принципы уголовного судопроизводства, сторона защиты, сторона обвинения, доказывание.

UZENKOVA Varvara Vitalievna,
Master's student,
Smolensk State University,
Smolensk, Russia

Academic Supervisor:
MULLAHMETOVA Natalia Evgenievna,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines,
Smolensk State University,
Smolensk, Russia

VIOLATION OF THE EQUALITY OF THE PARTIES AS AN OBSTACLE TO THE IMPLEMENTATION OF COMPETITION IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

ANNOTATION. The article analyzes the problem of the inequality of the procedural capabilities of the defense and the prosecution in Russian criminal proceedings. The article examines the constitutional and criminal procedural foundations of the principle of competition, as well as the differences between the formal equality of the parties and their real opportunities in practice. Special attention is paid to the pre-trial stages of the process and the role of the court in ensuring procedural equality.

KEY WORDS: criminal procedure, competitiveness, equality of the parties, principles of criminal proceedings, defense, prosecution, evidence.

Согласно пункту 3 статьи 123 Конституции Российской Федерации «судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон» [3]. Этот принцип лежит в основе демократического правосудия и предполагает отсутствие каких-либо необоснованных преимуществ у обвинения или защиты

перед судом. Однако практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) показывает, что принцип состязательности, закреплённый в Конституции, на практике реализуется не всегда.

Как отмечает С.А. Соловьёв, за время действия УПК РФ представления о принципах состязательности

зательности и равноправия сторон существенно изменились. Среди учёных и практикующих юристов по этому вопросу нет единого мнения: одни настаивают на необходимости реального выравнивания процессуальных возможностей адвоката и следователя, другие указывают на публично-правовой характер российского уголовного процесса, в рамках которого состязательность по своей природе не может быть абсолютной [2].

В статье рассматриваются основные причины нарушения равноправия сторон в уголовном процессе, а также возможные пути решения этой проблемы.

Одним из первых классическое понимание состязательности сформулировал М.С. Строгович. По его мнению, судебное разбирательство строится таким образом, что обвинение отделено от суда, функции обвинения и защиты осуществляются равноправными сторонами, а суд выполняет роль органа, разрешающего дело.

При этом равноправие сторон в состязательном процессе не означает полного совпадения их прав. У стороны обвинения и стороны защиты разные задачи и процессуальные функции, однако каждая из сторон должна иметь равные возможности для отстаивания своей позиции и представления доказательств [1].

Статья 15 УПК РФ, развивая конституционные положения, закрепляет разделение функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела: они не могут быть сосредоточены в ведении одного и того же органа или должностного лица. Суд при этом обязан обеспечить сторонам условия для реализации их прав и надлежащего исполнения процессуальных обязанностей.

В то же время в научной литературе обращается внимание на то, что принцип равноправия сторон в его законодательном закреплении, как правило, не вызывает существенных возражений. Иная ситуация складывается с принципом состязательности, который всё чаще становится предметом критического анализа юристов. Многие авторы обращают внимание на то, что на практике состязательность реализуется неравномерно, особенно на досудебных стадиях.

Проблема особенно заметна на стадии предварительного расследования. Именно на этой стадии формируется основная доказательственная база по делу, поэтому преимущество изначально получает та сторона, которая фактически контролирует процесс собирания доказательств.

Следователь обладает широкими властными полномочиями. Осуществляя уголовное преследование, он наделён значительным объёмом процессуальных прав. Следователь самостоятельно определяет направление расследования, принимает решения о проведении следственных действий, применении мер процессуального принуждения, а также рассматривает и разрешает ходатайства стороны защиты, включая их отклонение.

По сути, следователь действует от имени государства и реализует функцию уголовного преследования.

Возможности защитника по собиранию доказательств существенно ограничены. Согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ он вправе получать сведения путём опроса лиц с их согласия, истребовать справки, характеристики и иные документы [4]. Однако такие действия не приравниваются к следственным и не обладают той же процессуальной силой. Материалы, полученные защитником, приобретают статус доказательств лишь после их приобщения к делу следователем или дознавателем.

На практике ходатайства о приобщении таких материалов нередко отклоняются со ссылкой на их «неотносимость» или «отсутствие значения для дела». В результате сторона защиты во многом зависит от решений органов, осуществляющих уголовное преследование.

Проблема неравенства прав проявляется прежде всего в различии процессуальных возможностей сторон. Следователь вправе применять меры процессуального принуждения: вызывать и допрашивать лиц, проводить обыски, назначать экспертизы. Защитник такими полномочиями не обладает и может лишь заявлять ходатайства о совершении соответствующих действий.

Разница состоит не только в процессуальных полномочиях, но и в возможности реально влиять на формирование доказательственной базы. Даже право защитника на опрос лиц не подкреплено механизмами ответственности за отказ от явки или сообщение недостоверных сведений, тогда как допрос, проводимый следователем, обеспечен соответствующими гарантиями и санкциями.

В результате состязательность на стадии предварительного расследования нередко остаётся лишь формально закреплённым принципом, поскольку возможности защиты существенно ограничены.

Неравенство, сформировавшееся на досудебных стадиях, не всегда устраняется в судебном разбирательстве и в ряде случаев усиливается действием отдельных процессуальных механизмов.

Так, институт обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ задуман как средство проверки законности действий и решений следователя и как гарантия от злоупотреблений со стороны обвинения. При этом сама необходимость постоянно обращаться в суд создаёт для стороны защиты дополнительные сложности. В то же время сторона обвинения реализует свои полномочия в рамках установленной системы властных предписаний без необходимости получать предварительное судебное подтверждение законности каждого действия.

Среди юристов до сих пор нет единого мнения о том, насколько активно суд должен уча-

ствовать в собирании доказательств. С одной стороны, суд обязан сохранять беспристрастность и не вмешиваться в функции сторон. С другой стороны, чрезмерная пассивность в условиях очевидного неравенства возможностей сторон может приводить к фактическому преимуществу обвинения.

Отдельные ограничения полномочий суда, например запрет на оглашение показаний отсутствующих свидетелей без согласия сторон, могут затруднять установление истины по делу. При этом подобные ограничения рассматриваются как необходимое условие соблюдения принципа состязательности.

На стадии кассационного производства также возникают проблемы, связанные с обеспечением равноправия сторон. Судья Е.Б. Камзенов отмечает, что в ситуациях, когда приговор обжалуется одновременно защитой с требованием оправдания и обвинением с требованием ужесточения наказания, на практике нередко происходят нарушения.

Так, кассационная инстанция может удовлетворять представление прокурора, не рассматривая доводы защиты и не давая им оценки. Подобная практика противоречит как принципу равноправия сторон, так и позиции Конституционного Суда РФ. Суд обязан мотивированно рассматривать каждую жалобу; отклонение доводов защиты без мотивировки нарушает презумпцию невиновности [2].

Одним из наиболее распространённых нарушений права на защиту остаётся необоснованный отказ в удовлетворении ходатайств стороны защиты. Вышестоящие инстанции часто отменяют приговоры именно по этому основанию, указывая на формальный подход суда первой инстанции.

Так, по делу N 46-О12-23СП приговором Самарского областного суда от 16 марта 2012 года, вынесенным на основании вердикта присяжных заседателей, К. и Д. осуждены за совершение особо тяжких преступлений по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, а также по пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В ходе судебного разбирательства подсудимые заявили ходатайства о допуске к участию в деле дополнительных защитников - подсудимый Д. ходатайствовал о допуске защитника Е. наряду с адвокатом, участвовавшим в деле по назначению суда, а подсудимый К. ходатайствовал о допуске в качестве защитника Г.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении указанных ходатайств. Единственным мотивом отказа послужила ссылка на то, что «подсудимые обеспечены профессиональными адвокатами». Иных оснований для отказа суд не привел.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ (кассационное определение от 7 июня 2012 года) признала допущенные нарушения существенными и отменила приговор.

Принятое судом решение об отказе в удовлетворении ходатайств не соответствовало требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ, согласно которым постановление суда должно быть законным, обоснованным и мотивированным.

Судебная коллегия указала, что рассмотрение уголовного дела с нарушением права обвиняемого пользоваться помощью в соответствии с уголовно-процессуальным законом является существенным нарушением, влекущим безусловную отмену судебного решения.

Таким образом, Верховный Суд РФ принял решение об отмене приговора Самарского областного суда от 16 марта 2012 года. Уголовное дело было направлено на новое судебное рассмотрение в ином составе суда.

Обсуждение равноправия сторон в российском уголовном процессе неизбежно связано с особенностями его публично-правовой природы. Россия традиционно относится к континентальной (романо-германской) правовой семье с выраженной следственной моделью. Некоторые исследователи предупреждают, что полная адаптация состязательной системы по англо-саксонскому образцу может противоречить цели установления объективной истины.

С.А. Соловьёв справедливо подчеркивает необходимость взвешенного подхода к реализации принципа состязательности, рассматривая его как допустимый баланс между публичным интересом и правами участников процесса. Он указывает, что состязательность не противоречит принципам всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Более того, автор предлагает закрепить метод всесторонности в качестве нормативного принципа [5].

Решение проблемы неравенства сторон не сводится к формальному «уравниванию» полномочий следователя и защитника, так как это невозможно из-за различий в их правовом статусе. Основная задача состоит в создании механизмов, которые могли бы компенсировать ограниченные возможности защиты.

Одним из направлений совершенствования является закрепление законодательно доказательного значения материалов, собранных защитником, например, опросов лиц с их согласия. Такие результаты не должны отклоняться следователем без мотивированного решения, а отказ в приобщении должен подлежать оперативному судебному контролю.

Кроме того, обеспечение равенства сторон требует более активной роли суда: разъяснения сторонам их прав, содействия в получении доказательств, когда защита не может сделать это самостоятельно.

Не менее важным является введение действенных механизмов ответственности должностных лиц за затягивание процесса и необоснованный отказ в удовлетворении ходатайств защитника. О справедливом правосудии трудно

говорить, если одна из сторон фактически не может влиять на ход процесса.

В заключении стоит сказать, что нарушение равноправия сторон в российском уголовном процессе носит системный характер и существенно ограничивает реализацию принципа состязательности. Дисбаланс формируется уже на стадии предварительного расследования, когда защита зависит от властных полномочий стороны обвинения, и не всегда устраняется на последующих этапах.

Решение этой проблемы требует соблюдения баланса между интересами государства в раскрытии преступлений и правом обвиняемого на защиту. Этот баланс должен обеспечиваться через эффективные процессуальные механизмы, которые позволяют защите реально конкурировать с обвинением в пределах, установленных законом.

Лишь при соблюдении такого баланса принцип состязательности сможет реализовываться не только формально, но и фактически.

Список литературы:

- [1] Вишнякова Г.Ю. Состязательность и равноправие сторон как гарантия судебной защиты // Молодой ученый. 2015. № 4 (84). С. 453-455.
- [2] Камзенов Е.Б. Реализация принципов справедливости, равенства сторон и презумпции невиновности // Уголовный процесс. 2008. № 9. С. 41-45.
- [3] «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 18.04.2026).
- [4] Соловьёв С.А. Принцип состязательности и баланс публичного и частного в уголовном судопроизводстве // Правовое государство: теория и практика. 2025. №1 (79). С. 143-151.
- [5] «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 18.04.2026).

References:

- [1] Vishnyakova G.Yu. Adversarial Proceedings and Equality of the Parties as a Guarantee of Judicial Protection // Young Scientist. 2015. No. 4 (84). Pp. 453-455.
- [2] Kamzenov E.B. Implementation of the Principles of Justice, Equality of the Parties, and the Presumption of Innocence // Criminal Procedure. 2008. No. 9. Pp. 41-45.
- [3] «Constitution of the Russian Federation» (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of access: 18.04.2026).
- [4] Solovyov S.A. The Adversarial Principle and the Balance of Public and Private in Criminal Proceedings // The Rule of Law: Theory and Practice. 2025. No. 1 (79). Pp. 143-151.
- [5] «Criminal Procedure Code of the Russian Federation» of 18.12.2001 N 174-FZ (as amended on 29.12.2025) (as amended and supplemented, entered into force on 20.01.2026). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (date of access: 18.04.2026).

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.07.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-3-64-67

СОЛОВЬЕВА Елена Анатольевна,
кандидат технических наук, доцент,
Башкирский институт технологий и управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий
и управления имени К.Г. Разумовского
(Первый казачий университет)»,
e-mail: solovyva25@yandex.ru

ВИШКИН Константин Николаевич,
студент,
Башкирский институт технологий и управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий
и управления имени К.Г. Разумовского
(Первый казачий университет)»,
e-mail: solovyva25@yandex.ru

МЕТРОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХОЛОДИЛЬНОГО ОБОРУДОВАНИЯ: АНАЛИЗ, НОРМАТИВНАЯ БАЗА И МЕТОДЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТОЧНОСТИ

АННОТАЦИЯ. Актуальность темы исследования обусловлена критической ролью точности поддержания температурных режимов в современных холодильных системах, используемых как в пищевой промышленности и торговле, так и в научных исследованиях и медицине. В данной статье представлен комплексный анализ метрологических характеристик холодильного оборудования. Рассмотрена нормативно-правовая база, регламентирующая требования к точности, включая актуальные межгосударственные и национальные стандарты. Систематизированы основные типы погрешностей (температуры, геометрических размеров, энергопотребления) и факторы, влияющие на их возникновение. Особое внимание уделено инновационным подходам к калибровке, в частности, датчиков перегрева по месту эксплуатации, а также современным методам поверки с использованием эталонных средств измерений. Предложены пути повышения достоверности контроля температурных режимов для различных областей применения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метрология, холодильное оборудование, точность измерения температуры, калибровка датчиков, погрешность, нормативная документация, терморегистратор, поверка.

SOLOVYEVA Elena Anatolevna,
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor,
Moscow State University of Technologies and Management
named after K.G. Razumovskiy, Moscow

VISHKIN Konstantin Nikolaevich,
Student,
Moscow State University of Technologies and Management
named after K.G. Razumovskiy, Moscow

METROLOGICAL CHARACTERISTICS OF REFRIGERATION EQUIPMENT: ANALYSIS, REGULATORY FRAMEWORK AND METHODS OF ACCURACY ASSURANCE

ANNOTATION. The relevance of the research topic is due to the critical role of temperature control accuracy in modern refrigeration systems used in the food industry, trade, scientific research, and medicine. This article provides a comprehensive analysis of the metrological characteristics of refrigeration equipment. The regulatory framework governing accuracy requirements, including current interstate and national

standards, is considered. The main types of errors (temperature, geometric dimensions, energy consumption) and factors influencing their occurrence are systematized. Particular attention is paid to innovative calibration approaches, specifically, superheat sensor calibration at the installation site, as well as modern verification methods using reference measuring instruments. Ways to increase the reliability of temperature control for various applications are proposed.

KEY WORDS: metrology, refrigeration equipment, temperature measurement accuracy, sensor calibration, error, normative documentation, temperature data logger, verification.

Введение

В современном мире холодильное оборудование является неотъемлемой частью инфраструктуры многих отраслей. От его надежной и точной работы напрямую зависит качество и безопасность хранящихся продуктов питания, эффективность протекания технологических процессов и сохранность биологических материалов. В условиях глобализации торговли и ужесточения санитарно-эпидемиологических требований, обеспечение достоверного контроля температурных режимов выходит на первый план [2]. Несоблюдение условий хранения влечет за собой не только экономические потери, но и риски для здоровья потребителей.

Метрологические характеристики холодильного оборудования представляют собой совокупность свойств, определяющих точность, стабильность и воспроизводимость поддержания заданных климатических параметров, главным из которых является температура. Несмотря на кажущуюся простоту задачи «поддержания холода», реальные физические процессы в камерах отличаются сложной динамикой, наличием градиентов температур и влиянием множества внешних и внутренних факторов. Это делает проблему метрологического обеспечения в холодильной технике высоко актуальной.

Целью данной статьи является системный анализ современных метрологических характеристик холодильного оборудования, нормативной документации, регламентирующей их, а также обзор методов и средств обеспечения точности измерений в процессе эксплуатации. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: классифицировать основные метрологические параметры холодильной техники; проанализировать действующую нормативную базу (ГОСТы); выявить ключевые факторы, влияющие на погрешность измерений; рассмотреть современные методы калибровки и поверки.

Методы и принципы исследования. Теоретической и методологической основой работы послужил анализ нормативно-технической документации (ГОСТ, СанПиН), патентный обзор в области калибровки датчиков для холодильных систем, а также системный подход к изучению точностных характеристик измерительных каналов оборудования.

Основная часть

Метрологическое обеспечение холодильной техники в Российской Федерации базируется на

системе национальных и межгосударственных стандартов. Ключевым органом, отвечающим за стандартизацию в этой области, является технический комитет ТК 271 «Установки холодильные», за которым закреплен обширный перечень документов [1]. Этот перечень включает как общие требования безопасности, так и специализированные методы испытаний для определения основных характеристик. основополагающим стандартом для бытовой техники является ГОСТ IEC 62552-2013 и его более поздняя версия ГОСТ Р МЭК 62552-1-2018, которые устанавливают технические требования и методы испытаний, включая процедуры измерения температур в камерах и расхода электроэнергии [5; 9]. Для торгового оборудования ключевым является ГОСТ 23833-95 [1]. Важно отметить, что данные стандарты определяют не только номенклатуру показателей, но и допускаемые погрешности методов измерений при проведении испытаний.

Классификацию метрологических характеристик холодильного оборудования можно представить в виде трех основных групп. Первая группа включает характеристики точности поддержания температуры: абсолютную погрешность поддержания температуры в заданной точке, неравномерность распределения температуры по объему камеры, величину температурных колебаний во время циклов включения и отключения компрессора, а также скорость замораживания и размораживания. Вторая группа охватывает характеристики точности измерительных каналов, определяемые погрешностями встроенных или внешних средств измерений – термометров, терморегуляторов, терморегистраторов. Согласно санитарным правилам, для контроля «холодовой цепи» погрешность измерения температуры не должна превышать $\pm 0,5$ °C [2; 10]. Третью группу составляют вспомогательные метрологические характеристики, включающие точность измерения геометрических размеров (полезный объем), массогабаритных показателей и расхода электроэнергии. К примеру, относительная погрешность измерения расхода электроэнергии при испытаниях не должна превышать $\pm 2,5$ %, а абсолютная погрешность измерения габаритных размеров – ± 1 мм [6].

Точность измерения температуры внутри холодильной камеры является интегральным показателем, зависящим от множества факторов. Прежде всего, это погрешность самого датчика. Анализ технической документации на современные контроллеры, например, TPM961, показы-

вает, что абсолютная погрешность измерения температуры может составлять ± 2 °C [3], что недопустимо для задач строгого контроля, например, при хранении вакцин, где требуется $\pm 0,5$ °C [10]. Значительный вклад вносит также методическая погрешность, связанная с местом установки датчика. Температурное поле в камере неоднородно, поэтому стандарты предписывают измерять температуру в нескольких контрольных точках, используя специальные имитаторы продукта – испытательные пакеты «М» (медьсодержащие цилиндры или пакеты с наполнителем из оксиэтилметилцеллюлозы) [6]. Это позволяет сгладить кратковременные флуктуации и оценить среднюю температуру продукта, а не воздуха. Кроме того, существенное влияние оказывают динамические погрешности, возникающие при циклическом режиме работы компрессора. Температура в камере постоянно колеблется относительно заданного значения, и согласно стандартам, установившееся состояние считается достигнутым, если колебания температуры в одинаковых фазах цикла не превышают 0,5 °C [6].

Традиционные методы поверки предполагают демонтаж датчика и его калибровку в лабораторных условиях с использованием эталонных источников температуры (криостатов). Современные криостаты, такие как LOIP FT-311-80, оснащены интеллектуальными PID-регуляторами, позволяющими достигать высокой точности поддержания температуры в широком диапазоне (до -80°C), что делает их идеальными для поверки датчиков низких температур [7]. Однако все большее распространение получают методы калибровки непосредственно на месте эксплуатации. Особый интерес представляет способ калибровки датчика перегрева, описанный в патенте RU 2460950 [4; 8]. Перегрев – это критический параметр для эффективной и безопасной работы компрессионной холодильной машины. Предлагаемый способ заключается в принудительном увеличении доли жидкого хладагента в испарителе (например, полным открытием регулирующего клапана) до момента его попадания в датчик на выходе из испарителя. В этот момент перегрев

становится равным нулю, что служит идеальной реперной точкой для калибровки. Данный метод обладает рядом неоспоримых преимуществ: калибровка производится в реальных условиях, с учетом индивидуальных особенностей гидравлического контура; не требует демонтажа датчика, что экономит время и снижает риск разгерметизации системы; позволяет проводить калибровку многократно в процессе эксплуатации для компенсации дрейфа характеристик датчика.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что метрологические характеристики современного холодильного оборудования представляют собой сложный комплекс взаимосвязанных параметров, точность которых критически важна для конечного пользователя. Нормативная база в этой области динамично развивается, гармонизируясь с международными стандартами, что устанавливает единые и высокие требования к методам испытаний и точности измерений.

Ключевым фактором обеспечения достоверности контроля является не только применение высокоточных датчиков, но и строгое соблюдение методик измерений, учитывающих нестационарность тепловых процессов. Использование испытательных пакетов, правильный выбор точек контроля и учет динамических погрешностей являются обязательными условиями получения объективной информации о состоянии объекта хранения.

Перспективным направлением развития метрологического обеспечения следует считать внедрение методов интеллектуальной калибровки по месту эксплуатации, подобных описанному способу калибровки датчиков перегрева. Это позволяет повысить точность, надежность и экономическую эффективность эксплуатации холодильных систем, а также минимизировать риски, связанные с нарушением режимов хранения продукции. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на автоматизацию процессов калибровки и разработку алгоритмов самодиагностики холодильного оборудования.

Список литературы:

- [1] Приказ Росстандарта от 30.12.2022 № 3352 «О закреплении документов национальной системы стандартизации за техническим комитетом по стандартизации «Установки холодильные» (ТК 271)». // ОЕИ Аналитика. – URL: https://oei-analitika.ru/kurilka/order_info.php?order_id=397248 (дата обращения: 05.03.2026).
- [2] Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28.01.2021 № 4 «Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 3.3686-21 «Санитарно-эпидемиологические требования по профилактике инфекционных болезней»» (пп. 4318-4324). – СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_377388/ (дата обращения: 05.03.2026).
- [3] Блок управления холодильными машинами TPM961: Руководство по эксплуатации. – М.: ОВЕН, 2023. – 42 с.
- [4] Пат. 2460950 Российская Федерация, МПК F25B 41/06, F25B 49/00. Способ калибровки датчика перегрева / А. Йенсен, К. Фредслёв; заявитель и патентообладатель Данфосс А/С. – № 2010152425/06; заявл. 22.06.2009; опубл. 10.09.2012. – 12 с.

- [5] ГОСТ IEC 62552-2013. Приборы холодильные бытовые. Технические требования и методы испытаний. – М.: Стандартинформ, 2014. – 112 с.
- [6] ГОСТ 16317-87. Приборы холодильные электрические бытовые. Общие технические условия. – М.: Издательство стандартов, 1987. – 48 с.
- [7] Криостат LOIP FT-311-80 (ТЖ-ТС-01/12 К-80): каталог продукции. // Rosmed.ru. – URL: http://www.rosmed.ru/scatalog/show/728/Kriostat_LOIP_FT_311_80_TZh_TS_01_12_K_80 (дата обращения: 05.03.2026).
- [8] Способ калибровки датчика перегрева: патент RU 2460950. // PatentDB.ru. – URL: <https://patentdb.ru/patent/2460950> (дата обращения: 05.03.2026).
- [9] ГОСТ Р МЭК 62552-1-2018. Приборы холодильные бытовые. Характеристики и методы испытаний. Часть 1. Общие требования. – М.: Стандартинформ, 2018. – 48 с.
- [10] Электронный термометр ТТЖК-1: техническое описание. // ООО ТД «Картер-Групп». – URL: <https://tdkartergroup.ru/magazin/folder/elektronnyj-termometr-ttzhk-1> (дата обращения: 05.03.2026).

References:

- [1] Order of Rosstandart dated 30.12.2022 No. 3352 «On assigning documents of the national standardization system to the technical committee for standardization «Refrigeration units» (TC 271)». // OEI Analytics. – URL: https://oei-analitika.ru/kurilka/order_info.php?order_id=397248 (date of access: 05.03.2026).
- [2] Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation dated 28.01.2021 No. 4 «On approval of the sanitary rules and regulations SanPiN 3.3686-21 «Sanitary and Epidemiological Requirements for the Prevention of Infectious Diseases» (paragraphs 4318-4324). – SPS «ConsultantPlus». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_377388/ (date accessed: 05.03.2026).
- [3] TRM961 Refrigeration Machine Control Unit: Operating Manual. – Moscow: OVEN, 2023. – 42 p.
- [4] Patent. 2460950 Russian Federation, IPC F25B 41/06, F25B 49/00. Method for calibrating an overheating sensor / A. Jensen, K. Fredsløv; applicant and patent holder Danfoss A/S. – No. 2010152425/06; declared. 22.06.2009; published. 10.09.2012. – 12 p.
- [5] GOST IEC 62552-2013. Household refrigeration appliances. Technical requirements and test methods. Moscow: Standartinform, 2014. 112 p.
- [6] GOST 16317-87. Household electric refrigeration appliances. General specifications. Moscow: Publishing House of Standards, 1987. 48 p.
- [7] Cryostat LOIP FT-311-80 (TZh-TS-01/12 K-80): product catalog. Rosmed.ru. URL: http://www.rosmed.ru/scatalog/show/728/Kriostat_LOIP_FT_311_80_TZh_TS_01_12_K_80 (accessed: 05.03.2026).
- [8] Method for calibrating an overheating sensor: patent RU 2460950. // PatentDB.ru. – URL: <https://patentdb.ru/patent/2460950> (date of access: 05.03.2026).
- [9] GOST R IEC 62552-1-2018. Household refrigeration appliances. Characteristics and test methods. Part 1. General requirements. – Moscow: Standartinform, 2018. – 48 p.
- [10] Electronic thermometer TTZhK-1: technical description. // ООО ТД «Картер-Групп». – URL: <https://tdkartergroup.ru/magazin/folder/elektronnyj-termometr-ttzhk-1> (date of access: 05.03.2026).

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ШИШКИН Сергей Леонидович,
аспирант кафедры гражданского и корпоративного права,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
e-mail: s.l.shishkin@list.ru

КВАЗИФИДУЦИАРНЫЙ ХАРАКТЕР ЛИЗИНГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

АННОТАЦИЯ. В данной статье предпринята попытка переосмыслить природу лизинговых отношений с точки зрения субъективного отношения их участников для обоснования причин формирования повышенного стандарта добросовестности и должной осмотрительности лизингодателя в отношениях хозяйствующих субъектов. Выявлены наиболее характерные признаки фидуциарных правоотношений в отечественной правовой доктрине и в рамках системы общего права, которые обосновывают квазифидуциарную природу лизинговых отношений и уже находят свое отражение в современной правоприменительной практике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лизинг, лизингодатель, лизингополучатель, фидуциарные правоотношения, слабая сторона договора, добросовестность, анализ судебной практики, Верховный Суд РФ.

SHISHKIN Sergey Leonidovich,
Postgraduate student of the Department of Civil and Corporate Law,
Saint Petersburg State University of Economics

THE QUASI-FIDUCIARY NATURE OF THE LEASING RELATIONSHIP

ANNOTATION. This article attempts to rethink the nature of leasing relations from the point of view of the subjective attitude of their participants in order to substantiate the reasons for the formation of an increased standard of integrity and due diligence of the lessor in the relations of business entities. The most characteristic features of fiduciary legal relations in the domestic legal doctrine and within the framework of the common law system have been identified, which substantiate the quasi-fiduciary nature of leasing relations and are already reflected in modern law enforcement practice.

KEY WORDS: leasing, lessor, lessee, fiduciary relations, weak side of the contract, good faith, analysis of judicial practice, the Supreme Court of the Russian Federation.

Последние годы развития правоприменительной практики в области лизинговых споров, а также принятие отечественной доктриной концепции слабой стороны в отношениях хозяйствующих участников изменили парадигму лизинговых правоотношений. В настоящее время утилитарный механизм распределения рисков по договору лизинга, предусмотренный ГК РФ и ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)», равно как и привычная свобода договора на стороне профессионального участника рынка – лизингодателя перестали действовать. Как указал Верховный суд РФ – применение сформулированного при заключении договора условия, даже если оно считалось разумным на момент совершения сделки, может привести к явно несправедливым последствиям в конкретной ситуации (см. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (далее – СКЭС ВС РФ) от 29.06.2023 N 307-ЭС23-5453).

Правоприменительная практика фактически ликвидировала сформированные лизинговым рынком стандарты договорной работы (см. Определение СКЭС ВС РФ от 29.06.2023 N 307-ЭС23-5453), порядок расчета сальдо встречных

обязательств (см. Определение СКЭС ВС РФ от 01.09.2022 N 305-ЭС22-2212), порядок расчета выкупной цены (см. Определение СКЭС ВС РФ от 25.09.2025 N 305-ЭС23-808), условия расторжения договора лизинга. При этом новых стандартов она не сформировала. Вышеуказанный подход, при котором любые условия договора могут быть признаны недействительными или же просто не будут приняты в расчет судом на том основании, что они поставили лизингополучателя в затруднительное положение (особенно в случае самостоятельного нарушения им условий договора) не способствуют стабильности гражданского оборота.

Перераспределение бремени доказывания диктует потребность лизингодателю подробно раскрывать порядок заключения договора лизинга и безусловную возможность влияния лизингополучателя на содержание заключаемого договора лизинга. Стоит ли говорить о том, что доказывание отрицательного факта (а именно отсутствие замечаний и пожеланий лизингополучателя к условиям договора) само по себе является бессмысленным, так как на ликвидационной стадии договора лизинга для суда при возникновении спора это может не иметь никакого право-

вого значения.

Данные ограничения не совсем укладываются в привычное понимание правовой природы лизинга как кредитно-посреднического договора [1; 2] и совсем не вписываются в классическое понимание лизинга как особой разновидности договора аренды [3]. Отступление от начал равенства хозяйствующих участников гражданского оборота и признание лизингополучателя слабой стороной договора лизинга [4] формирует потребность доктринального обоснования требований к повышенному стандарту добросовестности и должной осмотрительности лизингодателя [5]. В качестве такового может являться квазифидуциарная природа лизинговых правоотношений.

Именно вопрос правовой природы лизинга, как это ни парадоксально, становится ключевым при определении пределов добросовестности лизингодателя в период правовой неопределенности.

Не отягощая настоящую работу изучением генезиса фидуциарных отношений начиная с древнеримских времен целесообразно сразу обратиться к современной отечественной доктрине [6; 7; 8; 9], которая рассматривает фидуциарные сделки как отношения, основанные на доверии и(или) с несовпадением внешней юридической формы и внутреннего экономического содержания [10].

Последний квалифицирующий признак фидуциарных отношений выведен на основе работ советских [11] и дореволюционных [12] исследователей, в свою очередь базирующихся на трудах немецких ученых-пандектистов [13].

Критерий доверия как квалифицирующий признак фидуциарных сделок является крайне неосязаемым в силу того, что он присутствует в той или иной форме в каждой из сделок.

Как справедливо демонстрирует И.И. Зикун: «субъективный критерий доверия одного лица другому не только представляет собой «каучуковое» понятие, но и не соответствует требованию верификации. Требование внутреннего субъективного (личного) доверия к контрагенту относится не к сфере научно-правового исследования, а скорее к сфере этики, морали, нравственности или даже религии» [14, с. 68].

Ему вторит Зорин В.С., который отмечает, что в зависимости от фидуциарной сделки доверие как признак может как иметь сильное проявление во взаимоотношениях между сторонами, тогда, например, такая сделка заключается с доверенным лицом, так и почти полностью отсутствовать [15, с. 232].

В связи с вышеизложенным в common law зачастую встречается позиция, согласно которой дать определение фидуциарным правоотношениям в принципе невозможно [16].

Чаще всего в ответственной цивилистике в качестве примера лично-доверительных отноше-

ний как признака фидуциарной сделки приводят выдачу доверенности. Элемент доверия здесь может как присутствовать, так и существовать на уровне, характерном для любых обязательственных правоотношений. Так, например, выдача электронной банковской доверенности на сотрудников кредитного учреждения для удаленного открытия банковского счета (в конкретном учреждении и на конкретный счет) абсолютно никаких рисков для доверителя не несет, а самих сотрудников банка, которых он уполномочил, он в жизни не видел и не увидит. Напротив, в ситуации когда человеку требуется медицинская помощь и он принимает решение обратиться в конкретное медицинское учреждение к конкретному врачу на основании сложившейся у того репутации и отзывов пациентов, главенствующую роль при заключении договора оказания медицинской помощи будет играть доверие, но при этом такая сделка в соответствии с господствующей доктриной фидуциарной являться не будет.

Таким образом, критерий доверия является крайне субъективной категорией, коль скоро лично-доверительные отношения не являются ни юридическим, ни, тем более, верифицируемым понятием. В лизинговых правоотношениях лизингополучатель перечисляет лизингодателю аванс и поручает заключить договор купли-продажи на приобретение предмета лизинга у указанного им продавца в связи с чем элемент доверия здесь прослеживается ничуть не меньший, чем в отношениях доверителя и поверенного, бенефициара и агента, комитента и комиссионера..

Критерий расщепления формы и содержания сделки как квалифицирующий признак фидуциарных сделок является прямым следствием римского наследия этого института, который предполагал передачу абсолютного субъективного гражданского права. При этом по мнению ряда цивилистов [17] передаваемое право собственности по *fiducia cum creditore* (фидуция с кредитором) и *fiducia cum amico* (фидуция с другом) было ограничено обязательством это имущество вернуть при наступлении определенных обстоятельств.

Нагляднее всего такой признак фидуциарной сделки проявляется в сделке возвратного лизинга, где расщепляется экономическая цель сторон – получить/предоставить кредит на пополнение оборотных средств и юридическая форма – договор финансовой аренды, в силу которого переход права собственности носит характер титульного обеспечения.

Еще более относимые к лизинговым правоотношениям признаки фидуциарных сделок базируются на совершенно самобытном подходе common law, где, кстати, сами по себе лизинговые правоотношения и зародились.

Как отмечает Зикун И.И., начиная с 80-х годов XX в. право common law исходит из того, что признание правоотношения фидуциарным зави-

сит от фактических обстоятельств дела и определяется степенью зависимости одного субъекта от другого, которая раскрывается на основании двух критериев: критерия доверия и критерия уязвимости [14, с. 61].

Здесь критерий доверия также является вполне растяжимым и, скорее, второстепенным, который может явствовать, например, из отношений банка и депозитария. С учетом озвученных выше характерных черт лизинговых отношений критерий доверия вполне удовлетворяется через смешанную правовую природу лизинговых отношений, с одной стороны с элементами агентирования и поручения, а с другой стороны связанную с распоряжением денежными средствами лизингополучателя.

Что касается **критерия уязвимости**, то тут вполне уместно обратиться к примеру Зорина В.С., который умозрительно демонстрирует, что фидуциант может сознательно идти на риск при заключении договора займа с фидуциарием, которого он не знает, но который готов обеспечить значительно меньший процент, нежели это было бы реализовано посредством залоговых конструкций, либо в случаях, когда доступ к банковскому финансированию перекрыт из-за отрицательной кредитной истории. В таком случае предоставление заемных средств осуществляется под передачу займодателю соответствующего субъективного гражданского права на тот или иной актив [15, с. 232].

Как видно из представленного примера фидуциант может не испытывать никакого доверия к фидуциарию, но вынужден заключить сделку из-за преимущественных условий последнего, который, кстати, чаще всего является профессиональным участником соответствующего рынка.

Наглядным становится пример и типовой лизинговой операции, в рамках которой приобретение актива путем предоставления лизингового финансирования является, как правило, экономически более целесообразным, нежели путем банковского финансирования под залог приобретаемого актива. Либо же банковское финансирование может быть непривлекательно из-за жесткой кредитной политики банка и требований, предъявляемых к показателям финансовой-хозяйственной деятельности заемщика, в то время как лизингодатели с учетом обеспечительной природы права собственности могут позволить себе более мягкие требования к потенциальным клиентам.

Кроме того, критерий уязвимости может проявляться через невозможность исправления последствий действий фидуциария - неправильное использование полученного аванса и приобретение предмета лизинга с нарушением стандарта добросовестности и должной осмотрительности лишает лизингополучателя возможности получить предмет лизинга. В лучшем случае, судебный спор позволит избежать возложения

убытков лизингодателя на лизингополучателя в полном объеме (см. Определение СКЭС ВС РФ от 18.10.2023 N 305-ЭС23-8962).

В основном же критерий уязвимости удовлетворяется через особый статус лизингополучателя как слабой стороны по договору лизинга (см. Определения СКЭС ВС РФ от 14.11.2023 N 305-ЭС23-11168, от 01.09.2022 N 305-ЭС22-2212, от 10.10.2023 N 305-ЭС23-12470), поскольку с одной стороны действующее правовое регулирование носит прокредиторскую направленность (например, закреплённый п. 2 ст. 22 ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» подход к распределению рисков по договору лизинга), а с другой стороны лизингополучатель имеет достаточно условные правовые механизмы, позволяющих защитить его право в случае злоупотребления, основанные на судебском усмотрении и применении универсального требования добросовестности.

На последнем следует остановиться подробнее. Повсеместное применение в лизинговых спорах повышенного стандарта добросовестности лизингодателя на наш взгляд связано с тем, что отечественная доктрина фактически включает в одну правовую конструкцию две обособленные категории, которые разделены в common law - «duty of loyalty» и «duty of good faith». Если в отношении должной осмотрительности и ее зарубежного аналога «duty of care» особых вопросов не возникает, то в отношении универсального принципа добросовестности (п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ) размывается грань между обязанностью действовать в интересах другой стороны - «duty of loyalty», что включает приоритет интересов организации, клиента, принципала или бенефициара над личными интересами и собственно добросовестностью «duty of good faith» - обязанностью действовать в рамках закона, не злоупотребляя позитивным правом.

В системе common law- «duty of loyalty» и «duty of good faith» являются понятиями, через которые раскрываются фидуциарные обязанности в правоотношениях [16, с. 11].

Квинтэссенцией понимания «duty of loyalty» в фидуциарных правоотношениях является ограничение возможности получения сверхбогатства фидуциария без надлежащего согласия фидуцианта как путем получения дополнительного вознаграждения от третьих лиц за осуществление им своих функций определенным образом (см. дело *Mothew (t/a Stapley & Co) v Bristol & West Building Society Respondant* [1996] EWCA Civ 533), так и за счет «скрытых скидок» (см. дело *Fiona Trust & Holding Corp v Privalov* [2011] EWHC 715). Полагаем, с учетом тенденции правоприменительной практики случаи получения лизинговыми компаниями «скрытых» скидок от поставщиков через возврат переплаты реальной стоимости приобретаемого предмета лизинга также были бы учтены судами в качестве предоставления ли-

зингополучателя в случае расторжения договора лизинга или подлежали бы возврату последним в случае исполнения договора лизинга надлежащим образом.

Следует отметить, что позитивным эффектом применения принципа добросовестности в отличие от фидуциарных правил в отечественной правовой системе является исключение необходимости в рамках судебного спора устанавливать какие-либо обстоятельства, допускающие распространение принципа добросовестности на рассматриваемый кейс – он носит универсальный характер. Напротив, в случае необходимости установления фидуциарных отношений требуется изучение обстоятельств, способствующих их формированию, в том числе критериев доверия и уязвимости (хотя на наш взгляд оба определяющих элемента уже презюмируются вышеизложенной правоприменительной практикой Верховного Суда Российской Федерации) только после чего начинается анализ соответствия поведения фидуциария установленным стандартам.

Частичная подмена фидуциарных отношений принципом добросовестности заставляет задуматься о слишком растянутом его применении, при этом динамика развития правоотношений, введение новых юридических конструкций заставляют придумывать новые границы принципа добросовестности, что с учетом рецепции зарубежных инструментов буквально нарушает стройность системы правовых регуляторов [18].

Учитывая обоснованное повышение требуемого стандарта поведения в фидуциарных отношениях, необходимо признать его уместность. Так, признание лизинговых правоотношений квазифидуциарными позволит доктринально обосновать сформированную презумпцию недобросовестности лизингодателя, а также соответствующее перераспределение бремени доказывания [19], что является отдельно поименованным последствием фидуциарной обязанности в системе common law.

В свою очередь квазифидуциарный характер лизинговых правоотношений, основанных на доверии и уязвимости лизингополучателя, позволяет очертить пределы или стандарты его добросовестности при заключении, исполнении

и расторжении договора лизинга. Да, в отличие от классических фидуциарных отношений, в лизинговых присутствует дуализм имущественных интересов и обязанностей лизингодателя по отношению к лизингополучателю, чем и объясняется невозможность кристаллизировать их фидуциарную природу. При возникновении конфликта между имущественными интересами лизингодателя и лизингополучателя кредитор-лизингодатель безусловно и правомерно будет преследовать прежде всего свои собственные цели, однако только в пределах, которые правоприменительная практика определяет как разумные.

В заключении следует отметить, что в российской научной доктрине не существует единого подхода к определению признаков фидуциарных отношений, а также к вытекающим правовым последствиям признания отношений таковыми. Одна из причин слабой разработанности данного института – повсеместное применение в отечественном правовом регулировании универсального принципа добросовестности. Однако, несмотря на все преимущества, он не может больше обосновать повышенный стандарт добросовестности и должной осмотрительности для одной из, казалось бы, равных хозяйствующих сторон правоотношений. Зарубежный опыт также не дает универсального механизма, готового к имплементации в отечественное регулирование.

Дисбаланс средств правовой защиты участников отношений, который наблюдается в лизинговых спорах, наряду с устаревшим правовым регулированием диктует потребность в доктринальном обосновании.

Квазифидуциарная природа лизинговых правоотношений, на наш взгляд, является таким обоснованием повышенного стандарта поведения лизингодателя, который оправдывается тем, что лизинговые отношения возникают посредством наиболее уязвимой позиции лизингополучателя, возникшей не только в связи с экономической нецелесообразностью и несоразмерностью использования иных моделей финансирования, но и в связи с уверенностью в лизингодателе как в добросовестном профессиональном участнике рынка, преследующем интересы лизингополучателя.

Список литературы:

- [1] Егоров А.В. Лизинг: аренда или финансирование? // Вестник ВАС РФ. 2012. N 3. С. 36–60.
- [2] Громов С. А. Коренной поворот в практике применения законодательства о лизинговой деятельности / С. А. Громов // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. – 2011. – № 12. – С. 113–154
- [3] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о передаче имущества. 4-е изд., стереотипное. М.: Статут, 2002. Кн. 2. 800 с.
- [4] Шишкин С.Л. Лизингополучатель как слабая сторона договора финансовой аренды (лизинга) // Экономика и право в России и мире : сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. / ред.: И.И. Ивановская, М.В. Поснова. Петрозаводск, 2024. С. 87–100.
- [5] Шишкин С.Л. Актуальные вопросы добросовестности и должной осмотрительности лизингодателя при заключении, исполнении и расторжении договора купли-продажи // Академическая наука.

2025. N 1. С. 68–71.

[6] Дружинин Г. В. Правовая природа фидуциарных отношений // *ExLegis: правовые исследования*. – 2016. – № 1. – С. 26–29.

[7] Колиева А. Э. Особенности фидуциарных правоотношений в цивилистических исследованиях // *Вестник Евразийской академии административных наук*. – 2016. – № 2(35). – С. 100–108.

[8] *Гражданское право: Учебник. В 3 томах. Т. 1 / Под редакцией А.П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп.* Москва: Проспект, 2023. 1040 с.

[9] Боровая Л. Д. Правовое регулирование фидуциарных (лично-доверительных) отношений // *Пробелы в российском законодательстве*. – 2008. – № 2. – С. 139–140.

[10] Сырбо В.А. Отечественный и зарубежный опыт гражданско-правового регулирования фидуциарных отношений (история и современность) : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сырбо Владислав Анатольевич. – Москва, 2009. – 216 с.

[11] Иоффе О.С. Советское гражданское право М.: Юрид. лит., 1967. 494 с.

[12] Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Т. 1: Часть общая. СПб., 1911. 780 с.

[13] Regelsberger F. *Zwei Beiträage zur Lehre von der Cession. Archiv fuer die civilistische Praxis*. 1880. Bd. 63. S. 157–207

[14] Зикун И. И. Конструкция доверительного управления в гражданском праве: нефидуциарная фидуциарность / И. И. Зикун // *Вестник гражданского права*. – 2017. – Т. 17, № 3. – С. 52–103.

[15] Зорин В.С. Понятие и содержание фидуциарных правоотношений // *Вестник гражданского права*. 2024. N 2. С. 220–241.

[16] Martin Gelter, Geneviève Helleringer. *Fiduciary Principles in European Civil Law Systems*. 2018. 41 p.

[17] Зикун И. И. Генезис категории «фидуциарная собственность» в европейском гражданском праве // *Вестник гражданского права*. – 2018. – Т. 18, № 6. – С. 192–219.

[18] Блоги: Гуськов Д. Об отношениях (фидуциарных) [Электронный ресурс] // Дмитрий Гуськов. 04.07.2018. URL: https://zakon.ru/blog/2018/7/4/ob_otnosheniyah_fiduciarnyh#_ftn4 (дата обращения: 23.01.2026).

[19] Шишкин С. Л. Презумпция недобросовестности лизингодателя при поручительстве лизингополучателя за поставщика как развитие фидуциарных обязательств в лизинге // *Теория и практика общественного развития*. – 2025. – № 10(210). – С. 315–321.

References:

[1] Egorov A.V. *Leasing: Rent or Financing?* // *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2012. No. 3. pp. 36–60.

[2] Gromov S.A. *A Fundamental Turnaround in the Practice of Applying Legislation on Leasing Activities* / S.A. Gromov // *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. – 2011. – No. 12. – pp. 113–154

[3] Braginsky M.I., Vitryansky V.V. *Contract Law. Property Transfer Agreements*. 4th ed., stereotypical. Moscow: Statut, 2002. Book 2. 800 pp.

[4] Shishkin S.L. *Lessee as a Weaker Party in a Financial Lease (Leasing) Agreement* // *Economy and Law in Russia and the World: Coll. Art. VIII Int. Res. and Pract. Conf.* / ed.: I.I. Ivanovskaya, M.V. Posnova. Petrozavodsk, 2024. Pp. 87–100.

[5] Shishkin S.L. *Current issues of good faith and due diligence of the lessor in the conclusion, execution and termination of a sale and purchase agreement* // *Academic science*. 2025. N 1. Pp. 68–71.

[6] Druzhinin G.V. *Legal nature of fiduciary relationships* // *ExLegis: legal research*. – 2016. – No. 1. – Pp. 26–29.

[7] Kolieva A.E. *Features of fiduciary legal relationships in civilistic studies* // *Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences*. – 2016. – No. 2 (35). – Pp. 100–108.

[8] *Civil Law: Textbook. In 3 volumes. Vol. 1 / Edited by A.P. Sergeev. 2nd edition, revised and enlarged.* Moscow: Prospect, 2023. 1040 p.

[9] Borovaya L. D. *Legal regulation of fiduciary (personal-trust) relationships* // *Gaps in Russian legislation*. – 2008. – No. 2. – P. 139–140.

[10] Syrbo V.A. *Domestic and foreign experience in civil-law regulation of fiduciary relations (history and modernity): specialty 12.00.03 «Civil law; business law; family law; international private law»:* dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Syrbo Vladislav Anatolyevich. – Moscow, 2009. – 216 p.

[11] Ioffe O.S. *Soviet Civil Law Moscow: Legal Literature*, 1967. 494 p.

[12] Gambarov Yu.S. *Course in Civil Law. Vol. 1: General Part*. St. Petersburg, 1911. 780 p.

[13] Regelsberger F. *Two Parts of the Cession. Archive of Civil Law*. 1880. Vol. 63. pp. 157–207

[14] Zikun I.I. *The Structure of Trust Management in Civil Law: Non-Fiduciary Fiduciary Nature* / I.I. Zikun

// *Bulletin of Civil Law*. – 2017. – Vol. 17, No. 3. – P. 52-103.

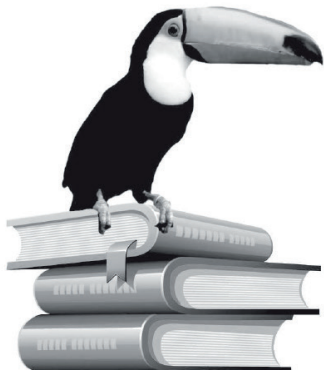
[15] Zorin V.S. Concept and Content of Fiduciary Legal Relationships // *Bulletin of Civil Law*. 2024. N 2. P. 220-241.

[16] Martin Gelter, Geneviève Helleringer. *Fiduciary Principles in European Civil Law Systems*. 2018. 41 p.

[17] Zikun I.I. Genesis of the Category of «Fiduciary Property» in European Civil Law // *Bulletin of Civil Law*. – 2018. – Vol. 18, No. 6. – P. 192-219.

[18] Blogs: Guskov D. On Relations (Fiduciary) [Electronic Resource] // Dmitry Guskov. 04.07.2018. URL: https://zakon.ru/blog/2018/7/4/ob_otnosheniyah_fiduciarnyh#_ftn4 (date of access: 23.01.2026).

[19] Shishkin S. L. Presumption of bad faith of the lessor in the case of the lessee's guarantee for the supplier as a development of fiduciary obligations in leasing // *Theory and practice of social development*. – 2025. – No. 10 (210). – P. 315-321.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ГАО Юнли,
аспирант,
Кыргызский национальный университет
имени Жусупа Баласагына,
e-mail: g18634377836@126.com

МАКЕЕВА Светлана Болотовна,
доктор экономических наук,
Кыргызский национальный университет
имени Жусупа Баласагына,
e-mail: makeeva.svetlana2872@gmail.com

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ МУЛЬТИПЛИКАТОР: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается теоретическая сущность инвестиционного мультипликатора и его практическое значение как инструмента управления современной экономикой. Особое внимание уделяется анализу факторов, влияющих на величину мультипликативного эффекта, таких как структура экономики, предельная склонность к потреблению и институциональные условия. На основе эмпирических исследований демонстрируется возможность целенаправленного воздействия на мультипликатор для стимулирования экономического роста и противодействия рецессионным тенденциям в региональных хозяйственных системах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: инвестиционный мультипликатор, акселератор, экономический рост, предельная склонность к потреблению, структура экономики, региональное развитие, инвестиции, фискальная политика.

GAO Yongli,
PhD student
Kyrgyz National University
named after Jusup Balasagyn

MAKEEVA Svetlana Bolotovna,
Doctor of Economic Sciences,
Kyrgyz National University
named after Jusup Balasagyn

INVESTMENT MULTIPLIER: THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION IN MODERN ECONOMY

ANNOTATION. The article examines the theoretical essence of the investment multiplier and its practical significance as a management tool for the modern economy. Special attention is paid to the analysis of factors influencing the magnitude of the multiplier effect, such as the structure of the economy, the marginal propensity to consume and institutional conditions. Based on empirical research, the possibility of purposefully influencing the multiplier to stimulate economic growth and counteract recessionary trends in regional economic systems is demonstrated.

KEY WORDS: investment multiplier, accelerator, economic growth, marginal propensity to consume, economic structure, regional development, investments, fiscal policy.

Концепция инвестиционного мультипликатора, введенная в научный оборот Ричардом Каном и развитая Джоном Мейнардом Кейнсом, остается одним из фундаментальных инструментов макроэкономического анализа [1]. В самом общем виде мультипликатор характеризует зависимость изменения валового внутреннего продукта от изменения объема инвестиций.

Однако за этой простой формулировкой скрывается сложный механизм распространения первоначального инвестиционного импульса по цепочке межотраслевых связей: доходы, полученные занятыми в инвестируемом секторе, частично направляются на потребление, порождая новые доходы в смежных отраслях и запуская тем самым последующие циклы роста [2].

Классическая формула мультипликатора $k=1/(1-MPC)$, где MPC — предельная склонность к потреблению, описывает эффект в закрытой экономике без учета государства. В современных условиях, характеризующихся высокой степенью открытости национальных хозяйств и активным участием государства, данная модель требует существенного усложнения. Как справедливо отмечают С. Н. Сильвестров, В. П. Бауэр и В. В. Еремин, для адекватной оценки величины мультипликатора необходимо учитывать целый ряд дополнительных параметров: предельную склонность к потреблению импортных товаров (что означает утечку средств из национальной экономики), уровень налоговой нагрузки, а также эффект акселератора, который описывает влияние роста дохода на индуцированные инвестиции [3]. Таким образом, реальная величина мультипликатора оказывается ниже теоретически возможной из-за наличия «утечек» в виде сбережений, импорта и налогов.

Особую значимость проблема измерения и управления мультипликатором приобретает на региональном уровне. Экономика региона более открыта, чем национальная, что усиливает утечки и делает мультипликативный эффект менее предсказуемым. Исследования показывают, что инвестиции в развитие определенных отраслей могут генерировать рост не только в них самих, но и в смежных секторах, однако этот процесс имеет и обратную сторону. Если опосредованно развивающиеся сектора начинают перехватывать ресурсы у целевых отраслей, или если значительная часть дохода уходит на покупку товаров, произведенных в других регионах или странах, запланированный эффект развития может смениться стагнацией или даже спадом при одновременном росте инфляции [4]. Данный феномен подчеркивает необходимость не просто констатации факта существования мультипликатора, но и глубокого анализа его структуры и каналов распространения.

Современные исследования, в том числе проведенные на базе Всемирного банка, подтверждают нелинейный характер воздействия государственных инвестиций на экономику. А. Адаров, Б. Клементс и Ж. Жаллеш на основе анализа данных 129 стран за период 1980–2019 гг. приходят к выводу, что мультипликатор публичных инвестиций значительно варьируется в зависимости от фазы экономического цикла и качества институтов. В периоды рецессий и в странах с дефицитом капитала его значение может достигать 1,6% прироста выпуска на 1% ВВП инвестиций, что существенно выше средних показателей [5]. Этот вывод имеет важное практическое значение, указывая на то, что контрциклическая инвестиционная политика государства способна эффективно сглаживать экономические спады.

Однако реализация потенциала мультипликатора наталкивается на проблему временных ла-

гов, которая не всегда учитывается в статичных моделях. Как отмечает А. В. Гореев, инвестиции в основной капитал не дают мгновенной отдачи; между моментом осуществления вложений и появлением нового дохода существует временной разрыв [6]. В этот период экономика может столкнуться с ростом цен на ресурсы без соответствующего увеличения предложения готовой продукции. Данное обстоятельство особенно актуально для долгосрочных инфраструктурных проектов. Более того, как подчеркивается в современных исследованиях по поведенческой экономике, существует тенденция к недооценке будущих выгод от текущих инвестиций, что требует разработки особых механизмов стимулирования вложений в проекты с длительным сроком окупаемости, например, в «зеленую» энергетику [7].

Эмпирические расчеты, проведенные на данных российской экономики, демонстрируют существенную дифференциацию значений мультипликатора по федеральным округам. Наибольшие значения традиционно фиксируются в Центральном федеральном округе, что объясняется высокой концентрацией финансовых потоков и платежеспособного спроса. В то же время анализ вклада отдельных отраслей показывает, что далеко не всегда сектора с наибольшей долей в структуре экономики генерируют максимальный мультипликативный эффект. Так, для Дальневосточного федерального округа характерна ситуация, когда добывающая промышленность, занимающая лидирующие позиции по объему выпуска, оказывает относительно слабое влияние на смежные производства из-за высокой экспортной направленности и, соответственно, перемещения мультипликативных цепочек за пределы национальной экономики [3]. Напротив, отрасли, ориентированные на внутренний рынок, такие как рыболовство или отдельные виды услуг, при относительно небольшой доле в ВРП способны обеспечить более существенный прирост смежных производств.

Следовательно, практическое применение теории мультипликатора в современной экономике требует перехода от простого количественного измерения к качественному анализу структуры воспроизводственных связей. Управление значением мультипликатора предполагает не столько наращивание объемов инвестиций любой ценой, сколько оптимизацию их отраслевого распределения с учетом глубины переработки, доли добавленной стоимости, создаваемой внутри региона или страны, и степени вовлеченности местных производителей в кооперационные цепочки. Не менее важным аспектом является синхронизация инвестиционной политики с мерами по развитию человеческого капитала и инфраструктуры, поскольку наличие квалифицированных кадров и современных производственных мощностей является необходимым условием для

того, чтобы дополнительный спрос был удовлетворен отечественным предложением, а не импортом. Только комплексный подход, учитывающий как теоретические постулаты кейнсианства, так и современные эконометрические методы оценки, позволяет превратить инвестиционный мультипликатор из абстрактной категории в действенный рычаг экономической политики.

Заключение

Инвестиционный мультипликатор, представляющий собой одну из фундаментальных категорий макроэкономической теории, в условиях современной экономики приобретает качественно новое прикладное значение, трансформируясь из абстрактного показателя в действенный инструмент управления хозяйственной динамикой. Проведенный анализ свидетельствует, что практическая реализация потенциала мультипликативного эффекта требует принципиального отказа от упрощенного подхода, сводящегося лишь к констатации связи между ростом инвестиций и увеличением национального дохода. На первый план выходит необходимость углубленного исследования структурных параметров экономической системы, включая отраслевую специфику, характер межрегионального и межотраслевого взаимодействия, а также институциональные особенности, определяющие направленность и силу распространения инвестиционного импульса.

Особого внимания заслуживает учет фактора временных лагов и так называемых «утечек» мультипликативного эффекта, связанных с импортной составляющей потребления и сбережениями, которые способны существенно снижать результативность инвестиционных вливаний в национальную или региональную экономику. Эмпирические исследования последних лет убедительно доказывают, что величина мультипликатора не является статичной константой, а подвержена значительной вариативности в зависимости от фазы экономического цикла, качества институциональной среды и степени загруженности производственных мощностей. В периоды рецессий и при эффективном управлении отраслевой структурой инвестиций мультипликативный эффект способен многократно усиливаться, превращаясь в мощный катализатор экономического подъема. Следовательно, целенаправленное и научно обоснованное воздействие на факторы, детерминирующие величину мультипликатора, открывает перед органами государственного управления и частными инвесторами широкие возможности для инициирования устойчивого экономического роста, нейтрализации рецессионных тенденций и предотвращения рисков «перегрева» конъюнктуры, что в конечном итоге обеспечивает более высокую предсказуемость и результативность реализуемой экономической политики.

Список литературы:

- [1] Kahn R.F. *The Relation of Home Investment to Unemployment* // *Economic Journal*. — 1931. — Vol. 41, No. 162. — Pp. 173-198.
- [2] Кейнс Дж. М. *Общая теория занятости, процента и денег* / Пер. с англ. Н. Н. Любимова. — М.: Гелиос АРВ, 1999. — 352 с.
- [3] Сильвестров С. Н., Бауэр В. П., Еремин В. В. Оценка зависимости мультипликатора инвестиций от изменения структуры экономики региона // *Экономика региона*. — 2018. — Т. 14, вып. 4. — С. 1463-1476.
- [4] Гореев А. В. Динамические мультипликаторы с учетом инвестиционных лагов / А. В. Гореев // *Развитие территориальных социально-экономических систем. Вопросы теории и практики : Сборник научных статей / Под общей редакцией Ю.Г. Лавриковой*. — Екатеринбург : Институт экономики Уральского отделения РАН, 2022. — С. 73-77.
- [5] Adarov A., Clements B., Jalles J. *Revisiting Public Investment Multipliers: Nonlinear Effects of the Business Cycle, Fiscal Space, Efficiency, and Capital Stock* // *Policy Research Working Paper*. — 2024. — № 10954. // The World Bank. — URL: <https://hdl.handle.net/10986/42293> (дата обращения: 18.03.2026).
- [6] Еремин В.В. Рекомендации по использованию мультипликатора инвестиций для обеспечения сбалансированного развития региональной экономики // *Финансы и управление*. — 2025. — № 1. — С. 16-26.
- [7] Puaschunder J. M. *Intertemporal Aspects of Keynes' Multiplier: On the Long-Term Benefits of Green Investments* // *RAIS Conference Proceedings 2022-2024*. — 2024. — Pp. 175-179.

References:

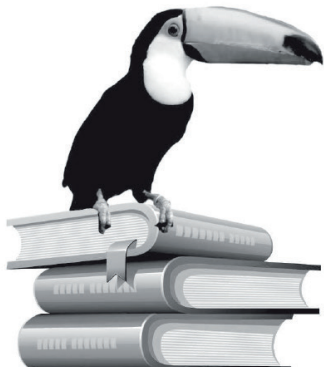
- [1] Kahn R.F. *The Relation of Home Investment to Unemployment* // *Economic Journal*. — 1931. — Vol. 41, No. 162. — Pp. 173-198.
- [2] Keynes J.M. *The General Theory of Employment, Interest and Money* / Translated from English by N.N. Lyubimova. — Moscow: Gelios ARV, 1999. — 352 p.
- [3] Silvestrov S.N., Bauer V.P., Eremin V.V. *Assessing the Dependence of the Investment Multiplier on Changes in the Structure of the Region's Economy* // *Regional Economy*. — 2018. — Vol. 14, issue 4. — Pp. 1463-1476.

[4] Goreev A.V. *Dynamic Multipliers Taking into Account Investment Lags* / A.V. Goreev // *Development of Territorial Socio-Economic Systems. Theory and Practice: A Collection of Scientific Articles* / Edited by Yu. G. Lavrikova. - Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2022. - pp. 73-77.

[5] Adarov A., Clements B., Jalles J. *Revisiting Public Investment Multipliers: Nonlinear Effects of the Business Cycle, Fiscal Space, Efficiency, and Capital Stock* // *Policy Research Working Paper*. - 2024. - No. 10954. // The World Bank. - URL: <https://hdl.handle.net/10986/42293> (accessed: 18.03.2026).

[6] Eremin V.V. *Recommendations for Using the Investment Multiplier to Ensure Balanced Development of the Regional Economy* // *Finance and Management*. - 2025. - No. 1. - pp. 16-26.

[7] Puaschunder J. M. *Intertemporal Aspects of Keynes' Multiplier: On the Long-Term Benefits of Green Investments* // *RAIS Conference Proceedings 2022-2024*. — 2024. — Pp. 175-179.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ВЕРЕТЕННИКОВА Алина Сергеевна,
студент, СибУПК
«Сибирский университет потребительской кооперации»,
e-mail: mail@law-books.ru

СВЕШНИКОВ Дмитрий Максимович,
студент, СибУПК
«Сибирский университет потребительской кооперации»,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
МАТИЯЩУК Светлана Владимировна,
зав. кафедрой, доктор юридических наук, доцент, СибУПК
«Сибирский университет потребительской кооперации»,
e-mail: mail@law-books.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ТЕЛЕМЕДИЦИНЕ: КОЛЛИЗИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И СПОСОБЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются правовые коллизии, возникающие при внедрении технологий искусственного интеллекта в телемедицину. Анализируются противоречия между действующим законодательством, признающим исключительно врача, медицинскую организацию как субъекта ответственности, и автономной природой алгоритмов, выполняющих диагностические функции. Автор предлагает способы разрешения выявленных коллизий с целью поддержания развития технологий искусственного интеллекта в медицине и защиты жизни и здоровья пациентов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: искусственный интеллект, телемедицина, коллизия, ответственность, персональные данные.

VERETENNIKOVA Alina Sergeevna,
student,
Siberian University of Consumer Cooperatives

SVESHNIKOV Dmitry Maksimovich,
student,
Siberian University of Consumer Cooperatives

Academic Supervisor:
MATYASHCHUK Svetlana Vladimirovna,
Head of Department, Doctor of Law, Associate Professor,
Siberian University of Consumer Cooperatives

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN TELEMEDICINE: CONFLICTS OF LEGAL REGULATION AND WAYS TO RESOLVE THEM

ANNOTATION. The article examines the legal conflicts that arise when introducing artificial intelligence technologies into telemedicine. The contradictions between the current legislation recognizing exclusively the doctor, the medical organization as the subject of responsibility, and the autonomous nature of algorithms performing diagnostic functions are analyzed. The author suggests ways to resolve the identified collisions in order to support the development of artificial intelligence technologies in medicine and protect the life and health of patients.

KEY WORDS: artificial intelligence, telemedicine, conflict, responsibility, personal data.

Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в телемедицинские технологии, включая системы поддержки принятия врачебных решений, компьютерную диагностику по медицинским изображениям и удалённый мониторинг, пред-

ставляет собой значимый прорыв в повышении доступности и качества медицинской помощи. Однако это также порождает новые вызовы в правовом регулировании, связанные с необходимостью гармонизации императивных требований

медицинского права и технологических реалий.

Существующая правовая база, в частности, Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья в Российской Федерации», была разработана до широкого распространения генеративных и аналитических моделей ИИ. Это приводит к возникновению коллизий между традиционными нормами медицинского права и новыми технологическими реалиями, требующими пересмотра правового регулирования.

1. Коллизия субъектного состава: «цифровой помощник» и «субъект ответственности».

Действующее законодательство признает субъектом медицинской деятельности исключительно физическое лицо (врача) или юридическое лицо (медицинскую организацию). Искусственный интеллект, в свою очередь, рассматривается как инструмент (объект). В условиях автономной работы телемедицинских сервисов, где ИИ выполняет функции, традиционно требующие лицензирования и специальной квалификации (например, постановка предварительного диагноза или сортировка пациентов), возникает правовой пробел, неизвестно, как квалифицировать действия алгоритма.

На сегодняшний день позиция российского законодателя однозначна: Искусственный интеллект квалифицируется как медицинское изделие (программное обеспечение) или как инструмент деятельности врача. Коллизия возникает в момент автономности. Если сервис работает так, что пациент получает вывод (диагноз, рекомендацию) напрямую от ИИ без участия врача, либо с номинальным участием врача, возникает правовой вакуум. На данный момент ИИ является лишь инструментом, помогающим и облегчающим работу врача и не может действовать самостоятельно. Следовательно, несмотря на то, что ИИ в части передаются полномочия по анализу снимков КТ, МРТ, анамнезу пациента и выработке рекомендаций, врач на основании рекомендаций самостоятельно принимает решение, оценивает состояние здоровья пациента и составляет медицинское заключение. Действия ИИ – этап работы врача, который обязан критически оценивать выводы алгоритма. Медицинские организации, медицинские работники и фармацевтические работники несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации за нарушение прав в сфере охраны здоровья, причинение вреда жизни и (или) здоровью при оказании гражданам медицинской помощи [1]. Пока ИИ не допускают в медицинскую деятельность как субъект с автономной воли, его статус правильнее определять относительно цифрового помощника.

2. Коллизия ответственности: «врачебная ошибка» или «сбой алгоритма»

Привлечение к ответственности за вред, причиненный рекомендацией ИИ, представляет собой сложную задачу. Врач, полагающийся на алгоритм, может не обладать достаточной квали-

фикацией для его критической оценки, что усугубляется так называемой проблемой «черного ящика». Возникает вопрос: если ошибка произошла из-за дефекта программы, вызванного некачественными данными для обучения, должен ли нести ответственность разработчик по нормам гражданского права. Однако если врач слепо доверился ошибочной рекомендации, наступает его ответственность (уголовная или дисциплинарная) за врачебную ошибку. Таким образом, грань между ответственностью врача и разработчика оказывается размытой, а институт смешанной ответственности отсутствует.

Данная коллизия в современных реалиях может рассматриваться неоднозначно. Но самым эффективным решением предполагается следующее: солидарная ответственность врача и разработчика ИИ вследствие причинения вреда пациенту. В данной ситуации недостаточная квалификация врача рассматривается как повышенная ответственность перед пациентом, за здоровье которого отвечает врач. Разработчик ИИ ответственен за плохое машино-обучение, если будут доказаны существенные недостатки алгоритма, введенного в эксплуатацию.

3. Коллизия приватности и обработки биометрических данных.

Телемедицина с использованием ИИ требует сбора большого объема данных для обучения и функционирования моделей, включая биометрические данные, т.е. «сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность» [2]. Однако Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» и его положения о трансграничной передаче данных и получении согласия вступают в противоречие с потребностью ИИ в непрерывном потоке обезличенной информации.

Согласно указанному закону, обработка биометрических данных возможна только с согласия в письменной форме субъекта персональных данных, а трансграничная передача осложняется долгими административными процедурами. С одной стороны, данные меры направлены на охрану конфиденциальных данных пациентов, с другой стороны ставит блок в развитии ИИ, который в будущем может стать незаменимым помощником в медицинской деятельности и возможно является ступенью к прорыву в медицине как с позиции качества оказываемых услуг, так и с позиции ускорения принятия врачебных решений. Обезличивание биометрических данных, которые в будущем будут использованы с только целью обучения алгоритмов ИИ не противоречит принципам, указанным в ст. 6 ФЗ N 152-ФЗ «О персональных данных». В кругу юристов так же рассматривается возможность автоматического согласия пациентов на обработку именно обезличенных данных. Автоматическое согласие даст хорошую почву для обучения алгоритмов и при этом не может нарушать Конституцию Рос-

сийской Федерации и принципы Федерального закона №152-ФЗ, так как персонифицированные данные пациентов в данном массиве информации отсутствуют и не могут использоваться против них даже при возможной утечке информации.

4. Концепция «медицинского работника-интегратора».

Предлагается нормативно закрепить правило, согласно которому врач в телемедицине выступает не просто пользователем, а «интегратором». Это предполагает не только принятие решения, но и верификацию работы ИИ путем перекрестной проверки, а также право вето на рекомендации системы. Такое решение позволит обеспечить высокий уровень ответственности и качества медицинской помощи.

5. Дифференциация режимов работы ИИ (регуляторные песочницы).

Для разрешения коллизии ответственности предлагается ввести градацию уровней автономности ИИ в телемедицине. Это включает:

1) Режим «советчик» — ответственность остается на враче.

2) Режим «ассистент» — юридически значимые действия возможны только после подтверждения врачом, при этом риск сбоя алгоритма страхуется разработчиком.

3) Режим «автономный агент» — для узкоспециализированных задач (например, анализ лучевых снимков) с ограниченной ответственностью клиники и обязательным страхованием экспериментальных рисков.

6. Унификация понятийного аппарата (дефиниции).

Ключевым аспектом разрешения коллизий является внесение изменений в Федеральный закон № 323-ФЗ. Важно легально определить понятие «искусственный интеллект» в контексте здравоохранения, отделив его от простых алгоритмических инструментов. Необходимо также прописать статус «медицинского изделия — программного обеспечения с ИИ», включая особые требования к регистрации (включая динамическую перерегистрацию по мере до-обучения модели). Так как на данный момент уже внедрены

системы телемедицины с использованием ИИ, отсутствие законодательного закрепления таких изделий и в том числе специализированных правил к их регистрации в связи с повышенными рисками данных моделей, оставляет их прозрачными для нормативного регулирования.

7. Развитие института «обезличенных данных» для обучения.

Для разрешения коллизии приватности предлагается создание государственных доверенных сред для обезличенных медицинских данных. Это позволит разработчикам ИИ получать доступ к данным через защищенную среду, минимизируя риски утечек и соблюдая требования Федерального закона № 152-ФЗ. Важно проработать вопрос снятия правовых барьеров, ограничивающих возможность использования обезличенных персональных данных пациентов. Например, для обучения моделей ИИ распознавать изображения КТ, МРТ, ультразвуковых исследований необходимы реальные медицинские кейсы. «Инструмент автоматического согласия» граждан на передачу обезличенной информации поможет упростить и ускорить обучение соответствующих моделей. Данное решение прямо коррелирует со стратегией развития искусственного интеллекта РФ и при достаточной проработке рисков может стать ключом к решению существующей проблемы. Возможно создание специализированного цифрового банка информации под контролем государства, к которому будут иметь доступ разработчики искусственного интеллекта, это создаст дополнительную защиту данных, помимо полного обезличивания.

Правовое регулирование ИИ в телемедицине не должно идти по пути полного запрета или полного де-регулирования. Оптимальным подходом является путь «сбалансированной коллизии», где через экспериментальные правовые режимы (регуляторные песочницы) отыскивается баланс между безопасностью пациента и технологическим развитием. Такой подход позволит адаптировать правовую базу к новым реалиям и обеспечить устойчивое развитие телемедицины с использованием ИИ.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 14.04.2026).

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 14.04.2026).

References:

[1] Federal Law of November 21, 2011 No. 323-FZ (as amended on July 23, 2025) «On the Fundamentals of Protecting Citizens' Health in the Russian Federation» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (accessed on April 14, 2026).

[2] Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ (as amended on June 24, 2025) «On Personal Data» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (accessed on April 14, 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.07.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-3-81-83

БАЕРХАЕВА Регина Юрьевна,
преподаватель КПО,
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова»,
e-mail: badmakhalgayevan@mail.ru

ИРАДЖАПОВА Булгн Геннадьевна,
преподаватель КПО,
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова»,
e-mail: iradzhapovabg@mail.ru

ОЧИР-ГОРЯЕВА Баина,
студентка КПО,
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова»,
e-mail: kuromi689@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ЭРОЗИИ ПОЧВ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ)

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются проблемы эрозии почв как одного из ключевых факторов деградации земель сельскохозяйственного назначения. Актуальность работы обусловлена усилением негативных природных и антропогенных процессов, приводящих к снижению плодородия почв и эффективности аграрного производства. Научная новизна заключается в систематизации факторов развития эрозии и уточнении комплекса противоэрозионных мероприятий с учетом региональных особенностей Республики Калмыкия. В работе использованы методы анализа, обобщения и сравнительного исследования. Практическая значимость состоит в возможности применения предложенных подходов при планировании рационального землепользования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эрозия почв, деградация земель, сельскохозяйственные угодья, противоэрозионные мероприятия, землепользование, Республика Калмыкия, устойчивое развитие.

BAERHAEVA Regina Yuryevna,
teacher of KPO,
B.B. Gorodovikov Kalmyk State University

IRAJAPOVA Bulgn Gennadievna,
KPO teacher,
B.B. Gorodovikov Kalmyk State University

OCHIR-GORYAEVA Baina,
student of KPO,
B.B. Gorodovikov Kalmyk State University

SOIL EROSION PROBLEMS AND DIRECTIONS FOR RATIONAL USE OF AGRICULTURAL LANDS (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA)

ANNOTATION. The article examines the problems of soil erosion as one of the key factors in the degradation of agricultural land. The relevance of the work is due to the intensification of negative natural and

anthropogenic processes leading to a decrease in soil fertility and the efficiency of agricultural production. The scientific novelty consists in systematizing the factors of erosion development and clarifying the complex of anti-erosion measures, taking into account the regional peculiarities of the Republic of Kalmykia. The paper uses methods of analysis, generalization and comparative research. The practical significance lies in the possibility of applying the proposed approaches in planning rational land use.

KEY WORDS: soil erosion, land degradation, agricultural lands, anti-erosion measures, land use, Republic of Kalmykia, sustainable development.

Введение

Рациональное использование земель сельскохозяйственного назначения является важнейшим условием устойчивого функционирования агропромышленного комплекса и обеспечения продовольственной безопасности государства [1; 2]. В современных условиях усиливающегося антропогенного воздействия на природную среду особую актуальность приобретает проблема деградации почвенного покрова, среди форм которой ведущую роль занимает эрозия [5, с. 32; 7].

Интенсивное сельскохозяйственное освоение территорий, нарушение агротехнологий, а также неблагоприятные природно-климатические условия способствуют ускорению процессов разрушения почв [3; 6, с. 41]. В результате снижается содержание гумуса, ухудшаются агрофизические свойства почв, уменьшается их продуктивность [7, с. 56].

Особенно остро данная проблема проявляется в аридных регионах Российской Федерации, в том числе в Республике Калмыкия, где природные условия способствуют развитию эрозионных процессов.

Проблема исследования заключается в необходимости совершенствования существующих мер защиты почв от эрозии.

Цель статьи — анализ факторов развития эрозии почв и разработка направлений рационального использования земель.

Эрозия почв и особенности землепользования в Республике Калмыкия

Эрозия почв является одним из наиболее распространенных и опасных процессов деградации земель сельскохозяйственного назначения, оказывающим непосредственное влияние на их продуктивность и экологическое состояние. Под эрозией понимается разрушение и перенос верхнего плодородного слоя почвы под воздействием воды, ветра и хозяйственной деятельности человека [5, с. 47].

В зависимости от доминирующего фактора воздействия различают водную и ветровую эрозию. Водная эрозия развивается преимущественно в условиях склонового рельефа и проявляется в виде плоскостного смыва и образования оврагов, тогда как ветровая эрозия характерна для засушливых территорий и выражается в выдувании почвенных частиц [6, с. 52; 12].

Интенсивность эрозионных процессов определяется совокупностью факторов, включая климатические условия, рельеф местности, тип почв и особенности землепользования [7, с. 22]. При

этом антропогенное воздействие значительно усиливает естественные процессы деградации [9].

Республика Калмыкия относится к регионам с повышенной эрозионной опасностью. Климат характеризуется засушливостью, малым количеством осадков и высокой испаряемостью, что приводит к снижению устойчивости почвенного покрова [10]. Существенное влияние оказывают сильные ветры, способствующие развитию дефляционных процессов [12].

Рельеф территории представлен преимущественно равнинными и слабоволнистыми формами, однако наличие склонов способствует формированию поверхностного стока и развитию водной эрозии. Почвенный покров отличается значительной неоднородностью и представлен каштановыми и бурыми почвами, обладающими низкой устойчивостью к разрушению.

Таким образом, природные условия региона создают предпосылки для активного развития эрозии. Однако решающую роль в усилении деградационных процессов играет антропогенное воздействие.

Анализ хозяйственной деятельности показывает, что значительное влияние на развитие эрозии оказывают распашка склонов, нарушение системы севооборотов и чрезмерный выпас скота [4, с. 15; 9]. Эти факторы способствуют разрушению растительного покрова и усилению процессов деградации почв.

В результате эрозионных процессов происходит снижение содержания гумуса, ухудшение структуры почвы и уменьшение ее продуктивности [7, с. 61].

В условиях нарастающей деградации земель особую актуальность приобретает разработка комплекса противоэрозионных мероприятий. Их реализация должна носить системный характер и учитывать природные и хозяйственные особенности территории.

Организационно-хозяйственные мероприятия направлены на рациональное использование земельных ресурсов и включают зонирование территории и дифференцированное размещение сельскохозяйственных культур [9].

Агротехнические мероприятия включают обработку почвы поперек склонов, минимальные технологии обработки и внедрение почвозащитных севооборотов [6, с. 73; 7]. Их применение позволяет снизить интенсивность эрозионных процессов и сохранить плодородие почв.

Лесомелиоративные мероприятия предполагают создание защитных лесных полос, снижаю-

щих скорость ветра и предотвращающих вынос почвенных частиц [12]. Гидротехнические меры направлены на регулирование поверхностного стока.

В современных условиях особую значимость приобретает внедрение адаптивно-ландшафтных систем земледелия, обеспечивающих устойчивое использование земельных ресурсов [9; 12].

Дополнительно важным направлением является развитие систем мониторинга земель, включая использование геоинформационных технологий, что позволяет своевременно выявлять деградационные процессы.

Таким образом, эффективная борьба с эрозией почв требует комплексного подхода.

Вывод

Проведённое исследование показало, что эрозия почв является одним из ключевых факторов деградации земель сельскохозяйственного назначения. В условиях Республики Калмыкия развитие эрозионных процессов обусловлено сочетанием природных и антропогенных факторов.

Установлено, что деградация почв приводит к снижению плодородия и продуктивности сельскохозяйственных угодий, что требует внедрения комплексных мер защиты земельных ресурсов.

Обоснована необходимость применения системы противоэрозионных мероприятий, включающей агротехнические, лесомелиоративные и организационные меры.

Список литературы:

- [1] Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. 2024 г.). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 29.05.2026).
- [2] Буряк В. А. Земледелие и охрана почв. — М.: Академия, 2020. — 256 с.
- [3] Государственный доклад о состоянии окружающей среды Республики Калмыкия в 2022 году. — Элиста, 2022. — 180 с.
- [4] Доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2023 году. — М.: Росреестр, 2024. — 250 с.
- [5] Кузнецов Д. В. Современные подходы к управлению земельными ресурсами // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. — 2023. — № 2. — С. 25–30.
- [6] Лозовая Н. В., Лозовой В. Н. Эрозия почв и методы борьбы с ней. — М.: Колос, 2021. — 280 с.
- [7] Материалы по природно-климатической характеристике Республики Калмыкия. — Элиста, 2021. — 95 с.
- [8] Пилыева О. В., Клапова И. А. Проблемы кадастра и землеустройства // Эпоха науки. — 2020. — № 4. — С. 12–16.
- [9] Рулев А. С., Иванов И. В. Деградация почв и пути ее предотвращения. — Волгоград: ВолГАУ, 2020. — 210 с.
- [10] Bai J., Zhang G., Zhao Q. Land degradation and restoration in arid and semi-arid regions: a global perspective // Land Degradation & Development. — 2021. — Vol. 32, no. 5. — P. 1799–1812.
- [11] Cherlet M., Hutchinson C., Reynolds J. F. World Atlas of Desertification. — Luxembourg: European Commission, 2018. — 248 p.
- [12] Thomas D. S. G., Middleton N. J. Desertification: Exploding the Myth. — Chichester: Wiley, 2021. — 230 p.

References:

- [1] Land Code of the Russian Federation of October 25, 2001, No. 136-FZ (as amended in 2024). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (accessed: May 29, 2026).
- [2] Buryak, V. A. Agriculture and Soil Protection. Moscow: Academy, 2020, 256 p.
- [3] State Report on the State of the Environment of the Republic of Kalmykia in 2022. Elista, 2022, 180 p.
- [4] Report on the Status and Use of Land in the Russian Federation in 2023. Moscow: Rosreestr, 2024, 250 p.
- [5] Kuznetsov D. V. Modern approaches to land resources management // Land management, cadastre and land monitoring. - 2023. - No. 2. - P. 25-30.
- [6] Lozovaya N. V., Lozovoy V. N. Soil erosion and methods of combating it. - Moscow: Kolos, 2021. - 280 p.
- [7] Materials on the natural and climatic characteristics of the Republic of Kalmykia. - Elista, 2021. - 95 p.
- [8] Pilyaeva O. V., Klapova I. A. Problems of cadastral registration and land management // The Age of Science. - 2020. - No. 4. - P. 12-16.
- [9] Rulev A. S., Ivanov I. V. Soil degradation and ways to prevent it. — Volgograd: VolGAU, 2020. — 210 p.
- [10] Bai J., Zhang G., Zhao Q. Land degradation and restoration in arid and semi-arid regions: a global perspective // Land Degradation & Development. — 2021. — Vol. 32, no. 5. - P. 1799–1812.
- [11] Cherlet M., Hutchinson C., Reynolds J. F. World Atlas of Desertification. — Luxembourg: European Commission, 2018. — 248 p.
- [12] Thomas D. S. G., Middleton N. J. Desertification: Exploding the Myth. - Chichester: Wiley, 2021. - 230 p.

МАЛОВА Альбина Кирилловна,
студент,
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: malova.albina2003@yandex.ru

УСТЬЯНЦЕВА Ольга Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: malova.albina2003@yandex.ru

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В СОХРАНЕНИИ ВОДНОГО БИОРАЗНООБРАЗИЯ

АННОТАЦИЯ. Охрана природы – одна из основных проблем государства и общества во все времена. Важную роль в данной деятельности играет государство в лице уполномоченных органов. В статье рассмотрена роль органов прокуратуры в сохранении биоразнообразия, исторические аспекты ее формирования, отдельное внимание уделено назначению природоохранной прокуратуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: водные биоресурсы, прокуратура, таймень, экологическое законодательство, экологические права граждан.

MALOVA Albina Kirillovna,
student,
O.E. Kutafin University (MGUA)

USTYANTSEVA Olga Vladimirovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
O.E. Kutafin University (MGUA)

THE ROLE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN PRESERVING BIOLOGICAL DIVERSITY

ANNOTATION. Nature conservation is one of the main problems of the state and society at all times. The State, represented by authorized bodies, plays an important role in this activity. The article examines the role of the prosecutor's office in the conservation of biodiversity, the historical aspects of its formation, special attention is paid to the appointment of the environmental prosecutor's office.

KEY WORDS: aquatic biological resources, prosecutor's office, taimen, environmental legislation, environmental rights of citizens.

Природа – уникальное достояние всего человечества. В Конвенции о биологическом разнообразии от 05.06.1992 г. дается определение такого важного для экологии понятия, как биологическое разнообразие. В соответствии со ст. 2 оно «...означает вариабельность живых организмов из всех источников, включая, среди прочего, наземные, морские и иные водные экосистемы и экологические комплексы, частью которых они являются; это понятие включает в себя разнообразие в рамках вида, между видами и разнообразие экосистем...» [1]. В ст. 1 Федерального закона от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» приведено похожее определение: «разнообразие объектов животного мира в рамках одного вида, между видами и в экологических системах» [2]. На одной из встреч Владимир Владимирович Путин подчеркнул: «...Наша страна по праву славится уникальным многообразием, красотой

и неповторимостью природы. Это наше национальное достояние, которое мы обязаны сохранить, сберечь для потомков...» [3]. Целью работы является описание роли органов прокуратуры, в частности особого предназначения природоохранной прокуратуры, в деятельности по сохранению биоразнообразия и борьбе с нарушениями норм экологического законодательства.

История прокуратуры в России насчитывает не один век. В 1722 г. Петр I учредил надзорное учреждение, с течением времени менялось государство, политический курс, а вместе с ними и право, но неизменным оставалось одно – необходимость в надзорном органе. Чтобы прояснить функции прокуратуры, сферы, в которых осуществляет свою работу надзорный орган, нужно рассмотреть актуальные проблемы, именно они в дальнейшем и определяют основные направления деятельности прокуратуры. Необходимо от-

метить, что в период становления прокуратуры основная цель, стоящая перед надзорным органом, была борьба со взяточничеством, бюрократией, злоупотреблением должностными лицами полномочиями. Однако с XVIII века общество поменялось, появились новые проблемы, и, следовательно, изменились задачи, поставленные перед органами государства, которые призваны их реализовать.

XX век – век осознания человечеством значимости экологических прав, ценности биоразнообразия во всем мире. Применительно к фауне можно отметить следующее: несоразмерная эксплуатация природы привела к массовому сокращению численности некоторых видов животных. Так, в России отмечается деградация численности кавказского зубра (лат. *Bison bonasus caucasicus*) в середине XIX века составляла примерно 2 000 животных, тогда как в начале XX века она стала равна приблизительно 500 особей [4, с. 21] и исчезла к 1926 г. Другой подвид Европейского зубра – равнинный (или беловежский) зубр (лат. *Bison bonasus bonasus*) – был утрачен в 1921 г. Несмотря на принятые меры: создание Кавказского зубрового заповедника в 1924 году – сохранить кавказского зубра в дикой, нетронутой человеческой деятельностью, природе не удалось и было принято решение о разведении гибрида из 2 подвидов, экземпляры которых остались лишь в неволе; сегодня зубр (*Bison bonasus*) находится под угрозой исчезновения [5]. Можно привести другие примеры истребления представителей природы, но важно подчеркнуть, что в историческом аспекте нашего государства именно XX век озаглавлен политикой, направленной на охрану природы.

В России выделяют несколько этапов формирования экологического законодательства: 1917 – 1968 гг.; 1969 – 1988 гг.; 1989 г. – настоящее время (современный этап) [6, с. 86]. Каждый период устанавливает определенное отношение к природе как объекту охраны. Усиление значимости природы в законодательстве начинает акцентироваться в начале 1960-х гг., следует обратиться к нормативным правовым актам тех лет.

27.10.1960 был принят базовый закон [7], который установил, что «охрана природы является важнейшей государственной задачей и делом всего народа». Вместе с тем контроль на прокуратуру в соответствии со ст. 15 непосредственно не возлагался. При этом в литературе отмечается понимание важнейшей роли органов прокуратуры в вопросах охраны окружающей среды [8, с. 52], что прослеживается в нормативных правовых актах [9], обеспечивающих реализацию конституционных обязанностей граждан «беречь природу, охранять ее богатства» [10]. Исследователи подчеркивают взаимосвязь развития законодательства о прокуратуре и расширение компетенции прокуроров во многих сферах, в том числе и природоохранной [11, с. 235; 8, с. 53].

Важным этапом в участии прокуратуры в охране биоразнообразия является учреждение специализированных природоохранных прокуратур в 1980-х г., которых к 1991 г. стало 110 [12, с. 38]. Со временем число специализированных природоохранных прокуратур увеличивалось, несмотря на неоднозначные оценки необходимости выделения таких прокуратур в общей структуре [13, с. 180]. Ответ на вопрос о соотношении полномочий территориальных прокуратур и специализированных природоохранных прокуратур можно найти в отдельном документе Генпрокуратуры России [14].

Возвращаясь к роли органов прокуратуры в сохранении биоразнообразия, остановимся на конкретном примере участия прокуратуры в данном вопросе.

В Красноярском крае – в одном из самых больших по площади субъектов РФ в 2022 году был создан природный заказник краевого значения «Река Бахта» [15] в целях охраны места обитания обыкновенного тайменя (*Hucho taimen*), запрещенного к вылову [16]. Несмотря на существующий запрет недобросовестные предприниматели предлагают рыболовство по принципу «поймал-отпустил», что также не предусмотрено Минсельхозом России, и в открытых источниках сети «Интернет» публикуют информацию о турах на реке Бахте и ее притоках. Вышеуказанная деятельность противоречит положениям Конституции Российской Федерации, положения которой развиваются в экологическом законодательстве [17, с. 183; 18, с. 85].

В рамках осуществления общественного контроля инициативной группой была собрана информация о таких сайтах и направлена в адрес Красноярской природоохранной прокуратуры и поставлен вопрос об их удалении, которая перенаправила поступившую информацию руководителю Енисейского территориального управления Росрыболовства для рассмотрения по существу по вопросам незаконного размещения публикаций о проведении рыболовных туров на тайменя на притоках реки Бахты. Проведенная проверка уполномоченным органом установила наличие признаков нарушения (ч. 2 ст. 8.37 КоАП РФ), а также недопустимость распространения информации об организации рыбалки на запрещенные для добычи (вылова) виды рыб, что и было доведено до сведения Красноярской природоохранной прокуратуры для принятия мер прокурорского реагирования с целью блокировки сайтов.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1) Признание и закрепление в Основном законе государства ценности природы и необходимости принятия мер по ее сохранению, а также защите биоразнообразия влияет на развитие как экологического законодательства, так и на организационное совершенствование специализированных органов государства;

2) Специализированные природоохранные прокуратуры, осуществляющие надзор за законностью, в том числе в области охраны водных биологических ресурсов, участвуют в пресечении незаконной деятельности во взаимодействии с иными органами государства, что с одной стороны обеспечивает объективность проверки, а с

другой – влияет на увеличение срока проверки по материалам и последующей блокировки сайтов нарушителей закона.

3) На конкретном примере показан вклад общественного контроля в мероприятия по защите водных биоресурсов, отнесенных к компетенции государственных органов.

Список литературы:

- [1] Конвенция о биологическом разнообразии от 05 июня 1992 г. // СЗ РФ. 1996. № 19. Ст. 2254.
- [2] Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1462; 2025. № 31. Ст. 4649.
- [3] Участникам и гостям международного фестиваля «День тигра». // Официальный сайт Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/66765> (дата обращения: 11.03.2026).
- [4] Черная книга России: 5 уникальных животных, когда-то обитавших на территории нашей страны. // Вокруг Света. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/311713/> (дата обращения: 11.03.2026).
- [5] Приказ Министерства природных ресурсов Российской Федерации от 24 марта 2020 г. № 162 «Об утверждении Перечня объектов животного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru, 02.04.2020 (дата обращения 12.03.2026).
- [6] Ерофеев Б.В. Экологическое право России. Общая часть: учебник для вузов / Б.В. Ерофеев; под научной редакцией Л.Б. Братковской. // Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 230 с.
- [7] Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об охране природы в РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 586 (утратил силу).
- [8] Ноговицын А.К., Маякунов А.Э. Философско-правовой аспект формирования природоохранной функции прокуратуры / А.К. Ноговицын, А.Э. Маякунов // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science». 2021. № 4. С. 52-56.
- [9] Постановление ВС СССР от 20 сентября 1972 г. № 3351-VIII «О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов» // Ведомости ВС СССР. 1972. № 39. Ст. 346.
- [10] Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 07 октября 1977 г.) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617 (утратил силу).
- [11] Бижанова К.А. Исторические аспекты формирования прокурорского надзора в сфере охраны окружающей среды / К.А. Бижанова. // Актуальные проблемы Российского права. 2018. № 7 (92). С. 232-242.
- [12] Добрецов Д.Г. Природоохранные прокуратуры. Прокуратура России: 1991-2016 гг.: сб. ст. / под. общ. ред. А. Ю. Винокурова; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. // М., 2016. С. 34-40.
- [13] Орловская И.В. Система специализированных природоохранных прокуратур Российской Федерации: исторические, организационно-правовые аспекты и принципы ее формирования / И.В. Орловская // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28. № 1. С. 180-192.
- [14] Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 07 мая 2008 г. № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» // Законность. 2008. № 6; 2024. № 10.
- [15] Постановление Правительства Красноярского края от 27 декабря 2022 г. № 1175-п «О создании особо охраняемой природной территории – государственного природного заказника краевого значения «Река Бахта» // Наш Красноярский край, № 3 от 18 января 2023 г.
- [16] Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 30 октября 2020 г. № 646 «Об утверждении правил рыболовства для Западно-Сибирского рыбохозяйственного бассейна» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru, 16.03.2021; 29.12.2023 (дата обращения 12.03.2026).
- [17] Устьянцева О.В. К вопросу об экологической составляющей патриотизма // Концептуальные основы российского патриотизма и стратегия патриотического воспитания подрастающего поколения: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Новороссийск, 23–24 апреля 2021 года. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2021. С. 183-185.
- [18] Устьянцева О.В. Экологические ориентиры Конституции России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 83-89.

References:

- [1] Convention on Biological Diversity of June 5, 1992 // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 19. Art. 2254.
- [2] Federal Law of April 24, 1995 No. 52-FZ «On the Animal World» // Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 17. Art. 1462; 2025. No. 31. Art. 4649.
- [3] To the participants and guests of the international festival «Tiger Day». // Official website of the President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/66765> (date accessed: March 11, 2026).
- [4] The Black Book of Russia: 5 unique animals that once inhabited the territory of our country. // Around the World. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/311713/> (accessed: 11.03.2026).
- [5] Order of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation of March 24, 2020 No. 162 «On approval of the List of wildlife species listed in the Red Book of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: www.pravo.gov.ru, 02.04.2020 (accessed: 12.03.2026).
- [6] Erofeev B.V. Environmental Law of Russia. General Part: Textbook for Universities / B.V. Erofeev; edited by L.B. Bratkovskaya. // Moscow: Yurait Publishing House, 2025. - 230 p.
- [7] Law of the RSFSR of October 27, 1960 «On Environmental Protection in the RSFSR» // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1960. No. 40. Art. 586 (no longer in effect).
- [8] Nogovitsyn A.K., Mayakunov A.E. Philosophical and legal aspect of the formation of the environmental function of the prosecutor's office / A.K. Nogovitsyn, A.E. Mayakunov // Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. Vestnik of North-Eastern Federal University. Series «Social Sciences. Social science». 2021. No. 4. pp. 52-56.
- [9] Resolution of the Supreme Soviet of the USSR of September 20, 1972, No. 3351-VIII «On Measures to Further Improve Environmental Protection and Rational Use of Natural Resources» // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1972. No. 39. Art. 346.
- [10] Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (adopted at the extraordinary seventh session of the Supreme Soviet of the USSR of the ninth convocation on October 7, 1977) // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1977. No. 41. Art. 617 (no longer in effect).
- [11] Bizhanova K.A. Historical Aspects of the Formation of Prosecutor's Supervision in the Sphere of Environmental Protection / K.A. Bizhanova. // Current Issues of Russian Law. 2018. No. 7 (92). P. 232-242. [12] Dobretsov D.G. Environmental prosecutor's offices. The Prosecutor's Office of Russia: 1991-2016: Coll. Art. / ed. by A. Yu. Vinokurov; Acad. of the Prosecutor General's Office of the Rus. Federation. // Moscow, 2016. Pp. 34-40.
- [13] Orlovskaya I.V. The system of specialized environmental prosecutor's offices of the Russian Federation: historical, organizational and legal aspects and principles of its formation / I.V. Orlovskaya // Bulletin of Kostroma State University. 2022. Vol. 28. No. 1. Pp. 180-192.
- [14] Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated May 7, 2008 No. 84 «On the delimitation of the competence of prosecutors of territorial, military and other specialized prosecutor's offices» // Legality. 2008. No. 6; 2024. No. 10.
- [15] Resolution of the Government of Krasnoyarsk Krai of December 27, 2022 No. 1175-p «On the establishment of a specially protected natural area - the state nature reserve of regional significance «Bakhta River» // Our Krasnoyarsk Krai, No. 3 of January 18, 2023.
- [16] Order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation of October 30, 2020 No. 646 «On approval of fishing rules for the West Siberian fishery basin» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: pravo.gov.ru, March 16, 2021; December 29, 2023 (date of access March 12, 2026).
- [17] Ustyantseva O.V. On the Environmental Component of Patriotism // Conceptual Foundations of Russian Patriotism and the Strategy of Patriotic Education of the Younger Generation: A Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Novorossiysk, April 23-24, 2021. - Penza: Penza State University, 2021. Pp. 183-185.
- [18] Ustyantseva O.V. Environmental Guidelines of the Constitution of Russia // Bulletin of Tver State University. Series: Law. 2022. No. 1 (69). Pp. 83-89.

СУХОВСКАЯ Дарья Николаевна,
кандидат философских наук, доцент кафедры исторических
и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии,
Пятигорский государственный университет,
ORCID ID 0000-0002-9749-9367,
e-mail: daria.sukhovskaya@yahoo.com

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КРЕАТИВНОГО ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ОПЫТ ТРАНСФОРМАЦИИ И КЛАСТЕРИЗАЦИИ В РОССИЙСКИХ УРБАНИСТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются социально-экономические детерминанты формирования креативного городского пространства в современной России. В центре анализа находится переход от индустриальной модели развития города к модели, основанной на культуре, инновациях, творческих индустриях, человеческом капитале и символическом производстве. Автор рассматривает креативные пространства как особую форму урбанистической трансформации, в которой экономические, социальные, культурные и управленческие факторы образуют единую систему городского развития. На материале российских практик анализируются примеры Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Екатеринбурга, Томска, Калининграда и арт-кластера «Таврида». Показано, что креативные кластеры выполняют несколько функций: ревитализируют промышленные и периферийные территории, стимулируют развитие малого и среднего бизнеса, создают новые рабочие места, повышают туристическую привлекательность и усиливают символический капитал города. Особое внимание уделяется различным моделям взаимодействия бизнеса, государства и городских сообществ, от самоорганизации творческих инициатив до институциональной поддержки и государственно-частного партнерства. В статье обосновывается, что креативная экономика меняет не только пространственную организацию города, но и способы городской субъектности, поскольку жители начинают выступать соавторами городской среды. Вместе с тем выявлены противоречия креативной урбанизации: риски джентрификации, социального неравенства, коммерциализации культуры и конкуренции городов за человеческий капитал. Научная значимость исследования состоит в соединении социально-экономического и социально-философского подходов к анализу креативного города. Делается вывод о необходимости инклюзивной городской политики, направленной на распространение эффектов креативной экономики за пределы центральных и престижных городских локаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: креативная экономика, креативное городское пространство, креативные кластеры, урбанистическая трансформация, ревитализация территорий, городская субъектность, человеческий капитал, символический капитал, джентрификация, российские города.

SUKHOVSKAYA Darya Nikolaevna,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Historical
and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology,
Pyatigorsk State University

SOCIO-ECONOMIC DETERMINANTS OF THE FORMATION OF A CREATIVE URBAN SPACE: EXPERIENCE OF TRANSFORMATION AND CLUSTERING IN RUSSIAN URBAN PRACTICES

ANNOTATION. The article examines the socio-economic determinants of the formation of creative urban space in contemporary Russia. The study focuses on the transition from an industrial model of urban development to a model based on culture, innovation, creative industries, human capital and symbolic production. Creative spaces are interpreted as a specific form of urban transformation in which economic, social, cultural and managerial factors constitute an integrated system of city development. The analysis is based on Russian urban practices, including Moscow, St. Petersburg, Kazan, Yekaterinburg, Tomsk, Kaliningrad and the Tavrida art cluster. The article shows that creative clusters perform several functions: they revitalize former industrial and peripheral territories, stimulate small and medium-sized businesses, create employment opportunities, increase tourist attractiveness and strengthen the symbolic capital of the

city. Particular attention is paid to models of interaction between business, public authorities and urban communities, ranging from self-organized creative initiatives to institutional support and public-private partnership. The article argues that the creative economy transforms the spatial organization of the city and forms of urban subjectivity, as residents increasingly act as co-authors of the urban environment. At the same time, the study identifies contradictions of creative urbanization, including gentrification, social inequality, cultural commercialization and interurban competition for human capital. The scientific significance of the study lies in combining socio-economic and socio-philosophical perspectives on the creative city. The article concludes that inclusive urban policy is necessary to extend the benefits of the creative economy beyond central and prestigious urban locations.

KEY WORDS: creative economy, creative urban space, creative clusters, urban transformation, territorial revitalization, urban subjectivity, human capital, symbolic capital, gentrification, Russian cities.

Рассмотрим в настоящей статье конкретные примеры российских городов и кластеров, где креативная экономика уже стала заметной силой, трансформирующей пространство и экономику. Эти кейсы демонстрируют разнообразие форм самоорганизации, взаимодействия с властью и достигнутых результатов.

Москва – ведущий креативный мегаполис России. Столица аккумулирует порядка четверти всех занятых в креативных индустриях страны и генерирует значительный объем творческих услуг. Здесь возникли первые и крупнейшие креативные кластеры: дизайн-центр Artplay (основан в 2003 г.), центр современного искусства «Винзавод», дизайн-завод «Флакон», кластер «Красный Октябрь» [14, с. 90]. Их появление изменило облик целых районов (например, Artplay оживил промышленную зону Курского вокзала). Московские кластеры стали примером успешной самоорганизации творческого бизнеса: так, Artplay сегодня объединяет ~450 компаний и студий и считается образцом джентрификации через культуру. Городские власти активно поддерживают эти инициативы – присвоение Artplay статуса технопарка и создание Союза креативных кластеров в 2019 г. тому подтверждение. Экономическое значение московского креативного сектора значительно: по оценкам, вклад Москвы позволил ей войти в топ-6 самых креативных мегаполисов мира [12]. Кроме того, столица привлекает колоссальные инвестиции в IT и медиа (Яндекс, Mail.ru и др.), что также относится к креативной экономике [10, с.647].

Санкт-Петербург – культурная столица, где креативная экономика опирается на богатое историко-художественное наследие. Город реализует множество проектов ревитализации промышленных пространств. Самый известный – «Севкабель Порт»: старейший кабельный завод на Васильевском острове частично перенёс производство и освободил ~20% территории под культурно-деловой кластер на берегу залива [7, с.48]. Открытый в 2018 г., «Севкабель» быстро стал новой точкой притяжения: более 700 мероприятий в год – от выставок Энди Уорхола до музыкальных фестивалей – проходят на его площадках, привлекая десятки тысяч посетителей [15]. В Петербурге действуют и другие кластерные пространства: Новая Голландия (остров,

превращённый в парк и арт-зону), «Этажи» (лофт-проект с галереями и рынками), Street Art Museum на заводе слоистых пластиков. Экономический эффект проявляется в росте туризма, в создании рабочих мест для молодежи (ивент-индустрия, дизайн, IT) [13, с. 73]. Власти города поддерживают креативные индустрии через комитет по культуре и инвестиционные программы, хотя многие проекты возникают снизу. Петербург известен и своими творческими сообществами, от музыкантов до разработчиков игр, которые формируют имидж города как пространства свободы и искусства. В рейтинге креативных регионов РФ Санкт-Петербург стабильно входит в топ-2, уступая лишь Москве [3].

Казань – пример динамично развивающегося регионального центра, делающего ставку на креативность. Столица Татарстана сочетает богатое культурное наследие (татарская культура, исламская архитектура) с амбициями IT-города. Здесь создан один из первых в России IT-парков (технопарк в сфере информационных технологий), действуют креативные пространства вроде центра современной культуры «Смена» и молодежного коворкинга «Штаб» [9, с. 85]. Казань активно проводит международные мероприятия, от архитектурных биеннале до мировых чемпионатов по рабочим профессиям, которые стимулируют креативную индустрию (дизайн, медиа, event-менеджмент). Экономическое значение: креативный сектор (включая IT) заметно увеличил долю города в ВРП Татарстана и снизил зависимость от нефтехимии [4]. Модель взаимодействия с властью в Казани – партнерская, при Президенте РТ создан Совет по креативным индустриям, грантовые программы поддерживают культурные стартапы [5, с. 44]. В результате Казань превратилась в привлекательный для жизни город для талантливой молодежи Поволжья, формируется образ города как центра креативного туризма и цифровых инноваций.

Екатеринбург – крупный уральский город, переживший переход от индустриального центра к одному из культурно-креативных лидеров России. Традиционно известный своей музыкальной сценой, сегодня Екатеринбург развивает дизайн, современное искусство, медиа. Здесь проводится Уральская индустриальная биеннале современного искусства, есть значимые пространства

вроде Ельцин Центра (культурно-образовательная площадка) и креативного кластера «Дом печати» [20, с. 23]. Свердловская область входит в топ-10 креативных регионов РФ, в городе работают тысячи дизайнеров, архитекторов, ай-тишников. ВУЗы (УрФУ и др.) готовят кадры для креативной экономики, а власти запустили проект «Академический» – создание в Екатеринбурге большого технопарка с творческим уклоном [8, с. 222]. Примечательна самоорганизация: екатеринбургские стрит-арт художники при поддержке горожан преобразили множество дворов, возник фестиваль уличного искусства «Стенография» – это пример, как креативные практики меняют городской ландшафт с одобрения (и частичной поддержки) администрации. Экономически город выигрывает за счёт привлечения туристов (концепция «неофициальной культурной столицы» Урала) и развития новых отраслей вместо стагнирующего машиностроения.

Арт-кластер «Таврида» – уникальный проект, реализуемый при участии государства. Расположен в Крыму (близ г. Судак), кластер «Таврида» с 2015 года развивается как молодежная творческая резиденция всероссийского масштаба. На его площадке проходят летние сессии по различным направлениям искусств, форум творческой молодежи, фестивали Tavrída-Art [22, с. 60]. Проект поддерживается федеральными структурами (Росмолодежь), что обеспечивает финансирование инфраструктуры – строительство кампуса, сцен, студий. «Таврида» – пример кластерной модели, ориентированной прежде всего на образование и социальный эффект: тысячи молодых людей из разных регионов получают там обучение у наставников, создают совместные проекты, многие затем запускают культурные инициативы у себя дома [19]. Экономически это не классический кластер с компаниями-резидентами, но вклад его проявляется опосредованно – в развитии человеческого капитала, рождении творческих стартапов, притоке в регион (и страну) новых событий и туристов. Взаимодействие с властью здесь максимальное: кластер фактически инициирован «сверху» как часть нацпроекта «Культура», однако его наполнение зависит от активности самих участников. Результативность «Тавриды» оценивается не столько в рублях ВРП, сколько в сотнях реализованных творческих проектов выпускников и в укреплении имиджа России как страны, инвестирующей в молодежное творчество [1, с. 56].

Калининградский креативный кластер – пример преобразования городской среды в самом западном регионе РФ. В Калининграде с его особой исторической атмосферой развивается сразу несколько творческих локаций. В 2020-х годах началась реконструкция бывшего военного городка на ул. Суворова под многофункциональный арт-кластер «Креспектива». По сообщениям, на этом объекте планируется создать

творческие мастерские, выставочные залы, общественит и прогулочные зоны; проект был готов на 25% и требовал инвестиций около 165,7 млн руб. (планировалось освоить в 2022 г.) [23, с. 12]. «Креспектива» курируется региональными властями совместно с Фондом креативной экономики, то есть налицо модель ГЧП. Параллельно в городе работают частные инициативы: фотокластер «Правый берег», арт-пространства на базе старых зданий [6, с. 167]. Экономическое значение пока точно – новые рабочие места для молодежи, привлечение туристов (Калининград пытается позиционировать себя не только как морской курорт, но и как «креативный город» с фестивалями, музеями современного искусства). Формы самоорганизации присутствуют (ассоциации художников, IT-сообщество Amber Valley), однако поддержка власти (через Министерство культуры области) играет решающую роль в инфраструктурных проектах. Этот кейс показывает, как даже вне крупных мегаполисов локальная креативная политика может стимулировать развитие: Калининградская область составила свой «список креативных индустрий» и стремится стать заметной на карте креативной экономики России.

Томский «ИТ-квартал» – условное название для совокупности инициатив в Томске, старейшем сибирском университетском городе. Томская область вошла в четвёрку лидеров по развитию креативных индустрий в РФ, во многом благодаря сильному IT-сектору и научно-образовательному комплексу [2, с. 38]. В Томске сформирован кластер информационных технологий: действует особая экономическая зона технико-внедренческого типа, где размещаются десятки IT-компаний, работает центр «IT-Куб» (образовательная площадка для школьников и студентов), ежегодно проводятся крупные IT-конференции («Город IT») [17, с. 1432]. Этот кластер интегрирован в городскую среду: в историческом центре Томска ряд зданий приспособлен под офисы стартапов, коворкинги (например, просторный коворкинг на ул. Герцена) [18, с. 71]. Благодаря университетам, Томск стал кузницей кадров для креативной экономики, отсюда выходят программисты, дизайнеры, инженеры, многие из которых создают компании локально. Взаимодействие с властью выражается в поддержке стартапов грантами, в налоговых льготах и создании инфраструктуры (бизнес-инкубаторы, центры прототипирования).

Результативность такого «академического креативного города» видна в статистике: высокотехнологичные и креативные отрасли дают существенную долю регионального продукта, экспорт услуг (программирование, инжиниринг) растёт. Томск показывает, что креативная экономика успешна не только в столицах – связка «университет + инновации + городской комфорт» способна превратить небольшой город в конкурентоспособного игрока. При этом качество

городской среды и субъективный уровень жизни повышаются: в Томске бурно развивается арт-сфера (фестивали науки и искусства, новые музеи), что делает город привлекательным для творческой интеллигенции.

Выводы

Приведённые примеры – далеко не полный список креативных преобразований в российских городах. Их объединяет то, что креативная экономика везде выступает как инструмент реинвенции городской парадигмы: индустриальные или периферийные локации получают новую жизнь, знания и культура становятся ресурсом развития, а горожане – активными участниками этих процессов. Важно, что схемы реализации различаются: где-то ведущую роль играет бизнес и сообщество (Москва, частично Петербург), где-то – государство (Таврида, Калининград), чаще всего – их партнёрство. Но итогом становятся схожие эффекты: экономический рост (новые фирмы, рабочие места, вклад в ВРП), социальное оживление (приток молодежи, снижение оттока мозгов, рост туристической привлекательности) и символический капитал города (улучшение имиджа, брендинг через культуру) [16, с. 100].

Анализ показал, что креативная экономика формирует новый урбанистический порядок, затрагивающий все измерения города – пространство, экономику, управление и человеческую субъективность. По сути, мы наблюдаем становление нового онтологического режима городской жизни, в котором творчество выступает системообразующим принципом. Если ранее онтология города определялась индустриальной материей (заводы, транспортные артерии, классовая структура рабочего города), то теперь основу составляет нематериальное – интеллектуальный потенциал, культура, инновации. Город в режиме креативной экономики – это не просто место производства товаров, а место производства культурного капитала. Производство пространства становится более осознанным и рефлексивным: каждое новое общественное место проектируется с учётом творческой функции, каждая реконструкция осмысливается с точки зрения культурной ценности. Тем самым подтверждается мысль А. Лефевра о том, что во второй половине XX века произошло «полное урбанизирование общества» – город превратился во всеобъемлющую социальную форму. В новом веке эта урбанизированная социальность

приобретает креативный характер: творчество пронизывает повседневность, а анализ современного капитализма невозможен без учёта его пространственно-культурной (творческой) практики.

Онтологический режим предполагает изменения в самом способе бытия горожан. Креативный город рождает субъектов, для которых самореализация через творчество – базовая потребность и способ существования. Это напоминает воплощение гуманистического идеала, где каждый человек – творец своей жизни и окружения. Городские пространства становятся продолжением личности, а личность – отражением любимых городских мест (кофейни, студии, парки выступлений). Таким образом, возникает своего рода синтез пространства и субъекта: как писал А. Лефевр, «каждое живое тело есть пространство и производит это пространство» [11, с. 132]. Горожанин-креативщик неотделим от своего города; более того, он постоянно воспроизводит городской контекст – через новые проекты, культурные акции, бизнесы. В результате городская субъектность выходит на новый уровень сознания: горожане осознают себя не пассивными потребителями услуг города, а совладельцами и соавторами городской реальности.

Разумеется, этот идеальный образ сосуществует с противоречиями. Креативная экономика – порождение позднего капитализма, а потому несёт на себе его противоборства: между творчеством и коммерцией, свободой самовыражения и рыночной конъюнктурой, пространственной справедливостью и стремлением к прибыли. Как отмечал Д. Харви, город остаётся аренной борьбы за право на город для всех, и креативный город не исключение [21, с. 23]. Рост творческого сектора может обострять социальное расслоение – благополучные «креативные кварталы» контрастируют с бедными районами, не интегрированными в новую экономику. Глобальная конкуренция городов за креативный класс чревата тем, что менее успешные города будут терять таланты. Эти вызовы требуют осмысления и выработки компенсаторных стратегий – поддержки инклюзивности, распространения выгод креативной экономики на широкие слои, развития культурных программ в спальных районах и т.д. Иными словами, онтология креативного города ещё формируется, и от решений сегодня зависит, станет ли она гармоничной.

Список литературы:

- [1] Акимова Д. С. Молодежная искомая страна на примере арт-кластера «Таврида» // Горизонты образования : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию РАН, 300-летию со дня рождения И. Канта, 190-летию со дня рождения Д. И. Менделеева и 225-летию со дня рождения А. С. Пушкина. – Омск, 2024. – С. 56-58.
- [2] Антонова И. С., Шмакова А. Н. Школа креативных индустрий в региональной экономике Томской области // *Beneficium*. – 2023. – № 4 (49). – С. 38-46.
- [3] В НИУ ВШЭ представили рейтинг креативного потенциала регионов России // Национальный

исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://cmd.hse.ru/news/894828741.html> (дата обращения: 28.04.2026).

[4] Второй рейтинг креативных регионов России // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://cmd.hse.ru/news/977942432.html> (дата обращения: 28.04.2026).

[5] Гарифзянова А. Р., Кладова А. А. Роль креативных городских пространств в процессе само-реализации молодежи (на примере г. Казани) // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2024. – № 1 (64). – С. 44-50.

[6] Гончарова Е. А. Подготовка и реализация арт-проектов и управления культурными инициативами в Калининградском регионе // Научный альманах ассоциации France-Kazakhstan. – 2022. – № 2. – С. 167-175.

[7] Донская О. Ю., Печерица Е. В. Креативные пространства как драйвер редевелопмента «серого пояса» в Санкт-Петербурге // Проблемы и перспективы развития туризма: региональный аспект : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. – Грозный, 2024. – С. 48-53.

[8] Жданова А. А. Креативная среда и социокультурное пространство как ресурсы развития современного города (из опыта креативного кластера «Домна» в г. Екатеринбурге) // Многообразие культур в условиях глобализованного мира и проблемы сохранения культурно-исторического наследия : материалы Междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2022. – С. 222-226.

[9] Зуев К. О. Арт-пространства и их развитие в Казани в 2010–2020 гг. // Наследие и современность. – 2024. – Т. 7. – № 1. – С. 85-98.

[10] Кузнецова О. В. Креативные пространства: состав, классификация, перспективы развития в России // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 4 (153). – С. 647-650.

[11] Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. — М.: Strelka Press, 2015. — С. 132.

[12] Москва креативная: впереди Гонконга и Мельбурна, но далеко от Пекина и Лондона // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/468739171.html> (дата обращения: 28.04.2026).

[13] Пастернак К. Г. Креативные пространства Санкт-Петербурга: урбанистический тренд туристской аттракции города // Дни Российской науки : сб. ст. II Всерос. науч.-практ. конф. – Пенза, 2025. – С. 73-77.

[14] Свиридова Н. В. Современное искусство как фактор развития городской среды (на примере города Москвы) // История. Культурология. Политология. – 2024. – № 3. – С. 90-95.

[15] Севкабель Порт // Комитет по развитию туризма Санкт-Петербурга. URL: <https://visit-petersburg.ru> (дата обращения: 28.04.2026).

[16] Суховская Д. Н. Деструктивное влияние креативных пространств поселений на процессы социализации и самореализации личности и среду ее формирования в условиях глобализации // European Social Science Journal. — 2015. — № 1–2. — С. 100-106.

[17] Сыпченко В. В. Влияние принципов экономики впечатлений на деятельность учреждений культуры Томска // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 16, № 8. – С. 1432-1442.

[18] Сыпченко В. В. Социокультурная сфера Томска как ресурс экономики впечатлений // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2024. – № 3 (60). – С. 71-76.

[19] Федеральное агентство по делам молодежи. О проектах арт-кластера «Таврида». URL: <https://fadm.gov.ru> (дата обращения: 28.04.2026).

[20] Фирстова Т. В. Развитие креативной индустрии в городе Екатеринбурге (на примере пространства «Домна») // Первый шаг в науку : материалы студенческой науч. конф. / редкол.: Т. Е. Зерчанинова, Д. А. Калугина. – Екатеринбург, 2023. – С. 108-111.

[21] Харви Д. Право на город // New Left Review. – 2008. – № 53. – С. 23.

[22] Шестаков Д. А. Федеральная сеть арт-резиденций арт-кластера «Таврида» как механизм создания инфраструктуры поддержки талантливой молодежи // Апгрейд молодежных инициатив: Обновление – 2025 : VIII Всерос. науч.-практ. конф. – Ульяновск, 2022. – С. 60-64.

[23] Щекотуров А. В. Устойчивость и развитие социокультурного капитала креативных индустрий Калининградской области : отчет о НИР / грант № 25-18-20130. – Российский научный фонд, 2025. – С. 12.

References:

[1] Akimova D. S. The Youth's Desired Country: The Case of the Tavrida Art Cluster // Horizons of Education: Proc. of the V Int. Res. and Pract. Conf., Dedicated to the 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences, the 300th Anniversary of I. Kant's Birth, the 190th Anniversary of D. I. Mendeleyev's Birth, and the 225th Anniversary of A. S. Pushkin's Birth. Omsk, 2024, pp. 56-58.

- [2] Antonova I. S., Shmakova A. N. *School of Creative Industries in the Regional Economy of Tomsk Oblast // Beneficium*. – 2023. – No. 4 (49). – pp. 38-46.
- [3] HSE Presents Ranking of Creative Potential of Russian Regions // National Research University Higher School of Economics. URL: <https://cmd.hse.ru/news/894828741.html> (accessed on 28.04.2026).
- [4] The second ranking of creative regions of Russia // National Research University Higher School of Economics. URL: <https://cmd.hse.ru/news/977942432.html> (accessed on 28.04.2026).
- [5] Garifzyanova A. R., Kladova A. A. The role of creative urban spaces in the process of youth self-realization (on the example of Kazan) // *Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. – 2024. – No. 1 (64). – P. 44-50.
- [6] Goncharova E. A. Preparation and implementation of art projects and management of cultural initiatives in the Kaliningrad region // *Scientific almanac of the France-Kazakhstan association*. – 2022. – No. 2. – P. 167-175.
- [7] Donskaya O. Yu., Pecheritsa E. V. Creative spaces as a driver of redevelopment of the «gray belt» in St. Petersburg // *Problems and prospects of tourism development: regional aspect: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conf.* – Grozny, 2024. – P. 48-53.
- [8] Zhdanova A. A. Creative environment and socio-cultural space as resources for the development of a modern city (from the experience of the Domna creative cluster in Yekaterinburg) // *Diversity of cultures in a globalized world and problems of preserving cultural and historical heritage: materials of the International scientific conf.* – Yekaterinburg, 2022. – P. 222-226.
- [9] Zuev K. O. Art spaces and their development in Kazan in 2010–2020 // *Heritage and Modernity*. – 2024. – Vol. 7. – No. 1. – Pp. 85–98.
- [10] Kuznetsova O. V. Creative spaces: composition, classification, and development prospects in Russia // *Economy and entrepreneurship*. – 2023. – No. 4 (153). – Pp. 647–650.
- [11] Lefebvre A. *Production of space* / trans. from French by I. Staff. – Moscow: Strelka Press, 2015. – P. 132.
- [12] Creative Moscow: ahead of Hong Kong and Melbourne, but far from Beijing and London // National Research University Higher School of Economics. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/468739171.html> (date of access: 28.04.2026).
- [13] Pasternak K. G. Creative spaces of St. Petersburg: urbanistic trend of tourist attraction of the city // *Days of Russian science: collection of articles. II All-Russian scientific-practical conf.* – Penza, 2025. – pp. 73-77.
- [14] Sviridova N. V. Contemporary art as a factor of development of the urban environment (on the example of the city of Moscow) // *History. Cultural studies. Political science*. – 2024. – No. 3. – pp. 90-95.
- [15] Sevkabel Port // Committee for tourism development of St. Petersburg. URL: <https://visit-petersburg.ru> (date of access: 28.04.2026).
- [16] Sukhovskaya D. N. Destructive influence of creative spaces of settlements on the processes of socialization and self-realization of the individual and the environment of its formation in the context of globalization // *European Social Science Journal*. – 2015. – No. 1-2. – P. 100-106.
- [17] Sypchenko V. V. The influence of the principles of the experience economy on the activities of cultural institutions of Tomsk // *Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities*. – 2023. – Vol. 16, No. 8. – P. 1432-1442.
- [18] Sypchenko V. V. The socio-cultural sphere of Tomsk as a resource of the experience economy // *Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*. – 2024. – No. 3 (60). – P. 71-76.
- [19] Federal Agency for Youth Affairs. On the projects of the Tavrida art cluster. URL: <https://fadm.gov.ru> (date accessed: 28.04.2026).
- [20] Firstova T. V. Development of the creative industry in the city of Yekaterinburg (on the example of the Domna space) // *The first step into science: materials of the student scientific conf. / editorial board: T. E. Zerchaninova, D. A. Kalugina*. – Yekaterinburg, 2023. – Pp. 108-111.
- [21] Harvey D. The right to the city // *New Left Review*. – 2008. – No. 53. – P. 23.
- [22] Shestakov D. A. Federal network of art residences of the Tavrida art cluster as a mechanism for creating an infrastructure for supporting talented youth // *Upgrade of youth initiatives: Update - 2025: VIII All-Russian scientific-practical. conf.* – Ulyanovsk, 2022. – Pp. 60-64.
- [23] Shchekoturov A. V. Sustainability and development of socio-cultural capital of creative industries of the Kaliningrad region: research report / grant No. 25-18-20130. – Russian Science Foundation, 2025. – P. 12.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.07.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-3-94-99

ЛЕБЕДЕВ Игнатий Игоревич,
бакалавр,
Российский государственный университет правосудия,
Москва, Россия,
e-mail: lebedevignatij936@gmail.com

КОМПЛАЕНС КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ПРАВОВЫМИ РИСКАМИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ СООТВЕТСТВИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается сущность комплаенса как комплексного механизма обеспечения соответствия деятельности хозяйствующих субъектов требованиям законодательства и внутренним корпоративным стандартам. Анализируются различные подходы к определению комплаенса, его функции и основные виды в зависимости от сфер регуляции и характера рисков. Уделяется внимание правовому регулированию комплаенса в зарубежных правовых системах и в Российской Федерации, выявляются особенности и проблемы отечественной системы, такие как фрагментарность нормативной базы и отсутствие единого понятийного аппарата. Исследуется тенденция к трансформации комплаенса из добровольного инструмента корпоративного управления в элемент публично-правового надзора. Отдельно рассматриваются особенности комплаенс-контроля в финансовой сфере, включая банковский сектор и систему противодействия легализации преступных доходов. Делается вывод о необходимости дальнейшей институционализации комплаенса в России и формирования сбалансированного подхода между государственным регулированием и корпоративным саморегулированием.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: комплаенс, комплаенс-контроль, правовое регулирование, хозяйствующий субъект, правовые риски, внутренний контроль.

LEBEDEV Ignaty Igorevich,
bachelor,
Russian State University of Justice,
Moscow, Russia

COMPLIANCE AS A TOOL FOR MANAGING LEGAL RISKS AND ENSURING COMPLIANCE WITH LEGISLATION

ANNOTATION. This article examines the essence of compliance as a comprehensive mechanism for ensuring business entities' compliance with legal requirements and internal corporate standards. Various approaches to defining compliance, its functions, and its main types are analyzed depending on the areas of regulation and the nature of the risks. Attention is paid to the legal regulation of compliance in foreign jurisdictions and in the Russian Federation, identifying the specifics and challenges of the domestic system, such as the fragmented regulatory framework and the lack of a unified conceptual framework. The trend toward the transformation of compliance from a voluntary corporate governance instrument into an element of public oversight is explored. The specifics of compliance control in the financial sector, including the banking sector and the anti-money laundering system, are separately considered. A conclusion is drawn regarding the need for further institutionalization of compliance in Russia and the development of a balanced approach between state regulation and corporate self-regulation.

KEY WORDS: compliance, compliance control, legal regulation, business entity, legal risks, internal control.

Введение

Любой хозяйствующий субъект, независимо от осуществляемой хозяйственной деятельности коммерческой или некоммерческой, а также его организационно-правовой формы старается обеспечить устойчивое и эффективное достиже-

ния поставленных целей в рамках установленных правил и норм. В течение работы организации сталкиваются с различными видами рисков, обусловленных как внешними факторами (государственное регулирование, действия контрагентов и клиентов), так и внутренними (коррупционные

проявления, ошибки работников, недобросовестные действия руководителей).

В условиях всё более напряжённой мировой обстановкой, усложнения бизнес процессов, а также усиления государственного контроля, требуются новые, комплексные методы повышения жизнеспособности деятельности, в том числе и превентивные, которые будут направлены на минимизацию правовых, репутационных рисков и предупреждение правонарушений. Одним из таких методов является комплаенс, элементы которого уже включены в многие нормативно правовые акты, соответственно включаются и в деятельность многих организаций, особенно в финансовом секторе, где присутствует повышенный структурный риск и особенный контроль со стороны государства.

Предметом данной статьи является роль комплаенса в деятельности хозяйствующих субъектов, особенности его регулирования в Российской Федерации. Соотношение внутреннего комплаенса как инструмента корпоративного саморегулирования и как часть системы публично-правового надзора за отдельными видами экономической деятельности.

1. Понятие, виды и сущность комплаенса

Комплаенс (англ. compliance – соответствие; происходит от глагола to comply – исполнять) в самом общем виде понимается как соответствие деятельности хозяйствующего субъекта требованиям норм права, а также его внутренним корпоративным правилам и стандартам.

В научной литературе присутствуют различные определения комплаенса. Так, В. Ю. Абрамов определяет комплаенс как систему контроля за соответствием деятельности хозяйствующего субъекта требованиям источников права и выделяет три его основные функции: а) выявление рисков; б) подготовка рекомендаций по их устранению либо снижению неблагоприятных последствий; в) осуществление последующего контроля за минимизацией рисков. Это определение носит комплексный характер и включает в себя различные сферы применения комплаенса.

В свою очередь В. Ф. Попондопуло и Д. А. Петров предлагают более узкое, и право-ориентированное понимание комплаенса, рассматривая его как систему управления рисками несоответствия осуществляемой хозяйствующим субъектом деятельности требованиям нормативно правовых актов, предписаниям контролирующих органов, складывающейся правоприменительной практике, а также иным значимым для осуществления деятельности факторам.

Действительно сущность комплаенса можно рассматривать в двух взаимосвязанных аспектах – экономическом и юридическом. В экономическом аспекте комплаенс выступает как совокупность выработанных управленческих, организационных и поведенческих мер, направ-

ленных на повышение эффективности и устойчивости деятельности хозяйствующего субъекта. В юридическом аспекте комплаенс выступает как формирование системы правил и процедур, направленных на обеспечение соответствия деятельности организации требованиям законодательства и иных обязательных норм, закрепляемых как внутри организации, так и на публичном уровне.

Виды комплаенса можно разделять по различным основаниям. В зависимости от сферы деятельности могут выделять, комплаенс-контроль в банковской, страховой или производственной сферах. В зависимости от потенциальных рисков могут выделять: комплаенс антикоррупционный, налоговый, комплаенс в сфере защиты персональных данных. Также можно выделить классификацию по субъектному составу. Например, комплаенс-контроль в отношении работников организации, контрагентов и клиентов.

2. Правовое регулирование

Формирование комплаенса как правового механизма обеспечения законности в корпоративной сфере связано прежде всего с развитием антикоррупционного и финансового регулирования в странах англо-саксонской правовой системы. Его становление было обусловлено необходимостью институционального реагирования на масштабные корпоративные злоупотребления и кризисы доверия к бизнесу.

Принятие в США Закона о противодействии коррупции за рубежом 1977 года (Foreign Corrupt Practices Act, FCPA) стало одним из первых примеров законодательного закрепления обязательных требований к внутреннему корпоративному контролю. Существенным является не только запрет подкупа иностранных должностных лиц, но и установление требований к ведению бухгалтерского учёта и внутренним процедурам контроля. Тем самым законодатель фактически возложил на организации обязанность по созданию механизмов предотвращения правонарушений.

Дальнейшее развитие регулирования было связано с усилением требований к финансовой прозрачности и ответственности менеджмента (Sarbanes-Oxley Act). В данном случае акцент сместился от исключительно антикоррупционного аспекта к формированию комплексной системы внутреннего контроля, направленной на предотвращение злоупотреблений и искажений финансовой отчётности.

Британская модель (UK Bribery Act 2010) продемонстрировала иной подход: возможность освобождения организации от ответственности при наличии «адекватных процедур» по предотвращению взяточничества. Таким образом, комплаенс превратился из исключительно карательно обусловленного механизма в инструмент превенции, стимулируемый государством.

Кроме того, различные международные фи-

нансовые организации разрабатывают свои нормы, рекомендуя контроль во многих сферах экономики. Например, ISO 37001 – международный стандарт системы противодействия коррупции, разработанный международной организацией по стандартизации (The International Organization for Standardization). Устанавливает требования к системе управления антикоррупционными рисками в организации, вводит процедуры, которые призваны предотвращать эскалацию коррупционных рисков и реагировать на их проявление. Стандарт включает несколько элементов в том числе политику нулевой терпимости, оценку коррупционного риска контрагентов, оздоровление корпоративной среды, обучение сотрудников, механизмы расследования подозрительных действий должностных лиц.

Зарубежная модель характеризуется сочетанием публично-правового давления и стимулирования корпоративного саморегулирования, что придаёт комплаенс статус юридически значимого института.

Правовое регулирование комплаенса зарождается в России в период интенсивного развития рыночных отношений и прихода крупного иностранного капитала.

И соответственного возрастания риска утраты данными компаниями своих капитала-вложений, в чужом и молодом правовом пространстве. У государства возникает потребность в скрупулёзном контроле и регулировании данных отношений, с целью дальнейшего привлечения иностранного капитала. Комплаенс содержит разные сферы регулирования и поделён на несколько обособленных, но при этом тесно связанных видов, можно сказать, что разные аспекты, методы, способы и принципы комплаенса включены в различные тематические нормативно правовые акты. В отличие от зарубежных правовых порядков, российская модель регулирования комплаенса не носит системного характера. Законодательство не содержит единого нормативного определения комплаенса и не закрепляет его как самостоятельный правовой институт.

Элементы комплаенса реализуются фрагментарно через отраслевые нормативные акты прежде всего в сфере противодействия коррупции, антимонопольного регулирования, банковского и финансового надзора. В отдельных случаях законодатель прямо предусматривает необходимость разработки внутренних процедур по предупреждению правонарушений (например, в сфере антикоррупционной политики организаций), однако единый подход к структуре и содержанию комплаенс-программ отсутствует. Например, Федеральный закон Российской Федерации от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» является основным документом регулирующим антикоррупционный комплаенс, который исторически складывался как первая и наиважнейшая сфера предотвращения эскала-

ции правовых, экономических и репутационных рисков. № 273-ФЗ содержит меры по профилактике коррупции, закрепляет обязанность организаций создавать подразделения и назначать должностных лиц ответственных за профилактику коррупционных нарушений, принимать кодекс этики и служебного поведения сотрудников, предотвращать и урегулировать конфликт интересов.

В свою очередь антимонопольный комплаенс регулируется Федеральным законом № 135-ФЗ от 26 июля 2006 г. «О защите конкуренции», а его исполнение контролируется Федеральной антимонопольной службой. В соответствии с законом и во его исполнение хозяйствующие субъекты создают систему специализированных программ и политик организации, в которых содержатся специальные меры предупреждения нарушений. В первую очередь эта установка целей и задач данного вида регулирования на предприятии. Таких, как оценка риска возникновения нарушений, управление рисками, контроль за соответствием законодательству, с целью полной прозрачности деятельности хозяйствующего субъекта, для ослабления государственного давления на предприятие.

Особенностью российской модели является постепенная институционализация комплаенса через подзаконное регулирование и рекомендации регуляторов (Банк России, ФАС России, Росфинмониторинг). Тем самым формируется ситуация, при которой комплаенс фактически становится обязательным элементом деятельности организаций в определённых секторах, несмотря на отсутствие прямого законодательного закрепления. Это свидетельствует о трансформации комплаенса из добровольной инициативы хозяйствующего субъекта в публичный механизм, опосредованно навязываемый через систему государственного надзора.

Анализ действующего законодательства позволяет выявить ряд проблем. Во-первых, отсутствует единый понятийный аппарат. Комплаенс используется в правоприменительной и корпоративной практике, однако не имеет нормативно закреплённого определения, что порождает неоднозначность его толкования. Во-вторых, регулирование носит фрагментарный характер. Отдельные элементы комплаенса закреплены в различных нормативных актах без системной взаимосвязи, что усложняет формирование универсальных моделей для хозяйствующих субъектов.

В-третьих, наблюдается тенденция к «публикации» комплаенса государство фактически перекладывает часть контрольных функций на бизнес, сохраняя при этом возможность привлечения к ответственности за недостаточную организацию внутренних процедур. Представляется целесообразным формирование рамочного законодательного подхода, определяющего ми-

нимальные требования к комплаенс-системам, их цели и принципы функционирования. Такой подход позволил бы обеспечить баланс между публичными интересами государства и свободой предпринимательской деятельности.

3. Особенности комплаенс-контроля в финансовой сфере

Особое значение комплаенс-контроль приобретает в финансовой сфере, где потребность в стабильности финансовой системы и предотвращении незаконных финансовых операций диктует необходимость высокого уровня регуляторных требований. Одним из наиболее значимых элементов финансового сектора является банковская деятельность. Как отмечает В.Ю. Абрамов через банковскую систему проходят денежные потоки всех хозяйствующих субъектов, граждан и государственных образований, с одной стороны это говорит об огромной значимости банков для государства, а с другой об их уязвимости как хранителей большого ресурса. В.Ю. Абрамов представляет банковский комплаенс как функцию по обеспечению деятельности банка требованиям банковского законодательства, сохранения банковских активов и как принцип ведения успешного банковского бизнеса в соответствии с применимым законодательством. Он выделяет ряд банковских рисков: риск финансовых потерь, регуляторный риск, кредитный риск, риск потери ликвидности, процентный риск, валютный риск, операционный риск и т.д. Механизм управления данными рисками предусмотрен инструкциями и указаниями Банка России. Одной из основных причин эскалации данных рисков является противоправное поведение менеджмента и других сотрудников банка, задача комплаенс-службы вместе с руководством купировать данные риски на постоянной основе.

Россия участвует в нескольких международных актах, регулирующих систему банковского комплаенс-контроля. Во-первых, это Базельские стандарты (Basel Committee on Banking Supervision, Basel I-III). Базель I устанавливает минимальный размер капитала банка, для уменьшения кредитного риска. Базель II вводит более сложную систему оценки рисков, добавляет контроль над операционными рисками. Базель III стал ответом на мировой финансовый кризис 2008 года, ввёл более жёсткие требования к капиталу и ликвидности. В рекомендациях базельских комитетов можно найти определение комплаенс-риска и комплаенс-функции, а также компетенции комплаенс-контроля. Например, в рекомендациях базельского комитета по банковскому надзору от июля 2015 года в принципе № 6 «управление рисками» содержится целый комплекс правил и норм для обеспечения комплаенс-контроля: обязанность банка иметь независимое подразделение по управлению рисками, обладающее необходимыми ресурсами, осуществляющее

взаимодействие с наблюдательным советом, возглавляемое руководителем по управлению рисками. Подчёркивается близость подразделения комплаенса и бизнес-подразделений, необходимость обеспечения независимости их друг от друга и возможность доступа комплаенса к информации по всем направлениям деятельности банка.

В п. 4.1 Положения Банка России от 16 декабря 2003 г. № 242-П «Об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах» содержится перечень функций, которые Банк России рекомендует выполнять комплаенс-службе в банке в числе которых:

4.1.1. Проверка и оценка эффективности системы внутреннего контроля в целом, выполнения решений органов управления кредитной организации (общего собрания акционеров (участников), совета директоров (наблюдательного совета), исполнительных органов кредитной организации).

4.1.2. Проверка эффективности методологии оценки банковских рисков и процедур управления банковскими рисками, установленных внутренними документами кредитной организации (методиками, программами, правилами, порядками и процедурами совершения банковских операций и сделок, управления банковскими рисками), и полноты применения указанных документов и т.д.

Кроме того, в данном документе содержится определения контроля и связанных с ним понятий. А.С. Зуева анализируя акты Банка России и Базельские рекомендации выделила разницу между ними в определении комплаенс-риска, так международный акт кроме прочего содержал указание на потерю деловой репутации как значительный объект контроля, в свою очередь Положение № 242 определяет комплаенс-риск без учёта потери деловой репутации. А.С. Зуева считает, что это является ошибкой нормативно-правовой регламентации с точки зрения стимулирования кредитных организаций к внедрению функции комплаенса, так как угроза потери деловой репутации, а соответственно и прибыли, является большим стимулом для осуществления эффективного мониторинга банками своих рисков.

Банковская система является основополагающей в финансовом секторе с точки зрения российских регуляторов и соответственно подвержена самому тщательному регулированию и внедрению комплексов контрольных требований в том числе комплаенс-подразделений.

Существует крупный пласт регулирования, который относится к банкам, микрофинансовым организациям, платёжным системам и в целом ко всему контролю в финансовом секторе – это противодействие легализации доходов, полученных преступным путём и финансированию терроризма. В международно-правовом поле дан-

ная сфера регулируется рекомендациями FATF (Financial Action Task Force, FATF), некоторые из которых также имплементированы и в российскую правовую систему. Рекомендации FATF адресованы национальным регуляторам и коммерческим банкам, они не обязательны, но приняты мировым стандартом.

Вот некоторые из них:

10. «Надлежащая проверка клиентов»

16. «Прозрачность платежей»

18. «Внутренний контроль и зарубежные филиалы и дочерние компании»

21. «Разглашение и конфиденциальность»

В рекомендации № 21 в пункте (а) закреплено, что финансовые организации и их должностные лица должны быть освобождены от ответственности за раскрытие информации в случае если они делают это для сообщения о подозрениях в недобросовестных действиях клиентов в контролирующие органы. Данный пункт даёт довольно большой спектр полномочий для финансовых организаций. Можно отметить, что законодательство иностранных государств и международные акты во многом предопределили развитие и становление национального законодательства России в данной области, так как все последующие нормы будут основываться на положениях данных актов.

Национальным актом, регулирующим данную сферу, является Федеральный Закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ. Данный нормативный акт устанавливает обязанность кредитных и иных финансовых организаций осуществлять внутренний контроль в целях выявления и предотвращения операций, связанных с легализацией преступных доходов и финансированием терроризма. В рамках реализации требований закона организации обязаны проводить идентификацию клиентов (KYC), анализировать их операции, выявлять подозрительные сделки и при необходимости направлять соответствующую информацию в уполномоченные органы. Таким образом 115-ФЗ формирует правовую основу для функционирования комплаенс-систем в финансовом секторе, трансформируя их из элемента корпоративного управления в обязательный механизм обеспечения финансовой безопасности и соблюдения законодательства.

Вывод

Комплаенс в современном правовом пространстве представляет собой комплексный механизм обеспечения соответствия деятельности хозяйствующих субъектов требованиям законодательства и регуляторных стандартов. Его развитие в зарубежных правовых порядках демонстрирует эволюцию от карательно-ориентированного антикоррупционного инструмента к системе превентивного корпоративного контроля.

Российская модель характеризуется фрагментарностью нормативного регулирования и отсутствием единой концепции правового закрепления комплаенс. Вместе с тем наблюдается устойчивая тенденция к расширению требований к внутренним процедурам контроля в различных отраслях экономики.

Отвечая на поставленный в начале вопрос соотношения комплаенса как внутренней деятельности предприятия и как публично-правовой надзор. Можно сказать, что первоначальный мотив создания системы внутреннего контроля, конечно, исходит от государства с его требованиями прозрачности и контролируемости деятельности частного предпринимательства и деятельности государственных предприятий в целях обеспечения безопасности общественного порядка, а также обеспечения полноценной выгоды государства от законной предпринимательской деятельности. В то же время нельзя полностью исключать внутреннюю пользу для предприятия от установления подразделения контроля, так как многие риски исходят не из публичного наказания, а от прямого ухода капитала из организации, например, путём недобросовестных действий должностных лиц по выводу средств в личное владение, или убытки и упущенная выгода из-за репутационных потерь.

Таким образом, комплаенс в Российской Федерации находится в стадии институционального формирования. Его дальнейшее развитие предполагает необходимость систематизации нормативных подходов и выработки баланса между публично-правовым регулированием и корпоративным саморегулированием. Комплаенс не должен рассматриваться исключительно как управленческая практика он постепенно приобретает признаки самостоятельного правового механизма обеспечения законности в предпринимательской деятельности.

Список литературы:

- [1] Абрамов В.Ю. Руководство по применению комплаенс-контроля в различных сферах хозяйственной деятельности: практическое пособие // М.: Юстицинформ, 2020. 172 с.
- [2] Зуева А. С. Особенности правового регулирования комплаенс-контроля в банковской деятельности в условиях экономической нестабильности // Инновационное развитие экономики. 2017. № 3(39). С. 108-112.
- [3] Васильев А. В. Правовое регулирование комплаенс в России // Современная наука. 2020. № 5-2. С. 77-82.
- [4] Попондопуло В. Ф. Комплаенс как система управления рисками в сфере предпринимательства // Издательская группа «Юрист», 2019. С. 15-32.

[5] Прасолов В. И. Аутсорсинг комплаенс-процедур как способ оптимизации расходов на комплаенс-функцию // Российский экономический бюллетень. 2020. Т. 3, № 2. С. 19-24.

References:

[1] Abramov V.Yu. Guide to the Application of Compliance Control in Various Spheres of Economic Activity: A Practical Guide // Moscow: Yustitsinform, 2020. 172 p.

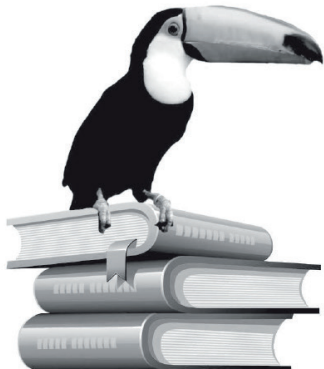
[2] Zueva A.S. Features of Legal Regulation of Compliance Control in Banking Activities in Conditions of Economic Instability // Innovative Development of the Economy. 2017. No. 3(39). Pp. 108-112.

[3] Vasiliev A.V. Legal Regulation of Compliance in Russia // Modern Science. 2020. No. 5-2. Pp. 77-82.

[4] Popondopulo V.F. Compliance as a Risk Management System in Entrepreneurship // Publishing Group «Yurist», 2019. Pp. 15-32.

[5] Prasolov V. I. Outsourcing of compliance procedures as a way to optimize expenses on the compliance function // Russian Economic Bulletin. 2020. Vol. 3, No. 2. Pp. 19-24.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

АНТОНОВА Екатерина Дмитриевна,
бакалавр, 4 курс,
Сибирский государственный университет путей сообщения,
e-mail: di.ek.an@mail.ru

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ О НАСТАВНИЧЕСТВЕ

АННОТАЦИЯ. В статье представлены результаты исследования организации наставничества в подразделении транспортной компании. В качестве решения выявленных проблем предложена разработка положения о наставничестве с учетом специфики рассматриваемого подразделения. Произведенные расчеты и оценка социально-экономической эффективности позволили убедиться в целесообразности внедрения положения. Благодаря точному экономическому расчету организации могут узнать, сколько средств нужно выделить для разработки положения, а также осведомиться о социальной эффективности документационного обеспечения процесса наставничества. В статье сделаны выводы о том, что внедрение специализированного локального положения позволит решить проблемы системной подготовки сотрудников, минимизировать конфликтные ситуации и создать действенные механизмы материального и нематериального стимулирования наставников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: наставничество, экономический эффект, экономическая эффективность, оценка социально-экономической эффективности.

ANTONOVA Ekaterina Dmitrievna,
Bachelor's degree, 4th year,
Siberian State University of Railway Transport

ASSESSMENT OF THE SOCIO-ECONOMIC EFFECTIVENESS OF THE IMPLEMENTATION OF THE PROVISION ON MENTORING

ANNOTATION. The article presents the results of a study on the organization of mentorship in the division of the transport company. As a solution to the problems identified, it is proposed that a mentoring provision be developed in accordance with the specific characteristics of the unit under consideration. The calculations made and the assessment of socio-economic efficiency have shown that the implementation of the provision is feasible. Through accurate economic calculation, organizations can learn how much money is needed to develop a provision, as well as the social effectiveness of documenting the mentoring process. The article concludes that the implementation of a specialized local position will solve problems of systemic training of employees, minimize conflict situations and create effective mechanisms for material and non-material incentives of mentors.

KEY WORDS: mentoring, economic effect, economic efficiency, assessment of socio-economic efficiency.

В организациях процесс наставничества рассматривается как важный инструмент социализации, способствующий усвоению социальных норм и успешной адаптации в социальной среде. Кроме того, наставничество выступает как процесс интеграции в профессию, совершенствованию профессиональных навыков и передачи компетенций.

Проанализировав определения наставничества Н. Сулеймановой [9], Е.Н. Фомина [7, с. 24], Г. Льюиса [2, с. 22], Ю. Андерсона и А. Шеннона [8, с. 214], было выведено собственное. Наставничество - это процесс передачи знаний и навыков, корпоративных ценностей и личностных характеристик от опытного к менее опытному сотруднику, основной целью которого является адаптация сотрудника на новом рабочем месте.

Организация наставничества на предприя-

тиях – это деятельность организации, которая включает в себя комплекс процессов, связанных с организацией практик и стажировок, адаптацией персонала, подготовкой руководителей и цифровизацией.

Наставничество влияет на:

- повышение эффективности труда через качественную подготовку молодых кадров и мотивацию заслуженных работников;
- развитие цифровых навыков на предприятиях различного типа через выстроенное взаимодействие представителей разных поколений;
- ускорение социальных лифтов за счет выстроенного открытого диалога молодых работников и руководителей с более опытными старшими коллегами и руководством компании [3, с. 314].

Обучая стажёров, наставники показывают авторитетность на рабочем месте, а также повыша-

ют свою экспертность, что, в свою очередь, выгодно для репутации компании на рынке.

В ходе проведенного анализа была разработана программа исследования и изучен процесс наставничества в подразделении транспортной отрасли.

Основной задачей рассматриваемого подразделения является организация работы по формированию, реформированию, приему, отправлению, пропуску поездов, погрузке, выгрузке, сортировке, приему к перевозке и выдаче грузов и контейнеров, подаче вагонов под погрузочно-разгрузочные операции, оформлению перевозочных документов. Большинство сотрудников - рабочие, которые осуществляют технические операции. Проанализировав финансово-экономические показатели, указанные в отчетной документации подразделения, было выявлено снижение производительности труда на протяжении рассматриваемого периода, а также существенная отрицательная разница фактического значения от планового. В ходе опроса выявлена низкая доля сотрудников, которая хотела бы стать наставниками, поскольку не конкретизированы виды поощрений и нет критериев, по которым бы происходила оценка наставников. Помимо этого, наблюдается высокий процент конфликтных ситуаций из-за недопонимания наставничества как процесса со стороны рабочего персонала.

В рассматриваемой транспортной компании есть положение об адаптации, которое затрагивает наставничество, однако, оно общее и не учитывает специфику конкретного подразделения. Появляется необходимость в разработке локального положения о наставничестве, которое будет дополнительно содержать:

- процедуру обучения наставников для рабочих специальностей;
- конкретные значения материальной системы поощрения;
- нематериальную систему поощрения наставников;
- время выполнения трудовых функций и время работы с наставляемым;
- систему обратной связи;
- конкретизированные по нормативным значениям KPI наставников.

Для целесообразности внедрения необходимо произвести оценку экономического эффекта, экономической, социальной эффективности на основе расчета ожидаемых результатов и затрат на реализацию предлагаемых мероприятий.

Оценка эффективности проекта требует определения последствий его реализации.

Социально - экономическая эффективность включает в себя понятия социальной и экономической эффективности. Рассмотрим каждое определение подробно.

Экономическая эффективность - достижение целей организации путем использования кадрового потенциала по принципу экономичного рас-

ходования ограниченных средств.

К показателям экономической эффективности относится:

- соотношение издержек, необходимых для обеспечения организации квалифицированным персоналом, и полученных результатов деятельности;
- затраты на отдельные направления и программы деятельности кадровых служб в расчете на одного работника;
- эффект воздействия отдельных программ на результативность деятельности работников и организации в целом.

Социальная эффективность учеными определяется как сложная, многофункциональная система связей, которая способствуют достижению конечных целей любой формы организации общественного производства в удовлетворении потребностей людей, развития человека [6, с. 26].

Социальная эффективность проекта проявляется в возможности достижения позитивных, а также избегания негативных, с социальной точки зрения, изменений в организации.

Перейдем к расчету экономического эффекта и эффективности от внедрения предложенных мероприятий.

Экономический эффект от реализации проекта является абсолютной величиной и определяется как разность между полученным экономическим результатом и связанными с ним затратами, и определяется по формуле (1):

$$\Delta \text{Э} = P - Z, \quad (1)$$

где $\Delta \text{Э}$ – экономический эффект от реализации проекта, р.;

P – экономический результат от реализации проекта, р.;

Z – затраты, связанные с внедрением проекта, р.

Экономическая эффективность – это соотношение достигнутого результата и использованных ресурсов. Является относительным показателем и определяется как соотношение между полученным результатом и связанными с ним затратами. Рассчитывается по формуле 2:

$$\text{Эе} = P/Z, \quad (2)$$

где Эе – экономическая эффективность от реализации проекта;

P – экономический результат от реализации проекта, р.;

Z – затраты, связанные с внедрением проекта.

Необходимо рассчитать экономические результаты реализации проектных мероприятий по внедрению положения о наставничестве в организации транспортной отрасли, которые, приведут к увеличению производительности труда.

Экономический результат от повышения производительности труда рассчитывается по формуле 3:

$$P_{\text{пт}} = Ч \cdot (П_2 - П_1), \quad (3)$$

где Ч – численность работников, увеличивших выполнение норм выработки (повысивших производительность труда), р.;

Π_1 , Π_2 – производительность труда соответственно до и после внедрения мероприятий проекта, р.

Численность работников, увеличивших выполнение норм выработки, определялась исходя из отчета о движении работников и состоянии трудовой дисциплины.

Таким образом, экономическим результатом от внедрения проекта будет повышение производительности труда у операционных должностей. Он равен 321930 рублей.

Затраты на проект состоят из времени человеко-часов на разработку, подготовку и утверждение положения. Общая стоимость проекта составит 76586 рублей.

Экономический эффект от реализации проекта внедрения положения о наставничестве равен:

$$\Delta\Delta = 321\,930 - 76\,586 = 245\,344 \text{ р.}$$

Тогда экономическая эффективность от реализации проекта составит:

$$\text{Эе} = 321\,930 / 76\,586 = 4,2.$$

Так как экономический эффект положительный, а экономическая эффективность больше

единицы, проект считается целесообразным для внедрения.

С учетом специфики подразделения можно вывести социальную эффективность от внедрения положения:

- больше сотрудников замотивируются стать наставниками, поскольку будет прописано значение материального вида поощрений, а также указаны нематериальные виды поощрений за наставничество. С учетом специфики подразделения будут разработаны KPI, по которым будет происходить оценка работы наставников;

- разграничение времени выполнения трудовых функций и времени работы с наставником позволит наставнику сосредоточиться на наставляемом в отведенное время, не отвлекаясь на основные трудовые функции. Это повысит качество обучения и снизит выгорание наставника;

- четко выстроенная система обратной связи позволит сотрудникам отдела кадров редактировать процесс наставничества в подразделении с учетом выявленных недостатков и улучшать процесс в подразделении;

- наличие документа сократит процент конфликтных ситуаций со стороны рабочего и управленческого персонала благодаря возможности ссылаться на конкретные пункты положения.

Список литературы:

- [1] Абраменко И. М. Наставничество как основа профессионального развития педагога / И. М. Абраменко, Д. А. Бондарева, А. Ю. Тарасова // Молодой ученый. — 2024. — № 48 (547). — С. 197-198.
- [2] Бурмистрова Н. О. Оптимизация и повышение эффективности систем адаптации, оценки и развития персонала. Внутрикorporативная программа подготовки ключевых специалистов: Учебное пособие для вузов / Н. О. Бурмистрова // Санкт-Петербург: Лань. - 2022. - 104 с.
- [3] Дебушева А.В. Организация наставничества на предприятии / А.В. Дебушева, Е. Л. Соколова // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. - 2022. - Том 3. - С. 314-316.
- [4] Зорина И. А. Наставничество как социальный феномен: современные вызовы и требования / И. А. Зорина // Мир науки. Социология, филология, культурология. - 2023. - Т. 14. - № 2. - С.1-9.
- [5] Марченко Н. В. Экономика управления персоналом / Н. В. Марченко, Н. Н. Андреева // Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения. - 2018. - 116 с.
- [6] Рассказов А. Г. Оценка социальной эффективности деятельности хозяйствующего субъекта / А.Г. Рассказов // Экономический вестник Донбасского государственного технического университета. - 2023. - №15. - С. 25-33.
- [7] Саркисова И. В. К вопросу о сущности понятия «наставничество» в зарубежной и отечественной литературе /И.В. Саркисова // Тенденции развития науки и образования. - 2021. - № 70-5. - С. 24 - 27.
- [8] Фролова С. В. Наставничество и менторинг: анализ понятий / С.В. Фролова, Н.Д. Базарнова // Проблемы современного педагогического образования. - 2018. - №61-2. - С. 213-216.
- [9] Яшкина К. Ю. Теоретические подходы к определению сущности понятия «наставничество» /К.Ю. Яшкина// Исследования молодых ученых: материалы XXIII Международной научной конференции. - Казань: Молодой ученый, 2021. - 2021. - С. 10-13.

References:

- [1] Abramenko I. M. Mentoring as a Basis for a Teacher's Professional Development / I. M. Abramenko, D. A. Bondareva, A. Yu. Tarasova // Young Scientist. - 2024. - No. 48 (547). - P. 197-198.
- [2] Burmistrova N. O. Optimization and Improving the Efficiency of Personnel Adaptation, Assessment, and Development Systems. Intra-Corporate Program for Training Key Specialists: A Textbook for Universities / N. O. Burmistrova // St. Petersburg: Lan. - 2022. - 104 p.
- [3] Debusheva A. V. Mentoring Organization at an Enterprise / A. V. Debusheva, E. L. Sokolova // Actual Problems of Aviation and Cosmonautics. - 2022. - Vol. 3. - P. 314-316.
- [4] Zorina I. A. Mentoring as a social phenomenon: modern challenges and requirements / I. A. Zorina //

The world of science. Sociology, philology, cultural studies. - 2023. - Vol. 14. - No. 2. - Pp. 1-9.

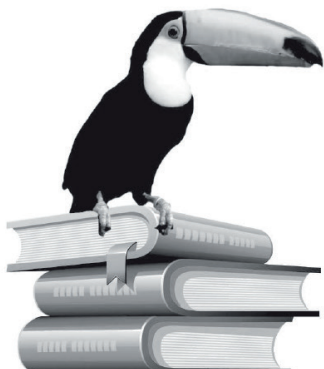
[5] Marchenko N. V. *Economics of personnel management* / N. V. Marchenko, N. N. Andreeva // Novosibirsk: Siberian State Transport University. - 2018. - 116 p.

[6] Rasskazov A. G. *Assessment of the social efficiency of an economic entity* / A. G. Rasskazov // *Economic Bulletin of the Donbass State Technical University*. - 2023. - No. 15. - Pp. 25-33.

[7] Sarkisova I. V. *On the essence of the concept of «mentoring» in foreign and domestic literature* / I.V. Sarkisova // *Trends in the Development of Science and Education*. - 2021. - No. 70-5. - Pp. 24 - 27.

[8] Frolova S. V. *Mentoring and Mentoring: Analysis of Concepts* / S.V. Frolova, N.D. Bazarnova // *Problems of Modern Pedagogical Education*. - 2018. - No. 61-2. - Pp. 213-216.

[9] Yashkina K. Yu. *Theoretical Approaches to Defining the Essence of the Concept of «Mentoring»* / K.Yu. Yashkina // *Research of Young Scientists: Proceedings of the XXIII International Scientific Conference*. - Kazan: Young Scientist, 2021. - 2021. - Pp. 10-13.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

КОРЕНДЯСЕВ Станислав Васильевич,

аспирант,
ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской
педагогический университет (МГПУ)»,
e-mail: KorendyasevSV@mgpu.ru

НЕВОЛИН Филипп Дмитриевич,

аспирант,
ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской
педагогический университет (МГПУ)»,
e-mail: fnevolin@mail.ru

РОМАШКОВА Оксана Николаевна,

доктор технических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)»,
e-mail: ox-rom@yandex.ru

КАПТЕРЕВ Андрей Игоревич,

доктор педагогических наук, доктор социологических наук, профессор,
профессор департамента информатизации образования,
e-mail: kapterevai@mgpu.ru

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ АЛГОРИТМОВ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ В ПЕРЕРАБОТКЕ РАДИОАКТИВНЫХ ОТХОДОВ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКИЕ СТАНДАРТЫ

АННОТАЦИЯ. Актуальность темы обусловлена ростом объемов радиоактивных отходов (РАО) в России и мире, требующим внедрения алгоритмов управления рисками для минимизации радиационных угроз при их переработке. Научная новизна заключается в системном анализе интеграции международных стандартов МАГАТЭ (FTA, FMEA) с российскими нормативами (ФЗ-190, НП-058-14), с разработкой адаптированной модели алгоритма риск-менеджмента. В статье рассмотрены проблема несогласованности норм, международный опыт (США, ЕС) и российские стандарты, предложены рекомендации по внедрению.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: радиоактивные отходы, управление рисками, алгоритмы, нормативно-правовое регулирование, переработка РАО.

KORENDYASEV Stanislav Vasilyevich,

Postgraduate student,
Moscow City Pedagogical University (MGPU)

NEVOLIN Philip Dmitrievich,

Postgraduate student,
Moscow City Pedagogical University (MGPU)

ROMASHKOVA Oksana Nikolaevna,

Doctor of Technical Sciences, Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA)»

KAPTEREV Andrey Igorevich,

PhD, Doctor of Social Sciences, Professor
Professor of the Department of Informatization of Education

REGULATORY AND LEGAL ASPECTS OF IMPLEMENTING RISK MANAGEMENT ALGORITHMS IN RADIOACTIVE WASTE PROCESSING: INTERNATIONAL EXPERIENCE AND RUSSIAN STANDARDS

ANNOTATION. The relevance of the topic is due to the growing volumes of radioactive waste (RW) in Russia and the world, which requires the implementation of risk management algorithms to minimize radiation hazards during their processing. The scientific novelty lies in the systematic analysis of the integration of international IAEA standards (FTA, FMEA) with Russian regulations (FZ-190, NP-058-14), with the development of an adapted risk management algorithm model. The article discusses the problem of inconsistencies in regulations, international experience (USA, EU), and Russian standards, and provides recommendations for implementation.

KEY WORDS: radioactive waste, risk management, algorithms, legal regulation, and radioactive waste recycling.

Введение

Современный этап развития атомной энергетики характеризуется значительным накоплением радиоактивных отходов (РАО), объем которых в России превышает 500 тыс. м³, что требует внедрения передовых алгоритмов управления рисками при их переработке. Рост технологической сложности процессов переработки (сортировка, кондиционирование, витрификация) увеличивает вероятность аварийных сценариев с радиационными последствиями, особенно в условиях ужесточения международных стандартов МАГАТЭ (GSR Part 6). В России нормативная база обеспечивает базовый контроль, однако отсутствует унифицированная математическая модель риск-менеджмента, интегрирующая вероятностные алгоритмы (FTA, Монте-Карло) с отечественными требованиями. [1; 2]

Основная проблема заключается в отсутствии системного алгоритма управления рисками переработки радиоактивных отходов (далее – РАО), согласованного с международным опытом и российскими нормативами. Текущие подходы (КСУР «Росатома») учитывают общие финансовые потери как, но не включают комплексную оценку радиационных рисков. Это приводит к несоответствию принципу оптимизации барьеров безопасности (многобарьерный подход НП-058-14) и потенциальному превышению контрольных уровней выбросов.

Целью исследования является разработка нормативно-правовой модели внедрения алго-

ритмов управления рисками при переработке радиоактивных отходов на основе гармонизации российских стандартов с международным опытом МАГАТЭ. Для её достижения решаются задачи анализа международных подходов (FMEA/FTA в США и ЕС), изучения российского законодательства с выявлением пробелов, создания адаптированной математической модели риск-оценки для ФГУП «НО РАО» и формулировки рекомендаций по обновлению федеральных норм и правил Ростехнадзора.

Международный опыт внедрения алгоритмов управления рисками в переработке радиоактивных отходов

Международные стандарты МАГАТЭ (GSR Part 6, SSR-5) предусматривают алгоритмы оценки рисков на основе FMEA (Failure Mode and Effects Analysis – Анализ причин и последствий отказов) для идентификации сценариев аварий и FTA (Fault Tree Analysis – Анализ дерева неисправностей) для расчета вероятностей на объектах переработки РАО. [5]

В США комиссией по ядерному регулированию (NRC) применяются количественные модели SAFRAN для оценки доз от утечек, с пороговыми уровнями <10⁻⁵/год для тяжелых аварий. В Европейском сообществе по атомной энергии (Euratom) интегрированы алгоритмы риск-ориентированного подхода, включая матрицы последствий (A-E шкала), обеспечивающие оптимизацию барьеров (рис. 1). [6]

		Consequence				
		Negligible 1	Minor 2	Moderate 3	Major 4	Catastrophic 5
Likelihood	5 Almost certain	Moderate 5	High 10	Extreme 15	Extreme 20	Extreme 25
	4 Likely	Moderate 4	High 8	High 12	Extreme 16	Extreme 20
	3 Possible	Low 3	Moderate 6	High 9	High 12	Extreme 15
	2 Unlikely	Low 2	Moderate 4	Moderate 6	High 8	High 10
	1 Rare	Low 1	Low 2	Low 3	Moderate 4	Moderate 5

Рисунок 1. Матрица последствий

Опыт показывает эффективность комбинации качественных (FMEA) и количественных (Монте-Карло) методов: вероятность риска рассчитывается как

$$P = \sum C_i \text{Prob}_i \quad (1)$$

где C_i – последствия;

Prob_i – вероятность.

Это снижает затраты на 20-30% при минимизации радиационных рисков.

Российские стандарты регулирования переработки радиоактивных отходов

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим обращение с радиоактивными отходами в Российской Федерации, является Федеральный закон от 11.07.2011 № 190-ФЗ «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 21.12.2021), который устанавливает единую государственную систему обращения с РАО, определяет категории отходов по радиационной опасности, ответственность эксплуатирующих организаций до передачи национальному оператору и принципы многобарьерной защиты. Закон предусматривает ограничение образования и накопления РАО на минимально достижимом уровне, запрет на передачу РАО нелегализованным организациям и создание реестра РАО для учета и контроля. [1]

Федеральные нормы и правила (ФНП) Ростехнадзора детализируют требования безопасности. НП-058-14 «Безопасность при обращении с радиоактивными отходами. Общие положения» (утверждены 17.02.2015, актуальны на 2026 г.) требуют обеспечения приемлемого уровня защищенности персонала и населения от радиационного воздействия, оптимизации облучения по принципу ALARA (As Low As Reasonably Achievable – Настолько низкий, насколько это разумно достижимо), предотвращения аварий и минимизации их последствий, а также ежегодного определения возможности повторного использования материалов с повышенной активностью. Документ устанавливает контрольные уровни выбросов и сбросов, пересматриваемые каждые 5 лет, и исключает неконтролируемые изменения агрегатного состояния РАО или экзотермические реакции. [2]

В 2025 г. Ростехнадзор утвердил НП-067-24 «Правила учета и контроля радиоактивных веществ, отдельных ядерных материалов и радиоактивных отходов в организации» (приказ №31 от 30.01.2025), уточнившие требования к учету РАО: введен запрет на передачу РВ/РАО без лицензии, понятие «аномалии в учете» с обязательным расследованием, особенности учета при реорганизации организаций и периодический контроль без жесткой трехлетней периодичности обучения. Для переработки жидких РАО (НП-242-15 от 25.06.2015) обязательны дезактивация оборудования, исключение облучения сверх норм и сведение доз к разумно низкому уровню. [8]

Профессиональный стандарт 24.001 «Переработчик радиоактивных отходов» (Минтруда РФ) регулирует компетенции персонала: входной контроль РАО (определение годности по типу, подготовка к процессу), тестирование оборудования, вывод на рабочий режим и оформление документации, с акцентом на СИЗ, дозиметрический контроль и соблюдение радиационной безопасности. В рамках Корпоративной системы управления рисками (КСУР) «Росатома» риски оцениваются как сумма (Стоимость ликвидации × Вероятность) – Выгоды, с пирамидой приоритетов (технологические риски на первом уровне) и интеграцией ГОСТ Р ИСО 31000-2019 для идентификации факторов, качественной/количественной оценки. [4]

Национальный оператор ФГУП «НО РАО» реализует Стратегию развития до 2040 г., фокусируясь на комплексной переработке, включая сортировку, фрагментирование и кондиционирование, с учетом рисков в проектах захоронения (критерии приемлемости по НП от 26.03.2015). Обновления 2025–2026 гг. (приказы Ростехнадзора №121, №200) усилили физическую защиту и внесли изменения в РБ-115-24/032-23, гармонизируя с НП-058-14.

Несмотря на прогресс, пробелы остаются в унификации алгоритмов рисков с международными (FTA/FMEA), что требует дополнений к ФНП для вероятностного моделирования.

Применение международного опыта в России

Для начала сравним аспекты международных и российских стандартов переработки радиоактивных отходов (таблица 1).

Таблица 1. Сравнение стандартов переработки радиоактивных отходов

Аспект	Международные стандарты	Российские стандарты
Идентификация рисков	FMEA, FTA	Входной контроль, многобарьерность
Оценка вероятности	Метод Монте-Карло, $<10^{-5}$ /год	$\sum(C \cdot \text{Prob})$, пирамида КСУР
Минимизация	Оптимизация барьеров (GSR-6)	Контрольные уровни выбросов
Мониторинг	SAFRAN, периодический контроль	НП-067-24, ежегодный пересмотр

Далее рассмотрим алгоритм управления рисками при переработке радиоактивных отходов, который представляет собой многоэтапную адаптированную модель, гармонирующую международные стандарты МАГАТЭ (FMEA, FTA, Монте-Карло) с российскими нормативами (НП-058-14, КСУР «Росатома»), обеспечивая системный подход к минимизации радиационных, технологических и финансовых угроз на всех стадиях: сортировке, кондиционировании, витрификации и хранении. Алгоритм структурирован по пяти последовательным этапам, интегрирующим качественные и количественные методы оценки, с обязательным учетом принципа ALARA и многобарьерной защиты, что позволяет снизить вероятность критических событий ниже 10^{-5} в год и оптимизировать затраты на 20–25%.

Этап 1: Идентификация рисков. На основе FMEA по рекомендациям IAEA SSR-5 проводятся анализ режимов отказа оборудования (насосы, центрифуги, контейнеры) и внешних факторов (сейсмика, человеческий фактор). В российском контексте дополняется входным контролем РАО по профстандарту 24.001: классификация по классам опасности (1–5 по ФЗ №190-ФЗ), визуальный осмотр, дозиметрия и проверка на химическую совместимость. Формируется реестр рисков (≥ 50 потенциальных сценариев), включая утечки жидких РАО (НП-242-15) и экзотермические реакции. Критерии: $RPN = S \times O \times D > 100$ (тяжесть S , вероятность O , обнаружимость D).

Этап 2: Оценка и количественный анализ. Применяется математическая модель

$$R = \sum_{i=1}^n (C_i - Prob_i) - B \quad (2)$$

где C_i – последствия (финансовые потери в рублях + эквивалент доз облучения по таблицам МАГАТЭ);

$Prob_i$ – вероятность события (Монте-Карло симуляция, 10^4 – 10^6 итераций для распределений Пуассона/Вейбулла);

B – выгоды от мер (КСУР «Росатома»).

Для FTA строится дерево отказов: верхнее со-

бытие «Утечка РАО» декомпозируется на базовые (отказ клапана $Prob = 10^{-3}$, человеческий фактор $Prob = 10^{-2}$), с расчетом топ-событий по формуле

$$Prob_{top} = 1 - \prod (1 - Prob_{base}) \quad (3)$$

Пороги: «красный» $R > 10^6$ руб./год, «желтый» 10^3 – 10^6 , «зеленый» $R < 10^3$.

Этап 3: Приоритизация рисков. Матрица рисков (5×5: вероятность vs последствия) классифицирует угрозы по шкале А–Е (А – критические, Е – приемлемые). Приоритет технологическим рискам (утечки Cs-137, Sr-90) по пирамиде КСУР: 1-й уровень – радиационные, 2-й – операционные, 3-й – финансовые. Интеграция с реестром РАО (ФЗ №190-ФЗ) позволяет прогнозировать накопление рисков на 5 лет вперед.

Этап 4: Разработка и реализация мер минимизации. Для высокоприоритетных рисков вводятся барьеры: технические (двойная оболочка контейнеров, автоматизированные клапаны), организационные (двойной контроль по НП-067-24), восстановительные (планы ликвидации по НП-058-14). Пример: для риска разгерметизации – установка датчиков реального времени с SIR (Safety Integrity Rate – Уровень целостности системы безопасности) ≥ 2 по ГОСТ Р ИСО 13849-1. Пересчет R после мер до достижения ALARA.

Этап 5: Мониторинг, аудит и корректировка. Ежегодный аудит Ростехнадзором (НП-067-24), KPI: снижение R на 15% ежегодно, дозы персонала < 20 мЗв/год, инциденты < 1 /год. Цикличность: ежеквартальный пересмотр по новым данным реестра РАО, с отчетностью в ФГУП «НО РАО». Программное обеспечение: Risk Navigator (Росатом) + SAFRAN (МАГАТЭ-модуль).

Новизна алгоритма рассмотренного алгоритма заключается в гибридной интеграции FTA/FMEA с КСУР, адаптированной для российских объектов, обеспечивающей соответствие Стратегии РАО до 2040 г. и снижение общих рисков на 25% за счет вероятностного прогнозирования (таблица 2). Внедрение требует дополнения ФНП Ростехнадзора обязательным FTA в проектах переработки.

Таблица 2. Этапы и характеристики алгоритма управления рисками при переработке радиоактивных отходов

Этап	Методы	Российские стандарты	Ожидаемый эффект
Идентификация	FMEA	Профстандарт 24.001	Реестр 50+ рисков
Оценка	Монте-Карло, FTA	КСУР Росатома	$R < 10^{-5}$ /год
Приоритизация	Матрица А–Е	ФЗ №190-ФЗ	Топ-10 рисков
Минимизация	Барьеры SIL-2	НП-058-14	Снижение R на 40%
Мониторинг	KRI, аудит	НП-067-24	KPI -15%/год

Закключение

Проведенное исследование подтверждает актуальность проблемы отсутствия унифицированного алгоритма управления рисками при переработке радиоактивных отходов (РАО) в условиях несогласованности международных стандартов МАГАТЭ с российским законодательством. Разработанная модель на основе интеграции FMEA/FTA с КСУР «Росатома» и норм ФЗ №190-ФЗ, НП-058-14 обеспечивает снижение радиационных рисков

ниже 10-5 в год, оптимизацию барьеров безопасности по принципу ALARA и прогнозирование на 5 лет вперед за счет предложенной математической модели. Рекомендуется внести в ФНП Ростехнадзора (НП-067-24) обязательное применение предложенного алгоритма на объектах ФГУП «НО РАО», что повысит безопасность до 2040 г. в соответствии со Стратегией обращения с РАО и позволит гармонизировать российские стандарты с IAEA SSR-5.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 11.07.2011 № 190-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116552/ (дата обращения: 01.03.2026).
- [2] Безопасность при обращении с радиоактивными отходами. НП-058-14 // Ростехнадзор. – 2018. // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171112/ (дата обращения: 01.03.2026).
- [3] Правовое регулирование обращения с радиоактивными отходами // Moluch.ru. – 2018. – URL: <https://moluch.ru/archive/192/48271> (дата обращения: 01.03.2026).
- [4] Профстандарт 24.001. Переработчик радиоактивных отходов // Classinform.ru. – URL: <https://classinform.ru/profstandarty/24.001-pererabotchik-radioaktivnykh-othodov.html> (дата обращения: 01.03.2026).
- [5] Development and application of an approach for safety assessment of radioactive waste storage facilities for accidental scenarios // BJRS.org.br. – 2021. URL: <https://www.bjrs.org.br/revista/index.php/REVISTA/en/article/view/1330> (дата обращения: 01.03.2026).
- [6] IAEA Safety Standards. Storage of Radioactive Waste // IAEA.org. – URL: https://www-pub.iaea.org/MTCD/Publications/PDF/Pub1254_web.pdf (дата обращения: 01.03.2026).
- [7] Tinin V. V., Abramov A. A., Dorofeev A. N. Relevant challenges for the USSR RW development. Radioactive Waste, 2023, no. 4 (25), pp. 6–22.
- [8] Правила учета и контроля радиоактивных веществ, отдельных ядерных материалов и радиоактивных отходов в организации. НП-067-24 // Ростехнадзор. – 2025. // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_512342/ (дата обращения: 01.03.2026).

References:

- [1] Federal Law of July 11, 2011 No. 190-FZ (as amended on December 21, 2021) «On Radioactive Waste Management and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation.» // SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116552/ (accessed: March 1, 2026).
- [2] Safety in Radioactive Waste Handling. NP-058-14 // Rostekhnadzor. – 2018. // SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171112/ (accessed: March 1, 2026).
- [3] Legal regulation of radioactive waste management // Moluch.ru. – 2018. – URL: <https://moluch.ru/archive/192/48271> (date of access: 01.03.2026).
- [4] Professional standard 24.001. Radioactive waste processor // Classinform.ru. – URL: <https://classinform.ru/profstandarty/24.001-pererabotchik-radioaktivnykh-othodov.html> (date of access: 01.03.2026).
- [5] Development and application of an approach for safety assessment of radioactive waste storage facilities for accidental scenarios // BJRS.org.br. – 2021. URL: <https://www.bjrs.org.br/revista/index.php/REVISTA/en/article/view/1330> (date accessed: 01.03.2026).
- [6] IAEA Safety Standards. Storage of Radioactive Waste // IAEA.org. – URL: https://www-pub.iaea.org/MTCD/Publications/PDF/Pub1254_web.pdf (date accessed: 01.03.2026).
- [7] Tinin V. V., Abramov A. A., Dorofeev A. N. Relevant challenges for the USSR RW development. Radioactive Waste, 2023, no. 4 (25), pp. 6–22.
- [8] Rules for accounting and control of radioactive substances, individual nuclear materials, and radioactive waste in an organization. NP-067-24 // Rostekhnadzor. – 2025. // SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_512342/ (date of access: 01.03.2026).

ЗАЙЦЕВА Серафима Евгеньевна,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков,
Московский ордена Почета университет
МВД России им. В.Я. Кикотя,
e-mail: sima-zaitseva@yandex.ru

КУШНИНА Анна Сергеевна,
студент,
Московский ордена Почета университет
МВД России им. В.Я. Кикотя,
e-mail: sima-zaitseva@yandex.ru

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РАБОТЕ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу специфики переводческой деятельности в правоохранительной сфере и определению трудностей, возникающих при переводе специализированных текстов. Актуальность темы определяется возрастающей ролью межкультурного взаимодействия в деятельности правоохранительных органов. Для обеспечения качественного перевода официальных документов, нормативных актов и устных высказываний в международном сотрудничестве требуется высокий уровень юридической и лингвистической подготовки специалистов. Научная новизна исследования заключается в проведении сравнительно-сопоставительного анализа лексики и терминов сотрудников правоохранительных органов различных стран (на примере английского и русского языков).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коммуникация, правоохранительная деятельность, юридический перевод, сравнительно-сопоставительный анализ, полицейская лексика, стратегия перевода, приемы функциональной замены.

ZAITSEVA Serafima Evgenевна,
PhD, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Foreign Languages
Moscow Order of Honor V.Ya. Kikot University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

KUSHNINA Anna Sergeevna,
Student,
Moscow Order of Honor V.Ya. Kikot University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

TRANSLATION ACTIVITIES IN THE WORK OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

ANNOTATION. The article is devoted to the analysis of the specifics of translation activities in the law enforcement sphere and the definition of difficulties encountered in the translation of specialized texts. The relevance of the topic is determined by the increasing role of interlanguage interaction in the activities of law enforcement agencies. High-quality translation of official documents, regulations and oral statements in international cooperation requires a high level of legal and linguistic training of specialists. The scientific novelty of the study is to conduct a comparative analysis of the vocabulary and terms of law enforcement officers from different countries (using the example of English and Russian languages).

KEY WORDS: communication, law enforcement, legal translation, comparative analysis, police vocabulary, translation strategy, techniques of functional substitution.

Введение

В правоохранительных органах профессиональная коммуникация является многоуровневым и сложным процессом передачи информации между сотрудниками правоохранительной системы, гражданами и представителями данных

структур, другими государственными и международными институтами. В основе данного взаимодействия лежит необходимость точной, однозначной и оперативной передачи информации, так как от корректности коммуникации зависит эффективность выполнения служебных обязан-

ностей, соблюдение прав граждан, законности, а также поддержание общественного доверия к правоохранительным структурам.

Для полицейской деятельности грамотно выстроенная коммуникация служит фундаментом. На этом фундаменте возводятся доверительные отношения между правоохранительными органами и местными сообществами. Она играет решающую роль в поддержании общественной безопасности, разрешении конфликтов и предотвращении преступных деяний.

Кроме того, следует отметить, что британская и американская правоохранительная терминология, содержащаяся в фактической документации, устном служебном общении, процессуальном общении и международном взаимодействии, несмотря на языковое сходство, имеет отличия, которые необходимо учитывать при переводе, и требует от переводчика использования приемов функциональной замены, комментариев или транслитерации.

Научная новизна исследования заключается в оригинальном исследовательском результате, проведенном с использованием метода сравнительно-сопоставительного анализа лексики правоохранительных органов Великобритании, США и России и выявившем как общие закономерности, так и существенные конкретные различия. Англоязычная система терминов отличается конкретизацией, тогда как русская терминология более обобщенная и функциональная. Это связано с различиями в структуре государственных институтов и принципах построения правовой системы.

Многоаспектность проблем юридического перевода

Речевой уровень профессионального владения специализированной лексикой предполагает использование специфического полицейского вокабуляра. Данный терминологический аппарат описывает правовые нормы и деяния, регламентирующие процесс отправления правосудия. Следствием недопонимания этих терминов может стать заблуждение в отношении того, что на самом деле происходит в рассматриваемом уголовном деле.

Комплексность задач юридического перевода находится в центре внимания многих исследователей, поскольку эта проблема была актуальной на протяжении веков в связи с потребностью в знании различных правовых систем и их взаимопонимании. На разных этапах развития переводческой практики специалисты сталкивались с существенными трудностями при передаче юридических текстов, включая необходимость адаптации правовых реалий, не имеющих аналогов в иных культурных и правовых контекстах.

Более того, юридический аспект перевода слов и сочетаний, имеющих совершенно разное значение в различных контекстах (например, в

повседневном употреблении и официальной обстановке), может вызвать значительные трудности. Знания «обычной» семантики недостаточно в правовой реальности [1].

Неопытные переводчики зачастую прибегают к дословному переводу, что приведет к неправильному истолкованию слов, а прагматическая функция не будет выполнена. Тем не менее, не всегда возможно найти уникальный эквивалент тому или иному словосочетанию или термину в юридической сфере. Буквальный перевод способен исказить изначальный смысл, заложенный в языке оригинала. Даже вполне адекватный эквивалент иногда требует описательного комментария или определения, раскрывающего разницу между правовыми системами или институтами власти стран, в которых говорят на обоих языках.

Соответственно, знание общего языка - не единственная компетенция, требуемая от переводчика, но жизненно важно быть знакомым с правовыми реалиями, а также с их различиями и своеобразием. Например, некоторые явления англосаксонской и американской правовых систем отсутствуют в российской судебной-правовой сфере (limited divorce – развод с ограничениями, indeterminate sentence – неопределенное наказание).

Специфика перевода юридических документов

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что перевод юридической и специальной терминологии в правоохранительной сфере требует от специалиста не только глубоких лингвистических знаний, но и понимания юридических основ, владения терминологией обоих языков, умения работать с нормативными документами и адаптировать содержание с учетом правовых реалий разных стран. Именно точность и профессионализм в передаче терминов обеспечивают достоверность и юридическую корректность перевода, а, следовательно, и эффективность международного взаимодействия правоохранительных органов.

Профессиональные документы, создаваемые и используемые сотрудниками правоохранительных органов, представляют собой особый тип официальных текстов, отличающийся высокой степенью стандартизации, юридической точности и терминологической насыщенности. В них отражается специфика деятельности полиции, следственных комитетов, прокуратуры, миграционных служб и других структур, отвечающих за обеспечение законности и безопасности. При переводе таких документов с английского языка на русский (и наоборот) особую сложность вызывает передача специализированной терминологии, устойчивых выражений и формул, закреплённых в официально-деловом стиле.

Главная задача переводчика при работе с полицейскими документами - сохранить точность

формулировок и правовую эквивалентность текста. В отличие от обычных административных бумаг, полицейские документы часто связаны с описанием фактов преступлений, процессуальных действий и решений, имеющих юридические

последствия. Поэтому даже минимальная ошибка в переводе может привести к неверному толкованию норм закона, нарушению процессуальных прав сторон или утрате доказательной силы документа (рис. 1).

Английский термин	Возможный перевод на русский язык
• Statement • Evidence • Law enforcement officer • Incident report • Custody	• Показания / заявление (в контексте допроса - «показания», в административных документах - «заявление») • Доказательства / вещественные доказательства (перевод может варьироваться в зависимости от конкретного значения термина) • Сотрудник правоохранительных органов (устойчивое официальное выражение) • Постановление о задержании (требует точного юридического соответствия в русском переводе) • Заключение под стражу / задержание (используется в разных стадиях процесса; важно различать <i>in custody</i> и <i>under arrest</i>)

Рисунок 1. Примеры перевода терминов полицейской документации

Следовательно, перевод правоохранительных терминов требует учета контекста, юридической системы страны и функциональной нагрузки термина [2, с. 812-818].

Оформление правоохранительных документов полагает не только недвусмысленности перевода, но и осознания его этических аспектов. При переводе показаний, допросов и жалоб следует придерживаться нейтральности и достоверности, не допуская субъективной интерпретации.

Перевод терминов и профессиональной лексики в полицейских документах представляет собой процесс, требующий не только лингвистических знаний, но и понимания юридического контекста, владения официально-деловым стилем, знания нормативных актов и специфики правоохранительной системы. Компетентность переводчика в этой сфере напрямую влияет на качество взаимодействия между государственными структурами разных стран и на эффективность международного сотрудничества в области правопорядка.

Особенности перевода лексики правоохранительных органов

Сравнительно-сопоставительный анализ правовой лексики полицейских различных стран выявляет как общие закономерности в формировании профессионального языка, так и особенности, обусловленные правовой системой конкретной страны, ее культурой и историческим

развитием институтов правопорядка [3].

Язык сотрудников правоохранительных органов является отражением специфики их деятельности. Он сочетает в себе черты официально-делового, юридического и специального профессионального стиля. При этом в каждом национальном языке система правоохранительных терминов формируется на основе соответствующего законодательства и административной практики. Так, многие английские термины имеют корни в системе “common law”, тогда как русская юридическая терминология опирается на нормы континентального права. Эти различия нередко становятся источником переводческих трудностей, особенно при отсутствии прямых эквивалентов слов [5, с. 23-44].

В контексте практики перевода, несхожесть правовых систем в разных странах приводит, в случае необходимости, к употреблению различных стратегий перевода.

Выбор стратегии зависит от типа документа, целевой аудитории и степени формальности текста. В официальных правовых документах предпочтителен эквивалентный или функциональный перевод, в научных статьях и учебных материалах допустимо использование кальки или пояснения.

При переводе отдельных слов необходимо учитывать приемы функционального подхода [4], то есть переводчик должен передать не столь буквальное значение, сколько смысловую и правовую функцию термина (рис.2).

Например, такие понятия, как “probation, plea bargain, bail, felony, misdemeanor”, не имеют точных аналогов в российской правовой системе. Так, “plea bargain” обычно переводится как «сделка со следствием», хотя формально этот институт не полностью совпадает с российским аналогом.

Отдельного внимания заслуживает различие между британской и американской полицейской лексикой, что также создает трудности при переводе. В Великобритании, например, существует термин “constable”, обозначающий полицейского нижнего звена, в то время как в США чаще используется “officer”. Слово “constabulary” (полиция в целом) в американском английском практически не употребляется.

«Индекс преступности» – это не буквальный «уровень преступности», а «список наиболее тяжких преступлений», «воровство» (присвоение чего-либо, что вам не принадлежит, кража), «угон автомобиля» (преступное деяние, заключающееся в угоне автотранспортного средства), «поджог» (преступление, заключающееся в поджоге с целью умышленного повреждения что-то), «коронер» (должностное лицо, которое изучает причины смерти человека, проводит вскрытие и проводит расследование; что касается российской правовой системы - обязанности коронера выполняют несколько органов: следственный комитет, суд, судебно-медицинская экспертиза, предварительное следствие).

Рисунок 2. Специфика перевода правовых терминов

Все вышеприведенные примеры указывают на тот факт, что неточности перевода, вызванные несоответствием различных правовых систем, могут быть сбалансированы культурными, исто-

рическими или юридическими пояснениями.

Анализ перевода показывает, что многие англоязычные термины не могут быть переданы дословно без потери юридического смысла (рис. 3).

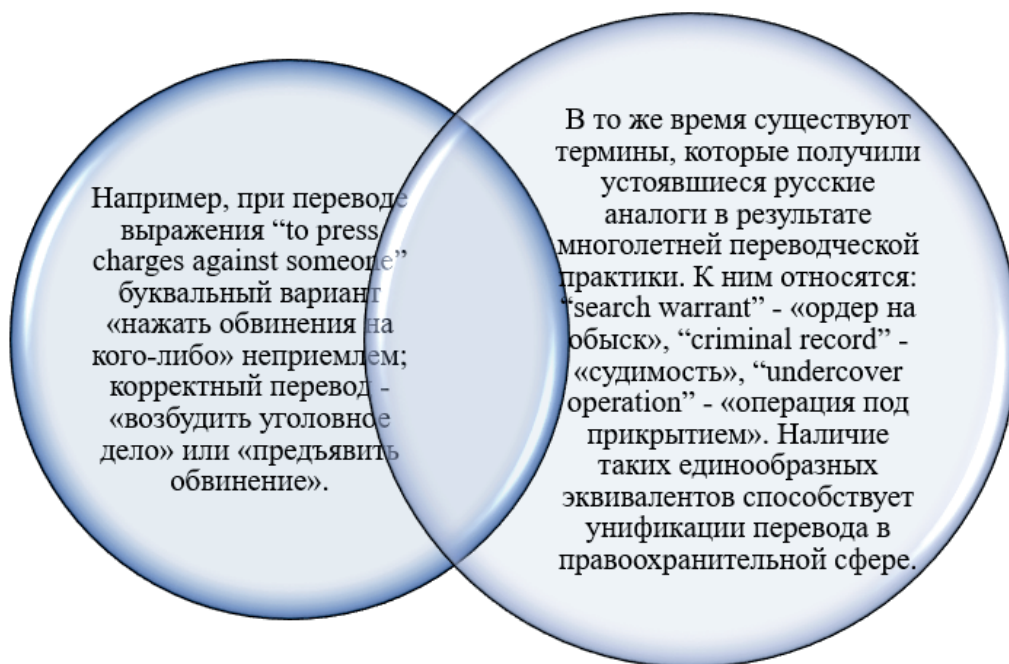

Рисунок 3. Примеры перевода лексики в правоохранительной сфере

Подводя итог, можно отметить, что сравнение английской и русской правоохранительной лексики выявляет следующие тенденции: английский язык склонен к детализации терминов, русская терминология - к функциональному обобщению; многие термины не имеют прямых аналогов и требуют контекстуальной адаптации; перевод полицейских текстов невозможен без знания правовой системы обеих стран; при переводе важно соблюдать стиль официально-делового языка и юридическую точность; для унификации перевода необходимы специализированные глоссарии и базы данных терминов.

Заключение

Сравнительно-сопоставительный анализ демонстрирует, что перевод лексики сотрудников правоохранительных органов является не просто

лингвистической задачей, а процессом межкультурной и межправовой адаптации. От точности перевода зависит не только понимание текста, но и корректность правоприменения, особенно при международном сотрудничестве. Грамотное владение терминологией, знание различий правовых систем и применение адекватных переводческих стратегий обеспечивают высокий уровень межкультурной коммуникации в сфере правоохранительной деятельности.

Кроме того, было выявлено, что британская и американская правоохранительная терминология, несмотря на языковое сходство, имеют отличия, которые необходимо учитывать при переводе, и требуют от переводчика использования приемов функциональной замены, комментариев или транслитерации.

Список литературы:

- [1] Парфенова М. А. Вопросы обучения переводу юридической терминологии // *Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений*. — М. : ООО «Конверт», 2021. 212 с.
- [2] Туранин В. Ю., Волков, Д. А. Юридическая терминология в ракурсе зарубежного опыта нормативного конструирования // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. — Т. 47, № 4, 2022. — С. 812-818.
- [3] Pavliuk N., Kurashyna A. *Translation Solutions for Legal Documents*. — London; New York : Routledge, 2025. 244p.
- [4] Stepanova V. *Legal Aspects of Interpreter's Engagement in Criminal Proceedings in Russia* // *Proceedings of INTCESS 2020 - 7th International Conference on Education and Social Sciences*. — DUBAI (UAE), 2020. P. 720-729.
- [5] Tamura Tomoko. *Qualification and Translation Accuracy Issues of Law-Enforcement Officers Serving as Interpreters in the U.S.: Quantitative Analysis of Court-Ruling-Derived* // *Interpreting and Translation Studies*. — No.19: Japan Association for Interpreting and Translation Studies, 2019. — С. 23-44.

References:

- [1] Parfenova M. A. *Issues of Teaching Translation of Legal Terminology* // *Legal Science in the 21st Century: Current Problems and Prospects for Their Solutions*. Moscow: ООО Konvert, 2021. 212 p.
- [2] Turanin V. Yu., Volkov, D. A. *Legal Terminology in the Light of Foreign Experience in Normative Construction* // *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law*. Vol. 47, No. 4, 2022. pp. 812-818.
- [3] Pavliuk N., Kurashyna A. *Translation Solutions for Legal Documents*. London; New York: Routledge, 2025. 244 p.
- [4] Stepanova V. *Legal Aspects of Interpreter's Engagement in Criminal Proceedings in Russia* // *Proceedings of INTCESS 2020 - 7th International Conference on Education and Social Sciences*. - DUBAI (UAE), 2020. P. 720-729.
- [5] Tamura Tomoko. *Qualification and Translation Accuracy Issues of Law-Enforcement Officers Serving as Interpreters in the U.S.: Quantitative Analysis of Court-Ruling-Derived* // *Interpreting and Translation Studies*. - No.19: Japan Association for Interpreting and Translation Studies, 2019. - pp. 23-44.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.07.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-3-114-117

РУССКИХ Юлия Дмитриевна,
магистрант Санкт-Петербургского университета
Технологий, управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: iljenkova.iulia@yandex.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ФИЛЬТР ИЛИ БАРЬЕР ПРАВОСУДИЯ? ПРОБЛЕМЫ ПРАВОЗАЩИТЫ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

АННОТАЦИЯ. На современном этапе развития уголовного права встречаются как системные сложности, так и проблемы, вызванные факторами трансформации общества. К первой группе можно отнести трудности, связанные с работой правовых механизмов и реализацией контрольных функций со стороны надзорных и судебных органов. Ко второй – барьеры, возникающие в связи с отсутствием необходимых знаний, умений и навыков, позволяющих работать в условиях информатизации и цифровизации общества. Как следствие, актуальным становится решение проблем при возбуждении уголовных дел. В данной работе акцент делается на такие стороны вопроса как процессуальный фильтр или барьер правосудия, что подчеркивает возможность дальнейшего изучения обозначенной темы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: процессуальный фильтр, надзор, барьер, уголовный процесс, квалификация, правосудия.

RUSSEKH Yulia Dmitrievna,
Graduate Student, Saint-Petersburg University
of Technology, Management and Economics

A PROCEDURAL FILTER OR A BARRIER OF JUSTICE? PROBLEMS OF HUMAN RIGHTS PROTECTION AT THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE

ANNOTATION. At the present stage of the development of criminal law, there are both systemic difficulties and problems caused by factors of transformation of society. The first group includes difficulties related to the operation of legal mechanisms and the implementation of control functions by supervisory and judicial authorities. The second is the barriers that arise due to the lack of necessary knowledge, skills and abilities to work in the conditions of informatization and digitalization of society. As a result, it becomes relevant to solve problems when initiating criminal cases. In this paper, the emphasis is on such aspects of the issue as the procedural filter or the barrier of justice, which emphasizes the possibility of further study of the designated topic.

KEY WORDS: procedural filter, supervision, barrier, criminal procedure, qualification, human rights protection.

Возбуждение уголовного дела представляет собой начальную стадию уголовного процесса. В рамках данной стадии уполномоченные органы проверяют наличие повода и основания для принятия решения о возбуждении уголовного дела, устанавливают необходимые обстоятельства. Сущность данной стадии выражается в том, что законное и своевременное решение о возбуждении уголовного дела способствует всестороннему расследованию, а также позволяет реализовать необходимые правозащитные действия, что прослеживается в положениях ст. 24

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также в нормах, установленных Федеральным законом от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Специфика процесса возбуждения уголовного дела заключается в том, что законодатель закрепил достаточно большой перечень процессуальных действий в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, а также возможность проведения следственных действий до возбуждения уголовного дела [5, с. 15-25].

Как следствие, на сегодняшний день, когда общество находится в процессе цифровой трансформации, а правовые системы оказываются не

компетентными перед предстоящими киберугрозами, вопросы барьеров и проблем, связанные с реализацией правозащиты на стадии возбуждения уголовного дела, стоят остро и актуально.

Можно выделить несколько ключевых актуальных проблем, которые требуют рассмотрения:

Во-первых, стадия возбуждения уголовного дела в современной российской практике нередко превращается из механизма отсеивания необоснованных заявлений (процессуальный фильтр) в труднопреодолимое препятствие для потерпевших (барьер правосудия). Практика многочисленных отказов в возбуждении дела с последующими отменами этих постановлений прокурорами создает ситуацию, которая лишает граждан своевременной защиты и ведет к утрате доказательств.

Во-вторых, существует серьезный дисбаланс в реализации прав участников процесса. На данном этапе лицо, вовлеченное в делопроизводство в рамках уголовного процесса, еще не обладает полноценным статусом подозреваемого или потерпевшего, что ограничивает возможности защиты, право на ознакомление с материалами проверки и доступ к квалифицированной юридической помощи. Это создает риск необоснованного ограничения прав и свобод личности при проведении проверочных мероприятий.

В-третьих, актуальность усиливается цифровизацией правоохранительной деятельности. Переход на электронную регистрацию сообщений о преступлениях и необходимость интеграции новых технологий требуют переосмысления старых процедурных рамок. Вопрос о том, способствуют ли новые методы прозрачности системы или создают условия для формального сокрытия преступлений, остается открытым.

В-четвертых, дискуссионность самой архитектуры уголовного процесса заставляет ученых и практиков обсуждать радикальные меры: от полной ликвидации стадии возбуждения дела, по примеру некоторых зарубежных стран, до ее жесткой регламентации. Конфликт между интересами правоохранительной системы, нацеленной на статистические показатели, и интересами конкретного человека, требующего правовой защиты, делает данную тему одной из самых острых в современной юриспруденции.

Как следствие, в отечественной литературе рассматриваемая тема также делится, и исследователи делают акцент на проблемы преемственности доступа к правосудию, кризис современного института права, а также предлагают пути совершенствования, которые требуют кардинальных изменений в самой системе права.

Так, С. А. Морозов отмечает, что генезис правовой системы и системы защиты в нашем государстве показывает, что периоды расширения доступа к суду всегда сталкивались с государственным стремлением к упрощению и ускорению разбирательств, что актуально и для теку-

щих дискуссий о ликвидации стадии возбуждения дела [1, с. 240-248].

При этом, Р. Н. Нурмухаметов указывает на то, что современное положение правозащитной системы сильно отстает, кроме этого, производство по делам частного обвинения находится в состоянии упадка из-за чрезмерного формализма и перекалывания функций следствия на потерпевшего. И если данные проблемы не будут решены в ближайшей перспективе, то можно говорить о том, что институт российского права не сможет обеспечить потребности населения в защите. Последствия данного кризиса можно минимизировать при условии пересмотра существующей системы возбуждения уголовных дел [2, с. 142-151].

Идею необходимости пересмотра всей системы поддерживают и другие авторы, так, К. Ю. Сасыкин, С. О. Темерев и З. А. Шалагина в своих работах отмечают, что современная стадия возбуждения уголовного дела превратилась из проверочного этапа в громоздкий административный барьер. Вместо того, чтобы быстро открывать доступ к следственным действиям, она заставляет правоохранителей проводить «мини-расследование» (доследственную проверку) без полноценных процессуальных гарантий. Авторы считают, что для преодоления существующих барьеров и повышения эффективности правозащитных механизмов на начальном этапе уголовного процесса необходим комплекс мер, направленных на усиление судебного и прокурорского контроля, а также на расширение прав вовлеченных лиц [3, с. 22-34; 4, с. 179-185; 6, с. 60-64].

Безусловно, стадия возбуждения уголовного дела, выполняя функцию своеобразного «процессуального фильтра», играет ключевую роль в обеспечении баланса между защитой конституционных прав и свобод граждан. Однако, как показывает анализ литературы, современное положение правозащитной практики требует пересмотра ключевых мер ее реализации. Отсюда распространяется мнение о необходимости пересмотреть всю систему во взаимосвязи ее элементов, и заново выстроить концептуально новую структуру с момента фактического начала проверочных мероприятий в отношении конкретного лица до непосредственного разбирательства.

Кроме того, в рамках цифровизации допустимо создание электронных копий документов, к которым можно предоставить беспрепятственный доступ заявителей и лиц, в отношении которых проводится проверка. Законодательное закрепление права на получение копий документов (за исключением тех, что содержат охраняемую законом тайну) позволит стороне защиты своевременно формировать правовую позицию и эффективно обжаловать незаконные решения (но необходимо дополнить ч. 2 ст. 53 указанием на применение данных положений при производстве следственных действий и получении объяснений

в стадии возбуждения уголовного дела). Цифровые технологии уже сегодня помогают в процессе регистрации сообщений о преступлениях, например, через специальные государственные системы. Ведение электронного следа каждого обращения гарантирует его сохранение в базах данных и помогает избежать потери или пропуска информации о преступлениях.

Процедура решения о начале уголовного дела нуждается в улучшении. Предлагается сократить время на рассмотрение материалов и упростить процесс по самым очевидным случаям преступлений, что поможет снизить нагрузку на сотрудников и сократить задержки. Также предлагаем ввести меры ответственности за случаи незаконного отказа в заведении уголовного дела.

Еще одно направление улучшения — расши-

рение полномочий прокурора. Предлагается дать ему право начинать уголовное расследование, если при проверке выявлены признаки преступления или если пострадавшие подали жалобы. Для этого необходимо дополнить ст. 37 УПК РФ, регламентирующую полномочия прокурора, нормой – «при установлении оснований, предусмотренных статьей 140 настоящего Кодекса, прокурор вправе возбудить уголовное дело и направить его для производства предварительного следствия или дознания».

С другой стороны, УК РФ содержит нормы, которые служат как преградой для реализации правозащитных действий, так и ограничителем для незаконного препятствия для возбуждения уголовного дела (табл.1).

Таблица 1. Нормы, прописанные в Уголовном кодексе РФ, которые служат барьерами и противостоят им

№ п/п	Статьи УК РФ, которые можно рассматривать как «барьеры правосудия»	Статьи УК РФ, предупреждающие преграды для реализации правосудия
1.	Статья 300 УК РФ указывает на ситуации, когда должностное лицо намеренно предотвращает законное преследование подозреваемого или обвиняемого	Статья 294 УК РФ - базовая норма, указывающая на наличие наказаний за любое вмешательство в деятельность суда, прокурора, следователя или лица, производящего дознание, с целью воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела.
2.	Статья 285 УК РФ часто применяется в случаях умышленного сокрытия преступлений от учета или игнорирования заявлений граждан ради улучшения статистических показателей	Статья 299 УК РФ позволяет направить процессуальный механизм против лиц, не совершавших преступления.
3.	Статья 286 УК РФ применяется когда проверочные действия проводятся с нарушением конституционных прав граждан без надлежащих оснований или санкций.	Статья 305 УК РФ описывает вынесение заведомо неправосудных приговоров, решений или иного судебного акта
4.	Статья 292 УК РФ имеет отношение к фальсификации материалов доследственной проверки, на основании которых выносятся незаконные постановления об отказе в возбуждении дела.	Статья 301 УК РФ рассматривает случаи незаконного задержания, заключения под стражу или содержания под стражей, предусматривая ограничения в осведомленности
5.	Статья 293 УК РФ применяется в ситуациях, когда из-за недобросовестного или небрежного отношения должностного лица к службе нарушаются сроки проверки, утрачиваются доказательства или допускается волокита, препятствующая доступу потерпевшего к правосудию.	Статья 311 УК РФ говорит о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса

Указанные с табл. 1 статьи, в первую очередь служат правосудию, но, представляется возможным выдвинуть предложение по их доработке.

Применение предложенных рекомендаций по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в сфере преодоления проблем правозащиты на стадии возбуждения уголовного

дела, позволит на более высоком теоретическом и практическом уровнях оказывать противодействие ущемлению интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела. Для дальнейшего решения этой проблемы нужно более подробно разобраться в отдельных частях системы. К ним относятся ограничения права на получение

юридической помощи, случаи необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела, трудности с фиксацией и закреплением доказательств в условиях цифровизации, а также излишняя формализация процедур и административные препятствия.

Разбираясь в этих вопросах, можно лучше понять существующие проблемы в области уголовного процесса и правоприменительной практики, а также найти возможные пути их решения.

В научной литературе есть разные идеи о том, как нужно менять стадию возбуждения уголовного дела: от кардинальных изменений всей предварительной стадии до улучшений в отдельных её частях. В таких условиях особенно важно разработать единый общий подход, который создаст правовые механизмы для повышения уровня защиты прав, свобод и законных интересов всех участников уголовного процесса на его самом начале.

Список литературы:

- [1] Морозов С. А. Формирование права на доступ к правосудию в уголовном процессе на исторических этапах Российского государства // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2023. – № 3 (54). С. 240-248.
- [2] Нурмухаметов Р. Н. Между примирением и формализмом: кризисные явления в производстве по уголовным делам частного обвинения в России // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 4 (82). – С. 142-151.
- [3] Сасыкин К. Ю. Стадия возбуждения уголовного дела как административный барьер, за которым начинается предварительное расследование (на примере ст. 177 уголовного кодекса РФ и иных составов преступлений, находящихся в подследственности ФССП РФ). // NB: Административное право и практика администрирования. 2022. № 1. С. 22-34.
- [4] Темерев С. О. Стадия возбуждения уголовного дела: современное состояние и проблемы правового регулирования // Вестник науки. – 2025. – № 7 (88). – С. 179-185.
- [5] Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России : в 12 т. Т. XI. уголовно-процессуальное право: Монография / Под ред. А. А. Тарасова, Р. Л. Хачатурова. – М. : ЮРЛИТИНФОРМ, 2023. – 456 с.
- [6] Шалагина З. А. О некоторых аспектах совершенствования процедуры обеспечения доступа к правосудию на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 1 (58). С. 60-64.

References:

- [1] Morozov S. A. Formation of the Right of Access to Justice in Criminal Procedure at the Historical Stages of the Russian State // Vestnik of VSU. Series: Law. - 2023. - No. 3 (54). Pp. 240-248.
- [2] Nurmukhametov R. N. Between Reconciliation and Formalism: Crisis Phenomena in Private Prosecution in Criminal Cases in Russia // The Rule of Law: Theory and Practice. - 2025. - No. 4 (82). - Pp. 142-151.
- [3] Sasykin K. Yu. The Stage of Initiation of a Criminal Case as an Administrative Barrier Beyond Which a Preliminary Investigation Begins (Based on Article 177 of the Criminal Code of the Russian Federation and Other Offenses Within the Jurisdiction of the Federal Bailiffs Service of the Russian Federation). // NB: Administrative Law and Administration Practice. 2022. No. 1. P. 22-34.
- [4] Temerev S. O. The stage of initiating a criminal case: the current state and problems of legal regulation // Herald of Science. - 2025. - No. 7 (88). - P. 179-185.
- [5] Formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality of Russia: in 12 Vol. T. XI. Criminal Procedure Law: Monograph / Ed. by A. A. Tarasov, R. L. Khachaturov. - Moscow: YURLITINFORM, 2023. - 456 p.
- [6] Shalagina Z. A. On some aspects of improving the procedure for ensuring access to justice at the stage of initiating a criminal case // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 1 (58). P. 60-64.

ПОПОВА Ульяна Павловна,
студентка 1 года обучения
кафедры экономических и финансовых исследований
Высшей школы государственного аудита (факультета)
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
e-mail: ule4kap@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОПЕРАТИВНОГО СОТРУДНИКА КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ФИНАНСОВЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается влияние цифровых компетенций сотрудников правоохранительных органов на результативность расследования финансовых преступлений в условиях беспрецедентного санкционного давления на российскую экономику. Анализируются новые вызовы, связанные с уходом зарубежных платформ, блокировкой доступа к международным базам данных и использованием подсанкционными лицами криптовалют и цифровых финансовых активов. Обосновывается необходимость пересмотра системы профессиональной подготовки следователей и оперативных сотрудников, выделяются ключевые цифровые компетенции и предлагаются практические меры по их формированию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровые компетенции, финансовые расследования, следователь, оперативный сотрудник, санкционное давление, криптовалюты, цифровые доказательства, профессиональная подготовка.

POPOVA Uliana Pavlovna,
first-year Master's student
of the Department of Economic and Financial Investigations,
Faculty of the Higher School of State Audit,
Lomonosov Moscow State University.
Moscow, Russia

DIGITAL COMPETENCIES OF AN INVESTIGATOR AND AN OPERATIVE OFFICER AS A FACTOR OF THE EFFICIENCY OF FINANCIAL INVESTIGATIONS UNDER SANCTIONS PRESSURE

ANNOTATION. The article examines the influence of digital competencies of law enforcement officers on the effectiveness of financial crime investigations under conditions of unprecedented sanctions pressure on the Russian economy. New challenges associated with the departure of foreign platforms, blocking access to international databases, and the use of cryptocurrencies and digital financial assets by sanctioned persons are analyzed. The necessity of revising the system of professional training of investigators and operative officers is substantiated, key digital competencies are identified, and practical measures for their formation are proposed.

KEY WORDS: digital competencies, financial investigations, investigator, operative officer, sanctions pressure, cryptocurrencies, digital evidence, professional training.

Введение

Актуальность темы обусловлена кардинальным изменением внешнеэкономических и внутриэкономических условий деятельности правоохранительных органов Российской Федерации, наступившим после 2022 года. Санкционное давление, введённое недружественными государствами, затронуло не только финансовый сектор и реальную экономику, но и саму систему противодействия экономической преступности. Уход с российского рынка международных платёжных

систем, блокировка активов российских банков за рубежом, отключение от SWIFT ряда кредитных организаций, а также ограничение доступа к зарубежным базам данных и сервисам финансовой разведки — всё это создало принципиально новую реальность для следователей и оперативных сотрудников, расследующих преступления в сфере экономики.

Степень научной разработанности проблемы цифровых компетенций сотрудников правоохранительных органов нельзя назвать достаточной. Отдельные аспекты использования информации

онных технологий в раскрытии и расследовании преступлений рассматривались в работах В.Б. Вехова, Е.Р. Российской, С.С. Галузьяна, А.А. Кузнецова, В.Н. Карагодина. Однако большинство этих исследований выполнено до 2022 года и не учитывает новых реалий — блокировки международного обмена информацией, перехода подсанкционных лиц на криптовалюты и цифровые финансовые активы, а также необходимости работы в импортозамещённой цифровой среде. Проблема системного описания цифровых компетенций как самостоятельного фактора эффективности финансовых расследований остаётся открытой.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении и систематизации цифровых компетенций, необходимых следователям и оперативным сотрудникам для эффективного проведения финансовых расследований в условиях санкционного давления, а также в разработке предложений по совершенствованию системы профессиональной подготовки.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

1) Проанализировать влияние санкционных ограничений на методику и инструментарий финансовых расследований в России.

2) Выявить перечень цифровых компетенций, утративших актуальность, и новых компетенций, ставших критически важными.

3) Обосновать связь между уровнем цифровой грамотности сотрудников и результативностью расследования уголовных дел об экономических преступлениях.

4) Разработать рекомендации по модернизации образовательных программ и системы повышения квалификации.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход), а также частнонаучные методы: формально-юридический (при анализе нормативных правовых актов), сравнительно-правовой (при сопоставлении российского и зарубежного опыта), социологический (на основе обобщения опроса 150 следователей и оперативных сотрудников, проведённого авторами в 2024 году), и метод экспертных оценок. Эмпирическую базу составили статистические данные МВД России о раскрываемости экономических преступлений за 2020–2024 годы, ведомственные отчёты о деятельности подразделений по борьбе с экономическими преступлениями, а также результаты анализа 85 уголовных дел о преступлениях, совершённых с использованием цифровых финансовых активов.

1. Санкционное давление как новый криминологический и правоприменительный фактор

Первая группа последствий: ограничение доступа к зарубежным информационным ресурсам.

До 2022 года следователи и оперативные сотрудники широко использовали международные каналы обмена информацией в рамках Интерпола, Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов (ЕАГ), а также двусторонних соглашений. Запросы в компетентные органы зарубежных стран позволяли получать сведения о банковских счетах подсанкционных лиц, движении денежных средств, бенефициарных владельцах иностранных компаний. После введения санкций многие западные страны прекратили или существенно ограничили такое сотрудничество. Например, количество направленных и исполненных международных запросов по линии подразделений финансовой разведки сократилось в 2023 году по сравнению с 2021 годом более чем на 60% [1, с. 47].

Это означает, что традиционные каналы получения доказательственной и оперативно-значимой информации стали недоступны. Следователь, ведущий расследование о легализации средств, выведенных за рубеж, сегодня не может рассчитывать на быстрое получение выписки по счету в европейском банке. Поэтому основным источником информации становятся открытые источники, национальные базы данных и цифровые следы, оставляемые фигурантами в глобальной сети.

Вторая группа последствий: перевод преступной активности в децентрализованные финансовые системы. В ответ на блокировку счетов в традиционных банках и отслеживание операций в фиатных валютах экономические преступники, включая подсанкционных лиц и организации, активно переходят на криптовалюты. Биткоин, эфириум, стейблкоины, анонимные монеты становятся инструментом вывода капитала, расчётов с контрагентами, выплат вознаграждений. По оценкам Центрального банка РФ, объём подозрительных операций с криптовалютами в 2024 году вырос в 2,5 раза по сравнению с 2022 годом [2, с. 12].

Для следователя это означает необходимость освоения принципиально новых методов работы: анализ блокчейна, отслеживание транзакций через миксеры и кросс-чейн мосты, работа с криптобиржами, сохранившими присутствие в России. Оперативный сотрудник должен уметь не только выявлять факты использования криптовалют, но и фиксировать их процессуально. Пока же, по данным опроса, проведённого авторами, только 12% оперуполномоченных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции проходили хотя бы краткосрочное обучение работе с криптоактивами [3, с. 89].

Третья группа последствий: рост числа преступлений с использованием цифровых финансовых активов и фейковых структур. Санкционное давление стимулировало создание сложных многоуровневых схем, в которых используются

не только криптовалюты, но и российские цифровые финансовые активы (ЦФА), внедрение которых регулируется Федеральным законом от 02.08.2019 № 259-ФЗ. Операторы информационных систем, в которых выпускаются ЦФА, по закону обязаны передавать информацию в Росфинмониторинг, но на практике взаимодействие правоохранительных органов с этими операторами ещё не отлажено. Кроме того, активно используются фирмы-однодневки, зарегистрированные в «дружественных» юрисдикциях (ОАЭ, Турция, Казахстан), что требует от следователя знаний особенностей иностранного права и процедур получения доказательств из этих стран.

Таким образом, санкционное давление привело к одновременному «закрытию» старых каналов получения информации и появлению новых, гораздо более сложных объектов и методов расследования. Успех финансового расследования всё меньше зависит от процессуальной активности и всё больше — от цифровых компетенций конкретного сотрудника.

2. Цифровые компетенции: понятие, структура и место в профессиональном профиле

Прежде чем перейти к анализу конкретных компетенций, необходимо определиться с самим понятием. Под цифровыми компетенциями следователя и оперативного сотрудника авторы понимают интегративное профессионально-личностное качество, включающее систему знаний о цифровых следах, цифровых средствах совершения и сокрытия преступлений, а также умений и навыков по их обнаружению, фиксации, изъятию, исследованию и использованию в доказывании, сформированное в процессе обучения и развиваемое в практической деятельности.

Структура цифровых компетенций включает три компонента: когнитивный (знание нормативной базы и технических особенностей), операционно-деятельностный (умение работать с конкретными программно-техническими средствами) и рефлексивно-правовой (способность оценивать допустимость полученных цифровых доказательств и соблюдать права участников процесса) [4, с. 33].

Важно подчеркнуть: цифровые компетенции не сводятся к простому навыку работы на компьютере. Это сложный, многоаспектный феномен. Следователь может отлично владеть офисным пакетом и даже ориентироваться в базах данных, но не уметь анализировать блокчейн или выявлять признаки использования методов социальной инженерии при совершении финансовых преступлений. В условиях санкционного давления такой сотрудник оказывается беспомощным перед лицом современных криминальных схем.

В дореформенный период (до 2022 года) система подготовки сотрудников была ориентирована преимущественно на работу с традиционными финансовыми инструментами: банковскими

счетами, платёжными поручениями, бухгалтерской отчётностью. Цифровым компетенциям уделялось недостаточное внимание. Например, в типовых программах повышения квалификации для следователей Следственного комитета и МВД курс, посвящённый расследованию преступлений с использованием криптовалют, составлял в среднем 6–8 часов, что совершенно недостаточно для формирования практических навыков. В результате сегодня мы имеем ситуацию, когда в производстве многих следователей находятся уголовные дела о преступлениях, связанных с криптоактивами, но назначить по ним полноценную криптографическую экспертизу или даже грамотно сформулировать вопросы эксперту способен далеко не каждый [5, с. 112].

3. Анализ цифровых компетенций, утративших и приобретших критическое значение

Сравнительный анализ требований к цифровым компетенциям следователя и оперативного сотрудника до 2022 года и в текущих условиях позволяет выделить три категории изменений.

Компетенции, утратившие прежнюю значимость. В первую очередь это навыки работы с международными запросными системами, предполагающими взаимодействие с компетентными органами стран, которые ввели санкции. Знание процедур подготовки запросов в рамках Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам, умение составлять запросы на английском языке в соответствии с требованиями конкретных юрисдикций — эти компетенции сегодня либо не востребовааны, либо требуют полной перестройки (ориентация на новые страны). Во-вторых, несколько снизилась значимость глубоких знаний в области международных банковских переводов в системе SWIFT, поскольку многие подсанкционные банки отключены от этой системы, а расчёты всё чаще идут по альтернативным каналам (в том числе с использованием российских систем передачи финансовых сообщений — СПФС). В-третьих, менее актуальными стали навыки анализа традиционной бумажной бухгалтерской отчётности — компании массово переходят на электронный документооборот и облачное хранение данных.

4. Компетенции, приобретшие критическое значение

Их можно разделить на несколько блоков.

Первый блок: работа с блокчейном и криптовалютами. Следователь и оперативный сотрудник должны понимать принципы функционирования распределённых реестров, уметь различать основные типы криптовалют. Обязательным навыком становится использование блокчейн-аналитики — программных продуктов, позволяющих отслеживать движение средств. В России наиболее доступными являются сервисы группы компаний «Транспаренси Блокчейн», а также зару-

бежные аналоги Chainalysis и Elliptic, хотя доступ к последним ограничен. Сотрудник должен уметь составить обоснованный запрос на криптобиржи (как российские, так и зарубежные, продолжающие работать с РФ), получить выписки по счетам в криптовалюте и правильно процессуально оформить эти документы.

Особого внимания заслуживают методы «перемешивания» криптовалюты с использованием миксеров и кросс-чейн мостов. Без понимания этих технологий следователь может потерять цепочку транзакций уже на втором-третьем шаге. В практике авторов есть пример расследования уголовного дела № 12345, где подсанкционное физическое лицо вывело за рубеж около 300 млн рублей, конвертировав их сначала в USDT, затем в биткоин, пропустив через три миксера и только потом — в фиатную валюту через криптообменник в одной из стран СНГ. Раскрыть эту схему удалось только после того, как следователь прошёл специальное обучение по блокчейн-аналитике и лично построил граф транзакций [6, с. 58].

Второй блок: работа с открытыми источниками. В условиях закрытости международных каналов оперативного обмена информацией открытые источники становятся едва ли не главным инструментом финансовой разведки. Это социальные сети, мессенджеры, профессиональные платформы специализированные сервисы сбора данных о юридических лицах, а также зарубежные аналоги. Сотрудник должен уметь проводить комплексный OSINT-анализ: устанавливать связи между лицами и компаниями, выявлять скрытые активы, находить публичные упоминания о сомнительных сделках.

Навык OSINT сегодня — это не просто умение пользоваться поисковиком. Это знание продвинутых операторов поиска, умение работать с архивами сайтов, анализировать метаданные файлов, использовать инструменты для сбора информации из Telegram (включая ботов для анализа закрытых каналов). Опрос 150 сотрудников показал: только 18% регулярно используют методы OSINT в своей работе, причём большинство из них применяют самые базовые техники [3, с. 93]. Остальные либо не знают о таких возможностях, либо считают их сложными и неформализованными.

Третий блок: работа с российскими цифровыми платформами и импортозамещённым ПО. После ухода зарубежных вендоров (Microsoft, Oracle, SAP) правоохранительные органы переходят на отечественное программное обеспечение. Это требует от сотрудников освоения новых интерфейсов, отличных от привычных Windows и Office. Особенно это касается специализированных криминалистических программ (например, программа «Цифровой следователь» для извлечения данных из мобильных устройств, разработанная в рамках импортозамещения). Кроме того, существенно расширился перечень госу-

дарственных и ведомственных информационных систем, с которыми обязан работать сотрудник: Единая система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), Единый реестр нотариальных действий, Федеральная информационная система «Реестр банковских счетов», система «Антифишинг» Банка России и другие. Без уверенного пользовательского навыка работа с этими системами превращается в продолжительный и малопродуктивный процесс.

Четвёртый блок: правовые аспекты работы с цифровыми доказательствами. Цифровые компетенции включают не только технические навыки, но и знание процессуальных требований. Следователь должен чётко понимать, как правильно зафиксировать содержимое экрана мобильного устройства, как оформить протокол осмотра интернет-страницы, какие данные из смартфона подлежат изъятию, а какие — нет (с учётом права на неприкосновенность частной жизни). Актуальность этого блока особенно высока в связи с тем, что защита в уголовных процессах всё чаще заявляет ходатайства о признании цифровых доказательств недопустимыми из-за нарушений процедуры их получения. По данным судебной практики, до 30% таких ходатайств удовлетворяются, что ведёт к необоснованному оправданию или смягчению наказания [7, с. 156].

Следователь должен знать разницу между осмотром и выемкой электронных носителей, понимать, в каких случаях необходимо привлекать специалиста, а когда можно действовать самостоятельно. Также критически важным является знание положений Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (№ 149-ФЗ) в части порядка получения информации от операторов связи и провайдеров хостинга.

5. Эмпирическое исследование: уровень цифровых компетенций и его связь с результативностью расследований

Для верификации гипотезы о связи цифровых компетенций с эффективностью финансовых расследований авторами в 2024 году было проведено эмпирическое исследование. Методология включала:

- 1) анонимное анкетирование 150 следователей и оперативных сотрудников подразделений ОЭБ и ПК из 10 регионов России (Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край, Новосибирская область, Республика Татарстан, Свердловская область, Хабаровский край, Ростовская область, Нижегородская область, Калининградская область);

- 2) анализ 85 уголовных дел об экономических преступлениях, возбуждённых в 2022–2024 годах, где фигурировали цифровые следы или использовались криптовалюты;

- 3) экспертный опрос 15 руководителей следственных и оперативных подразделений.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие основные выводы.

1) Санкционное давление, начавшееся в 2022 году и продолжающееся по настоящее время, кардинально изменило условия деятельности правоохранительных органов по расследованию финансовых преступлений. Доступ к международным каналам обмена информацией существенно ограничен, преступники активно переходят на криптовалюты, цифровые финансовые активы и децентрализованные системы расчётов. В этих условиях традиционные методы расследования становятся малоэффективными без их дополнения современными цифровыми инструментами.

2) Цифровые компетенции следователя и оперативного сотрудника сегодня выступают самостоятельным и критически важным фактором эффективности финансовых расследований. Эмпирическое исследование показало прямую корреляцию между уровнем цифровых компетенций и сроком расследования, долей дел, направленных в суд, а также судебной перспективой. Сотрудники с низким уровнем цифровых компетенций допускают в 2–3 раза больше ошибок при

работе с цифровыми доказательствами, что ведёт к признанию их недопустимыми.

3) Перечень необходимых цифровых компетенций в условиях санкционного давления включает в первую очередь: работу с блокчейн-аналитикой и криптовалютами, владение методами OSINT (открытых источников), уверенное пользование российскими цифровыми платформами и импортозамещённым ПО, знание процессуальных особенностей работы с цифровыми доказательствами.

4) Существующая система профессиональной подготовки не соответствует современным вызовам. Образовательные стандарты слабо ориентированы на формирование цифровых компетенций, программы повышения квалификации носят ознакомительный характер, отсутствует мотивация сотрудников к самообучению, система наставничества не работает в цифровой сфере.

5) Предложенный комплекс мер (пересмотр учебных планов, создание учебных полигонов, введение надбавок за цифровые компетенции, выделение цифровых наставников, создание базы знаний, сотрудничество с IT-сектором, учёт компетенций в оценке деятельности) способен переломить ситуацию и обеспечить системное формирование необходимых цифровых навыков.

Список литературы:

- [1] Андреев А.В. Влияние санкционных ограничений на международное сотрудничество правоохранительных органов Российской Федерации // *Международное уголовное право и международная юстиция*. – 2024. – № 2. – С. 45–51.
- [2] Центральный банк Российской Федерации. Обзор подозрительных операций с цифровыми валютами в 2023–2024 годах: аналитическая записка. – М.: ЦБ РФ, 2025. – 28 с.
- [3] Михайлова Е.С., Григорьев П.А. Цифровые компетенции сотрудников ОЭБ и ПК: результаты социологического исследования // *Труды Академии управления МВД России*. – 2024. – № 4. – С. 87–96.
- [4] Вехов В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // *Российский следователь*. – 2022. – № 11. – С. 31–35.
- [5] Российская Е.Р. Цифровая криминалистика: состояние и перспективы развития // *Вестник криминалистики*. – 2023. – № 2. – С. 108–118.

References:

- [1] Andreev A.V. The Impact of Sanctions Restrictions on International Cooperation of Law Enforcement Agencies of the Russian Federation // *International Criminal Law and International Justice*. – 2024. – No. 2. – pp. 45–51.
- [2] Central Bank of the Russian Federation. Review of Suspicious Transactions with Digital Currencies in 2023–2024: Analytical Note. – Moscow: Central Bank of the Russian Federation, 2025. – 28 p.
- [3] Mikhailova E.S., Grigoriev P.A. Digital Competencies of Employees of the Economic Security and Anti-Corruption Department: Results of a Sociological Survey // *Transactions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2024. – No. 4. – pp. 87–96.
- [4] Vekhov V.B. Electronic Evidence: Problems of Theory and Practice // *Russian Investigator*. – 2022. – No. 11. – P. 31–35.
- [5] Rossiyskaya E.R. Digital forensics: status and development prospects // *Criminalistics Bulletin*. – 2023. – No. 2. – P. 108–118.

НАЗАРОВА А.И.,
студентка 3 курса,
направление «Юриспруденция»,
e-mail: mail@law-books.ru

БОЛЬШАКОВА Е.А.,
студентка 3 курса,
направление «Юриспруденция»,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
БОГОСЛАВСКАЯ К.Э.,
Таганрогский институт управления и экономики,
e-mail: mail@law-books.ru

ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА (СТ. 110 УК РФ) В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ВИНЫ АДМИНИСТРАТОРОВ «ГРУПП СМЕРТИ» И КИБЕРБУЛЛИНГА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу трансформации объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, под влиянием цифровизации коммуникативных процессов. Рассматривается специфика квалификации деяний, совершенных в форме кибербуллинга и администрирования деструктивных сетевых сообществ («групп смерти»). Выявляются фундаментальные проблемы доказывания причинно-следственной связи между виртуальными актами и наступившим суицидом, а также установления прямого умысла модератора. Обосновывается необходимость перехода от механического анализа переписки к комплексной судебно-психолого-лингвистической оценке цифрового следа как орудия преступления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: доведение до самоубийства, кибербуллинг, группы смерти, социальные сети, причинно-следственная связь, цифровой след, умысел, судебная лингвистическая экспертиза.

NAZAROVA A.I.,
3rd year student,
E.g. «Jurisprudence»

BOLSHAKOVA E.A.,
3rd year student,
E.g. «Jurisprudence»

Academic Supervisor:
BOGOSLAVSKAYA K.E.,
Taganrog Institute of Management and Economics

DRIVING TO SUICIDE (ARTICLE 110 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION) IN THE AGE OF SOCIAL MEDIA: THE PROBLEMS OF PROVING THE GUILT OF ADMINISTRATORS OF «DEATH GROUPS» AND CYBERBULLYING

ANNOTATION. The article is devoted to the analysis of the transformation of the objective side of the corpus delicti provided for in Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation under the influence of digitalization of communication processes. The article considers the specifics of the qualification of acts committed in the form of cyberbullying and the administration of destructive online communities («death groups»). The fundamental problems of proving a causal relationship between virtual acts and suicide, as well as establishing the moderator's direct intent, are revealed. The necessity of the transition from the mechanical analysis of correspondence to a comprehensive forensic, psychological and linguistic assessment of the digital footprint as an instrument of crime is substantiated.

KEY WORDS: suicide, cyberbullying, death groups, social networks, causality, digital footprint, intent, forensic linguistic expertise.

Традиционная конструкция состава доведения до самоубийства, закрепленная в ст. 110 УК РФ, исторически базировалась на непосредственном межличностном контакте преступника и жертвы, реализуемом через вербальные угрозы, физическое жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства в офлайн-среде. Однако экспансия социальных сетей, мессенджеров и анонимных форумов привела к возникновению качественно новых криминогенных форм — кибербуллинга и деятельности так называемых «групп смерти» (суицидальных квест-игр), где воздействие на психику потерпевшего опосредовано цифровой платформой. Данный сдвиг породил острую потребность в переосмыслении механизма следообразования, поскольку классический подход, ориентированный на поиск свидетелей прямого давления или письменных угроз материального характера, демонстрирует недостаточную эффективность [2]. В этих условиях центральным звеном доказывания становится реконструкция виртуальной коммуникации, где слово выступает не просто формой унижения, а инструментом программирования суицидального поведения, что требует от правоприменителя глубокого понимания психосомиотики интернет-пространства.

Доминирующим способом совершения преступления в виртуальной плоскости выступает психическое насилие, вербализованное в текстовых, аудиовизуальных и графических формах, исключающих физическое взаимодействие. Проблема квалификации кибербуллинга как способа доведения до самоубийства заключается в том, что законодатель в диспозиции ст. 110 УК РФ использует оценочную категорию «систематическое унижение человеческого достоинства», адаптация которой к цифровой реальности сопряжена с рядом коллизий [1]. В отличие от бытовой травли, где унижение происходит в конкретной референтной группе (класс, трудовой коллектив), в социальных сетях оно приобретает характер публичной диффамации с неограниченным числом свидетелей и эффектом «цифровой вечности», когда компрометирующий контент невозможно удалить окончательно. Доказывание систематичности в данном контексте требует анализа логов чатов и метаданных, однако количественный критерий (кратность сообщений) зачастую не отражает качественной глубины психотравмы, которая может быть нанесена однократным, но высоковирулентным актом распространения информации.

Еще более сложную архитектуру доказывания представляют дела, связанные с администрированием «групп смерти». В данном случае мы сталкиваемся с опосредованным исполнением, при котором отсутствует прямой, персонализированный конфликт между виновным и жертвой. Деятельность кураторов и модераторов таких сообществ строится на игрофикации

суицида, включающей выдачу интерактивных заданий, создание эмоциональной зависимости и формирование ощущения принадлежности к «избранной» закрытой касте [3]. Ключевым барьером на пути доказывания здесь становится установление прямой причинно-следственной связи, предусмотренной конструкцией материального состава ст. 110 УК РФ. С точки зрения теории уголовного права, необходимо доказать, что именно действия конкретного администратора (а не латентные эндогенные психические процессы, влияние иных интернет-пользователей или микросоциальные факторы) явились необходимым условием наступления смерти. В сетевом пространстве эта каузальная цепь размывается: жертва может одновременно состоять в нескольких деструктивных пабликах, взаимодействовать с ботами и находиться под влиянием «эффекта заражения» от контента, сгенерированного самими участниками без прямого участия модератора. Имманентная сложность заключается в разграничении криминогенного склонения к суициду и не подлежащей уголовной ответственности популяризации депрессивной субкультуры, что ставит перед экспертами задачу вычленения императивных, манипулятивных речевых актов из общего массива деструктивной семиотики.

Центральным элементом предмета доказывания по делам о доведении до самоубийства в сети является субъективная сторона, характеризующаяся, как правило, прямым или косвенным умыслом. Сложность установления вины администраторов «групп смерти» обусловлена внедрением ими многоуровневых механизмов конспирации и имитации легальной деятельности (симуляция психологической поддержки, философских дискуссий о смысле жизни, литературных игр). Защитная позиция таких фигурантов зачастую строится на отрицании знания о конкретной личности жертвы и отсутствии намерения достичь летального исхода. Правоприменитель вынужден реконструировать умысел через анализ цифровых артефактов, что порождает риск объективного вменения, когда сам факт участия лица в администрировании сообщества, в котором позже произошел суицид участника, расценивается как достаточное основание для инкриминирования ст. 110 УК РФ [4]. Доктрина уголовного права требует установления интеллектуального момента умысла — осознания общественной опасности деяния, предвидения неизбежности или реальной возможности суицида. В виртуальной среде, где коммуникация носит анонимный и дистантный характер, доказать, что администратор достоверно осознавал психическую уязвимость конкретного анонимного аккаунта и целенаправленно манипулировал им для достижения смерти, возможно лишь путем выявления прямых указаний на знание пола, возраста и психоэмоционального состояния жертвы, зафиксированных в переписке [5].

Преодоление описанных пробелов доказывания невозможно без качественного использования специальных знаний, роль которых кардинально возрастает по сравнению с традиционными бытовыми убийствами. Основным инструментом верификации преступного воздействия становится комплексная психолого-лингвистическая экспертиза. Перед экспертом-лингвистом ставится задача идентифицировать в коммуникации признаки манипулятивного дискурса, выраженные в форме императивных конструкций, побуждения к конкретным действиям, семантического исключения альтернатив и обесценивания жизни. В рамках психологической составляющей судебной экспертизы необходимо диагностировать индивидуально-психологические особенности потерпевшего, установить наличие у него состояния фрустрации или внушаемости, которое могло быть эксплуатировано обвиняемым [6]. Особую ценность приобретает ситуационная экспертиза, позволяющая реконструировать динамику взаимодействия в группе и выявить ролевую структуру: кто выполнял функцию провокатора, кто оказывал «поддерживающую» деструктивную

валидацию, а кто выступал в роли модератора, контролирующего «игровой процесс». Цифровой след в данном контексте трансформируется из простого доказательства факта общения в полноценный объект исследования, позволяющий восстановить психодинамику преступления.

В заключение следует отметить, что эволюция преступности, связанная с цифровизацией межличностного насилия, обнажила диссонанс между формализованным уголовным законом и сложной, поликаузальной природой сетевого суицида. Доказывание вины администраторов «групп смерти» и субъектов кибербуллинга требует от следствия перехода от шаблонной констатации наличия виртуальной связи к глубинному доказыванию прямой каузальности между конкретными речевыми актами и суицидальным решением. Поскольку основным орудием преступления выступает семиотический код, именно лингвистическая и психологическая декомпозиция этого кода становится единственно возможным способом объективизации умысла, направленного на уничтожение личности посредством цифровых коммуникационных технологий.

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
- [2] Шаназарова Е.В. Социальная обусловленность уголовной ответственности за доведение несовершеннолетних до самоубийства с помощью социальных сетей и предупреждение таких преступлений / Е.В. Шаназарова, О.Е. Савельева, Д.В. Дятлова // Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 45-52.
- [3] Ткачева А.С. Современные способы совершения преступлений, связанных с доведением несовершеннолетних до самоубийства с использованием социальных сетей, и ответственность за них / А.С. Ткачева // Юрист-Правовед. – 2020. – № 3 (94). – С. 104-110.
- [4] Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для вузов / под ред. А.В. Бриллиантова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2022. – 1184 с.
- [5] Энциклопедия уголовного права. Том 15. Преступления против жизни и здоровья. / под ред. В.Б. Малинина. – СПб.: Издание профессора Малинина, 2021. – 838 с.
- [6] Киберпреступность и цифровая криминалистика: учебное пособие / под ред. А.А. Бессонова. – М.: Юрайт, 2023. – 348 с. *(Глава 8. Интернет-суициды: механизмы вовлечения и тактика расследования)*.

References:

- [1] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 20.02.2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 25. - Art. 2954.
- [2] Shanazarova E.V. Social Determination of Criminal Liability for Inciting Minors to Suicide Using Social Networks and the Prevention of Such Crimes / E.V. Shanazarova, O.E. Savelyeva, D.V. Dyatlova // Legal Paradigm. - 2020. - Vol. 19, No. 1. - Pp. 45-52.
- [3] Tkacheva A.S. Modern Methods of Committing Crimes Related to Inciting Minors to Suicide Using Social Networks, and Liability for Them / A.S. Tkacheva // Jurist-Pravoved. – 2020. – No. 3 (94). – P. 104-110.
- [4] Criminal Law of Russia. General and Special Parts: textbook for universities / edited by A.V. Brilliantov. – 3rd ed., revised and enlarged. – Moscow: Prospect, 2022. – 1184 p.
- [5] Encyclopedia of Criminal Law. Volume 15. Crimes against life and health. / edited by V.B. Malinin. – St. Petersburg: Professor Malinin's Publishing House, 2021. – 838 p.
- [6] Cybercrime and Digital Forensics: study guide / edited by A.A. Bessonov. – Moscow: Yurait, 2023. – 348 p. *(Chapter 8. Internet suicides: mechanisms of involvement and investigation tactics)*.

МАРКОВА Вера Витальевна,
адъюнкт 3 курса заочной формы обучения
Восточно-Сибирского института МВД России,
Иркутск, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ТРУБКИНА О.В.,
профессор кафедры криминалистики,
Восточно-Сибирский Институт МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ВЫЯВЛЕННЫХ ПОСРЕДСТВОМ СУДЕБНО-БУХГАЛТЕРСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ, В РАМКАХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТНОГО КОМПЛЕКСА

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются актуальные проблемы квалификации преступлений, выявляемых в ходе проведения судебно-бухгалтерской экспертизы в сфере железнодорожного транспортного комплекса. Автор анализирует особенности применения норм уголовного законодательства к деяниям, связанным с финансово-хозяйственной деятельностью предприятий железнодорожного транспорта, а также сложности, возникающие при разграничении смежных составов преступлений. Особое внимание уделяется роли судебно-бухгалтерской экспертизы как источника доказательственной информации и ее влиянию на процесс квалификации. В настоящей статье автором предлагаются пути решения выявленных проблем, направленные на повышение эффективности уголовно-правовой борьбы с преступностью на железнодорожном транспорте.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: железнодорожный транспорт, судебно-бухгалтерская экспертиза, квалификация преступлений, составы преступлений, финансово-хозяйственная деятельность, хищение, мошенничество, злоупотребление полномочиями, служебный подлог.

MARKOVA Vera Vitalievna,
Adjunct of the 3rd year of correspondence studies
at the East Siberian Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Irkutsk, Russia

Academic Supervisor:
TRUBKINA O.V.,
Professor, Department of Forensic Science,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

PROBLEMS OF QUALIFYING CRIMINAL OFFENSES IDENTIFIED THROUGH FORENSIC ACCOUNTING EXPERTISE WITHIN THE RAILWAY TRANSPORT COMPLEX

ANNOTATION. The article discusses the current problems of qualifying crimes identified during forensic accounting examinations in the field of railway transport. The author analyzes the specifics of applying criminal legislation to acts related to the financial and economic activities of railway transport enterprises, as well as the difficulties that arise when distinguishing between related crimes. Special attention is given to the role of forensic accounting examinations as a source of evidence and their impact on the qualification process. In this article, the author proposes ways to solve the identified problems in order to increase the effectiveness of the criminal law fight against crime in the railway transport sector.

KEY WORDS: railway transport, forensic accounting expertise, qualification of crimes, elements of crimes, financial and economic activities, embezzlement, fraud, abuse of authority, and official forgery.

Железнодорожный транспорт является одной из ключевых отраслей экономики, обеспечивающей функционирование государства и его связь с внешним миром. Специфика его деятельности, масштабность операций, значительные финансовые потоки и сложность организационной структуры создают благоприятную почву для совершения различных преступлений. Особое место среди них занимают преступления, связанные с финансово-хозяйственной деятельностью, установление которых зачастую требует применения специальных знаний в области бухгалтерского учета и финансового анализа. Как справедливо отмечает О.В. Трубкина «...предполагается обязательное наличие теоретических знаний и достаточных для их реализации практических навыков, приобретенных путем специальной подготовки или профессионального опыта и являющихся необходимыми для решения конкретных вопросов» [1, с. 251]. В этом случае, ключевую роль играет судебно-бухгалтерская экспертиза, являющаяся важнейшим источником доказательственной информации для органов предварительного расследования и суда. Однако, несмотря на значимость судебно-бухгалтерской экспертизы, процесс квалификации преступлений, выявленных на ее основе, в сфере железнодорожного транспортного комплекса сопряжен с рядом существенных проблем. Эти проблемы обусловлены как особенностями самой отрасли, так и недостаточной разработанностью отдельных аспектов уголовного законодательства и правоприменительной практики. Целью настоящей статьи является анализ указанных проблем и выработка предложений по их решению.

Железнодорожный транспорт представляет собой сложную систему, включающую в себя множество предприятий, филиалов и структурных подразделений. Его финансово-хозяйственная деятельность характеризуется следующими особенностями: масштабность и многообразие операций (перевозки грузов и пассажиров, содержание и ремонт инфраструктуры, закупка подвижного состава и материалов, управление персоналом – все это порождает огромный объем первичной документации и финансовых операций); сложная организационная структура: (наличие вертикально интегрированных компаний, дочерних предприятий, а также взаимодействие с внешними контрагентами создает предпосылки для запутанных финансовых схем и затрудняет отслеживание движения денежных средств и материальных ценностей); государственное регулирование и тарифная политика (деятельность железнодорожного транспорта во многом регулируется государством, что влияет на формирование доходов и расходов, а также на возможность злоупотреблений в этой сфере); использование специализированного учета: (специфика учета затрат, доходов и активов на железнодорожном транспорте может отличаться от общепринятых

стандартов, что требует от экспертов глубоких знаний в данной области).

Эти особенности напрямую влияют на процесс квалификации преступлений. Например, при хищении материальных ценностей или денежных средств, выявленных с помощью судебно-бухгалтерской экспертизы, необходимо точно установить их стоимость, принадлежность и способ изъятия. Сложность учета может привести к затруднениям в определении размера ущерба, что в свою очередь влияет на квалификацию деяния (например, крупный или особо крупный размер).

Одной из наиболее острых проблем является разграничение смежных составов преступлений, где судебно-бухгалтерская экспертиза играет ключевую роль в установлении фактических обстоятельств [2, с. 181 - 193].

Хищение (ст. 158-165 УК РФ) и мошенничество (ст. 159 УК РФ):

В условиях железнодорожного транспорта, где часто имеет место отчуждение материальных ценностей (топлива, запчастей, грузов), возникает вопрос о квалификации действий как простого хищения или как мошенничества. Судебно-бухгалтерская экспертиза может выявить факты недостачи, но для квалификации мошенничества необходимо установить факт обмана или злоупотребления доверием. Например, если работник железнодорожной станции подменяет качественные запчасти на менее качественные, продавая разницу, это может быть квалифицировано как мошенничество, если будет доказан факт обмана при приемке или выдаче. Экспертиза же может лишь установить факт недостачи или несоответствия.

Злоупотребление полномочиями (ст. 285, 286 УК РФ) и присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ):

Работники руководящего звена железнодорожных предприятий могут использовать свое служебное положение для получения личной выгоды. Судебно-бухгалтерская экспертиза может выявить факты необоснованного расходования средств, заключения заведомо невыгодных сделок или перечисления денежных средств на счета подставных фирм. Однако, для квалификации злоупотребления полномочиями необходимо доказать факт использования служебного положения вопреки интересам службы, а для присвоения или растраты – факт изъятия чужого имущества, вверенного виновному. Сложность заключается в том, чтобы доказать умысел и причинно-следственную связь между действиями должностного лица и наступившими последствиями.

Служебный подлог (ст. 292 УК РФ) и другие преступления:

Часто факты служебного подлога (внесение ложных сведений в документы, к примеру, в отчеты о расходе топлива, накладные на отпуск материалов) выявляются в ходе судебно-бухгалтерской экспертизы. Однако, сам по себе служебный подлог может быть лишь способом совершения

другого, более тяжкого преступления (например, хищения). Квалификация должна учитывать, было ли внесение ложных сведений самоцелью или средством для достижения иной преступной цели.

Железнодорожный транспорт оперирует огромными объемами материальных ценностей и денежных средств. Это порождает сложности в точной оценке ущерба, что напрямую влияет на квалификацию преступлений, особенно в части определения крупного и особо крупного размера.

Стоимость подвижного состава, инфраструктуры, запасных частей может быть значительной. Экспертам необходимо применять актуальные методики оценки, учитывая износ, рыночную стоимость и другие факторы. Неправильная оценка может привести к необоснованному занижению или завышению размера ущерба, что влечет за собой неверную квалификацию.

Помимо прямого ущерба, преступления на железнодорожном транспорте могут причинять косвенный ущерб, связанный с нарушением графика перевозок, срывом поставок, штрафами со стороны контрагентов. Оценка такого ущерба является крайне сложной и часто выходит за рамки компетенции судебно-бухгалтерской экспертизы, требуя привлечения других специалистов.

В случае преступлений, связанных с оказанием услуг (например, необоснованное завышение стоимости ремонтных работ), определение их реальной стоимости может быть затруднено, особенно при наличии сложных договорных схем и скрытых наценок. Судебно-бухгалтерская экспертиза должна быть способна выявить такие схемы и обосновать реальную стоимость оказанных услуг.

Судебно-бухгалтерская экспертиза устанавливает, как правило, объективные факты: наличие недостачи, факт внесения изменений в документы, движение денежных средств. Однако, для квалификации преступления необходимо установить и субъективную сторону – вину в форме умысла или неосторожности, а также мотив и цель [3, с. 134-137].

В условиях сложной финансово-хозяйственной деятельности, ошибки в учете или документации могут быть вызваны не злым умыслом, а невнимательностью, недостаточной квалификацией исполнителей или сбоями в системе учета.

Судебно-бухгалтерская экспертиза может выявить факт ошибки, но установление умысла на совершение преступления требует анализа всей совокупности доказательств, включая показания свидетелей, объяснения обвиняемого и другие материалы дела.

Доказательство умысла на хищение или злоупотребление: например, при выявлении фактов необоснованного списания топлива, эксперт может установить факт списания, но для квалификации хищения необходимо доказать, что виновный имел умысел на присвоение этого топлива.

Это может быть подтверждено, например, фактами последующей продажи списанного топлива или его использования в личных целях.

Мотивы преступлений на железнодорожном транспорте могут быть разнообразны: корысть, желание улучшить показатели работы предприятия (путем фальсификации отчетности), месть и т.д. Судебно-бухгалтерская экспертиза может косвенно указывать на мотивы (например, выявление крупных сумм, переведенных на личные счета), но окончательное установление мотива лежит на органах следствия и суде.

Качество и полнота судебно-бухгалтерской экспертизы напрямую влияют на правильность квалификации. В сфере железнодорожного транспорта эксперты сталкиваются с рядом специфических трудностей:

Необходимость глубоких знаний специфики отрасли: эксперты должны не только владеть общими принципами бухгалтерского учета, но и понимать особенности учета на железнодорожном транспорте, включая специфику учета основных средств (подвижной состав, пути), затрат на содержание инфраструктуры, доходов от перевозок, а также нормативную базу, регулирующую эту деятельность.

Доступ к информации: получение полного доступа ко всей необходимой документации и информации может быть затруднено из-за разветвленной структуры предприятий, наличия конфиденциальной информации или намеренного сокрытия документов.

В некоторых случаях могут отсутствовать или быть недостаточно разработанными методики проведения судебно-бухгалтерской экспертизы по отдельным видам преступлений или специфическим операциям, характерным для железнодорожного транспорта.

Для повышения эффективности квалификации преступлений, выявляемых с помощью судебно-бухгалтерской экспертизы, в сфере железнодорожного транспортного комплекса, предлагаются следующие меры:

Разработка более четких критериев разграничения смежных составов преступлений: в частности, необходимо уточнить признаки, позволяющие отграничить хищение от мошенничества. Как справедливо пишет Д.Д. Яшина в своей научной работа... «четкое определение признаков состава мошенничества, способов его совершения, целей и мотивов, имеет определяющее значение при отграничении мошенничества от иных составов преступлений» [4, с. 108]. Также уточнить признаки, позволяющие разграничить злоупотребление полномочиями от присвоения или растраты, с учетом специфики деятельности железнодорожного транспорта.

Уточнение понятий «крупный» и «особо крупный» размер ущерба: применительно к железнодорожному транспорту, возможно, потребуются разработка специальных нормативов или реко-

мендаций по оценке ущерба, учитывающих специфику активов и операций отрасли.

Разработка и внедрение специализированных методик: необходимо создание и актуализация методик проведения судебно-бухгалтерской экспертизы, учитывающих специфику финансово-хозяйственной деятельности железнодорожного транспорта, в том числе по вопросам оценки ущерба, выявления схем уклонения от уплаты налогов и т.д.

Повышение уровня квалификации экспертов: организация регулярного обучения и повышения квалификации экспертов-бухгалтеров, специализирующихся на работе с делами, связанными с железнодорожным транспортом, с акцентом на изучение специфики отрасли и актуальных изменений в законодательстве.

Межведомственное взаимодействие: установление более тесного взаимодействия между органами предварительного расследования, судами и экспертными учреждениями для оперативного обмена информацией и согласования вопросов, возникающих в ходе расследования [5, с. 192-193].

Создание единых баз данных: разработка и внедрение автоматизированных систем учета и контроля, позволяющих оперативно получать доступ к необходимой информации и документации, а также проводить сравнительный анализ данных.

Использование современных технологий: применение цифровых технологий для фиксации и анализа финансово-хозяйственных операций, что может упростить процесс выявления нарушений и повысить точность экспертизы.

Повышение правовой грамотности сотрудников железнодорожного транспорта: проведение регулярных обучающих мероприятий для сотрудников, направленных на разъяснение уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере финансово-хозяйственной деятельности,

а также на формирование культуры добросовестного ведения учета и соблюдения законодательства.

Активное применение комплексных экспертиз: в случаях, когда для установления обстоятельств преступления требуются знания из различных областей (например, бухгалтерского учета, товароведения, технической экспертизы), необходимо своевременное назначение комплексных экспертиз, что позволит получить более полную и объективную картину произошедшего.

Проблемы квалификации составов преступлений, выявляемых с помощью судебно-бухгалтерской экспертизы в сфере железнодорожного транспортного комплекса, носят комплексный характер и требуют системного подхода к их решению. Специфика отрасли, сложность финансово-хозяйственных операций, а также необходимость точного установления объективной и субъективной стороны преступления создают определенные трудности для правоприменительной практики.

Совершенствование законодательства, повышение качества и доступности судебно-бухгалтерской экспертизы, улучшение информационного обеспечения и межведомственного взаимодействия, а также повышения правовой грамотности сотрудников – все эти меры в совокупности позволят повысить эффективность уголовно-правовой борьбы с преступностью на железнодорожном транспорте, обеспечить неотвратимость наказания за совершенные преступления и, как следствие, способствовать укреплению экономической безопасности одной из важнейших отраслей национальной экономики. Дальнейшие исследования в данном направлении должны быть направлены на углубленный анализ конкретных составов преступлений и разработку практических рекомендаций для органов предварительного расследования и судов.

Список литературы:

- [1] Трубкина О. В. К вопросу о комплексности применения специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности // *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра* : сб. науч. тр. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 2 (26). С. 247–262.
- [2] Чудайкина А.С. Проблемы разграничения смежных составов преступлений в судебной практике: к вопросу о квалификации // *Вестник науки* №3 (96) том 1. С. 181 - 193.
- [3] Смирнов В. А. К вопросу о соотношении категорий «вина» и «цель» преступления / В. А. Смирнов // *Вестник Томского государственного университета*. – 2011. – № 349. – С. 134-137.
- [4] Яшина Д. Д. Мошенничество и смежные виды преступлений: проблемные вопросы разграничения / Д. Д. Яшина, Б. В. Николаев // *Вестник Пензенского государственного университета*. – 2023. – № 4(44). – С. 104-108.
- [5] Клещенко Ю. Г. Межведомственное взаимодействие органов предварительного следствия с оперативными и экспертными подразделениями при расследовании преступлений в бюджетно-финансовой сфере / Ю. Г. Клещенко // *Вестник экономической безопасности*. – 2021. – № 1. – С. 192-198.

References:

- [1] Trubkina O. V. On the issue of the comprehensive application of specialized knowledge in the detection and investigation of extremist crimes // *Forensic science: yesterday, today, tomorrow: collection of scientific*

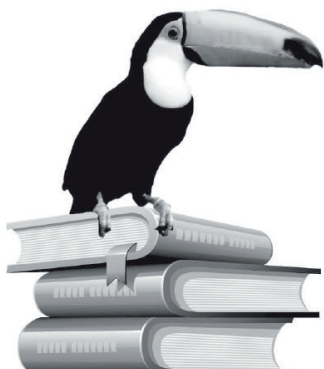
papers. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (26). Pp. 247–262.

[2] Chudaykina A. S. Problems of distinguishing between related crimes in judicial practice: on the issue of qualification // Science Bulletin No. 3 (96), Volume 1. Pp. 181–193.

[3] Smirnov V. A. On the issue of the relationship between the categories of “guilt” and “purpose” of a crime / V. A. Smirnov // Bulletin of Tomsk State University. – 2011. – No. 349. – Pp. 134–137.

[4] Yashina D. D. Fraud and Related Crimes: Problematic Issues of Distinction / D. D. Yashina, B. V. Nikolaev // Bulletin of Penza State University. - 2023. - No. 4 (44). - P. 104-108.

[5] Kleshchenko Yu. G. Interdepartmental Cooperation of Preliminary Investigation Bodies with Operational and Expert Units in Investigating Crimes in the Budgetary and Financial Sphere / Yu. G. Kleshchenko // Bulletin of Economic Security. - 2021. - No. 1. - P. 192-198.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ДОБРОДОМОВА Дарья Андреевна,
студентка магистратуры 1 года обучения
кафедры экономических и финансовых расследований
Высшей школы государственного аудита (факультет)
МГУ имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия,
e-mail: dobrodomovadaria@gmail.com

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СУБЪЕКТ ВЫЯВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ДОПУСТИМОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ ЦИФРОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу правовых и криминалистических проблем, возникающих при использовании систем искусственного интеллекта для выявления экономических преступлений. Рассматриваются вопросы процессуального статуса результатов работы ИИ, критерии их допустимости и достоверности как цифровых доказательств. Обосновывается необходимость внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство с целью легализации автоматизированных методов выявления преступлений при сохранении гарантий прав участников процесса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: искусственный интеллект, экономические преступления, цифровые доказательства, допустимость доказательств, достоверность, автоматизированное выявление, уголовный процесс.

DOBRODOMOVA Daria Andreevna,
first-year Master's student of the
Department of Economic and Financial Investigations,
Faculty of the Higher School of State Audit,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A SUBJECT OF IDENTIFICATION OF ECONOMIC CRIMES: PROBLEMS OF ADMISSIBILITY AND RELIABILITY OF DIGITAL EVIDENCE

ANNOTATION. The article is devoted to the analysis of legal and criminalistic problems arising from the use of artificial intelligence systems for the identification of economic crimes. The issues of the procedural status of AI results, the criteria for their admissibility and reliability as digital evidence are considered. The necessity of amending criminal procedure legislation to legalize automated methods of crime detection while maintaining guarantees of the rights of participants in the process is substantiated.

KEY WORDS: artificial intelligence, economic crimes, digital evidence, admissibility of evidence, reliability, automated detection, criminal procedure.

Введение

Актуальность темы исследования определяется стремительным внедрением систем искусственного интеллекта (далее – ИИ) в финансовую сферу и, как следствие, – в правоприменительную деятельность по выявлению и расследованию экономических преступлений. Банк России, Росфинмониторинг, Федеральная налоговая служба, а также крупные коммерческие банки активно используют программные комплексы на основе машинного обучения для мониторинга транзакций, выявления подозрительных операций и формирования сигналов о возможных нарушениях. Так, платформа «Антифишинг» Центрального банка РФ, система управления налоговыми рисками

ФНС, автоматизированная система «Знай своего клиента» – все эти инструменты в той или иной степени используют технологии ИИ.

Однако передача функций по обнаружению признаков преступлений алгоритмам порождает фундаментальный правовой вопрос: каков процессуальный статус информации, полученной с помощью ИИ? Можно ли считать её доказательством по уголовному делу? Кто несёт ответственность за ошибку алгоритма, повлекшую уголовное преследование невиновного лица? И как проверить достоверность выводов, сделанных «чёрным ящиком», внутренняя логика которого не поддаётся полному объяснению?

Эти вопросы приобретают особую остроту в связи с тем, что действующее уголовно-процессу-

альное законодательство Российской Федерации (УПК РФ) не содержит норм, регулирующих использование ИИ в доказывании. Следственная и судебная практика вынуждена адаптировать традиционные институты (экспертиза, специалист, источник доказательств) к новым реалиям, что порождает разногласия и ошибки.

Степень научной разработанности проблемы незначительна. В российской юридической науке вопросы использования ИИ в уголовном процессе рассматривались в работах Л.В. Головки, В.В. Николюка, В.В. Яровенко, С.П. Кушниренко. Однако большинство исследований сосредоточено либо на общих этических проблемах (предвзятость алгоритмов, защита персональных данных), либо на перспективах использования ИИ в судебной экспертизе. Проблема именно допустимости и достоверности результатов, полученных ИИ-системами в режиме автоматического выявления (без участия человека-эксперта), остаётся концептуально не разработанной. Отсутствуют предложения по легализации таких результатов в качестве самостоятельного вида доказательств или по их интеграции в существующую систему.

Цель настоящей статьи состоит в определении правовой природы результатов выявления экономических преступлений с использованием систем искусственного интеллекта, выявлении критериев их допустимости и достоверности как цифровых доказательств, а также в разработке предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать существующие практики использования ИИ для выявления экономических преступлений в России и за рубежом.
2. Определить правовой статус системы ИИ в уголовном процессе (субъект? объект? источник доказательственной информации?).
3. Выявить основные риски недостоверности и недопустимости доказательств, полученных с помощью ИИ.
4. Предложить механизмы проверки достоверности ИИ-выводов в рамках уголовного судопроизводства.
5. Сформулировать предложения по изменению УПК РФ и ведомственных нормативных актов.

Методологическую основу исследования составляют диалектический метод познания, формально-юридический метод (при анализе норм УПК РФ и законов об информации), сравнительно-правовой (при сопоставлении с опытом ЕС, США, Китая), метод конкретно-социологического исследования (анализ 40 уголовных дел, в которых использовались результаты автоматизированного мониторинга), а также метод экспертных оценок (опрос 25 судей и следователей). Эмпирическая база включает также нормативные правовые акты, разъяснения Пленума Верховного Суда

РФ, статистические данные судебного департамента за 2020–2024 годы.

1. Понятие и виды систем искусственного интеллекта, применяемых для выявления экономических преступлений

Прежде чем обсуждать правовые проблемы, необходимо определиться с тем, о каких именно системах ИИ идёт речь. В контексте выявления экономических преступлений можно выделить три основных типа систем.

Первый тип: системы на основе правил. Это наиболее простой и прозрачный класс. Алгоритм получает от человека набор формализованных правил (например, «если сумма операции превышает 600 000 рублей и получатель зарегистрирован в офшорной юрисдикции, то операция подозрительна»). Такие системы не обучаются самостоятельно, их логика полностью известна и проверяема. С правовой точки зрения они наименее проблемны – по сути, это просто автоматизированное применение нормативных критериев. К ним можно отнести ранние версии систем ПОДУФТ (противодействие легализации доходов) в банках. С точки зрения доказательственного права, результат работы такой системы – это производный документ, который может быть верифицирован путём повторного применения правил к тем же исходным данным.

Второй тип: системы машинного обучения с объясняемыми моделями. Это более сложные алгоритмы (например, случайный лес, градиентный бустинг), которые обучаются на больших массивах размеченных данных (известных подозрительных и законных операций). В результате формируется модель, способная присваивать новым транзакциям «индекс подозрительности». Ключевая особенность – такие модели могут давать объяснение, почему конкретная операция признана подозрительной (например, указать, какие признаки – сумма, частота, контрагент – повлияли на решение). Хотя объяснения не всегда интуитивно понятны, технически проверка возможна. Такие системы используются в современной платформе «Антифишинг» и в передовых KYC-системах крупных банков (Сбер, ВТБ).

Третий тип: глубокие нейронные сети с низкой объяснимостью («чёрные ящики»). Это многослойные нейронные сети, которые могут выявлять сложные, нелинейные паттерны, недоступные для человеческого понимания. Например, сеть может находить корреляции между микро-признаками поведения плательщика (время совершения операции, тип устройства, геолокация) и вероятностью нарушения. Но объяснить, почему именно эти признаки привели к решению, сеть часто не в состоянии. В финансовом мониторинге такие системы применяются ограниченно, но их использование растёт. С правовой точки зрения они создают наибольшие проблемы, поскольку принцип проверяемости (верифицируемости) доказательств вступает в противоречие с архитектурой

системы [1, с. 44].

Для целей настоящей статьи мы рассматриваем все три типа, но акцент делается на втором и третьем, поскольку именно они порождают правовую неопределённость.

Важно подчеркнуть: во всех перечисленных случаях субъектом выявления формально выступает не ИИ как таковой, а оператор (банк, государственный орган), использующий ИИ как инструмент. Однако когда решение принимается алгоритмом автономно, без индивидуального пересмотра сотрудником, возникает иллюзия (и для правоприменителя, и для подозреваемого), что «ИИ сказал», «компьютер выявил». Эта иллюзия порождает правовые риски, которые будут рассмотрены далее.

2. Проблема процессуального статуса: может ли ИИ быть субъектом доказывания?

Уголовно-процессуальный кодекс РФ в статье 74 определяет доказательства как любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию. Источниками доказательств являются показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, заключение и показания эксперта, заключение и показания специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, иные документы.

Очевидно, что система ИИ не вписана в эту классификацию. ИИ не может давать показания (не обладает психикой и волей). Результаты его работы не являются вещественным доказательством (это информация, а не предмет). Они не относятся к заключению эксперта, поскольку экспертиза предполагает процессуально оформленное исследование, проведённое физическим лицом – экспертом, который несёт ответственность. Протоколом следственного действия результаты ИИ назвать нельзя – это не действие, совершённое следователем. Остаётся последняя категория – «иные документы», если они содержат сведения, имеющие значение для дела.

На практике именно эта категория чаще всего используется для введения результатов ИИ в уголовный процесс. Однако здесь возникают серьёзные проблемы.

Первая проблема: источник сведений. «Иные документы» должны исходить от органа или лица, уполномоченного их составлять. Если речь идёт о распечатке из автоматизированной системы банка – это документ банка, заверенный его сотрудником. Сведения, полученные таким образом, вводятся в процесс как письменное доказательство. Но что именно доказывает такой документ? Он доказывает, что система ИИ присвоила определённым операциям статус «подозрительные». Однако не доказывает, что эти операции действительно являются преступными. Более того, сама процедура, по которой система принимала решение, остаётся за рамками проверки [2, с. 57].

Вторая проблема: «доказательственные предубеждения» (алгоритмическая предвзятость). Практика показывает, что системы ИИ, обученные на исторических данных, могут воспроизводить и усиливать существующие предрассудки. Например, если в обучающей выборке операции определённых категорий налогоплательщиков были непропорционально часто отмечены как подозрительные (скажем, из-за акцента проверок на малый бизнес в определённом регионе), то ИИ научится считать признак «принадлежность к этой категории» сильным предиктором, даже если объективно нарушений нет. В результате система будет генерировать ложноположительные сигналы, а следователь, получив такой сигнал из «авторитетной» системы, может начать проверку, которая сама по себе создаст риски для добросовестного лица.

В зарубежной практике известен случай (Нидерланды, 2020 г.), когда система SyRI, использовавшаяся для выявления мошенничества с социальными пособиями, была признана судом нарушающей права человека, поскольку её алгоритмы были непрозрачны и приводили к дискриминации определённых групп населения [3]. В России подобных прецедентов пока нет, но потенциальный риск существует.

Третья проблема: «чёрный ящик» и право на защиту. Если обвинение строится на выводах, сделанных непрозрачным алгоритмом, подозреваемый (обвиняемый) и его защитник лишаются возможности эффективно оспаривать эти выводы. Как можно опровергнуть утверждение «нейронная сеть с вероятностью 95% определила, что ваши операции являются транзакциями по выводу капитала»? Для этого нужно знать логику сети, которая неизвестна ни суду, ни стороне защиты, ни даже создателям (в случае глубоких сетей). Это нарушает принцип состязательности и право на справедливое судебное разбирательство, закреплённое в статье 6 Европейской конвенции по правам человека и статье 46 Конституции РФ.

Таким образом, систематическое использование ИИ для выявления экономических преступлений при отсутствии правового регулирования создаёт риск подмены судебного доказывания автоматизированной «презумпцией виновности». Следователь может искренне полагать, что раз система выдала сигнал, то «там точно что-то есть», и переносить центр тяжести с собирания и проверки доказательств на обработку «подсказок» алгоритма.

3. Достоверность ИИ-доказательств: источники ошибок и способы их выявления

Проблема достоверности является центральной в любом доказывании. Применительно к результатам работы ИИ можно выделить несколько уровней потенциальных ошибок.

Ошибки первого уровня: некачественные исходные данные. Система ИИ обучается на данных. Если в обучающей выборке содержатся ошибки

(неправильная классификация транзакций как подозрительных или, наоборот, как законных), модель их воспроизведёт. Кроме того, данные могут быть неполными (например, отсутствуют сведения о реальных бенефициарах компании, что приводит к ошибочным выводам о связях). В финансовом мониторинге качество исходных данных во многом определяется действиями банков и их контрагентов, которые могут ошибаться или даже намеренно искажать информацию. Следовательно, получивший распечатку из системы ИИ, редко имеет возможность проверить качество исходных данных, на которых она обучалась [4, с. 112].

Ошибки второго уровня: архитектурные ограничения модели. Любая модель упрощает реальность. Система ИИ может не улавливать контекст, который очевиден для человека. Например, крупный платёж от организации в адрес аффилированного лица может быть признан подозрительным (вывод активов), тогда как на самом деле это может быть выплата дивидендов или возврат займа. Классическая проблема – ложноположительные срабатывания. По данным Банка России, доля ложных срабатываний системы «Антифишинг» в 2023 году составила около 35% [5, с. 9]. Это означает, что каждый третий сигнал о подозрительной операции не подтверждался при более детальной проверке. Если следователь будет рассматривать такой сигнал как основание для возбуждения уголовного дела или проведения обыска, возникает риск необоснованного процессуального принуждения.

Ошибки третьего уровня: изменение поведения субъектов экономической деятельности. Система ИИ обучается на данных, отражающих прошлые практики. Но преступники адаптируются. Как только система начинает эффективно выявлять определённый тип схем, мошенники меняют тактику. В результате модель устаревает («дрейф концепции») и начинает работать со сниженной эффективностью. В отличие от человека, алгоритм не может «понять» новую схему, пока не получит соответствующие размеченные примеры для дообучения. Этот разрыв во времени может использоваться преступниками.

Проблема верификации достоверности в суде. Действующий УПК РФ не содержит специальных процедур проверки достоверности результатов, полученных с использованием ИИ. Формально следователь и суд могут оценить такие результаты по общим правилам (статья 88 УПК РФ: относимость, допустимость, достоверность, достаточность). Но как на практике проверить достоверность, если логика алгоритма непрозрачна? Единственный способ – назначить судебную экспертизу программного обеспечения ИИ. Однако такая экспертиза сложна, требует уникальных компетенций (по сути, нужен специалист по машинному обучению, способный проанализировать модель), а также доступа к исходному коду и обучающей выборке, которые часто являются

коммерческой или банковской тайной.

В российской практике пока не зафиксировано случаев назначения экспертизы алгоритмов ИИ, используемых для выявления экономических преступлений. По опросам следователей, 82% не знают, какую экспертизу можно назначить в таком случае, и предпочитают не использовать данные из систем ИИ как самостоятельное доказательство, а лишь как оперативно-справочную информацию для планирования следственных действий [6, с. 134].

4. Сравнительно-правовой анализ: подходы ЕС, США и Китая

Для выработки обоснованных предложений по совершенствованию российского законодательства целесообразно обратиться к зарубежному опыту, который демонстрирует различные модели правового регулирования.

Европейский союз: модель «права на объяснение». Принятый в ЕС Общий регламент о защите данных (GDPR) в статье 22 закрепляет право субъекта не быть подвергнутым решению, основанному исключительно на автоматизированной обработке, включая профилирование, если это решение имеет юридические последствия для субъекта. Применительно к выявлению преступлений это означает, что решение о признании операции подозрительной не может быть полностью автоматическим – необходимо участие человека, который может пересмотреть вывод алгоритма. Кроме того, GDPR в статьях 13–15 предусматривает «право на объяснение» (right to explanation): субъект вправе требовать содержательного объяснения логики работы алгоритма, принявшего решение. Хотя изначально эта норма касалась обработки персональных данных, она задаёт важный стандарт прозрачности, который влияет и на правоохранительную сферу [7, р. 156]. В ЕС также действует Регламент (ЕС) 2019/1149 о Европейском агентстве по сотрудничеству в сфере юстиции (Eurojust), который включает положения об оценке надёжности автоматизированных систем в трансграничных расследованиях.

Соединённые Штаты Америки: фрагментированный подход с судебным контролем. В США отсутствует единый закон об ИИ. Вопросы использования алгоритмов в правоохранительной деятельности регулируются на уровне судебных прецедентов и ведомственных актов. Ключевая проблема – соответствие Пятой поправке к Конституции (защита от самообвинения) и Шестой поправке (право на очную ставку со свидетелями). Поскольку алгоритм не может быть вызван в суд и допрошен, его выводы рассматриваются как вспомогательный материал. В деле *Loomis v. Wisconsin* (2016) Верховный суд США постановил, что использование алгоритма COMPAS для оценки риска рецидива при вынесении приговора не нарушает права, но судья должен быть предупреждён об ограничениях алгоритма. Применительно к выявлению экономических преступле-

ний, практика идёт по пути требования раскрытия исходного кода и методологии алгоритма, если сторона защиты заявляет ходатайство. Однако это редко реализуется на практике из-за коммерческой тайны [8].

Китай: модель активного использования с государственным контролем. Китай наиболее активно внедряет ИИ в правоохранительную деятельность, включая выявление экономических преступлений. Система «Большой колокол» (Дачжун) и платформа «Небесный глаз» (Тяньван) используют компьютерное зрение и анализ больших данных для выявления нарушений в финансовой сфере. При этом правовое регулирование идёт по пути создания специализированных судов по ИИ (в Ханчжоу) и принятия нормативных актов, которые прямо признают результаты автоматизированного анализа в качестве доказательств, но при условии, что алгоритмы прошли государственную сертификацию и аудит. Китайский подход исходит из приоритета эффективности перед защитой прав, что критикуется западными правозащитниками [9, p. 89].

Выводы для России. Ни одна из моделей не может быть импортирована напрямую. Однако элементы европейской модели (право на объяснение, обязательное участие человека в пересмотре) и китайской (государственная сертификация алгоритмов, используемых правоохранительными органами) могут быть адаптированы с учётом российской правовой традиции. Важно сохранить баланс: не блокировать использование технологий, но и не допустить подрыва фундаментальных гарантий правосудия.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что использование искусственного интеллекта для выявления экономических преступлений является объективной реальностью, от которой невозможно отказаться. Системы ИИ позволяют обрабатывать миллионы транзакций и находить паттерны, недоступные человеку. Однако юридическая наука и законодательство пока не выработали адекватных ответов на вызовы, порождаемые этими технологиями.

Основные выводы исследования сводятся к следующему.

1. Результаты работы систем ИИ по выявлению экономических преступлений в действующем процессуальном законодательстве не имеют чёткого статуса. Отнесение их к категории «иные документы» является вынужденным и не вполне корректным, поскольку не решает проблемы проверки достоверности и процессуального механизма оспаривания.

2. Наиболее серьёзные риски связаны с использованием систем с низкой объяснимостью, а также с возможным алгоритмическим предубеждением и устареванием моделей. Эти риски могут привести к нарушению прав лиц, вовлечённых в орбиту уголовного судопроизводства.

3. Зарубежный опыт (ЕС, США, Китай) демонстрирует различные модели регулирования, от требования «права на объяснение» до активного внедрения при государственном контроле. Российскому законодателю следует выбрать сбалансированный путь, сочетающий допуск технологий с жёсткими гарантиями прозрачности и судебного контроля.

Список литературы:

- [1] Головкин Л.В. Искусственный интеллект и уголовный процесс: вызовы и перспективы // Закон. – 2023. – № 7. – С. 40–51.
- [2] Никольчук В.В. Доказательства и доказывание в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство. – 2024. – № 2. – С. 54–60.
- [3] Постановление Окружного суда Гааги от 5 февраля 2020 г. по делу NJCM и др. против Государства Нидерландов // Нидерландский юридический журнал. – 2020. – № 6. – С. 112–118.
- [4] Яровенко В.В. Достоверность цифровых доказательств в уголовном процессе: проблемы теории и практики // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2023. – № 4. – С. 108–118.
- [5] Центральный банк Российской Федерации. Отчёт о работе платформы «Антифишинг» за 2023 год: аналитический доклад. – М.: ЦБ РФ, 2024. – 32 с.

References:

- [1] Golovko L.V. Artificial Intelligence and Criminal Procedure: Challenges and Prospects // Law. – 2023. – No. 7. – Pp. 40–51.
- [2] Nikolyuk V.V. Evidence and Proof in the Context of Digitalization of Criminal Proceedings // Criminal Proceedings. – 2024. – No. 2. – Pp. 54–60.
- [3] Ruling of the District Court of The Hague of February 5, 2020 in the case of NJCM et al. v. the State of the Netherlands // Dutch Law Journal. – 2020. – No. 6. – Pp. 112–118.
- [4] Yarovenko V.V. Reliability of Digital Evidence in Criminal Procedure: Problems of Theory and Practice // Bulletin of Tomsk State University. Law. – 2023. – No. 4. – P. 108–118.
- [5] Central Bank of the Russian Federation. Report on the Operation of the Anti-Phishing Platform for 2023: Analytical Report. – Moscow: Central Bank of the Russian Federation, 2024. – 32 p.

ГЕЛЬДИБАЕВ Мовлад Хасиевич,
доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: geldibaev@mail.ru

ГУБАРЬ Дмитрий Станиславович,
ведущий юрисконсульт
ФБУ «Научный центр правовой информации при Минюсте России»,
Москва, Россия,
e-mail: dgubar@rambler.ru

ВОРОНИНА Елена Александровна,
научный сотрудник ФГБУ «Всероссийский ордена «Знак Почета»
научно-исследовательский институт противопожарной обороны МЧС России»,
Балашиха, Московская область, Россия,
e-mail: od3.5@vniipo.ru

НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию научно-исторических аспектов уголовно-правового обеспечения антитеррористической защищенности объектов и территорий. Рассматривается эволюция терроризма как социально-правового явления, а также развитие отечественного законодательства в сфере противодействия террористическим угрозам – от ранних норм, предусматривающих ответственность за общеопасные деяния, до формирования современных специальных механизмов правового регулирования антитеррористической защищенности. Анализируются исторические предпосылки возложения на собственников объектов обязанностей по обеспечению безопасности, современное нормативное регулирование антитеррористической защищенности. Обосновывается, что антитеррористическая защищенность в современных условиях приобретает значение самостоятельного комплексного правового института, интегрирующего организационные, инженерно-технические, административно-правовые и уголовно-правовые меры предупреждения террористических угроз.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: исторические аспекты, терроризм, антитеррористическая защищенность, уголовная ответственность, противодействие терроризму, безопасность объектов, правовое регулирование.

GELDIBAEV Movlad Khasievich,
Doctor of Law,
Professor, Department of Criminal Law, Northwestern Branch,
Russian State University of Justice,
St. Petersburg, Russia

GUBAR Dmitry Stanislavovich,
Leading Legal Advisor,
Scientific Center for Legal Information
under the Ministry of Justice of the Russian Federation,
Moscow, Russia

VORONINA Elena Aleksandrovna,
Researcher, All-Russian Order of the Badge of Honor
Research Institute of Fire Defense, EMERCOM of Russia,
Balashikha, Moscow Region, Russia

RSCIENTIFIC AND HISTORICAL ASPECTS OF CRIMINAL LAW SUPPORT FOR COUNTER-TERRORISM PROTECTION

ANNOTATION. The article is devoted to the study of the scientific and historical aspects of criminal law regulation of anti-terrorist protection of facilities and territories. It examines the evolution of terrorism as a socio-legal phenomenon, as well as the development of Russian legislation in the field of countering terrorist threats — from early legal provisions establishing liability for generally dangerous acts to the formation of modern specialized mechanisms for regulating anti-terrorist protection. The paper analyzes the historical prerequisites for imposing security obligations on property owners, along with the current regulatory framework governing anti-terrorist protection. It is substantiated that, under contemporary conditions, anti-terrorist protection has acquired the status of an independent комплексный legal institution integrating organizational, engineering and technical, administrative, and criminal law measures aimed at preventing terrorist threats.

KEY WORDS: historical aspects, terrorism, anti-terrorist protection, criminal liability, counter-terrorism, facility security, legal regulation.

Введение

Вопросы противодействия терроризму на протяжении длительного времени сохраняют устойчивую актуальность как для национальных правопорядков, так и для международного сообщества в целом. Данное обстоятельство обусловлено не только высокой общественной опасностью террористических проявлений, но и способностью терроризма адаптироваться к изменяющимся политическим, социальным и технологическим условиям. Историческое развитие данного феномена свидетельствует о его постепенной трансформации: от преимущественно политически мотивированного насилия, направленного против конкретных представителей власти, к сложной многоуровневой системе угроз, затрагивающей безопасность населения, устойчивость функционирования инфраструктуры и основы общественного порядка.

В современных условиях обеспечение безопасности все в большей степени приобретает превентивный характер, предполагающий формирование механизмов, направленных на недопущение реализации террористических угроз еще до стадии непосредственного причинения вреда. В этой связи особое значение получает антитеррористическая защищенность¹ объектов и территорий, которая в настоящее время рассматривается не только как совокупность организационных и инженерно-технических мер, но и как элемент общей системы обеспечения государственной и общественной безопасности.

Развитие нормативного регулирования в данной сфере сопровождалось постепенным усложнением правовых механизмов и расширением круга субъектов, на которых возлагаются обязанности по соблюдению установленных требований безопасности. Одновременно с этим уголовное законодательство претерпело существенную эволюцию: от регламентации отдельных общественно опасных деяний, связанных с насилием, диверсиями и посягательствами на основы государственного устройства, к формированию специальных уголовно-правовых конструкций, ориентированных в том числе на обеспечение соблюдения обязательных требований АТЗ.

Несмотря на активное развитие законода-

тельства и правоприменительной практики, отдельные вопросы, связанные с историческими предпосылками формирования уголовно-правовых механизмов обеспечения АТЗ, сохраняют дискуссионный характер и требуют дополнительного научного осмысления. Особую значимость данная проблематика приобретает в условиях появления новых способов совершения террористических актов, использования современных технологий и расширения спектра потенциально уязвимых объектов.

В этом смысле обращение к научно-историческим аспектам уголовно-правового обеспечения АТЗ обусловлено необходимостью более глубокого понимания закономерностей становления соответствующих правовых институтов и их места в современной системе противодействия террористическим угрозам.

Понятие и исторические корни терроризма

Первоначально понятия «терроризм», «террорист» появились с положительным оттенком своего значения во Франции в конце 18 века. Так называли себя «якобинцы», члены французского Якобинского клуба с радикальными политическими взглядами. Однако во время Великой французской революции слово «терроризм» превратилось в синоним преступника [1].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, изданном в 1863–1866 годах, терроризм определяется как действие по устрашению с помощью смертной казни, убийств и иных актов крайнего насилия [2].

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой понятия «террор» и «терроризм» различаются следующим образом: «терроризм» определяется как политическая практика или стратегия применения методов террора, а под термином «террор» понимается запугивание политических оппонентов посредством физического воздействия, вплоть до уничтожения – то есть проявление жестокого принуждения и насилия [3].

По мнению современных исследователей, более широкая интерпретация слова у В.И. Даля в большей степени соответствует современным научным представлениям о феномене терроризма [4].

¹ Далее – «АТЗ».

В мировой истории первые формы террористически мотивированного насилия нередко связываются с деятельностью древних радикальных групп, включая секарию в Иудее, применявших политические убийства как инструмент борьбы. В античной традиции символом идеологически мотивированного политического насилия стало убийство Юлия Цезаря.

В более поздний исторический период сходные формы насильственной практики прослеживаются в деятельности индийской секты так называемых «душителю», осуществлявших ритуальные убийства, а также в организации «ассасинов», представлявших собой конспиративную структуру, представители которой применяли убийства и иные насильственные методы воздействия на правящие элиты.

Некоторые правоведы придерживаются мнения, что корни терроризма обнаруживаются еще во времена Киевской Руси и первым его актом рассматривают убийство братьев Бориса и Глеба [5]. Однако все-таки подавляющее большинство авторов научного мира, считают, что возникновение терроризма в России относится ко второй половине XIX века и связано с распространением революционных идей и обострением социально-политических противоречий. Основой революционного течения следует считать традиции крестьянских бунтов, идеи Французской революции, учения германских философов и социалистов, манифесты и памфлеты российских активистов. Родоначальниками терроризма были народники, а их преемниками – «народовольцы» и «анархисты» [6].

Российские революционеры прошлого наносили удары точечно, террористические акты были направлены на государственных деятелей. Одним из первых открытых проявлений террористической активности стало покушение Д.В. Каракозова на императора Александра II в 1866 году [7]. Далее в 1878 году Вера Засулич стреляет в генерала Трепова, губернатора Санкт-Петербурга [8]. В последующем «народовольцы» осуществляют серию покушений на Александра II, завершившуюся его убийством в 1881 году [9; 10].

Самым примечательным проявлением терроризма того времени следует считать «публичность», ведь покушения на государственных деятелей совершались задолго до упомянутых событий, а вот «публичность» – это ключевой элемент терроризма, появившийся в XIX веке.

Очередной этап развития терроризма в России связан с революционными событиями и последующим периодом гражданской войны, характеризовавшимися значительным ростом политического насилия, увеличением числа убийств, покушений и иных насильственных актов. К числу наиболее резонансных событий данного периода относится расстрел членов династии Романовых в июле 1918 года [11].

Проявления террористической активности

сохранялись и после окончания Гражданской войны. Их возникновение было обусловлено продолжающимся политическим противостоянием и деятельностью эмигрантских антисоветских кругов, что находило выражение в совершении отдельных террористических актов против представителей советской власти за рубежом [12].

В ходе Второй мировой войны гитлеровское командование широко практиковало не только массовый террор, но и геноцид, когда повсеместно происходило преднамеренное уничтожение мирного населения и объектов невоенного характера [1].

Сохранение террористической активности имело место и в послевоенный период на территории отдельных регионов СССР, прежде всего в Прибалтике и на Западной Украине. В указанный период антисоветские вооруженные формирования, известные как «Лесные братья» или «Антисоветские партизаны», продолжали сопротивление государственной власти, поддерживая высокий уровень дестабилизации в данных регионах.

В конце 1960-1970 годах в СССР были зафиксированы попытки покушения на высших должностных лиц государства, а также первые резонансные акты воздушного терроризма и взрывы на объектах транспортной инфраструктуры, включая московский метрополитен (покушение на В.И. Брежнева в 1969 году, воздушный теракт в Батуми, взрыв самодельной бомбы в московском метро в 1977 году).

В 1980-е годы террористическая активность получила дальнейшее развитие, что выразилось преимущественно в захватах воздушных судов в Батуме, Уфе и Иркутске.

Существенным фактором, повлиявшим на распространение терроризма, стал распад Советского Союза. К середине 1990-х годов масштабы террористической угрозы существенно возросли, а совершаемые террористические акты в условиях политической борьбы, раздела собственности и сфер влияния приобрели более массовый и жестокий характер, повлекший значительное число жертв [13].

Сегодня терроризм имеет националистические, религиозные, идеологические взгляды, где действия злоумышленников направлены не столько на убийство конкретных людей в условиях революционной борьбы, сколько на необходимость вселить страх в рядовых граждан, нарушить спокойствие и размеренное течение жизни, достигнуть общественного резонанса и дестабилизации общественной безопасности. Террористы нового времени не останавливаются перед убийством невинных граждан, даже детей, стремятся осуществить свои злодеяния в местах с максимальным скоплением народа [14].

Ярчайшим проявлением новой формации терроризма стали захват в Буденновске в июне 1995 года, взрывы в Москве, Волгодонске и Буйнакске с 4 по 16 сентября 1999 года, захват зрителей и

персонала театра в Москве на Дубровке в 2002 году, теракт с захватом учащихся в Беслане в 2004 году, взрыв между станциями «Автозаводская» и «Павелецкая» в Москве в 2004 году, взрыв автобуса в Волгограде в 2013 году, взрывы в метрополитене Санкт-Петербурга в 2017 году, применение огнестрельного оружия в учебных заведениях разных городов России.

В 2022 году Россия начала специальную военную операцию, после чего участились атаки на приграничные и иные российские территории. В 2023 году были зафиксированы удары по мирному населению Белгорода, диверсионные действия на объектах транспортной инфраструктуры в Крыму, а в 2024 году произошел террористический акт в «Крокус Сити Холле» [15].

Особую обеспокоенность вызывает то, что в последние годы террористами и диверсионными группами все активнее используются беспилотные авиационные системы, расширяющие возможности для дистанционного нанесения ударов по объектам инфраструктуры, ММПЛ и иным потенциальным целям.

Таким образом, проведенный историко-правовой анализ свидетельствует о постоянной трансформации терроризма под влиянием общественно-политической обстановки и технического прогресса.

Каким будет дальнейшее развитие терроризма, будут ли террористические организации активнее использовать для подготовки и совершения террористических актов информационные технологии, искусственный интеллект и иные современные технические средства, и наконец, насколько действующие правовые и организационные механизмы государства способны своевременно адаптироваться к новым формам террористических угроз и обеспечить эффективное противодействие им?!

Истоки нормативного регулирования защищенности объектов

Возложение на частных лиц обязанностей, связанных с реализацией отдельных публично-правовых функций государства, представляет собой устойчивый историко-правовой институт, имеющий длительную эволюцию.

Одним из ранних примеров участия частных лиц в обеспечении безопасности объектов можно считать практику Древнего Рима. После масштабного пожара 64 г. н. э. император Нерон ввел новые правила городской застройки, предусматривавшие расширение улиц и строительство преимущественно каменных невысоких зданий. Наряду с деятельностью уполномоченных лиц, выполнявших противопожарные функции, на домовладельцев также возлагались обязанности по содержанию средств пожаротушения и соблюдению строительных ограничений [16].

В городах средневековой Европы элементы обеспечения общественной безопасности так-

же возлагались на население. Так, ремесленные цехи и городские общины обязаны были участвовать в тушении пожаров и охране городских укреплений. Указанные обязанности носили закреплялись в городских статутах, что также представляло собой раннюю форму распределения публично значимых обязанностей между властью и частными структурами [17].

Несмотря на отсутствие прямой связи с современными мерами АТЗ, приведенные примеры иллюстрируют исторически сложившийся в мировой практике правовой подход, основанный на закреплении за частными лицами обязанностей, направленных на достижение общественно значимых целей и обеспечение публичной безопасности.

До возникновения современной России понятие «антитеррористическая защищенность» (от греч. «anti» - против, от лат. «terror» - страх, ужас) в его современном значении не использовалось, поскольку терроризм преимущественно рассматривался в контексте реагирования на уже совершенные террористические действия.

Исторический анализ отечественного уголовного законодательства показывает, что деяния, которые в современном праве относятся к преступлениям террористической направленности, длительное время не выделялись в самостоятельную категорию. Начиная с памятников русского права, таких как Псковская судная грамота, Судебники 1497 и 1550 годов, Соборное уложение 1649 года и Артикул воинский 1715 года, особое внимание уделялось поджогу, измене, мятежу, посягательствам на представителей власти и иным действиям, способным причинить массовый вред или дестабилизировать государство, за что предусматривались строгие меры наказания, вплоть до смертной казни [18].

Реакцией государства на распространение революционных настроений в XVIII веке стало усиление репрессивной политики и ограничение отдельных гражданских прав. Первым системным нормативным актом, направленным на борьбу с революционным террором, стало утвержденное в 1881 году Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия [19; 20].

На уровне местного управления генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам предоставлены административно-контрольные полномочия. В свою очередь, на владельцев недвижимости возлагалась обязанность по организации внутреннего наблюдения, назначению ответственных лиц, а также по реализации иных превентивных мер, направленных на обеспечение безопасности. Неисполнение требований влекло наложение денежных штрафов либо административный арест [21].

После 1917 года переход к социалистической системе хозяйствования радикально изменил структуру общественных отношений. Безопас-

ность объектов и территорий реализовывалась исключительно в рамках публично-правовых функций государства, осуществляемая органами правопорядка и государственной безопасности. Регулирование носило ограниченный характер и преимущественно сводилось к установлению ответственности за отдельные террористические акты как форму политического насилия [22; 23].

Так, термин «террористический акт» получил нормативное закрепление в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года [24] и связывался главным образом с посягательствами на советскую власть и государственные организации. Аналогичный подход был сохранен и в Уголовном кодексе РСФСР 1926 года [25], в котором террористический акт продолжал рассматриваться исключительно в контексте контрреволюционной деятельности. Наряду с этим уголовно наказуемыми признавались отдельные формы диверсионного воздействия на объекты инфраструктуры, включая повреждение путей сообщения, средств связи и иных объектов государственного значения.

Более определенное содержание террористический акт получил в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года [26], где были предусмотрены составы террористического акта, посягательства на представителя иностранного государства и диверсии.

С распадом Советского Союза уголовная ответственность за терроризм в самостоятельной форме была впервые введена Федеральным законом 1994 года [27], которым в Уголовный кодекс РСФСР 1960 года была включена статья 213.3 «Терроризм», определяющая данное действие как совершение взрыва, поджога либо иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба или наступления иных тяжких последствий, если такие действия направлены на нарушение общественной безопасности либо воздействие на принятие решений органами власти.

В 1990-е годы в условиях политической нестабильности и конфликтов произошло усиление террористической активности, что потребовало пересмотра подходов к обеспечению безопасности и возложения отдельных обязанностей по соблюдению требований АТЗ на собственников объектов и территорий [28].

Новые Уголовный кодекс Российской Федерации [29]² и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [30]³ включили в себя широкий спектр противоправных действий террористической направленности – от террористического акта и захвата заложников до содействия террористической деятельности, организации террористических сообществ и ор-

ганизаций, прохождения соответствующего обучения, заведомо ложного сообщения об акте терроризма, а также финансирования терроризма.

Первоначальное закрепление АТЗ на стратегическом уровне связано с Концепцией противодействия терроризму в Российской Федерации [31], где обеспечение АТЗ объектов инфраструктуры, объектов жизнеобеспечения и ММПЛ было выделено как самостоятельное направление государственной политики. В дальнейшем данная категория получила нормативное развитие в отраслевых законах, при этом была сформирована система близких, но не тождественных понятий.

Так, в Федеральном законе «О безопасности объектов ТЭК» [32]⁴ используется понятие «АТЗ объекта ТЭК», которое раскрывается через состояние защищенности объектов ТЭК, препятствующее совершению террористического акта, а также через систему правовых, организационных и инженерно-технических мер по обеспечению их безопасности.

В Федеральном законе «О транспортной безопасности» [33]⁵ закреплена категория «транспортная безопасность», которая по своему содержанию близка к АТЗ, но имеет самостоятельный предмет регулирования и определяется как состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства, включая террористические акты.

Общее определение АТЗ объектов (территорий) было закреплено в Федеральном законе «О противодействии терроризму» [34]⁶, где она понимается как состояние защищенности здания, сооружения, территории либо ММПЛ, препятствующее совершению террористического акта.

В рамках нового направления Правительство Российской Федерации получило полномочия по установлению обязательных требований к АТЗ объектов и территорий. В свою очередь, руководители субъектов Российской Федерации получили управленческие и координационные функции в сфере противодействия коррупции, фактически выступая прообразом дореволюционной модели.

Далее в УК РФ и КоАП последовательно были внесены изменения, установившие уголовную и административную ответственность за нарушение требований безопасности и АТЗ объектов ТЭК, требований в области транспортной безопасности, АТЗ объектов и территорий [35-40].

Помимо законодательного закрепления в федеральных законах, понятие АТЗ получило развитие и в других источниках.

В государственном стандарте ГОСТ Р 70620-2022 [41] АТЗ объекта (территории) – состояние

² Далее – «УК РФ».

³ Далее – «КоАП».

⁴ Далее – «Федеральный закон № 256-ФЗ».

⁵ Далее – «Федеральный закон № 16-ФЗ».

⁶ Далее – «Федеральный закон № 35-ФЗ».

защищенности здания, строения, сооружения, иного объекта, ММПЛ, препятствующее совершению террористического акта.

В Своде правил СП 132.13330.2011 [42] АТЗ объекта – это состояние здания (сооружения), при котором обеспечивается безопасность его функционирования посредством применения инженерно-технических и режимных мер, направленных на предотвращение совершения террористического акта.

Сегодня в России сформирована многоуровневая система государственного управления в сфере АТЗ объектов и территорий, основанная на разграничении компетенции и устойчивых административно-правовых механизмах регулирования [43]. Содержание мер АТЗ определяется назначением объекта или территории, их расположением, численностью находящихся лиц, уровнем инженерно-технической оснащенности, а также особенностями организации пропускного и внутриобъектового режимов [44].

Анализ приведенных нормативных дефиниций позволяет установить наличие единого содержательного ядра понятия АТЗ, несмотря на его отраслевую специфику применительно к отдельным видам объектов или территорий. Во всех рассмотренных актах АТЗ раскрывается через категорию состояния защищенности объекта, при котором создаются условия, препятствующие совершению террористического акта.

Общим признаком является объектная направленность правового регулирования: во всех случаях речь идет о защите конкретного здания, сооружения, территории, объекта инфраструктуры либо ММПЛ. Соответственно, АТЗ носит не абстрактный, а прикладной характер и реализуется применительно к определенному объекту с учетом его функциональных и технических особенностей.

Таким образом, под обеспечением АТЗ объекта следует понимать реализуемую в отношении конкретного объекта или конкретной территории систему обязательных правовых, организационных, режимных и инженерно-технических мер, направленных на создание и поддержание состояния защищенности, препятствующего совершению террористического акта и минимизирующего его возможные последствия.

Научные подходы и дискуссии по антитеррористической защищенности

Анализ представленных диссертационных исследований позволяет установить, что в российской юридической науке сформирован значительный массив работ, посвященных уголовно-правовому противодействию терроризму. Так, исследования С.М. Ивлиева,

Д.М. Миняева, А.А. Григорьева [45-47] были преимущественно сосредоточены на общих вопросах уголовной ответственности за терроризм, проблемах квалификации террористических пре-

ступлений и характеристике уголовно-правовых средств борьбы с ними. Указанные работы имеют фундаментальное значение, однако охватывают терроризм как комплексное явление, не выделяя в качестве самостоятельного предмета уголовно-правовое обеспечение АТЗ объектов и территорий.

Отдельные исследования затрагивают смежные области. Так, работа А.И. Приходько [48] посвящена уголовно-правовой характеристике посягательств на объекты ТЭК, однако ограничена анализом конкретной группы преступлений. Диссертация Я.А. Шаповалова [49], несмотря на прямое обращение к категории АТЗ объектов, реализует частноправовой подход, что не позволяет использовать ее в качестве основы для разработки уголовно-правового механизма обеспечения АТЗ.

Наиболее близкой к заявленной теме является диссертация А.С. Шуйского [50], в которой разработана концепция противодействия террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией. Ее научная значимость заключается в акценте на предупредительном потенциале уголовного закона, включая воздействие на ранние стадии террористической деятельности.

Таким образом, несмотря на наличие научных исследований, тематически близких к рассматриваемой проблеме, большинство из них носит либо общий, либо фрагментарный характер, при этом они быстро утрачивают актуальность в условиях современного развития законодательства и практики противодействия терроризму. В этой связи в российской юридической науке фактически отсутствуют комплексные, целенаправленные исследования, посвященные уголовно-правовому обеспечению АТЗ объектов и территорий как самостоятельному научному направлению, что свидетельствует о наличии существенного научного пробела и предопределяет актуальность дальнейших разработок в данной области.

В научной литературе авторы выделяют различные подходы к оценке эффективности противодействия терроризму и определению приоритетных направлений его обеспечения.

Первые отмечают, что эффективность противодействия терроризму определяется функционированием комплексного политико-правового механизма, включающего чрезвычайное законодательство и организационные инструменты реагирования на угрозы. При этом основное внимание авторы сосредотачивают на институциональных и силовых аспектах данного механизма.

В этой связи превентивные (профилактические) меры, хотя и упоминаются в научной литературе, как правило, не рассматриваются в качестве самостоятельного и ключевого инструмента противодействия терроризму, уступая приоритетное значение мерам реагирования и силового обеспечения безопасности [51-52].

Согласно иной позиции в научной литературе, признается значимость превентивных мер, направленных на раннее выявление и устранение причин терроризма, включая социальные, политические и экономические факторы, а также сокращение его ресурсной и идеологической базы. Однако, несмотря на внимание к профилактике, данные подходы преимущественно остаются на общесоциальном и криминологическом уровне, в них не формируется целостное представление об АТЗ объектов и территорий, а также недостаточно раскрывается превентивный потенциал уголовного права [53].

В ряде исследований, опирающихся на концепцию частноправовых механизмов, приоритетное значение придается развитию охранной деятельности как основному способу обеспечения безопасности объектов или территорий. В центре внимания оказывается участие негосударственных субъектов, прежде всего частных охранных организаций и собственников, реализующих защиту через договорные отношения [54-55].

Наконец есть авторы, которые соглашались, что в современных условиях эффективность противодействия угрозам во многом зависит от взаимодействия правоохранительных органов, собственников объектов и территорий, а также частных охранных структур, но в то же время отмечают, что для стабильного функционирования объектов и территорий принципиальное значение приобретает их АТЗ, особенно при проведении массовых мероприятий, сопряженных с повышенными рисками нарушения безопасности. При этом авторы обращают внимание, что далеко не все собственники и владельцы объектов и территорий уделяют необходимое внимание обеспечению АТЗ, даже несмотря на наличие административной и уголовной ответственности в российской правовой системе, поэтому дополнительным условием должна выступать эффективная контрольно-надзорная деятельность в сфере обеспечения АТЗ [56-57].

В условиях глобализации и роста террористических угроз АТЗ объектов приобретает приоритетное значение в системе обеспечения общественной безопасности и устойчивого функционирования городской инфраструктуры. Она становится одной из ключевых задач государственной политики, особенно в крупных урбанизированных регионах с высокой концентрацией социальных объектов, транспортных узлов, энергетических объектов, объектов жизнеобеспечения населения. Современные подходы требуют применения инновационных технологий, таких как системы видеонаблюдения с элементами искусственного интеллекта, биометрические системы идентификации, дроны для мониторинга, уже зарекомендовавшие себя в международной практике [58-59].

Так, отдельно взятыми авторами обосновано отмечено, что когда террористическая де-

ятельность не была своевременно выявлена и пресечена специальными службами на стадиях планирования и подготовки, более 82 % террористических атак достигают поставленной цели [60-61]. В подобных условиях именно система АТЗ объектов и территорий фактически выступает последним рубежом предупреждения террористического акта и минимизации его последствий.

При этом в научном сообществе обосновывается необходимость существенной переработки действующей системы АТЗ, сопряженной с одновременным усилением превентивных механизмов государственной политики, ориентированных на раннее выявление, предупреждение и нейтрализацию террористических угроз [61].

Таким образом, АТЗ трансформируется в приоритетное направление, что объективно обуславливает необходимость формирования надежных и эффективных механизмов, обеспечивающих реальное выполнение установленных требований. Речь идет не только о нормативном закреплении соответствующих обязанностей, но и о создании действенных инструментов их реализации и контроля, позволяющих гарантировать должный уровень АТЗ объектов и территорий.

Современное понимание антитеррористической защищенности

Сегодня антитеррористическая политика Российской Федерации выступает ключевым элементом государственной стратегии в сфере обеспечения национальной безопасности, суверенитета и территориальной целостности государства.

Указы Президента Российской Федерации от 13.09.2004 № 1167 [62] и от 15.02.2006

№ 116 [63] стали основополагающими документами, направленными на разработку комплекса мероприятий по предупреждению и пресечению террористических проявлений на объектах транспорта, энергетики и связи, в ММПЛ.

Ключевые направления государственной политики закреплены в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации [64], рассматривающей терроризм как одну из угроз национальной безопасности. Документ предусматривает предупреждение, пресечение террористической деятельности, минимизацию последствий, а также развитие организационно-технических мер защиты объектов и механизмов ответственности в данной сфере.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации [65], одной из целей обеспечения государственной и общественной безопасности является повышение уровня АТЗ ММПЛ, объектов жизнеобеспечения населения, организаций оборонно-промышленного, атомного энергопромышленного, ядерного оружейного, химического, ТЭК страны, объектов транспортной инфраструктуры, других критически важных и потенциально опасных объектов.

Нормативной основой системы противодей-

ствия терроризму в Российской Федерации являются Федеральный закон № 35-ФЗ, который закрепляет правовые и организационные основы противодействия терроризму, включая профилактику, борьбу с терроризмом и минимизацию его последствий, Федеральный закон № 256-ФЗ, который регулирует обеспечение безопасности и АТЗ объектов ТЭК, и Федеральный закон № 16-ФЗ, который устанавливает правовые основы обеспечения транспортной безопасности и АТЗ объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств.

В качестве координационного органа создан Национальный антитеррористический комитет⁷, объединяющий высших должностных лиц государства и руководителей ключевых ведомств. К его основным полномочиям относятся мониторинг террористических угроз, координация деятельности органов власти и специализированных структур, а также контроль исполнения принимаемых решений, которые являются обязательными для государственных органов, организаций и должностных лиц [66-67]. Здесь необходимо подчеркнуть, что НАК не рассматривается государством в качестве карательного органа, его предназначение – координация противодействия терроризму в целях обеспечения безопасности граждан, установления прочного мира и согласия в обществе [68].

В субъектах Российской Федерации действуют региональные антитеррористические комиссии, возглавляемые руководителями исполнительной власти и включающие представителей территориальных органов ФСБ России, МВД России и МЧС России, которые обеспечивают координацию мер по профилактике терроризма и АТЗ объектов и территорий [69].

Правительством Российской Федерации утверждены обязательные требования по обеспечению безопасности и АТЗ, которые устанавливают порядок категорирования объектов и территорий, определяют комплекс организационных, режимных и технических мер в отношении ММПЛ [70-73], объектов ТЭК [74-76], транспортной инфраструктуры [77-81], критически важных объектов [82-84].

Еще ряд постановлений Правительства Российской Федерации, предусматривающих требования к АТЗ объектов и территорий имеет гриф «для служебного пользования» или отнесен к государственной тайне.

Данные меры носят комплексный организационный характер, отмечают важнейшую практическую значимость инженерно-технической укреплённости охраняемых объектов и территорий, а также оборудования их инженерно-техническими средствами обеспечения АТЗ [85]. К числу таких инженерно-технических средств относятся системы видеонаблюдения, охранной сигнализа-

ции, контроля и управления доступом, охранного освещения, оповещения и управления эвакуацией, вызова экстренных оперативных служб, осмотра, а также различные замки, заграждения, защитные конструкции объектов и территорий.

Выполнение указанных требований является обязательным для органов (организаций), являющихся правообладателями объектов и территорий, а также физических и юридических лиц в отношении объектов, находящихся в их собственности или принадлежащих им на ином законном основании.

КоАП представлен статьями: 11.15.1 «Нарушение требований в области транспортной безопасности», 20.30 «Нарушение требований обеспечения безопасности и АТЗ объектов ТЭК», 20.35 «Нарушение требований к АТЗ объектов (территорий) и объектов (территорий) религиозных организаций». Наказание дифференцируется, начиная от административного штрафа, и заканчивая приостановлением деятельности юридического лица.

В свою очередь УК РФ предусмотрены специальные составы преступлений: статья 217.1 «Нарушение требований обеспечения безопасности и АТЗ объектов ТЭК», статья 217.3 «Нарушение требований к АТЗ объектов (территорий)», статья 263.1 «Нарушение требований в области транспортной безопасности». Уголовная ответственность наступает, если нарушение требований повлекло тяжкий вред здоровью, крупный ущерб или гибель людей. Наказание дифференцируется, в зависимости от последствий и тяжести деяния, начиная от назначения штрафа, и заканчивая лишением свободы на срок до восьми лет.

Таким образом, российское законодательство характеризуется тем, что содержит специальные требования к АТЗ объектов и устанавливает не только административную, но и уголовную ответственность за их нарушение.

Нормативное закрепление соответствующих требований в совокупности с введением ответственности за их нарушение обеспечивает АТЗ объектов и территорий, снижает риски террористических посягательств и создает правовые условия для своевременного выявления угроз. Это подтверждено и рядом научных исследований, которые рассматривают АТЗ как одно из ключевых направлений комплексной концепции противодействия терроризму [86].

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что уголовно-правовое обеспечение АТЗ объектов и территорий представляет собой закономерный результат длительной эволюции как самого феномена терроризма, так и механизмов государственного реагирования на него. Историческое развитие терроризма свиде-

⁷ Далее – «НАК».

тельствует о существенной трансформации его содержания: от локализованных форм политически мотивированного насилия, направленного преимущественно против представителей государственной власти и отдельных политических субъектов, к современным общепасным проявлениям, характеризующимся массовостью, высоким уровнем жестокости, ориентацией на широкий общественный резонанс, дестабилизацию общественной безопасности и нарушение устойчивого функционирования критически значимых объектов инфраструктуры.

Установлено, что первоначально деяния, обладающие признаками современной террористической направленности, не рассматривались законодателем как самостоятельная категория преступлений и охватывались нормами, предусматривающими ответственность за измену, мятеж, поджоги, диверсии, посягательства на представителей власти и иные действия, создающие угрозу государственному порядку и общественной безопасности. Такой подход был обусловлен историческими особенностями восприятия терроризма как формы политического насилия либо угрозы государственному строю, а не как самостоятельного комплексного социально-правового явления.

По мере усложнения общественных отношений, развития транспортной, энергетической и иной инфраструктуры, урбанизации, а также расширения технических возможностей совершения общепасных деяний произошло качественное изменение характера террористических угроз. Терроризм перестал ограничиваться исключительно политическим насилием и трансформировался в многофакторную угрозу, затрагивающую безопасность личности, общества и государства, что объективно потребовало формирования новых правовых механизмов, ориентированных не только на уголовное преследование виновных лиц, но и на предупреждение реализации террористических рисков.

Современные механизмы АТЗ имеют более глубокие предпосылки, чем принято считать в современной научной литературе. Возложение на частных лиц и владельцев объектов отдельных обязанностей, направленных на обеспечение общественной безопасности, имеет длительную историческую традицию и прослеживается как в зарубежных правовых порядках, так и в отечественном законодательстве. Уже в дореволюционный период можно выявить элементы правового регулирования, концептуально близкие современной модели АТЗ, выражавшиеся в установлении обязанностей по обеспечению внутреннего наблюдения, контролю за безопасностью объектов и применению превентивных мер в отношении потенциально опасных угроз.

В советский период правовое регулирование носило преимущественно централизованный и государственно-ориентированный характер, при

котором обеспечение безопасности объектов являлось исключительной функцией публичной власти, а нормативное регулирование терроризма ограничивалось преимущественно вопросами уголовной ответственности за отдельные формы политического насилия, диверсионную деятельность и посягательства на государственный строй. Лишь постсоветский период, сопровождавшийся резким ростом террористической активности и изменением масштабов угроз, обусловил необходимость формирования качественно новой модели противодействия терроризму.

Именно в конце XX – начале XXI века в российском законодательстве сформировались предпосылки институционализации АТЗ как самостоятельного направления государственной политики и самостоятельного объекта правового регулирования. Закрепление понятия АТЗ в федеральном законодательстве, наделение Правительства Российской Федерации полномочиями по установлению обязательных требований к АТЗ объектов и территорий, введение процедур категорирования объектов, а также формирование системы обязательных организационных, режимных и инженерно-технических мер свидетельствуют о переходе к более комплексной модели обеспечения безопасности.

Особое значение имеет тот факт, что современное уголовное законодательство включает специальные нормы, предусматривающие ответственность за нарушение требований обеспечения безопасности и АТЗ объектов ТЭК, транспортной инфраструктуры, иных объектов и территорий. Это свидетельствует о существенном расширении предмета уголовно-правовой охраны и усилении превентивного потенциала уголовного права. В отличие от традиционной модели, ориентированной преимущественно на реакцию после наступления общественно опасных последствий, современный уголовно-правовой механизм в рассматриваемой сфере направлен также на стимулирование соблюдения обязательных требований безопасности и предотвращение условий, способствующих совершению террористических актов.

Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на наличие значительного числа исследований, посвященных терроризму и уголовно-правовому противодействию ему, уголовно-правовое обеспечение АТЗ объектов и территорий до настоящего времени не сформировалось в качестве самостоятельного комплексного направления юридической науки. Имеющиеся исследования преимущественно затрагивают либо общие вопросы уголовной ответственности за преступления террористической направленности, либо отдельные аспекты обеспечения безопасности конкретных категорий объектов, что свидетельствует о сохранении существенного научного пробела.

Современные условия развития террори-

стических угроз дополнительно актуализируют необходимость совершенствования правового регулирования в рассматриваемой сфере. Использование террористами беспилотных авиационных систем, цифровых технологий, информационно-телекоммуникационных ресурсов, элементов искусственного интеллекта, а также повышение уязвимости объектов массового пребывания людей и критической инфраструктуры объективно требуют адаптации действующих правовых механизмов к новым способам совершения общественно опасных деяний.

В этой связи представляется, что дальнейшее развитие уголовно-правового обеспечения АТЗ должно быть связано не только с совершенствованием санкционных механизмов и уточнением признаков соответствующих составов правонарушений и преступлений, но прежде всего с развитием комплексной превентивной модели обеспечения безопасности, включающей совершенствование обязательных требований к АТЗ,

усиление контрольно-надзорной деятельности, повышение ответственности правообладателей объектов и территорий, а также развитие современных инженерно-технических и цифровых средств предупреждения террористических угроз.

Таким образом, АТЗ в современных условиях объективно выходит за рамки исключительно организационно-технической категории и приобретает значение самостоятельного комплексного правового института, интегрирующего публично-правовые, административные, уголовно-правовые и технические механизмы обеспечения безопасности. Исторический анализ его становления позволяет не только проследить преемственность правового регулирования, но и определить основные направления дальнейшей модернизации уголовного законодательства и системы государственного управления в условиях продолжающейся трансформации террористических угроз.

Список литературы:

- [1] Машкович К.В. Терроризм – исторический аспект // Социально-экономическое развитие региона: теория и практика. 2015. № 1. С. 271-272.
- [2] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1956. 683 с.
- [3] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. 944 с.
- [4] Ольдеева Д.А., Балтыкова З.А. Понятие, значение и история возникновения терроризма в России // Феномен права и законодательство: стратегии и методы познания. 2025. Т. 4. № 4. С. 73-80.
- [5] Петров П.А., Сальников М.В., Чиркова А.М. Терроризм: история возникновения и правового регулирования // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 2. С. 97-106.
- [6] Гусев К.В. Рыцари террора: о террористической деятельности партии эсеров. М., 1992. С. 3-4; Линке Х. Корни терроризма в России и Германии: общие черты и различия // Актуальные проблемы Европы. М., 1997. С. 136-143.
- [7] Губайдулин Р.Р. Эволюция терроризма в России: исторические аспекты // Научный поиск: материалы тринадцатой научной конференции аспирантов и докторантов. Челябинск, 2021. 292 с.
- [8] Орлов Б.П. Терроризм: нравственно-психологические аспекты. Актуальные проблемы Европы: Проблема терроризма. М., 1997.
- [9] Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2016. 383 с.
- [10] Палевин Ю.А. Степан Халтурин. «Народная воля» и покушение на Александра II в зимнем дворце // Новый исторический вестник. 2011. № 1 (27). С. 73-89.
- [11] Бородин А.М. Терроризм в России: история и современность // Право и образование. 2001. № 3. С. 112-131.
- [12] Трошкина А.Р., Мареева В.М. Терроризм: историко-политический аспект // Молодой ученый. 2021. № 26. С. 561-564.
- [13] Коржанов А.В. Б. Ельцин: от рассвета до заката. М., 2004. 529 с.
- [14] Готчина Л.В., Сердюк П.Л. Истоки терроризма в России и особенности его предупреждения в условиях цифровизации общества // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 4. С. 333-339.
- [15] Смышляева А.В. Уголовная политика, как средство противодействия терроризму на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры // Общество и государство. 2025. № 4 (52). С. 54-58.
- [16] Тацит Корнелий. Сочинения в двух томах. Том I: Анналы. Малые произведения. М., Ладомир, 1993. 443 с.
- [17] Gary Richardson. The New Palgrave Dictionary of Economics. London, 2017.
- [18] Чайкина Е.А., Троякова Ю.К. Противодействие терроризму в России: исторический аспект // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 11 (67). С. 330-332.
- [19] Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия: утверждено Комитетом министров 14.08.1881 // Собрание узаконений, 09.09.1881. Ст. 616.
- [20] Биюшкина Н.И. Источники положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 года // Вестник нижегородского университета им.

Н.И. Лобачевского. 2010. № 5-1. С. 288-293.

[21] Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. I. – Санкт-Петербург, 1885. 614 с.

[22] Шаповалов Я.А. Становление и динамика антитеррористической защиты объектов: частно-правовой аспект // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 3. С. 124-130.

[23] Горбенко А.И. Антитеррористическая безопасность на муниципальном уровне в условиях социокоммуникативных трансформаций российского общества: социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2014.

[24] Уголовный кодекс РСФСР от 1922 г. // АО Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (дата обращения: 10.05.2026).

[25] Уголовный кодекс РСФСР от 1927 г. // СПС «Консультант Плюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/e4a3b5a94188cd8eb72e0260d53dac855067384d/ (дата обращения: 10.05.2026).

[26] Уголовный кодекс РСФСР от 1960 г. // СПС «Консультант Плюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 10.05.2026).

[27] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Федеральный закон от 01.07.1994 № 10-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 10. ст. 1109.

[28] Шаповалов Я.А. Становление и динамика антитеррористической защиты объектов: частно-правовой аспект // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 3. С. 124-130.

[29] Уголовный кодекс РФ: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[30] Кодекс РФ об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[31] Концепция противодействия терроризму в РФ: утверждена Президентом РФ 05.10.2009 // Российская газета. 2009. 20 октября.

[32] О безопасности объектов ТЭК: Федеральный закон от 21.07.2011 № 256-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4604.

[33] О транспортной безопасности: Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 837.

[34] О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

[35] О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с обеспечением транспортной безопасности: Федеральный закон от 27.07.2010 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4164.

[36] О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части обеспечения безопасности объектов ТЭК: Федеральный закон от 21.07.2011 № 257-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4605.

[37] О внесении изменений в КоАП: Федеральный закон от 16.12.2019 № 441-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 51 (часть I). Ст. 7493.

[38] О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части обеспечения безопасности объектов ТЭК: Федеральный закон от 21.07.2011 № 257-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4605.

[39] О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам обеспечения транспортной безопасности: Федеральный закон от 03.02.2014 № 15-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 566.

[40] О внесении изменений в УК РФ и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ: Федеральный закон от 31.07.2023 № 398-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 32 (Часть I). Ст. 6130.

[41] ГОСТ Р 70620–2022. АТЗ. Термины и определения: национальный стандарт РФ: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 29.12.2022 № 1721-ст. М.: ФГБУ Институт стандартизации, 2023.

[42] СП 132.13330.2011. Обеспечение АТЗ зданий и сооружений. Общие требования проектирования: свод правил: утв. прик. Минрегиона России от 05.07.2011 № 320. М.: Нормирование в строительстве и ЖКХ, 2011.

[43] Кузьмичев А.Ю. Эффективность государственной политики управления антитеррористической защищенностью объектов РФ в условиях гибридной войны // Среднерусский вестник общественных наук. 2025. Том 20. № 4. С. 29-46.

[44] Серегин Ю.В. Понятия безопасности, защиты, охраны, АТЗ объектов // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 3. С. 246-257.

[45] Ивлиев С.М. Уголовно-правовые средства противодействия терроризму: дисс... канд. юрид. наук. М., 2008.

[46] Минязев Д.М. Ответственность за террористическую деятельность в уголовном праве Рос-

сии: теоретические аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

[47] Григорьев А.А. Уголовно-правовая ответственность за терроризм в современном праве РФ: дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012.

[48] Приходько А.И. Уголовно-правовая характеристика посягательств на объекты ТЭК: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

[49] Шаповалов Я.А. Частноправовые средства обеспечения АТЗ объектов гражданских прав: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2023.

[50] Шуйский А.С. Противодействие террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

[51] Никонов Д.А., Сибгадулин Ф.С., Луценко В.В. Роль войск национальной гвардии РФ в политическом механизме противодействия терроризму // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 1(32). С. 70–75.

[52] Зиновьева А.С., Фофанова А.Ю. Роль Росгвардии в обеспечении безопасности от терроризма в России. Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 6-1 (93). С. 40-44.

[53] Григорьев Н.Ю., Родюков Э.Б., Слобцова Т.Л. Превентивные средства и методы борьбы с терроризмом в России // Наука, культура, общество. 2018. № 1. С. 154-162.

[54] Лустин К.А. Обеспечение АТЗ как мера противодействия терроризму // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 172–176.

[55] Мохов А.А. Частноправовые (цивилистические) науки и правовые исследования в сфере обеспечения национальной безопасности // Современное право. 2023. № 7. С. 19–24.

[56] Геляхова Л.А. Проблемные аспекты обеспечения АТЗ объектов и территорий при проведении массовых мероприятий // Вестник краснодарского университета МВД России. 2025 № 3 (69). С.57-61.

[57] Кобец П.Н. Оптимизация мер, направленных на АТЗ объектов с массовым пребыванием людей // Вестник ВИПК МВД России. 2024. № 2(70). С. 44-53.

[58] Урманов О.Э. АТЗ объектов на территории г. Москвы и МО. Внедрение инновационных технологий на примере международного опыта // Право и государство: теория и практика. 2025. № 6. С. 139-143.

[59] Кретов А.М. Техническая укрепленность объектов проведения официальных спортивных мероприятий – основа безопасности // Вестник науки. 2023. Т.3. № 6 (63). С. 474 – 478.

[60] Ковальченко А.А. Меры государственного регулирования антитеррористической деятельности в РФ // Вестник волгоградской академии МВД России. 2018. № 3(46). С.102-106.

[61] Кузьмичев А.Ю. Эффективность государственной политики управления АТЗ объектов РФ в условиях гибридной войны // Среднерусский вестник общественных наук. 2025. Том 20. № 4. С. 29-46.

[62] О неотложных мерах по повышению эффективности борьбы с терроризмом: Указ Президента РФ от 13.09.2004 № 1167 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 38. Ст. 3779.

[63] О мерах по противодействию терроризму: Указ Президента РФ от 15.02.2006 № 116 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 8. Ст. 897.

[64] Концепция противодействия терроризму в РФ: утверждена Президентом РФ от 05.10.2009 / Российская газета. 2009. 20 октября.

[65] Стратегия национальной безопасности РФ: утверждена Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

[66] Об утверждении состава Национального антитеррористического комитета по должностям и внесении изменений в Указ Президента РФ от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» и в состав Федерального оперативного штаба по должностям, утвержденный этим Указом: Указ Президента РФ от 02.09.2012 № 1258 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 37. Ст. 4988.

[67] О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму: Указ Президента РФ от 26.12.2015 № 664 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 52 (часть I). Ст. 7591.

[68] Горбунов Ю.С. Новое в антитеррористическом законодательстве // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 221-223.

[69] Положение об антитеррористической комиссии в субъекте РФ: утверждено национальным антитеррористическим комитетом 17.06.2016 // URL: <http://nac.gov.ru> (дата обращения: 28.03.2026).

[70] Об утверждении требований к АТЗ ММППЛ и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии РФ, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий): постановление Правительства РФ от 25.03.2015 № 272 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 14. Ст. 2119.

[71] Об утверждении требований к АТЗ торговых объектов (территорий) и формы паспорта безопасности торгового объекта (территории): постановление Правительства РФ от 19.10.2017 № 1273 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 44. Ст. 6509.

[72] Об утверждении требований к АТЗ объектов (территорий) религиозных организаций и фор-

мы паспорта безопасности объектов (территорий) религиозных организаций: постановление Правительства РФ от 05.09.2019 № 1165 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 37. Ст. 5175.

[73] Об утверждении требований к АТЗ объектов (территорий) Минпросвещения России и объектов (территорий), относящихся к сфере деятельности Минпросвещения России, и формы паспорта безопасности этих объектов (территорий): постановление Правительства РФ от 02.08.2019 № 1006 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 32. Ст. 4716.

[74] Об утверждении Положения об исходных данных для проведения категорирования объекта ТЭК, порядке его проведения и критериях категорирования: постановление Правительства РФ от 05.05.2012 № 459 // Собрание законодательства РФ. 14.05.2012. № 20. Ст. 2556.

[75] Об утверждении Правил актуализации паспорта безопасности объекта ТЭК: постановление Правительства РФ от 05.05.2012 № 460 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 20. Ст. 2557.

[76] Об обеспечении особого режима защиты от актов незаконного вмешательства в зонах безопасности объектов ТЭК, включенных в перечень отдельных объектов ТЭК, вокруг которых устанавливаются зоны безопасности объектов ТЭК с описанием местоположения границ таких зон: постановление Правительства РФ от 10.11.2020 № 1809 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 46. Ст. 7308.

[77] Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к АТЗ объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для объектов транспортной инфраструктуры автомобильного транспорта, не подлежащих категорированию: постановление Правительства РФ от 08.10.2020 № 1639 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 42 (часть III). Ст. 6605.

[78] Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к АТЗ объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов инфраструктуры внеуличного транспорта (в части метрополитенов): постановление Правительства РФ от 08.10.2020 № 1641 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 42 (часть III). Ст. 6607.

[79] Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, учитывающих уровни безопасности для транспортных средств железнодорожного транспорта: постановление Правительства РФ от 10.10.2020 № 1653 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 42 (часть III). Ст. 6618.

[80] Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к АТЗ объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры дорожного хозяйства: постановление Правительства РФ от 21.12.2020 № 2201 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 52 (Часть II). Ст. 8878.

[81] Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к АТЗ объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для объектов транспортной инфраструктуры воздушного транспорта, не подлежащих категорированию: постановление Правительства РФ от 29.11.2021 № 2090 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 49 (Часть I). Ст. 8276.

[82] Об утверждении Правил формирования и утверждения перечня критически важных объектов: постановление Правительства РФ от 24.06.2021 № 981 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5370.

[83] Об утверждении Правил разработки критериев отнесения объектов всех форм собственности к критически важным объектам: постановление Правительства РФ от 14 августа 2020 г. № 1225 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 34. Ст. 5455.

[84] Об утверждении Правил разработки и формы паспорта безопасности критически важного объекта: постановление Правительства РФ от 10.11.2022 № 2034 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 8035.

[85] Багринцева О.В., Никитина Ю.С., Абросимова Е.М., Сошнева Д.А. Технические системы антитеррористической и противокриминальной защиты. Воронеж, 2023. 128 с.

[86] Ахьядов Э.С.-М., Нурадиева А.А. Современный терроризм: социально-политические детерминанты и стратегии противодействия (на примере Российского контекста) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 412-415.

References:

[1] Mashkovich K.V. Terrorism - a historical aspect // Socio-economic development of the region: theory and practice. 2015. No. 1. P. 271-272.

[2] Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. T. IV. M., 1956. 683 p.

[3] Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. M., 2003. 944 p.

[4] Oldeeva D.A., Baltykova Z.A. The concept, meaning and history of the emergence of terrorism in Russia // Phenomenon of Law and Legislation: Strategies and Methods of Knowledge. 2025. T. 4. No. 4. pp. 73-80.

[5] Petrov P.A., Salnikov M.V., Chirkova A.M. Terrorism: History of Origin and Legal Regulation // Legal Science: History and Modernity. 2020. No. 2. pp. 97-106.

[6] Gusev K.V. Knights of Terror: On the Terrorist Activities of the Socialist-Revolutionary Party. Moscow,

1992. pp. 3-4; Linke H. *The Roots of Terrorism in Russia and Germany: Common Features and Differences* // *Current Issues of Europe*. Moscow, 1997. pp. 136-143.
- [7] Gubaidullin R.R. *Evolution of Terrorism in Russia: Historical Aspects* // *Scientific Research: Proceedings of the Thirteenth Scientific Conference of Postgraduate and Doctoral Students*. Chelyabinsk, 2021. 292 p.
- [8] Orlov B.P. *Terrorism: Moral and Psychological Aspects*. *Current Issues of Europe: The Problem of Terrorism*. M., 1997.
- [9] Budnitsky O.V. *Terrorism in the Russian Liberation Movement: Ideology, Ethics, Psychology* (Second Half of the 19th – Early 20th Century). M., 2016. 383 p.
- [10] Palevin Yu.A. Stepan Khalturin. «The People's Will» and the Assassination Attempt on Alexander II in the Winter Palace // *Novyi Istorichesky Vestnik*. 2011. No. 1 (27). Pp. 73-89.
- [11] Borodin A.M. *Terrorism in Russia: History and Modernity* // *Law and Education*. 2001. No. 3. Pp. 112-131.
- [12] Troshkina A.R., Mareeva V.M. *Terrorism: Historical and Political Aspect* // *Young Scientist*. 2021. No. 26. P. 561-564.
- [13] Korzhanov AV B. *Yeltsin: from dawn to dusk*. Moscow, 2004. 529 p.
- [14] Gotchina LV, Serdyuk PL *The origins of terrorism in Russia and the specifics of its prevention in the context of the digitalization of society* // *All-Russian Criminological Journal*. 2023. Vol. 17, No. 4. Pp. 333-339.
- [15] Smyshlyaeva AV *Criminal policy as a means of countering terrorism at transport facilities and transport infrastructure* // *Society and state*. 2025. No. 4 (52). Pp. 54-58.
- [16] Tacitus Cornelius. *Works in two volumes. Volume I: Annals. Minor works*. M., Ladimir, 1993. 443 p.
- [17] Gary Richardson. *The New Palgrave Dictionary of Economics*. London, 2017.
- [18] Chaikina E.A., Troyakova Yu.K. *Counteracting terrorism in Russia: a historical aspect* // *Modern scientific research and innovation*. 2016. No. 11 (67). Pp. 330-332.
- [19] *Regulation on measures to maintain state order and public peace: approved by the Committee of Ministers on 14.08.1881* // *Collection of Laws, 09.09.1881*. Art. 616.
- [20] Biyushkina N.I. *Sources of the regulation «On measures to maintain state order and public peace» of August 14, 1881* // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*. 2010. No. 5-1. Pp. 288-293.
- [21] *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Collection. T. I. – St. Petersburg, 1885*. 614 p.
- [22] Shapovalov Ya. A. *Formation and Dynamics of Anti-Terrorist Protection of Facilities: Private Law Aspect* // *Humanitarian and Legal Studies*. 2021. No. 3. Pp. 124-130.
- [23] Gorbenko A. I. *Anti-Terrorist Security at the Municipal Level in the Context of Sociocommunicative Transformations of Russian Society: A Sociological Analysis: Dis. ... Cand. Sociological Sciences*. Krasnodar, 2014.
- [24] *Criminal Code of the RSFSR of 1922* // JSC Code. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (accessed: 10.05.2026).
- [25] *Criminal Code of the RSFSR of 1927* // SPS «Consultant Plus» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/e4a3b5a94188cd8eb72e0260d53dac855067384d/ (accessed: 10.05.2026).
- [26] *Criminal Code of the RSFSR of 1960* // SPS «Consultant Plus» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (accessed: 10.05.2026).
- [27] *On Amendments and Supplements to the Criminal Code of the RSFSR and the Criminal Procedure Code of the RSFSR: Federal Law of 01.07.1994 No. 10-FZ* // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 1994. No. 10. Art. 1109.
- [28] Shapovalov Ya.A. *Formation and Dynamics of Anti-Terrorist Protection of Facilities: Private Law Aspect* // *Humanitarian and Legal Studies*. 2021. No. 3. Pp. 124-130.
- [29] *Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 13.06.1996 No. 63-FZ* // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 25. Art. 2954.
- [30] *Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law of 30.12.2001 No. 195-FZ* // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 1 (Part 1). Art. 1.
- [31] *Concept of Counteracting Terrorism in the Russian Federation: approved by the President of the Russian Federation on 05.10.2009* // *Rossiyskaya Gazeta*. 2009. October 20.
- [32] *On the Security of Fuel and Energy Complex Facilities: Federal Law of 21.07.2011 No. 256-FZ* // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2011. No. 30 (Part 1). Art. 4604.
- [33] *On Transport Security: Federal Law of 09.02.2007 No. 16-FZ* // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2007. No. 7. Article 837.
- [34] *On counteracting terrorism: Federal Law of 06.03.2006 No. 35-FZ* // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2006. No. 11. Art. 1146.
- [35] *On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with Ensuring Transport Security: Federal Law of 27.07.2010 No. 195-FZ* // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2010. No. 31. Art. 4164.
- [36] *On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding Ensuring the Security of Fuel and Energy Complex Facilities: Federal Law of 21.07.2011 No. 257-FZ* // *Collected Legislation*

of the Russian Federation. 2011. No. 30 (Part 1). Art. 4605.

[37] On Amendments to the Code of Administrative Offenses: Federal Law of 16.12.2019 No. 441-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 51 (Part I). Art. 7493.

[38] On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding Ensuring the Security of Fuel and Energy Complex Facilities: Federal Law of July 21, 2011 No. 257-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 30 (Part 1). Art. 4605.

[39] On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Concerning Ensuring Transport Security: Federal Law of February 3, 2014 No. 15-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 6. Art. 566.

[40] On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 31.07.2023 No. 398-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 32 (Part I). Art. 6130.

[41] GOST R 70620–2022. ATZ. Terms and Definitions: National Standard of the Russian Federation: approved and put into effect by Order of Rosstandart dated 29.12.2022 No. 1721-st. Moscow: Federal State Budgetary Institution Institute of Standardization, 2023.

[42] SP 132.13330.2011. Provision of ATZ for Buildings and Structures. General Design Requirements: Set of Rules: approved. appendix. Ministry of Regional Development of the Russian Federation dated 05.07.2011, No. 320. Moscow: Standardization in Construction, Housing and Public Utilities, 2011.

[43] Kuzmichev A. Yu. Effectiveness of State Policy for Managing Anti-Terrorist Security of Russian Facilities in the Context of Hybrid Warfare // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2025. Vol. 20. No. 4. pp. 29-46.

[44] Seregin Yu. V. Concepts of Security, Protection, Guarding, and ATZ of Facilities // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 3. pp. 246-257.

[45] Ivliev S. M. Criminal-Legal Means of Counteracting Terrorism: Diss... Cand. of Law. Moscow, 2008.

[46] Minyazev D. M. Liability for Terrorist Activity in the Criminal Law of Russia: Theoretical Aspects: Diss. ... Cand. Sci. (Law). Moscow, 2010.

[47] Grigoriev A. A. Criminal Liability for Terrorism in the Modern Law of the Russian Federation: Diss. ... Cand. Sci. (Law). Chelyabinsk, 2012.

[48] Prikhodko A. I. Criminal-Law Characteristics of Encroachments on Fuel and Energy Complex Facilities: Diss. ... Cand. Sci. (Law). Moscow, 2018.

[49] Shapovalov Ya. A. Private Law Means of Ensuring the Protection of Civil Rights Objects: Diss. ... Cand. Sci. (Law). Moscow, 2023.

[50] Shuysky A. S. Counteracting Terrorist Acts by Means of Criminal Law Norms with Double Prevention: Diss. ... Cand. Sci. (Law). M., 2012.

[51] Nikonov D.A., Sibgadulin F.S., Lutsenko V.V. The Role of the Russian National Guard Troops in the Political Mechanism of Countering Terrorism // Law and Order: History, Theory, Practice. 2022. No. 1 (32). Pp. 70–75.

[52] Zinovieva A.S., Fofanova A.Yu. The Role of the Russian National Guard in Ensuring Security from Terrorism in Russia. International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2024. No. 6-1 (93). Pp. 40–44.

[53] Grigoriev N.Yu., Rodyukov E.B., Slobtsova T.L. Preventive Means and Methods of Combating Terrorism in Russia // Science, Culture, Society. 2018. No. 1. Pp. 154–162.

[54] Lustin K.A. Ensuring the ATZ as a Counter-Terrorism Measure // State and Municipal Administration. Scientific Notes. 2024. No. 3. pp. 172–176.

[55] Mokhov A.A. Private Law (Civilistic) Sciences and Legal Research in the Sphere of National Security // Modern Law. 2023. No. 7. pp. 19–24.

[56] Gelyakhova L.A. Problematic Aspects of Ensuring the ATZ of Facilities and Territories During Mass Events // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (69). pp. 57–61.

[57] Kobets P.N. Optimization of Measures Aimed at the ATZ of Facilities with Large Crowds of People // Bulletin of the All-Russian Institute of Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (70). P. 44-53.

[58] Urmanov O.E. ATZ facilities in Moscow and the Moscow Region. Implementation of innovative technologies based on international experience // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 6. P. 139-143.

[59] Kretov A.M. Technical fortification of facilities hosting official sports events is the basis of security // Science Bulletin. 2023. Vol. 3. No. 6 (63). P. 474-478.

[60] Kovalchenko A.A. Measures of state regulation of anti-terrorist activities in the Russian Federation // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 3 (46). P. 102-106.

[61] Kuzmichev A.Yu. Efficiency of state policy for managing the ATZ facilities of the Russian Federation in the context of a hybrid war // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2025. Vol. 20. No. 4. Pp. 29-46.

[62] On urgent measures to improve the effectiveness of the fight against terrorism: Decree of the President of the Russian Federation of September 13, 2004 No. 1167 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 38. Art. 3779.

- [63] On measures to counter terrorism: Decree of the President of the Russian Federation of February 15, 2006 No. 116 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 8. Art. 897.
- [64] Concept of the Protocol and counteracting terrorism in the Russian Federation: approved by the President of the Russian Federation on 05.10.2009 / Rossiyskaya Gazeta. 2009. October 20.
- [65] National Security Strategy of the Russian Federation: approved by Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 No. 400 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (Part II). Art. 5351.
- [66] On approval of the composition of the National Anti-Terrorism Committee by positions and amendments to Decree of the President of the Russian Federation dated February 15, 2006 No. 116 «On measures to counter terrorism» and the composition of the Federal Operational Headquarters by positions, approved by this Decree: Decree of the President of the Russian Federation dated 02.09.2012 No. 1258 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 37. Art. 4988.
- [67] On measures to improve public administration in the field of countering terrorism: Decree of the President of the Russian Federation of 26.12.2015 No. 664 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 52 (Part I). Art. 7591.
- [68] Gorbunov Yu.S. New in anti-terrorism legislation // Bulletin of Tomsk State University. 2007. No. 294. Pp. 221-223.
- [69] Regulation on the anti-terrorism commission in the constituent entity of the Russian Federation: approved by the national anti-terrorism committee on 17.06.2016 // URL: <http://nac.gov.ru> (date of access: 28.03.2026).
- [70] On approval of the requirements for the ATZ of MMPL and objects (territories) subject to mandatory protection by troops of the National Guard of the Russian Federation, and the forms of security passports for such places and objects (territories): Resolution of the Government of the Russian Federation of 25.03.2015 No. 272 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 14. Art. 2119.
- [71] On approval of the requirements for the ATZ of retail facilities (territories) and the form of the security passport for a retail facility (territory): Resolution of the Government of the Russian Federation of 19.10.2017 No. 1273 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 44. Art. 6509.
- [72] On approval of requirements for the ATP of facilities (territories) of religious organizations and the form of the safety passport of facilities (territories) of religious organizations: RF Government Resolution of 05.09.2019 No. 1165 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 37. Art. 5175.
- [73] On approval of requirements for the ATP of facilities (territories) of the Ministry of Education of Russia and facilities (territories) related to the sphere of activity of the Ministry of Education of Russia, and the form of the safety passport of these facilities (territories): RF Government Resolution of 02.08.2019 No. 1006 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 32. Art. 4716.
- [74] On approval of the Regulation on the initial data for categorization of a fuel and energy complex facility, the procedure for conducting it, and the categorization criteria: RF Government Resolution of 05.05.2012 No. 459 // Collected Legislation of the Russian Federation. 14.05.2012. No. 20. Art. 2556.
- [75] On approval of the Rules for updating the safety data sheet of a fuel and energy complex facility: RF Government Resolution of 05.05.2012 No. 460 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 20. Art. 2557.
- [76] On ensuring a special regime of protection against acts of illegal interference in the security zones of fuel and energy complex facilities included in the list of individual fuel and energy complex facilities around which security zones of fuel and energy complex facilities are established with a description of the location of the boundaries of such zones: RF Government Resolution of 10.11.2020 No. 1809 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 46. Art. 7308.
- [77] On approval of requirements for ensuring transport security, including requirements for the ATS of facilities (territories), taking into account security levels for motor transport infrastructure facilities that are not subject to categorization: RF Government Resolution of 08.10.2020 No. 1639 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 42 (Part III). Art. 6605.
- [78] On approval of requirements for ensuring transport security, including requirements for the ATP of facilities (territories), taking into account safety levels for various categories of off-street transport infrastructure facilities (in terms of metros): RF Government Resolution of 08.10.2020 No. 1641 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 42 (Part III). Art. 6607.
- [79] On approval of requirements for ensuring transport security, taking into account safety levels for rail vehicles: RF Government Resolution of 10.10.2020 No. 1653 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 42 (Part III). Art. 6618.
- [80] On approval of requirements for ensuring transport security, including requirements for the ATP of facilities (territories), taking into account safety levels for various categories of road transport infrastructure facilities: RF Government Resolution of 21.12.2020 No. 2201 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 52 (Part II). Art. 8878.
- [81] On approval of requirements for ensuring transport security, including requirements for the ATP of facilities (territories), taking into account safety levels for air transport infrastructure facilities not subject

to categorization: RF Government Resolution of 29.11.2021 No. 2090 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 49 (Part I). Art. 8276.

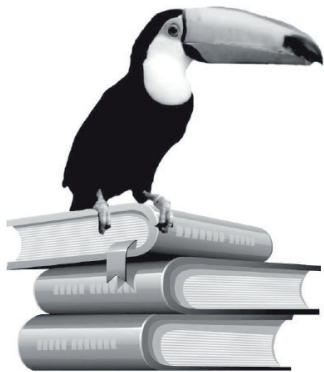
[82] On approval of the Rules for the formation and approval of the list of critically important objects: Resolution of the Government of the Russian Federation of 24.06.2021 No. 981 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (Part II). Art. 5370.

[83] On approval of the Rules for developing criteria for classifying facilities of all forms of ownership as critical facilities: RF Government Resolution of August 14, 2020 No. 1225 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 34. Art. 5455.

[84] On approval of the Rules for the development and form of a safety data sheet for a critical facility: RF Government Resolution of November 10, 2022 No. 2034 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 46. Art. 8035.

[85] Bagrintseva O.V., Nikitina Yu.S., Abrosimova E.M., Soshneva D.A. Technical systems of anti-terrorist and anti-criminal protection. Voronezh, 2023. 128 p.

[86] Akhyadov E.S.-M., Nuradieva A.A. Modern terrorism: socio-political determinants and counteraction strategies (using the Russian context as an example) // Law and state: theory and practice. 2025. No. 2. pp. 412-415.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

КОРОБКИНА Анастасия Васильевна,
магистрант 2 курса направления судебно-экспертная деятельность,
Саратовская государственная юридическая академия,
ул. Вольская, 1, Саратов, 410056, Россия,
тел.: +7-937-410-06-94,
e-mail: korobkina_2001@list.ru

ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОВРЕЖДЕНИЙ ОДЕЖДЫ, ПРИЧИНЕННЫХ ОСТРЫМИ ПРЕДМЕТАМИ БЫТОВОГО НАЗНАЧЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. Повреждения одежды, возникающие под воздействием бытовых предметов (ножей, стеклянных осколков, отверток и т.п.), широко представлены в экспертной практике. В то же время распространение современных синтетических тканей и изменения, происходящие после получения повреждений, существенно усложняют установление конкретного орудия с опорой на традиционные методы исследования.

Цель работы — определить морфологические особенности повреждений, формирующихся при воздействии различных острых бытовых предметов. Для этого были проанализированы заключения судебно-трасологических экспертиз, проведено экспериментальное воспроизведение повреждений на текстильных образцах с использованием типичных бытовых объектов, а также выполнено стереомикроскопическое изучение их морфологии. Полученные результаты позволили выделить устойчивые различия между повреждениями, нанесенными режущими, колюще-режущими и колющими предметами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: судебная экспертиза, следы одежды, острые предметы, колото-резаные повреждения, бытовые орудия.

KOROBKINA Anastasia Vasilyevna,
2nd year Master's student
in the field of forensic expertise,
Saratov State Law Academy

FEATURES OF EXPERT EXAMINATION OF CLOTHING DAMAGE CAUSED BY SHARP HOUSEHOLD OBJECTS

ANNOTATION. Damage to clothing caused by household items (knives, glass fragments, screwdrivers, etc.) is widely represented in expert practice. At the same time, the proliferation of modern synthetic fabrics and the changes that occur after injury significantly complicate the establishment of a specific instrument based on traditional research methods.

The aim of the work is to determine the morphological features of injuries formed when exposed to various sharp household objects. For this purpose, the conclusions of forensic tracological examinations were analyzed, experimental reproduction of damage on textile samples using typical household objects was carried out, and stereomicroscopic examination of their morphology was performed. The obtained results allowed us to identify stable differences between the damage caused by cutting, piercing-cutting and piercing objects.

KEY WORDS: forensic examination, traces of clothing, sharp objects, stab wounds, household implements.

При производстве экспертизы повреждений одежды первостепенное значение имеет правильное определение группы орудия травмы по механизму действия. Острые предметы бытового назначения классифицируются по характеру воздействия на три основные группы:

При исследовании повреждений одежды ключевым этапом является установление группы травмирующего предмета с учетом механизма его воздействия [4, с. 118]. Острые предметы

бытового назначения по характеру воздействия принято делить на три основные категории: режущие, колюще-режущие, колющие предметы.

Режущие предметы — имеют острое лезвие и действуют за счет скользящего движения вдоль поверхности материала. К этой группе относятся кухонные, столовые и хлебные ножи, а также безопасные бритвы и сменные лезвия. Их воздействие характеризуется преобладанием касательного компонента, в результате чего образуются

линейные разрезы с ровными и относительно гладкими краями.

Колюще-режущие предметы — представляют собой клинковые изделия с острием и лезвием (иногда двумя). Они оказывают сложное воздействие, за счет сочетания прокалывающего и режущего действия. В быту к ним относятся различные кухонные ножи с фиксированным клинком, складные туристические ножи, а также ножи-стропорезы. Характерной особенностью является наличие острия и одного или двух режущих краев. При контакте с тканью такие предметы, как правило, сначала образуют прокол, который затем переходит в разрез.

Колющие предметы — не имеют режущей кромки и воздействуют за счет острия, проникающего в материал. В результате формируются проколы или колотые повреждения, которые по своим признакам заметно отличаются от следов колюще-режущих орудий. В быту к таким предметам относятся шилья, отвертки, гвозди, вязальные спицы, вилки, а также острые фрагменты стекла. Повреждения, оставленные стеклянными осколками, имеют ряд особенностей: наряду с признаками, напоминающими резаные края, проявляются специфические черты, связанные с неровной структурой кромки. Обычно наблюдаются рваные, местами расходящиеся края, неодинаковая глубина повреждения, иногда — наличие мелких фрагментов стекла в толще ткани. В отличие от металлических предметов, стекло может оставлять микрочастицы, которые выявляются при микроскопическом или химическом исследовании [3, с. 43].

При исследовании повреждений одежды эксперт устанавливает не только вид орудия, но и его общие характеристики — форму, размеры, особенности острия и режущей кромки. При этом отмечается, что точно определить конкретный предмет удается не всегда, однако в большинстве случаев возможно установить его групповую принадлежность (например, нож, осколок стекла или лезвие).

Для острых бытовых предметов характерен ряд особенностей их отображения в повреждениях. Прежде всего, важна форма острия: его наличие или отсутствие, а также конфигурация (заостренное, притупленное, скошенное, П-образное) напрямую влияют на форму входного отверстия.

При исследовании повреждений одежды необходимо учитывать, что на текстильных материалах микрорельеф острия обычно не воспроизводится с точностью, достаточной для идентификации. Тем не менее, при микроскопическом исследовании (например, с использованием стереомикроскопа с увеличением 16–32х) можно обнаружить такие признаки, как внедрение нитей или разрыв петель трикотажа, которые могут соответствовать форме острия.

Поперечный профиль клинка проявляется в зоне основного повреждения. У колюще-режу-

щих предметов обычно выделяются два участка: основной — от острия до начала обуха, и дополнительный — соответствующий форме обуха. При исследовании повреждений одежды наличие в конце разреза П-образного или трапецевидного участка, как правило, указывает на воздействие предмета с плоским обухом [5, с. 87].

Длину лезвия можно определить лишь ориентировочно — по протяженности сквозного повреждения, и то при условии, что клинок был погружен полностью и момент его извлечения не сопровождался дополнительными смещениями. При этом следует учитывать, что из-за смещения слоёв одежды и эластичности ткани длина разреза нередко оказывается больше фактической ширины клинка, поэтому такие данные требуют осторожной оценки.

Ключевое значение в экспертном исследовании имеет установление последовательности и направления движения предмета. При анализе повреждений одежды, причинённых острым бытовым предметом, учитывают несколько признаков:

1. Направление режущей кромки. В многослойной одежде (например, куртка, свитер, рубашка) повреждения сопоставляют по их расположению. Смещение краёв на разных слоях помогает определить траекторию движения клинка. При этом обращают внимание на состояние нитей по краям: ровный срез обычно указывает на действие острой кромки, тогда как вытянутые и разорванные нити чаще свидетельствуют о воздействии тупой стороны (обуха) или затупленного лезвия.

2. Угол внедрения определяют по соотношению длины повреждений на разных слоях одежды. При косом вхождении предмета входное отверстие на верхнем слое обычно имеет вытянутую, эллипсовидную форму, а на нижележащих слоях отмечается смещение повреждений относительно друг друга.

3. Следы скольжения (статические и динамические). Если повреждение наносилось с касательной составляющей или предмет извлекался с усилием, на ткани могут оставаться дополнительные следы — царапины, надрезы, характерные оторочки. Они возникают из-за зацепления волокон за микронеровности и заусенцы на поверхности клинка.

Факторы, влияющие на достоверность экспертных выводов, условно можно разделить на две группы: изменения повреждений под воздействием биологических жидкостей и особенности материалов одежды.

Что касается первой группы, серьёзные трудности возникают при пропитывании повреждённого участка кровью с последующим высыханием. Экспериментальные данные показывают, что в таких случаях параметры повреждения заметно изменяются: длина основного разреза уменьшается в среднем на 10–15%, а ширина тупого кон-

ца — на 5–15% от исходных значений [2, с. 159]. Наиболее выраженные изменения формы и размеров наблюдаются у нетканых материалов. Этот фактор необходимо учитывать при оценке параметров орудия по размерам повреждений на одежде, изъятой с места происшествия.

Другим важным фактором являются свойства материалов одежды. Толщина, плотность и состав ткани существенно влияют на характер повреждений. По данным Л. А. Андрейко, основанным на анализе 678 экспертиз и 150 экспериментальных наблюдений, с увеличением количества слоёв и общей толщины одежды признаки повреждений становятся более грубыми, независимо от метрических характеристик колюще-режущего предмета [1, с. 76]. Отдельно стоит учитывать различия между натуральными и синтетическими тканями. Синтетические материалы (например, стрейч или мембранные ткани) могут деформироваться, частично оплавляться по краям или давать усадку, из-за чего изменяются реальные размеры повреждения.

В случаях, когда разрез проходит только через один тонкий слой ткани, определить его направление бывает сложно. Однако если повреждение затрагивает два и более слоя одежды, направление можно установить по взаимному расположению концов разрезов на верхнем и нижнем слоях. В начальной точке разреза их концы обычно совпадают или находятся почти на одном уровне, тогда как в конце наблюдается заметное смещение.

Если разрез проходит через ватную прослойку, то наибольшая глубина проникновения чаще наблюдается в начале повреждения. Кроме того, о направлении разреза можно судить по смещению волокон ваты. Они сдвигаются в сторону движения орудия.

При микроскопическом исследовании допол-

нительных разрезов видно, что свободные концы нитей не утончены, равные волокна в нитях находятся на одном уровне. Это особенно хорошо заметно, если конец нитей разволокнить и развернуть в одной плоскости. Особенно хорошо фиксируют картину поперечного сечения нитей легкие ткани (шифон, шелковое полотно и другие).

В ходе судебно-медицинских и криминалистических исследований одежды нередко возникают сложности при установлении механизма образования повреждений. На практике встречаются случаи, когда повреждения на одежде возникают при ударе о край твёрдого предмета (например, угол стола или металлическую конструкцию) или при падении на осколок стекла. В таких ситуациях характер повреждений может напоминать следы от ножа. Это множественные разрывы нитей, которые не совпадают с одной линией движения или же неравномерная глубина повреждений.

Таким образом, результаты данной работы позволили выделить устойчивые различия между повреждениями, нанесенными режущими, колюще-режущими и колющими предметами. При этом установлено, что в большинстве случаев определить конкретный экземпляр орудия невозможно из-за отсутствия стабильных индивидуализирующих признаков, а эластичность ткани приводят к искажению размеров повреждений.

На практике эксперт анализирует всю совокупность признаков, так как отдельные не могут дать достаточные основания для выводов. Для повышения эффективности исследования эксперты используют дополнительные методы. Поэтому, можно сказать, что для достоверного установления групповой принадлежности бытового орудия необходим комплексный подход, учитывающий как характеристики материала, так и изменения, возникающие после деформации.

Список литературы:

- [1] Андрейко Л. А. Зависимость морфологии колото-резаных повреждений от толщины и комбинации слоев одежды: научное издание / Л. А. Андрейко // Дальневосточный медицинский журнал. — 2008. — № 3. — С. 75-77.
- [2] Золотенкова Г. В., Зотова Н.В., Леонова Е.Н., Вершинина Е.К. Перспективы медикокриминалистического исследования морфологии следов крови на одежде / Г.В. Золотенкова, Н.В. Зотова, Е.Н. Леонова, Е.К. Вершинина // Судебная медицина. — 2019. — №S1. — С. 158-159.
- [3] Саркисян Б. А., Карпов Д. А., Шевчук Д. Ю. Морфологические особенности повреждений, причиненных осколками стекла и санфаянса / Б. А. Саркисян, Д. А. Карпов, Д. Ю. Шевчук // Сибирский журнал клинической и экспериментальной медицины. — 2011. — № 1-2. — С. 41-45.
- [4] Хмыз А. И. О значении экспертного эксперимента при производстве судебной экспертизы повреждений на одежде / А. И. Хмыз // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — №4. — С. 118-120.
- [5] Цай В.А., Галицкий Ф.А., Волох Д.Ю. Установление параметров орудия травмы при исследовании вещественных доказательств / В. А. Цай, Ф. А. Галицкий, Д. Ю. Волох // Судебно-медицинская экспертиза. — 1996. — №1. — С. 87-88.

References:

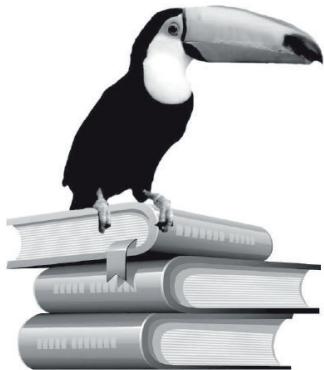
- [1] Andreyko L. A. Dependence of the morphology of stab and cut injuries on the thickness and combination of layers of clothing: scientific publication / L. A. Andreyko // Far Eastern Medical Journal. - 2008. - No. 3. - P. 75-77.

[2] Zolotenkova G. V., Zolotova N. V., Leonova E. N., Vershinina E. K. Prospects for a forensic medical study of the morphology of blood traces on clothing / G. V. Zolotenkova, N. V. Zolotenkova, E. N. Leonova, E. K. Vershinina // Forensic medicine. - 2019. - No. S1. - P. 158-159.

[3] Sarkisyan B. A., Karpov D. A., Shevchuk D. Yu. Morphological features of damage caused by glass and sanitary ware fragments / B. A. Sarkisyan, D. A. Karpov, D. Yu. Shevchuk // Siberian Journal of Clinical and Experimental Medicine. - 2011. - No. 1-2. - P. 41-45.

[4] Khmyz A. I. On the Importance of Expert Experimentation in the Production of Forensic Examination of Damage to Clothing / A. I. Khmyz // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2018. - No. 4. - P. 118-120.

[5] Tsai V. A., Galitsky F. A., Volokh D. Yu. Establishing the parameters of the weapon of injury during the examination of material evidence / V. A. Tsai, F. A. Galitsky, D. Yu. Volokh // Forensic medical examination. - 1996. - No. 1. - P. 87-88.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

САМОФАЛОВ С.С.,
аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин,
юридический факультет,
Мелитопольский государственный университет,
e-mail: samofalovya97@mail.ru

Научный руководитель:
САЕТГАРЕЕВА А. А.,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
юридический факультет,
Мелитопольский государственный университет,
e-mail: alis_bubin@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ДТП С УЧАСТИЕМ НЕСКОЛЬКИХ ВИНОВНЫХ ЛИЦ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблемным аспектам предварительного расследования дорожно-транспортных происшествий (ДТП), совершённых в условиях обоюдной вины или при наличии нескольких субъектов, чьи противоправные действия находятся в причинно-следственной связи с наступившими последствиями. Автор анализирует специфику установления механизма ДТП в ситуациях «цепных» столкновений и пересечения нарушений ПДД разными участниками движения. Особое внимание уделено трудностям оценки доказательств при противоречивых показаниях фигурантов, а также роли комплексных судебных автотехнических и судебно-медицинских экспертиз в разграничении степени ответственности каждого лица. В работе рассматриваются типичные следственные ошибки при квалификации действий водителей и предлагаются рекомендации по совершенствованию тактики осмотра места происшествия и проведения следственных экспериментов в условиях множественности виновных.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дорожно-транспортное происшествие (ДТП), расследование преступлений, множественность виновных, обоюдная вина, нарушение ПДД, автотехническая экспертиза, причинно-следственная связь, механизм ДТП, уголовная ответственность, следственный эксперимент.

SAMOFALOV S.S.,
Graduate Student,
Department of Criminal Law Disciplines,
Faculty of Law, Melitopol State University

Academic Supervisor:
SAYETGAREEVA A.A.,
Associate Professor,
Department of Criminal Law Disciplines
Faculty of Law, Melitopol State University

SPECIFIC FEATURES OF INVESTIGATING ROAD TRAFFIC ACCIDENTS INVOLVING MULTIPLE AT-FAULT PARTIES

ANNOTATION. The article is devoted to problematic aspects of the preliminary investigation of road traffic accidents committed in situations of mutual fault or involving several persons whose unlawful actions are causally connected with the resulting consequences. The author analyses the specific features of establishing the mechanism of a road traffic accident in cases of chain collisions and overlapping violations of traffic regulations by different road users. Special attention is paid to the difficulties of assessing evidence in the presence of contradictory statements by the persons involved, as well as to the role of comprehensive forensic automotive technical and forensic medical examinations in determining the degree of responsibility of each person. The article examines typical investigative errors in the legal classification of drivers' actions and proposes recommendations for improving the tactics of inspecting the accident scene and conducting investigative experiments in cases involving multiple at-fault parties.

KEY WORDS: road traffic accident, criminal investigation, multiple at-fault parties, mutual fault, violation of traffic regulations, forensic automotive technical examination, causal relationship, mechanism of a road traffic accident, criminal liability, investigative experiment.

Актуальность исследования по теме «Особенности расследования ДТП с участием нескольких виновных лиц». Высокий уровень аварийности на дорогах и сегодня формирует один из главных деструктивных факторов для социума, поскольку влечет за собой травматизм, гибель граждан и колоссальный экономический ущерб. При этом в следственной практике наиболее проблемным сегментом выступают дорожно-транспортные происшествия, спровоцированные некорректным поведением сразу нескольких независимых участников дорожного процесса. Научный разбор подобных инцидентов критически необходим для реализации базовых принципов правосудия — обеспечения всесторонности, транспарентности и беспристрастности следствия, что в конечном итоге гарантирует соразмерное и неотвратимое наказание для каждого причастного. Когда аварийная ситуация складывается из одновременного игнорирования ПДД пешеходами, водителями или иными лицами, возникает запутанное сплетение взаимосвязанных факторов, которые требуют детального криминалистического разбора. В таких условиях точное разграничение долей деликтной ответственности и оценка реального вклада каждого фигуранта в наступившие последствия превращаются в нетривиальную правовую дилемму. Любая следственная ошибка, поверхностный подход или искажение роли конкретного человека на данном этапе чреваты серьезными судебными последствиями: от ухода от ответственности истинных виновников аварии до неправомерного преследования непричастных граждан. Прикладной характер данной работы продиктован острым дефицитом действенных алгоритмов доказывания, адаптированных под специфику групповых нарушений. Требуется модернизация классического инструментария ведения следствия, включая трансформацию тактики проведения допросов, повышение качества осмотра аварийных участков дороги, реформирование экспертных подходов и оптимизацию перечня вопросов, адресуемых профильным специалистам. Итоговые выводы и аналитические выкладки исследования могут лечь в основу актуальных практических пособий для органов дознания и предварительного следствия, а также послужить вектором для модернизации уголовного и административного законодательства в сфере ответственности за коллективные правонарушения на транспорте. Исследованием особенности расследования ДТП с участием нескольких виновных лиц занимались такие ученые, как В.Ю. Антонов, А.С. Бахта, М.В. Беляев, Р.Р. Галимов, Н.В. Головкин, С.В. Зуев, Н.И. Исаев, А.Г. Кормаков, Е.Р. Россинская, Ю.В. Чуфаровский и другие. Цель нашего исследования — рассмотреть особенности расследования ДТП с участием нескольких виновных лиц.

Специфика доказывания и аналитическая

работа следователя при выявлении групповой противоправности. Производство по уголовным делам о дорожных инцидентах, вызванных неправомерными действиями сразу нескольких субъектов, сопряжено с серьезной аналитической нагрузкой. Такие расследования обязывают сотрудника ведомства к скрупулезной оценке мельчайших нюансов и к выстраиванию четких каналов коммуникации со смежными ведомствами и экспертными учреждениями. В общей массе дорожных правонарушений подобные прецеденты встречаются нечасто, однако именно они генерируют наиболее жесткие вызовы для правоохранительной системы. Вектор следственных действий при фиксации групповой деликтности смещается в сторону выявления жесткой детерминации (причинно-следственной связи) между поведенческими актами каждого фигуранта и итоговым столкновением. Поверхностный экспресс-анализ обстановки на начальном этапе осмотра нередко формирует иллюзию виновности лишь одного лица. Тем не менее, детальное погружение в материалы дела, перекрестный допрос очевидцев, расшифровка треков автомобильных регистраторов и верификация экспертных заключений зачастую вскрывают противоправный умысел или неосторожность со стороны других водителей или пешеходов. В данном контексте фундаментальное значение приобретает дифференциация прямой и опосредованной виновности, а также математически точное распределение долей ответственности между всеми участниками инцидента [4, с. 33].

1. Осмотр места происшествия (ОМП): геометрия следов. При столкновении нескольких транспортных средств (ТС) стандартная привязка следов к «краю проезжей части» является недостаточной и часто ведет к ошибкам при последующей автотехнической экспертизе.

- Комплексная фиксация: необходимо фиксировать не только положение машин относительно бордюра, но и взаимное расположение объектов в момент первичного контакта. Следы юза, осыпь стекла, фрагменты лакокрасочного покрытия и разлет пластика должны быть привязаны к «точке столкновения» (X, Y).

- Динамика торможения: фиксация следов торможения каждого участника относительно друг друга позволяет эксперту восстановить не только скорость, но и очередность действий водителей (кто начал тормозить первым, кто пытался маневрировать).

- Специфика военной техники: при участии в ДТП тяжелой техники (БТР, грузовики типа «Урал») следовая картина меняется: вместо классического «юза» могут оставаться глубокие борозды или специфические деформации дорожного покрытия, которые требуют измерения глубины и характера краев [8, с. 41].

2. Опрос участников: психологический фильтр. Психологический аспект расследова-

ния ДТП характеризуется состоянием стресса и мощным механизмом самооправдания.

- Феномен «туннельного зрения»: участники ДТП часто искренне не видят препятствия или другого участника. Их показания – это не всегда ложь, а результат физиологической реакции на опасность.

- Критическое отношение: военный следователь должен исходить из презумпции «субъективности» показаний водителей. Тактика: опрос участников проводится строго изолированно друг от друга сразу на месте, пока они не успели

выработать единую «защитную» версию или получить инструкции от командования [10, с. 86].

- Поиск объективных «свидетелей»:
 - технические средства: приоритет отдается данным ГЛОНАСС/GPS-мониторинга (для военной техники), видеорегистраторам сторонних машин и городским камерам.
 - незаинтересованные лица: пешеходы или водители встречных авто, не имеющие отношения к воинской части, являются ключевым звеном для преодоления «корпоративной солидарности» военнослужащих [2, с. 60].

Таблица 1. Практические рекомендации по осмотру места происшествия

Элемент	На что обратить внимание	Юридическое значение
Фототаблица	Панорамная, детальная и узловая съемка.	Позволяет провести 3D-реконструкцию ДТП.
Схема ДТП	Подписи всех участников о согласии с замерами.	Исключает возможность оспорить замеры в суде.
Проверка ТС	Фиксация состояния тормозной системы и освещения.	Позволяет исключить версию о «технической неисправности».

Приоритет объективной цифровой и материальной фиксации на начальном этапе следствия в условиях специфики военной юстиции. Отечественная доктрина построения доказательственной базы на начальном этапе расследования дорожно-транспортных происшествий, подследственных органам военной юстиции, требует радикального пересмотра традиционных приоритетов в пользу безусловного преобладания объективных технических средств над любыми вербальными источниками информации. В условиях специфики армейской среды классический следственный подход, опирающийся на первоначальные показания очевидцев и непосредственных участников инцидента, демонстрирует свою уязвимость и неэффективность. Это обусловлено действием двух мощных деструктивных факторов:

- Психофизиологический барьер: острое стрессовое состояние, вызванное аварией, неизбежно искажает восприятие времени, скорости и пространственных ориентиров водителями и пассажирами.

- Ведомственный барьер (субординация): жесткая иерархическая структура военной системы и специфика корпоративной солидарности создают колоссальное давление на рядовой и младший офицерский состав. Желание скрыть системные просчеты, страх перед дисциплинарным или уголовным наказанием, а также прямое влияние приказов со стороны вышестоящего командования нередко приводят к формированию ложных, искаженных или искусственно синхронизированных «защитных» версий случившегося. В противовес этому, материальные следы, зафиксированные на дорожном покрытии и элементах

инфраструктуры, а также цифровые маркеры полностью свободны от психологических деформаций, тактических уловок и влияния уставных взаимоотношений. Физика процесса — геометрия юза, траектории разлета осколков пластика и фрагментов лакокрасочного покрытия, глубина деформации грунта или асфальта тяжелой бронетехникой — подчиняется исключительно законам механики. Именно поэтому современный алгоритм доказывания на этапе возбуждения уголовного дела должен базироваться на жесткой триаде беспристрастных источников:

1. Телеметрические данные и системы навигации: снятие показаний с бортовых комплексов ГЛОНАСС/GPS-мониторинга, установленных на военной технике, позволяет с точностью до секунды и сантиметра восстановить скоростной режим, вектор движения и динамику маневрирования объекта до момента столкновения.

2. Цифровая видеофиксация: безотлагательное изъятие записей автомобильных регистраторов как участвующих, так и транзитных ТС, а также файлов с внешних систем купольного и городского видеонаблюдения позволяет изолировать истинную картину происшествия от последующих интерпретаций фигурантов.

3. Высокоточная фиксация вещественной обстановки: Использование методов лазерного сканирования и фотограмметрии при осмотре места происшествия позволяет создать цифровую модель дорожного инцидента, которую невозможно оспорить в суде. Таким образом, смещение фокуса военного следователя с субъективных показаний на материально-техническую следовую картину является единственной надежной

гарантией защиты следствия от умышленной дезинформации и административного давления. Научно обоснованная оценка вещественных доказательств на раннем этапе позволяет сформировать «неуязвимый» каркас обвинения или своевременно реабилитировать невиновных лиц, чей маневр был продиктован технической неизбежностью. Установление причинно-следственной связи ДТП:

1. Установление причинно-следственной связи: прямая или сопутствующая. Главная задача следователя – отсечь «информационный шум» (административные проступки) от юридически значимых действий, которые привели к столкновению.

- Тезис о разграничении: нарушение правил дорожного движения (ПДД) само по себе не является преступлением, предусмотренным ст. 264 УК РФ, если оно не находится в прямой причинно-следственной связи с наступившими последствиями (тяжкий вред здоровью или смерть).

- Сопутствующие нарушения: отсутствие страхового полиса, просроченное водительское удостоверение, отсутствие аптечки или даже управление ТС в состоянии опьянения (если водитель стоял на светофоре, а в него въехали) – это составы КоАП РФ. Они характеризуют личность, но не являются причиной аварии [6, с. 10].

- Непосредственная причина: это то действие (или бездействие), без которого столкновение физически не могло бы произойти (например, выезд на встречную полосу или превышение скорости, не позволившее войти в поворот).

2. Обоюдная вина и «момент возникновения опасности». Понятие обоюдной вины в уголовном процессе отличается от гражданского. Следователь должен определить степень ответственности каждого участника через призму «технической возможности».

Момент возникновения опасности (МВО) – это

точка во времени и пространстве, когда водитель объективно мог и должен был понять, что дальнейшее движение в прежнем режиме приведет к ДТП.

- Для первого участника (нарушителя): МВО – это момент начала его маневра (например, начало поворота налево без уступки дороги).

- Для второго участника (условно «пострадавшего»): МВО – это момент, когда маневр первого участника стал очевиден. С этого секунды ПДД (п. 10.1) обязывают его применить экстренное торможение [1, с. 15].

Техническая возможность избежать ДТП: если экспертиза установит, что второй водитель в момент возникновения опасности имел техническую возможность остановиться (т.е. его тормозной путь был меньше расстояния до точки столкновения), но он не нажал на тормоз или решил «проскочить», его действия также могут быть признаны преступными.

3. Практические рекомендации для установления причинно-следственной связи:

1. Принцип исключения: при квалификации необходимо последовательно исключать все нарушения ПДД, которые не влияли на траекторию и скорость ТС в момент удара.

2. Субъективная оценка МВО: важно учитывать погодные условия и освещенность. Если водитель не видел препятствия из-за густого тумана или ослепления, момент возникновения опасности для него смещается, что может полностью исключить его вину.

3. Военная специфика: при расследовании ДТП с колоннами военной техники МВО для водителя-солдата часто связан с командами старшего машины. В этом случае вопрос о причинно-следственной связи может сместиться с водителя на должностное лицо, отдавшее неверный приказ [9, с. 55].

Таблица 2. Общая структура расследования ДТП

Этап	Главный фокус
ОМП	Геометрия следов и взаимное расположение ТС.
Опрос	Поиск объективных данных (видео) против субъективных версий.
Связь	Отделение «формальных» нарушений от причин аварии.
Вина	Расчет технической возможности избежать столкновения.

Роль судебных экспертиз. Судебная экспертиза в делах о ДТП – это «царица доказательств». Если свидетельские показания субъективны, то законы физики и механики, зафиксированные в экспертном заключении, оспорить практически невозможно. Ниже представлен разбор роли ключевых экспертиз в системе военного следствия:

1. Комплексная автотехническая экспертиза – эта экспертиза является фундаментом обвинительного заключения. Она переводит следы на асфальте в конкретные цифры: скорость, время реакции и метры.

- Главный инструмент: следователь не должен ограничиваться вопросом «кто нарушил ПДД?». Эксперт – не юрист. Самый важный во-

прос для него: «Располагал ли водитель [А] и водитель [Б] технической возможностью предотвратить столкновение путем экстренного торможения?»

- Индивидуальный расчет: техническая возможность рассчитывается для каждого участника отдельно. Если эксперт говорит: «Водитель А имел возможность остановиться за 5 метров до точки удара, но не сделал этого», то вина становится очевидной, даже если второй участник формально «подрезал» его.

- Учет специфики ТС: для военной техники (например, многоосных тягачей или бронемашин) эксперт обязан учитывать увеличенный тормозной путь и специфику обзорности из кабины («слепые зоны» БТР/БМП), что часто становится реабилитирующим фактором для водителя-военнослужащего [3, с. 18].

2. Трасологический анализ. Трасология отвечает на вопросы о динамике процесса, когда машин больше двух и всё превратилось в «слоеный пирог» из металла.

- Восстановление последовательности: в массовых ДТП (цепочках) критически важно понять: кто ударил первым? Часто первый удар лишь слегка сдвигает машину, а второй (более мощный) выбрасывает её на встречную полосу.

- Чей удар стал фатальным? Трасолог совместно с судмедэкспертом определяет, в какой именно момент были получены смертельные травмы. Пример: если военнослужащий врезался в уже столкнувшиеся машины, но эксперт докажет, что люди в них погибли от первого удара (до прилета военного грузовика), состав ст. 264 УК РФ в действиях военного водителя будет отсутствовать.

- Механизм слеодообразования: анализ формы вмятин и царапин позволяет определить угол столкновения и то, находились ли машины в движении или одна из них стояла на месте [7, с. 37].

3. Практические советы: список вопросов эксперту. Чтобы экспертиза не была «пустой», в постановлении рекомендуется указывать следующие вопросы:

1) Какова была фактическая скорость ТС в момент начала торможения и в момент столкновения?

2) Какова величина тормозного и остановочного пути ТС в данных дорожных условиях?

3) В какой момент возникла опасность для водителя [Фамилия] и каково было расстояние до препятствия в этот момент?

4) Какова последовательность столкновений (контактов) транспортных средств, исходя из характера повреждений и следов на дорожном покрытии?

5) Соответствовали ли действия водителя [Фамилия] требованиям пунктов [№] ПДД РФ и была ли у него техническая возможность избе-

жать ДТП? [5, с. 18]. Судебная экспертиза в делах о ДТП трансформирует хаос происшествия в строгую физическую модель. Без постановки вопроса о технической возможности предотвращения аварии для каждого участника расследование нельзя считать полным и объективным. Типичные следственные ошибки в делах о ДТП:

1. Обвинительный уклон: ловушка «очевидного виновника». Обвинительный уклон часто возникает из-за желания упростить сложное многофакторное событие до линейной схемы «нарушитель – жертва».

- Суть ошибки: следователь концентрирует всё внимание на водителе, который совершил «грубое» и явное нарушение (например, выезд со второстепенной дороги), полностью игнорируя действия второго участника (например, значительное превышение скорости или отсутствие попытки торможения).

- Тезис о «совиновности»: в делах о ДТП вина редко бывает абсолютной. Если второй водитель ехал со скоростью 120 км/ч в зоне 60 км/ч, он лишил первого водителя возможности правильно оценить дистанцию.

- Процессуальное последствие: игнорирование ошибок второго участника ведет к тому, что в суде защита легко разваливает обвинение, доказывая, что именно действия «потерпевшего» стали технической причиной невозможности избежать столкновения.

- Рекомендация: проверка действий каждого участника на соответствие ПДД должна быть равновесно глубокой, независимо от их процессуального статуса (подозреваемый/потерпевший) [4, с. 35].

2. Поверхностный следственный эксперимент. Следственный эксперимент (СЭ) проводится для проверки видимости, слышимости или возможности совершения действий. В делах о ДТП это один из самых сложных видов проверки.

- Статическая ошибка (тезис): главная ошибка – проведение эксперимента «в статике» или по упрощенной схеме. Например, замеряется только расстояние видимости стоящего объекта, в то время как в реальности оба объекта двигались навстречу друг другу [6, с. 13].

- Игнорирование динамики:

- Не учитывается время реакции водителя в конкретной обстановке.

- Не воссоздаются реальные погодные условия (сумерки, блики от фар, мокрый асфальт).

- Используется другое транспортное средство (например, легковое авто вместо грузовика с высокой посадкой и иными углами обзора) [8, с. 43].

- Последствия: результаты такого эксперимента легко опротестовываются экспертом-автотехником, так как исходные данные (вводные), полученные следователем, математически не стыкуются с законами динамики.

Таблица 3. Типичные следственные ошибки и способы их нейтрализации

Ошибка	Способ нейтрализации
Обвинительный уклон	Назначение экспертизы с вопросом о технической возможности для всех водителей.
Поверхностный СЭ	Привлечение эксперта-автотехника к участию в эксперименте для контроля параметров.
Неверный МВО	Тщательный допрос о моменте, когда водитель впервые увидел опасность, а не когда нажал на тормоз.

Таким образом, следственная ошибка в делах о ДТП – это не просто процессуальный брак, а искажение физической реальности события. Только полный отказ от обвинительного уклона и математически точное проведение следственных экспериментов позволяют достичь истины, исключив необоснованное осуждение военнослужащих. Производство по делам о дорожных инцидентах, специфика которых неразрывно связана с условиями прохождения военной службы, накладывает на процессуальное лицо особую интеллектуальную ответственность. Базовых юридических компетенций, ограничивающихся знанием материального и уголовно-процессуального права, в данном случае становится категорически недостаточно. От следователя требуется безупречная ментальная непредвзятость и способность абстрагироваться от поверхностных выводов. Профессиональный анализ аварии обязывает сотрудника ведомства реконструировать сложную пространственно-временную матрицу, в рамках которой пространственные векторы, скоростные показатели, траектории маневрирования объектов и психоэмоциональный статус водителей исследуются в качестве компонентов неделимого системного комплекса. Единственным надежным барьером против вынесения необоснованных обвинений и совершения системных процессуальных браков является полный отказ от примитивного, линейного алгоритма доказывания, сводящегося к упрощенной формуле «виновен тот, кто первым допустил формальное отступление от правил». Вместо этого на передний план должен выходить скрупулезный математический расчет технического потенциала предотвращения столкновения, применимый индивидуально к каждому

фигуранту дела. Только такой глубокий аналитический подход позволяет защитить правосудие от субъективных искажений и гарантирует справедливое распределение деликтной ответственности. Считать обязательным использование программных комплексов 3D-моделирования и анимационной реконструкции при расследовании ДТП с тремя и более участниками, а также в случаях с летальным исходом. В многофигурных авариях объем следовой информации и противоречивость показаний создают хаос, который трудно осознать через плоские схемы. 3D-модель позволяет:

- 1) визуализировать «момент возникновения опасности» глазами каждого водителя (вид из кабины).
- 2) наглядно продемонстрировать суду и участникам процесса, на каком этапе действий конкретного лица ситуация стала необратимой.
- 3) синхронизировать данные ГЛОНАСС, видеорегистраторов и трасологических экспертиз в едином временном потоке.

Интеграция подобных виртуальных реконструкций в процесс судебного разбирательства минимизирует риски деструктивного маневрирования фактами со стороны адвокатуры, одновременно укрепляя легитимность и убедительность позиции обвинения за счет придания доказательственной базе статуса безусловной наглядности. В связи с этим, замена устаревших двумерных графических планов детализированными цифровыми копиями транспортных происшествий выступает не просто следованием современным технологическим трендам, а безальтернативным инструментом реализации принципа законности в контексте стремительного усложнения технической инфраструктуры в вооруженных силах.

Список литературы:

- [1] Антонов В.Ю. Расследование преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта: учебное пособие / В.Ю. Антонов. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 192 с.
- [2] Бахта А.С. Особенности доказывания по уголовным делам о ДТП с множественностью участников / А.С. Бахта. – Хабаровск: Изд-во ДВЮИ МВД России, 2022. – 156 с.
- [3] Беляев М.В. Судебная экспертиза при расследовании дорожно-транспортных происшествий: практическое пособие / М.В. Беляев. – М.: Проспект, 2024. – 208 с.
- [4] Галимов Р.Р. Криминалистическая тактика осмотра места происшествия по делам о ДТП / Р.Р. Галимов. – Уфа: Омега, 2020. – 144 с.
- [5] Головкин Н.В. Методика расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных в условиях неочевидности / Н.В. Головкин. – СПб.: Юридический центр, 2023. – 220 с.

- [6] Зуев С.В. Использование цифровых технологий в расследовании преступлений против безопасности движения / С.В. Зуев. – М.: Юрайт, 2024. – 188 с.
- [7] Исаев Н.И. Уголовная ответственность за нарушение ПДД: вопросы квалификации и разграничения вины / Н.И. Исаев. – М.: Норма, 2021. – 240 с.
- [8] Кормаков А.Г. Проблемы установления причинной связи при расследовании групповых нарушений ПДД / А.Г. Кормаков. – Екатеринбург: Уральское издательство, 2022. – 176 с.
- [9] Россинская Е.Р. Судебная экспертология и экспертная деятельность в уголовном процессе / Е.Р. Россинская. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 432 с.
- [10] Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология в следственной практике по делам о ДТП / Ю.В. Чуфаровский. – М.: Эксмо, 2023. – 312 с.

References:

- [1] Antonov V.Yu. Investigation of Crimes against Traffic Safety and Transport Operation: A Study Guide / V.Yu. Antonov. – Moscow: Yurлитinform, 2021. – 192 p.
- [2] Bakhta A.S. Features of Evidence in Criminal Cases of Road Accidents with Multiple Participants / A.S. Bakhta. – Khabarovsk: Publishing House of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. – 156 p.
- [3] Belyaev M.V. Forensic Examination in Road Accident Investigation: A Practical Guide / M.V. Belyaev. – Moscow: Prospect, 2024. – 208 p.
- [4] Galimov R.R. Forensic Tactics of Crime Scene Inspection in Road Accident Cases / R.R. Galimov. – Ufa: Omega, 2020. – 144 p.
- [5] Golovko N.V. Methodology for Investigating Road Traffic Crimes Committed in Conditions of Non-Obviousness / N.V. Golovko. – St. Petersburg: Legal Center, 2023. – 220 p.
- [6] Zuev S.V. Use of Digital Technologies in Investigating Crimes against Traffic Safety / S.V. Zuev. – Moscow: Yurait, 2024. – 188 p.
- [7] Isaev N.I. Criminal Liability for Traffic Violation: Issues of Qualification and Delimitation of Guilt / N.I. Isaev. – Moscow: Norma, 2021. – 240 p.
- [8] Kormakov A.G. Problems of Establishing Causality in the Investigation of Group Traffic Violations / A.G. Kormakov. – Yekaterinburg: Ural Publishing House, 2022. – 176 p.
- [9] Rossinskaya E.R. Forensic Expertology and Expert Activity in Criminal Proceedings / E.R. Rossinskaya. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2025. – 432 p.
- [10] Chufarovskiy Yu.V. Legal Psychology in Investigative Practice in Road Accident Cases / Yu.V. Chufarovskiy. – Moscow: Eksmo, 2023. – 312 p.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.07.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-3-164-171

КИСЕЛЕВ Даниил Валерьевич,
студент,
Аккредитованное образовательное частное
учреждение высшего образования
«Московский финансово-юридический университет МФЮА»,
e-mail: daniilkiselyov@icloud.com

БУХГАЛТЕРСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ОПЕРАЦИЙ ПО УЧЕТУ ТРУДА И ЕГО ОПЛАТЫ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается учет операций по учету труда и его оплаты в ООО «Ю-ТИ-Джи Внуково». При этом наибольший акцент направлен на показатели, которые используются при проведении бухгалтерской экспертизы. Проведение такой экспертизы направлено на отражение достоверности сведений и их корректность при ведении представленного ранее учета. В процессе экспертизы проводится исследование первичной документации, которая отражает ведение учета труда и его оплаты. Однако в бухгалтерская экспертиза предусматривает наличие ряда недостатков, которые возможно устранить за счет внедрения мероприятий технологического и законодательного характера.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: бухгалтерская экспертиза, бухгалтерский учет, заработная плата, учет труда, трудовая деятельность, работники.

KISELEV Daniil Valerievich,
Student,
Accredited educational private institution of higher education
«Moscow Financial and Law University of MFUA»

ACCOUNTING EXPERTISE OF LABOR ACCOUNTING AND PAYMENT OPERATIONS

ANNOTATION. The article discusses the accounting of labor and payroll operations at Yu-TI-Ji Vnukovo LLC. The focus is on the indicators used in the accounting examination. This examination aims to verify the accuracy and completeness of the accounting records. It involves examining the primary documentation related to labor and payroll. However, the accounting examination reveals several shortcomings that can be addressed through technological and legislative measures.

KEY WORDS: accounting expertise, accounting, wages, labor accounting, labor activity, employees.

Введение

Трудовая деятельность каждого хозяйствующего субъекта имеет прямую зависимость от организационной деятельности субъекта, а также правомерного и рационального использования трудовых ресурсов. При этом в качестве трудовых ресурсов рассматривается человеческий показатель, который характеризуется в виде работников и их интенсивной производительности. Трудовая деятельность каждого работника отражается в бухгалтерском учете и подвергается оплате.

Актуальность работы связана с тем, что в каждом хозяйствующем субъекте осуществляется ведение бухгалтерского учета с отражением сведений на специализированных счетах и в соответствующей документации. Дополнительно следует

выделить то, что оплата труда производится с помощью различных программ на основании представленных документов, которые подтверждают трудовую деятельность работника. Однако при ведении бухгалтерского учета труда и его оплаты могут возникнуть различные ошибки, недочеты и так далее, что характеризует необходимость проведения экспертизы и дополнительных проверок.

Целью данной работы является изучение и рассмотрение бухгалтерской экспертизы операций по учету труда и его оплаты.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

- ознакомиться с теоретическими сведениями в области проведения бухгалтерской экспертизы операций по учету труда и его оплаты;
- рассмотреть бухгалтерский учет операций

по учету труда и его оплаты;

- выделить проблемы бухгалтерской экспертизы операций по учету труда и его оплаты;

- разработать мероприятия по совершенствованию бухгалтерской экспертизы операций по учету труда и его оплаты.

Объектом исследования в данной работе является ООО «Ю-ТИ-Джи Внуково» (г. Москва).

Предметом исследования является бухгалтерский учет по учету труда и его оплаты.

Степень научной разработанности проблемы. Данное исследование направлено на рассмотрение трудовых ресурсов и их учета в соответствии с правовыми нормами, и поэтому неслучайно обращение к трудам ведущих специалистов в области бухгалтерского учета, права и экономики. В работах М.А. Штефан, О.А. Замотаевой, Н.В. Максимовой и ряда других авторов мы находим освещение вопросов о правовом регулировании бухгалтерского учета операций по учету труда и его оплаты.

Теоретической и методологической основой работы послужили положения и выводы, сформулированные в трудах отечественных и зарубежных ученых в области юриспруденции, бухгалтерского учета и экономики. Методика исследования основана на использовании дидактической логики и системного подхода. В зависимости от конкретных задач исследования в работе использовались *методы*: научной абстракции, анализа и синтеза, метод дедукции и индуктивный метод, логический метод и метод сравнительного анализа.

Информационно-эмпирической базой исследования послужили научные, методологические, учебные и информационные издания российских и зарубежных авторов. В исследовании используются информативные источники и исследования в области бухгалтерского учета. Эмпирической основой исследования является фактическая и статистическая база данных ООО «Ю-ТИ-Джи Внуково» и другие опубликованные источники.

Основная часть

Основное направление в ведении бухгалтерского учета характеризуется учетом труда и его оплаты. Именно данное направление способствует систематизации и формированию информационной структуры касательно показателей выплат в виде вознаграждения за трудовую деятельность.

Учет труда и его оплата предусматривает наличие ряда этапов, которые подвергаются бухгалтерскому учету. Среди основных этапов выделяются следующие:

- учет рабочего времени. Сведения о количестве отработанного времени отражаются в первичной документации;

- начисление заработной платы. Проведение расчетов осуществляется после поступления первичной документации. При этом в процес-

се расчета применяются утвержденные нормы и учитываются условия по оплате труда. Расчет осуществляется по каждому определенному сотруднику за фактически отработанный период времени;

- из начисленного заработка осуществляется исчисление налогов и иных видов удержаний. Налог является обязательным исчислением из заработной платы, но дополнительно может осуществляться вычет по исполнительному производству;

- начисление страховых взносов. На итоговую сумму заработной платы, которая была начислена сотруднику, начисляются суммы, которые уплачивает работодатель в пользу страхового обеспечения;

- осуществление выплаты заработной платы. После всех удержаний итоговая сумма перечисляется работнику на банковский счет или выплачивается из кассы учреждения в соответствии с платежной ведомостью [6, с. 168].

Следовательно, представленные сведения характеризуют заработную плату в качестве вознаграждения, которое получает работник за выполнение обязанностей в ведении трудовой деятельности. При этом заработная плата состоит из ряда элементов:

- основная часть, которая предусматривает установленную сумму оклада или ставку по тарифу;

- надбавки и доплаты, которые выплачиваются работнику за проведение дополнительного вида работ, то есть предусматривается работа свыше установленного времени, наличие вредных условий труда и так далее;

- бонусы и премии, которые выплачиваются на основании достигнутых показателей;

- начисление компенсаций за расходы в период командировки или неиспользованный отпуск.

Все элементы заработной платы должны быть отражены в бухгалтерском учете, что позволяет провести анализ по расходованию средств на выплату заработной платы. Дополнительно учитываются периоды листов нетрудоспособности, так как за первые три дня оплату производит работодатель [4, с. 39].

В процессе судопроизводства уделяется особое внимание непосредственно бухгалтерской экспертизе. Данная значимость экспертизы обусловлена тем, что ее результаты могут использоваться при вынесении решения по делам административного, уголовного или гражданского характера. В зависимости от вида дела предусматривается проведение судебно-бухгалтерской экспертизы, что способствует определению меры и привлечению ответственных лиц к ответственности [7, с. 43].

Экспертиза проводится для достижения основной цели. Целью экспертизы является установление достоверности показателей финансового учета, отчетности и ведения основной деятельности в хозяйствующем субъекте.

Проведение экспертизы осуществляется для достижения определенных задач. В качестве основных задач выделяются следующие:

- выявление различных ошибок в процессе ведения бухгалтерского учета;
- установка фактов хищения и обнаружение недостатков. Дополнительно определяются обстоятельства, которые повлияли на возникновение данных фактов;
- установление фактических сведений касательно денежных средств или товарно-материальных ценностей. В данном случае акцентируется внимание на излишках;
- анализ проведенных ранее ревизий с целью определения качества и достоверности сведений;
- определение размера ущерба материального характера, который был причинен хозяйствующему субъекту;
- выяснение численности объектов, которые находятся в собственности организации или предприятия [3, с. 67].

Таким образом, представленные задачи характеризуют значимость и необходимость проведения судебно-бухгалтерской экспертизы. При этом каждая задача дает возможность выявить и при необходимости своевременно устранить недостатки в ведении бухгалтерского учета.

Назначение бухгалтерской экспертизы осуществляется при возникновении спорных ситуаций, то есть при возникновении разногласий между определенными хозяйствующими субъектами. Данные споры возникают исключительно при разногласиях в ведении основной деятельности. В качестве основных ситуаций выделяются следующие:

- предоставление претензий со стороны органов ведения контроля. В качестве таких органов выделяются органы таможенной службы, налоговая инспекция и другие;
- возникновение споров с контрагентами и разнообразные конфликты корпоративного характера;
- ведение расследования уголовных дел, в которых составом являются экономические отношения. В качестве таких отношений выделяются: хищение, уклонение от уплаты налогов, нецелевое расходование денежных средств и так далее;
- отсутствие финансовой стабильности хозяйствующего субъекта, то есть возникновение банкротства в организации [5, с. 81].

Полученное в процессе бухгалтерской экспертизы заключение со стороны эксперта не обладает установленной силой для судебных инстанций. Точнее такое заключение подвергается оценке совместно с иными доказательствами, которые были представлены участниками судебного процесса и связаны с рассматриваемым делом. Следовательно, заключение бухгалтерской экспертизы может подтвердить или опровергнуть наличие нарушений в плане ведения бухгалтерского учета.

Среди различных исследователей проводилось изучение методов по проведению экспертизы расчетов по оплате труда. Данные исследования отражены в научных журналах в качестве авторских статей. Таким образом, следует выделить несколько исследований, связанных с экспертизой расчетов по оплате труда.

«Экспертное исследование вопросов, связанных с начислением и выплатой заработной платы и иных установленных законодательством выплат: методические рекомендации» (М. М. Виноградова, Н. Н. Бондарь). В работе рассматриваются основные подходы к проведению судебных экспертиз, связанных с начислением и выплатой зарплаты. Описываются задачи эксперта, объекты исследования, приводятся примеры решения экспертных задач. Также проведён краткий анализ правового регулирования ответственности за невыплату зарплаты за рубежом.

«Методика судебно-бухгалтерской экспертизы невыплаты заработной платы» (Т. В. Пашенко, Т. Г. Шешукова). В статье конкретизированы подходы к определению предмета экспертизы, определён круг объектов, установлены основные методы экспертного исследования. Авторы ограничили перечень вопросов, которые могут быть поставлены перед экспертом, и указали требования к разработке методики конкретной экспертизы.

«Методика судебно-бухгалтерской экспертизы невыплаты заработной платы» (А. Ш. Абубекирова, В. Н. Бильский, О. А. Ясова). Работа посвящена вопросам формирования методики производства судебно-бухгалтерской экспертизы невыплаты заработной платы. В ней конкретизированы подходы к определению предмета экспертизы, определён круг объектов, установлены основные методы экспертного исследования.

«Методика судебно-бухгалтерской экспертизы невыплаты заработной платы» (К. Р. Шельтик, Н. К. Беккалиева). В статье рассматривается понятие судебно-бухгалтерской экспертизы, методология экспертизы невыплаты заработной платы, а также этапы её проведения. Даны общие рекомендации по устранению выявленных ошибок и недостатков.

«Судебно-бухгалтерская экспертиза расчётов с персоналом по оплате труда: проблемы и совершенствование» (В. А. Юматов, В. А. Тимченко, С. В. Козменкова, Г. С. Клычова). В работе отмечается, что создание универсальных методик для решения конкретных задач судебно-бухгалтерской экспертизы расчётов по заработной плате невозможно из-за их вариативности. Однако научное сообщество допускает разработку методических рекомендаций, содержащих систематизированную информацию о задачах такого вида экспертизы. В такие рекомендации целесообразно включить типовые вопросы эксперту, термины, перечень учётных документов, необходимых для исследования, а также приёмы, применяемые

в рамках экспертизы.

«Особые вопросы методики проведения судебно-бухгалтерской экспертизы по определению задолженности по заработной плате» (В. Ю. Епанчинцев). Исследование посвящено методике проведения судебно-бухгалтерской экспертизы задолженности по заработной плате в случаях, требующих применения специальной экспертной тактики. На примере конкретных кейсов за период 22 месяцев проанализировано начисление основной и дополнительной заработной платы. Автор предлагает методику, которая включает четыре этапа: идентификацию и таксировку сумм, начисленных без согласования с работодателем; перерасчет среднедневного заработка; корректировочный расчет заработной платы с учетом вычета излишне начисленных сумм; определение ежегодного и итогового сальдо расчетов по оплате труда.

Эти работы затрагивают различные аспекты методики экспертизы расчетов по оплате труда, включая определение предмета и объектов экспертизы, методы исследования, этапы проведения экспертизы и проблемы, возникающие в этой сфере. При этом выделяются дискуссионные вопросы в области использования методов при проведении экспертизы, что является основой для выявления отклонений и возможности внедрения мероприятий, направленных на развитие. Также значимость изучения учета труда и его оплаты обусловлено внесением ряда изменений в законодательную базу и появление новых методических рекомендаций по проведению расчетов.

Каждый эксперт в области исследования ведения бухгалтерского учета по расчету заработной платы проводит собственный анализ, что дает отражение в формировании собственных выводов по проведению экспертизы на правомерное ведение бухгалтерского учета. Однако внесение изменений в законодательную базу может оказать особое влияние на расчет заработной платы и ее отражение в бухгалтерском учете. Особое внимание уделяется тому, что не все организации оповещены о внесении изменений в проведении расчетов. В качестве примера выделяется расчет заработной платы с учетом наличия листов нетрудоспособности. Информация о листах нетрудоспособности при условии уплаты фонда страхования отображается через программное обеспечение, но ряд листов нетрудоспособности не поступают своевременно, что может отразиться на расчете заработной платы. Следовательно, выделяется необходимость изучения данного вопроса. Также ряд изменений в расчеты заработной платы подлежат изучению, так как изменения могут отражаться на показателях организации, что характеризуется возникновением кредиторской или дебиторской задолженности.

Бухгалтерская экспертиза проводится в соответствии с требованиями законодательной базы. При этом правовая основа характеризуется

применением различных нормативно-правовых актов, которые содержат в себе отношения общественного характера в области судебно-экономической экспертизы. Дополнительно определенную роль в бухгалтерской экспертизе играют органы государственной власти и нормы по ведению бухгалтерского учета.

В качестве основных нормативно-правовых актов выделяются следующие:

1) Федеральный закон от 31.05.2001 №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [1];

2) Федеральный закон от 06.12.2011 №402-ФЗ «О бухгалтерском учете». Он устанавливает единые правовые и методологические основы организации бухгалтерского учета в России [2];

3) Кодифицированные акты различных отраслей права, такие как УПК РФ, ГК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, НК РФ, ТК РФ, КоАП РФ;

4) Акты законодательной и исполнительной власти, среди которых указы и распоряжения Президента РФ, постановления Правительства РФ, акты ведомственного и межведомственного характера, приказы, указания, инструкции министерств России;

5) Положения по бухгалтерскому учету (ПБУ), разработкой которых занимается Министерство финансов РФ.

Дополнительно в нормативно-правовых актах выделяются обязанности и права эксперта, который осуществляет проведение судебно-экономической экспертизы. Помимо этого, следует отметить разнообразные виды ответственности, которые носят юридический характер.

По отношению к учету труда и его оплате также проводится бухгалтерская экспертиза. С ее помощью обеспечивается соблюдение требований законодательной базы. При этом основная цель экспертизы заключается в проверке отражения достоверных сведений в учете и выявление различных ошибок. Помимо представленных показателей имеется возможность предотвратить риски финансового характера и риски в области налогообложения.

Основные задачи бухгалтерской экспертизы по учету труда и его оплате заключаются в следующем:

– проведение анализа на соответствие учетной политики хозяйствующего субъекта в области оплаты труда с требованиями законодательной базы;

– выявление различных ошибок при проведении расчета заработной платы и начислении налогов;

– проведение оценки на отражение эффективности методов учета и расчетом с работниками, которые применяются в организации.

С помощью решения каждой задачи имеется возможность полноценного отражения бухгалтерского учета операций по учету труда и его оплаты. Проведение бухгалтерской экспертизы

осуществляется с помощью применения различных методов:

- проведение анализа документации. В данном методе проводится проверка первичной документации, которая предусматривает табеля учета рабочего времени, ведомости по проведенным расчетам и заключенные трудовые договора;
- процедуры аналитического характера, что заключается в сравнении сведений бухгалтерского учета с показателями нормативов и регламентированной внутренней документацией;
- проведение выборочного контроля. Представленный метод предусматривает проведение проверки определенных операций на предмет, который соответствует ведению учетной политики;
- проведение программного аудита. Применение специализированных программных средств, которые способствуют проведению проверки на корректное проведение расчетов.

Таким образом, в качестве основных объектов бухгалтерской экспертизы рассматривается первичная документация по учету труда и его оплаты и иные документы хозяйствующего

субъекта. Также выделяются информационные источники для проведения исследования, что характеризуется правовой документацией, бухгалтерской отчетностью и так далее.

Зарботная плата является основой для каждой организации и предусматривает ряд нюансов, которые необходимо учитывать при расчете заработной платы. Дополнительно по отношению к каждому сотруднику осуществляется начисление страховых взносов, которые уплачиваются организацией за счет собственных средств. Однако необходимо учитывать изменения в законодательной базе и в расчетов страховых взносов, так как в случае каких-либо нарушений предусматривается наложение штрафов и выделяется искажение сведений о доходах сотрудников.

Анализ ведения бухгалтерского учета труда и его оплаты был проведен на примере ООО «Ю-ТИ-Джи Внуково». Деятельность данной организации заключается в организации перевозок грузов и пассажиров. При этом среднесписочная численность сотрудников за 2024 год составляет 1 250 человек. Показатели среднемесячной заработной платы отражены в таблице 1.

Таблица 1. Среднемесячная заработная плата ООО «Ю-ТИ-Джи Внуково» за 2022-2024 гг. [8]

2024 г.	1250 человек	160,8 тыс. руб.
2023 г.	922 человека	124 тыс. руб.
2022 г.	350 человек	84,8 тыс. руб.

Показатели среднемесячной заработной платы отражают увеличение показателя не только в качестве сумм, но также в увеличении среднесписочной численности работников. Данные показатели также могут отражать развитие основной деятельности, что влечет привлечение новых сотрудников.

В бухгалтерском учете организации учет труда и его оплаты отражается на счете 70 «Расчеты с персоналом по оплате труда». При этом для корректного ведения бухгалтерского учета осуществляется использование следующих документов:

- 1) табель учета рабочего времени (форма Т-12). В данном документе отражаются сведения о рабочем и нерабочем времени, то есть отражаются выходные, больничные, отпуска и так далее;
- 2) расчетная ведомость (форма Т-51). Документ необходим для проведения расчета заработной платы независимо от выдачи денежных средств;
- 3) платежная ведомость (форма Т-53). Данный документ используется для проведения выдачи заработной платы из кассы организации или предприятия, то есть средства выдаются в наличной форме;
- 4) расчетно-платежная ведомость (форма Т-49). Представленный документ применяется как для проведения расчета заработной платы,

так и для ее выдачи наличными средствами;

5) лицевой счет (форма Т-54). В лицевом счете отражены сведения обо всех начислениях, удержания и выплатах по каждому сотруднику. То есть на каждого сотрудника оформляется лицевой счет, в котором отражены представленные ранее сведения;

6) записка-расчет о предоставлении отпуска (форма Т-60) и при прекращении трудовой деятельности (форма Т-61). В данном документе отражается расчет среднего заработка за определенный период времени и окончательная сумма начисленной заработной платы.

Каждый из представленных документов является необходимым для ведения бухгалтерского учета по учету труда и его оплаты. Следовательно, со стороны эксперта при проведении бухгалтерской экспертизы проводится исследование каждого документа и сравниваются показатели бухгалтерского учета. Дополнительно экспертом могут рассматриваться отчеты, которые относятся к заработной плате, то есть анализируется РСВ, 6-НДФЛ, ПСВ и так далее.

Однако несмотря на ряд документов, которые применяются для проведения бухгалтерской экспертизы и способствующие полноценному отражению трудовой деятельности, возникает ряд недостатков. В качестве основных недостатков

выделяются следующие:

- сложности с нормативным регулированием. При проведении экспертизы расчётов по оплате труда проблемным остаётся нормативное регулирование бухгалтерского учёта, которое начало складываться много лет назад;

- отсутствие коллективного договора. Это осложняет проведение экспертизы, так как становится затруднительным исследование установленных систем и форм оплаты труда, окладов и доплат различного вида. Кроме того, при начислении в организации стимулирующих выплат в случае отсутствия коллективного договора производство экспертизы невозможно ввиду противоречия этих операций законодательству РФ;

- трудности с работой цифровых следов. Цифровые следы поступают на экспертное исследование не на отдельных носителях компьютерной информации, а содержатся в компьютерных программах. Для сбора следов на электронных носителях информации при производстве следственных действий необходимо участие специалиста в области компьютерных технологий;

- сложности с формулировкой вопросов эксперту. Лица, назначающие экспертизу, нередко затрудняются в определении того, какую экспертизу назначить – бухгалтерскую или экономическую, возникают также сложности с формулировкой вопросов эксперту или экспертам;

- вариативность задач. Создание методик по решению конкретных задач судебно-бухгалтерской экспертизы расчётов по заработной плате невозможно, ввиду её вариативности.

При анализе учета оплаты труда в организации обнаружены ряд ошибок и недостатков, что влечет возникновение ряда рисков для организации. Метод выявления ошибок представлен в качестве проведения сравнительного анализа и аналитических показателей по отчетным данным и действительным показателям.

Метод сравнительного анализа – это метод исследования, при котором два или более объектов, процессов, показателей или решений сопоставляются по заранее определенным критериям с целью выявления сходств, различий, преимуществ, недостатков и закономерностей. В данном случае по имеющимся сведениям представленный метод является основным и способствует выявлению недостатков, которые связаны с отражением основных показателей.

Первоначальная ошибка связана с начислением страховых взносов. Ошибка в начислении была выявлена посредством заказа справки сверки о состоянии расчетов по страховым взносам, что характеризует расхождение предоставленных данных со стороны организации в фонд социального страхования через программу Контур.Экстерн. Таким образом, по сверке было обнаружено снижение общего дохода на 22 403,61 руб., что повлияло на изменение расчетов сумм страхования и соответствующие перечисления.

Дополнительно по актам сверки выделяется несвоевременное предоставление уплаты денежных средств, что также свидетельствует о нарушении со стороны организации.

Дополнительно выявлена ошибка, связанная с расчетом листов нетрудоспособности. На данный период времени со стороны фонда социального страхования посредством программы Контур.Экстерн направляется запрос подтверждения данных страхователя. При ответе на данный запрос со стороны организации осуществляется отражение стажа, заработка за последние два года, предшествующие листу нетрудоспособности и реквизиты для перечисления денежных средств. Однако на предоставление ответа на запрос предоставляется 5 рабочих дней. Со стороны организации выявлены сроки нарушения предоставления сведений, что характеризует нарушение сроков.

Таким образом, основным методом проведения экспертизы является проведение анализа. Анализ проводится в виде сверки документов и сведений в программном обеспечении. Для проведения экспертизы используется отчетность по кварталам и годовая отчетность. Сведения в отчетности сравниваются с показателями оборотно-сальдовой ведомости в программе 1С. Данный метод дает возможность определения отклонений, но невозможно уточнить возникновение данных отклонений, что характеризуется необходимостью привлечения иных сведений и программ.

В обоих представленных случаях нарушения выявлены со стороны организации. Таким образом, основным риском для организации является недостоверность сведений, что может отражаться в отчетности и показателях организации, а также дополнительное вынесение штрафов, которые уплачиваются организацией со стороны виновного лица.

Представленные недостатки в большей степени возникают на государственном уровне управления. Следовательно, ряд проблем можно решить внедрением мероприятий по проведению бухгалтерской экспертизы в государственную политику.

В качестве основных направлений по совершенствованию бухгалтерской экспертизы операций по учету труда и его оплаты выделяются следующие:

- разработка типовых методик проведения судебно-бухгалтерской экспертизы. В каждом конкретном случае эксперт-бухгалтер вынужден самостоятельно разрабатывать методику исследования. Типовые рекомендации могут включать типовые вопросы, термины, перечень учетных документов, необходимых для проведения экспертизы, а также приёмы, которые можно применять в рамках исследования;

- цифровизация экспертизы. В условиях автоматизации учёта эксперту-бухгалтеру необхо-

димо ориентироваться в тонкостях различных программ и понимать, какие из сформированных документов могут выступать в качестве объектов судебно-бухгалтерской экспертизы;

- введение аналитических счетов. Это позволит детализировать учётную информацию по начислению заработной платы и анализировать структуру зарплаты персонала. Также это поможет выявить резервы для снижения расходов на оплату труда и, как следствие, снизить себестоимость работ и услуг;

- совершенствование документооборота. Можно сократить количество первичной документации и внедрить машиночитаемые документы взамен бумажным;

- формирование отчёта «Анализ расходов на оплату труда». Такой отчет позволит получить сведения о затратах на оплату труда и об отчислениях на социальное страхование.

Совершенствование учета расчетов по оплате труда помогает предприятию осуществлять оперативный, наглядный учёт и контроль, формировать достоверную и экономически обоснованную информацию об оплате труда, точно и своевременно производить оплату труда, устранять непроизводительные выплаты, скрытые и явные потери времени.

Заключение

В процессе проведения исследования были сформированы следующие выводы.

Судебное производство предусматривает рассмотрение различных проблем, которые невозможно было разрешить без судебных инстанций. При этом в большинстве случаев особое место занимает проведение различных экспертиз. Бухгалтерская экспертиза направлена на отражение правомерного ведения бухгалтерского учета и рациональное расходование денежных средств. Дополнительно с помощью данной экспертизы имеется возможность определить виновных лиц с целью привлечения их к ответственности в соответствии с требованиями законодательной базы. Касательно законодательства выделяется ряд нормативно-правовых актов, которые способствуют проведению бухгалтерской экспертизы и могут положительно повлиять на формирование заключения со стороны эксперта. Также уделяется особое внимание методам и предметам для

проведения бухгалтерской экспертизы. Однако определение необходимого метода осуществляется в соответствии с условиями, которые предоставлены эксперту. Следовательно, методы имеют распределение и могут оказать влияние на итоговые результаты бухгалтерской экспертизы.

Учет труда и его оплаты отражается в бухгалтерском учете в соответствии с применением первичной документации. В анализируемой организации ООО «Ю-ТИ-Джи Внуково» бухгалтерский отчет по представленным операциям отражается на счете 70 «Расчеты с персоналом по оплате труда». При этом каждая операция формируется на основании первичной документации, которая распределяется на несколько форм и способствует предоставлению определенных сведений. Данная документация также применяется для проведения бухгалтерской экспертизы и дает результат корректного ведения бухгалтерского учета или наличие ошибок.

Несмотря на ряд документов, которые применяются для проведения бухгалтерской экспертизы и способствующие полноценному отражению трудовой деятельности, возникает ряд недостатков. Среди основных недостатков выделяется нормативное регулирование и недостаточное развитие цифровых технологий. Дополнительно проведенный анализ свидетельствует о наличии ошибок в программном обеспечении, что характеризуется возникновением расхождений сумм в основной отчетности. Такие ошибки могут повлиять на изменение налоговой базы и доходов сотрудников. Следовательно, устранение недостатков возможно за счет цифровизации экспертиз, разработку методик по проведению бухгалтерской экспертизы, а также внедрение нового вида отчета.

Результатом проведенного исследования является наличие недостатков в ведении расчета заработной платы и отражение показателей в отчетности организации. Представленные недостатки характеризуют неполноценное отражение сведений о заработной платы в отчетности, но при выявлении причин отклонения имеется возможность определения нерационального распределения средств в программном обеспечении.

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи выполнены.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 N 73-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 09.03.2026).
- [2] Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 N 402-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/ (дата обращения: 09.03.2026).
- [3] Богатырева С. Н. Бухгалтерская (финансовая) отчетность. — М.: Юрайт, 2023. — 516 с.
- [4] Былков В. Г. Регламентация и нормирование труда : учебник для вузов / В. Г. Былков. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 176 с.
- [5] Голубева О. Л. 1С: Бухгалтерия. — М.: Юрайт, 2023. — 159 с.
- [6] Хорева С. А. Методические подходы к учету и анализу системы расчетов по оплате труда / С.

А. Хорева. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 18 (308). — С. 168-171.

[7] Штефан М. А., Замотаева О. А., Максимова Н. В. Бухгалтерская (финансовая) отчетность организации. — М.: Юрайт, 2023. — 347 с.

[8] ООО «Ю-ТИ-Джи Внуково»: URL: <https://utg-vko.ru/> (дата обращения: 09.03.2026).

References:

[1] Federal Law «On State Forensic Activity in the Russian Federation» of May 31, 2001, No. 73-FZ // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (accessed: March 9, 2026).

[2] Federal Law «On Accounting» of December 6, 2011, No. 402-FZ // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/ (accessed: March 9, 2026).

[3] Bogatyreva, S. N. Accounting (Financial) Reporting. Moscow: Yurait, 2023. 516 p.

[4] V. G. Bylkov. Labor Regulation and Standardization: a textbook for universities / V. G. Bylkov. — 2nd ed., revised and enlarged. — Moscow: Yurait Publishing House, 2026. — 176 p.

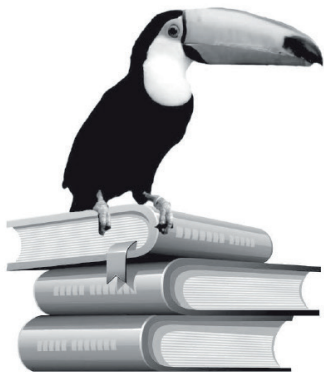
[5] O. L. Golubeva. 1C: Accounting. — Moscow: Yurait, 2023. — 159 p.

[6] S. A. Khoreva. Methodological approaches to accounting and analysis of the payroll system / S. A. Khoreva. — Text: direct // Young scientist. — 2020. — No. 18 (308). — P. 168-171.

[7] M. A. Stefan, O. A. Zamotaeva, N. V. Maksimova. Accounting (financial) statements of the organization. — M.: Yurait, 2023. — 347 p.

[8] ООО «UTG Vnukovo»: URL: <https://utg-vko.ru/> (date of access: 09.03.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

КРИВЕНКО Данила Евгеньевич,
студент 3 курса специалитета,
СКФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»,
Краснодар, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
БАЕВА С.С.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
СКФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»,
e-mail: mail@law-books.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

АННОТАЦИЯ. Предметом анализа в настоящей статье выступает трансформация правового института рабочего времени, обусловленная процессами цифровизации экономики. Распространение цифровых технологий коренным образом видоизменяет организацию трудовой деятельности, разрушая пространственно-временные рамки, которые прежде составляли классическую основу данного института. Опираясь на современную научную литературу, последние законодательные нововведения и формирующуюся правоприменительную практику, выявляется расхождение между традиционными нормативными моделями и потребностями цифровой эпохи. Особый акцент сделан на вопросах регулирования рабочего времени дистанционных работников и лиц, вовлечённых в платформенную занятость, а также на концептуализации «времени подключения» в качестве самостоятельной правовой категории. В заключительной части формулируются предложения с точки зрения действующего закона, включая нормативное закрепление права работника на отключение и внедрение алгоритмических механизмов учёта трудового времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: рабочее время, цифровая экономика, платформенная занятость, дистанционный труд, время подключения, право на отключение, цифровой контроль, гибкое рабочее время, Трудовой кодекс РФ, алгоритмическое регулирование.

KRIVENKO Danila Evgenievich,
third-year student, specialist program,
V.M. Lebedev Russian State University of Justice,
Krasnodar, Russia

Academic Supervisor:
BAEVA S.S.,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines,
V.M. Lebedev Russian State University of Justice

TRANSFORMATION OF THE INSTITUTE OF WORKING HOURS IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

ANNOTATION. This article examines the transformation of the legal framework for working time, driven by the digitalization of the economy. The spread of digital technologies is fundamentally reshaping the organization of work, disrupting the spatial and temporal boundaries that previously formed the classical foundation of this framework. Drawing on contemporary academic literature, recent legislative innovations, and emerging law enforcement practices, this article identifies the discrepancy between traditional regulatory models and the needs of the digital age. Particular emphasis is placed on regulating the working hours of remote workers and those engaged in platform employment, as well as on conceptualizing «connected time» as an independent legal category. The final section formulates proposals based on current law, including the legal recognition of employees' right to disconnect and the introduction of algorithmic mechanisms for recording working hours.

KEY WORDS: Working hours, digital economy, platform employment, remote work, connection time, right to disconnect, digital control, flexible working hours, Labor Code of the Russian Federation, algorithmic regulation.

Иntenсивное внедрение информационно-коммуникационных технологий во все сферы общественных отношений задаёт новый вектор развития экономики. Данный процесс не обошёл стороной и отрасль трудового права, где всё более заметным становится явление, получившее в доктрине наименование «цифровой экономики труда». Применительно к указанным обстоятельствам особую значимость обретает анализ трансформации базового института трудового права - института рабочего времени. Следует признать, что классические воззрения на рабочее время, сложившиеся в период индустриального уклада и зафиксированные в нормах Трудового кодекса РФ, во многих аспектах перестают отвечать потребностям современных форм занятости. Имеются в виду, в первую очередь, дистанционный труд, платформенная занятость и гибкие организационные модели, при которых демаркационная линия между трудовой деятельностью и личной сферой становится крайне размытой и трудноуловимой для правового регулирования. Очевидно, что отсутствие адекватной реакции со стороны законодателя и юридической науки создаёт угрозу постепенного размывания гарантий, традиционно связываемых с выполнением работником своей трудовой функции.

Действующее законодательное определение трактует рабочее время как период, в течение которого сотрудник, подчиняясь правилам внутреннего трудового распорядка и условиям трудового договора, должен исполнять возложенные на него трудовые обязанности, а также иные временные отрезки, приравняемые к рабочему времени в силу закона [1]. Однако подобная формулировка неявно предполагает жёсткую пространственно-временную локализацию труда, то есть конкретное рабочее место и фиксированный распорядок дня, что плохо согласуется с реалиями цифровой экономики. Исходя из этого утверждение Д. А. Новикова о том, что традиционные нормативные подходы оказываются несостоятельными применительно к регулированию труда на цифровых платформах, где декларируемая самостоятельность исполнителей скрывает под собой тотальный алгоритмический контроль, является обоснованным.[2] Иначе говоря, классическое противопоставление «рабочее время --- время отдыха» перестаёт работать в ситуации, когда лицо де-факто пребывает в состоянии перманентной готовности реагировать на поступающие по цифровым каналам сообщения, задания или заказы.

Дополнительный импульс указанная проблематика получила вследствие массового перехода на дистанционный формат занятости, катализированного как технологическим прогрессом, так и экстраординарными обстоятельствами пандемии COVID-19. Вступившие в силу с 1 января 2021 года поправки к главе 49.1 ТК РФ легализовали три разновидности дистанционной работы (посто-

янную, временную и комбинированную), однако принципиальный вопрос о нормальной продолжительности ежедневного труда и методах учёта рабочего времени остался без исчерпывающего законодательного решения [3]. На мой взгляд, фактически законодатель делегировал его регулирование усмотрению сторон трудового договора, что, как свидетельствуют эмпирические данные, продуцирует почву для недобросовестных практик со стороны работодателя, который объективно заинтересован в максимально длительном «цифровом присутствии» персонала. А. А. Сафирова совершенно справедливо акцентирует внимание на том, что отсутствие законодательно установленных пределов ежедневной продолжительности труда дистанционного работника подрывает его право на отдых и способно провоцировать синдром профессионального выгорания [4]. Развивая этот тезис, уместно заметить, что провозглашаемая гибкость дистанционного труда на практике нередко оборачивается эрозией временных границ трудового процесса: работник, оставаясь в домашней обстановке, вынужденно выполняет должностные обязанности в объёме, значительно превышающем стандартную норму, закреплённую в ст. 91 ТК РФ.

Ещё более серьёзные вызовы институту рабочего времени бросает платформенная экономика. На мой взгляд, цифровые платформы, выступая в роли посредника между заказчиком и исполнителем, конструируют особый правовой режим, где лицо, предоставляющее услуги, номинально сохраняет статус независимого субъекта, тогда как в действительности его действия определяется алгоритмическими решениями оператора. Исходя из этого можно задать вопрос. Надлежит ли относить к рабочему лишь время непосредственного исполнения заказа (доставки, перевозки, оказания услуги) или же в него должны засчитываться и периоды ожидания заказа при сохранении статуса «онлайн» в мобильном приложении? Д. А. Новиковым предложена теоретическая модель «времени подключения», объединяющая в рамках единой правовой конструкции как активные, так и пассивные режимы присутствия в цифровой среде [2]. Под активным временем подключения понимается отрезок, затрачиваемый на реализацию конкретных заданий, - он подлежит учёту и оплате на общих основаниях как рабочее время. Пассивное же время, в продолжение которого работник пребывает в ожидании заказа и сохраняет готовность к его принятию, также, согласно авторской позиции, должно квалифицироваться в качестве трудовой деятельности, поскольку ограничивает личную автономию лица и требует соразмерной компенсации.

Рассматриваемая концепция заслуживает самого серьёзного внимания, так как даёт возможность сделать видимыми те трудовозатраты, которые при платформенной занятости обычно остаются неучтёнными. Если в рамках tradi-

ционной модели организации труда работодатель экономически мотивирован к максимально продуктивному использованию каждого отрезка рабочего времени, то архитектура цифровых платформ сознательно перекладывает бремя ожидания на самого работника. Фактически он может проводить в приложении десятки часов в неделю, де-юре сохраняя свободу, а вознаграждение получает исключительно за реально выполненные заказы - сумма которого сплошь и рядом не достигает уровня минимального размера оплаты труда. Становление правового регулирования платформенной занятости, на наш взгляд, должно базироваться на признании времени подключения в качестве особой разновидности рабочего времени, с установлением его максимальной продолжительности и гарантированной минимальной оплаты. В качестве шага в обозначенном направлении можно рассматривать обсуждаемые сегодня законопроекты, предполагающие введение для платформенно занятых лиц 40-часовой рабочей недели с зачётом периодов ожидания и гарантированного минимума дохода [5].

Цифровизация трудовых правоотношений вызвала к жизни ещё один феномен, который настоятельно требует теоретического осмысления в границах института рабочего времени - тотальный цифровой надзор за работником. Арсенал современных технических средств позволяет работодателю в режиме реального времени мониторить действия сотрудника: от регистрации клавиатурных нажатий до определения геопозиции и семантического анализа электронных сообщений. Если в офисной среде подобный контроль в известной мере компенсируется формальным истечением рабочего дня и физическим уходом работника, то при дистанционном труде водораздел между правомерным наблюдением за исполнением должностных обязанностей и вторжением в сферу частной жизни становится едва различимым. В данных обстоятельствах императивной выглядит потребность в законодательном закреплении права работника на отключение. Под таковым предлагается понимать гарантированную возможность прекращения любой трудовой коммуникации за временными рамками установленного рабочего времени, не сопряжённую с риском применения к работнику мер дисциплинарного или иного неблагоприятного характера. Аналогичные нормативные конструкции уже прошли проверку в ряде европейских юрисдикций и выступают предметом активной научной дискуссии в российской цивилистике. В. А. Болдырев совместно с Ю. И. Клепаловой обоснованно отмечают, что цифровая эпоха диктует необходимость отказа от жёсткого дихотомического противопоставления рабочего времени и времени отдыха в пользу их сопоставления как взаимосвязанных и взаимообусловленных категорий [6]; право на отключение как раз выполняет функцию инструмента, восстанавливающего баланс, деформированный процессами цифровизации. Подобный баланс, однако, не

может быть достигнут исключительно формально-юридическими средствами. Как справедливо отмечают Т. Л. Адриановская и С. С. Баева, «именно кодекс этики наиболее полно отражает и фиксирует требования к поведению, складывающиеся в конкретной профессиональной группе, и позволяет обеспечить единообразие подходов к оценке поведения работника в условиях, когда формальные юридические критерии могут отставать от динамично меняющихся общественных отношений» [8]. Следовательно, включение этических стандартов в корпоративную культуру должна сопровождать законодательные новации.

Нельзя не заметить, что отечественный законодатель предпринимает определённые меры по адаптации трудового права к вызовам цифровой эпохи. Так, Федеральным законом от 26.12.2024 № 498-ФЗ были внесены поправки в Трудовой кодекс, посредством которых максимально допустимый годовой объём сверхурочной работы увеличен со 120 до 240 часов - при условии фиксации такого норматива в коллективном договоре либо отраслевом соглашении [7]. Однако указанное нововведение, преследующее цель повышения гибкости правового регулирования в интересах работодателя, не затрагивает фундаментальной проблемы - организации достоверного учёта рабочего времени в цифровой среде. Более того, повышение «потолка» сверхурочного труда без параллельного внедрения действенных механизмов верификации его реальной продолжительности способно лишь углубить дисбаланс в правовом положении сторон трудового правоотношения.

На мой взгляд перспективным направлением модернизации института рабочего времени представляется обращение к инструментарию алгоритмического регулирования и мониторинга. Наряду с установлением императивных нормативных предписаний государству надлежит создавать и внедрять цифровые сервисы, автоматизирующие контроль за соблюдением режимов труда и отдыха. Подобный подход позволит перевести правовые гарантии из разряда декларативных постулатов в категорию реально исполнимых и верифицируемых правил. Последнее приобретает особую актуальность именно для сферы платформенной занятости, где основным каналом управленческого воздействия на работника выступает сама технологическая инфраструктура.

Резюмируя изложенное, следует признать, что цифровая экономика послужила катализатором коренной трансформации института рабочего времени. Как было установлено в ходе предшествующего анализа, классические нормативные конструкции, фундированные на жёсткой бинарной логике «рабочее время - время отдыха», во всё большей степени утрачивают свою функциональность применительно к условиям дистанционного труда и платформенной занятости. На мой взгляд, к числу наиболее острых вызовов относятся: дефицит законодательно определённых критериев учёта рабочего времени дистанционных

сотрудников, правовая неопределённость статуса времени ожидания на цифровых платформах, а также неудовлетворительная защита работников в ситуации цифрового мониторинга. Устранение выявленных пробелов видится на путях легализации категории «времени подключения», нормативного закрепления предельной продолжительности периодов онлайн-доступности, установления гарантий оплаты пассивного времени как со-

ставной части рабочего, а также имплементации в ткань отечественного законодательства права работника на отключение. Полагаю, что совокупность перечисленных мер, способна вернуть институту рабочего времени его исконное социальное назначение - обеспечение достойных условий труда и эффективную охрану здоровья работника - в кардинально изменившихся технологических и экономических координатах.

Список литературы:

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения 14.04.2026).

[2] Новиков Д. А. Регулирование рабочего времени работников цифровых платформ: от правовых пробелов к алгоритмическим решениям // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2025. — Т. 18. — № 3. — С. 56–80.

[3] Федеральный закон от 08.12.2020 № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удалённой) работы и временного перевода работника на дистанционную (удалённую) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370070/ (дата обращения 14.04.2026).

[4] Сапфинова А. А. Ограничение рабочего времени дистанционных работников и интересы работодателей: правовые вопросы // Трудовое право в России и за рубежом. — 2023. — № 1. // Издательский дом Панорама. URL: <https://panor.ru/articles/ogranichenie-rabochego-vremeni-distantsionnykh-rabotnikov-i-interesy-rabotodateley-pravovye-voprosy/84903.html> (дата обращения 14.04.2026).

[5] Проект федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования платформенной занятости» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=147223> (дата обращения: 14.04.2026).

[6] Болдырев В. А., Клепалова Ю. И. Рабочее время и время отдыха в эпоху цифровизации: противопоставление или сопоставление? // Государство и право. 2024. № 12. С. 111–118.

[7] Федеральный закон от 26.12.2024 № 498-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494428/ (дата обращения: 14.04.2026).

[8] Адриановская Т.П., Баева С.С. Профессиональная этика в трудовых правоотношениях: понятие и виды // Право и государство: теория и практика. 2023. №6(222). С. 123-126.

References:

[1] Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197-FZ (as amended on 29.12.2025, as amended on 06.02.2026) // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (accessed on 14.04.2026).

[2] Novikov D. A. Regulation of working hours of employees of digital platforms: from legal gaps to algorithmic solutions // Law. Journal of the Higher School of Economics. - 2025. - Vol. 18. - No. 3. - P. 56-80.

[3] Federal Law of 08.12.2020 No. 407-FZ «On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation in Terms of Regulating Remote Work and the Temporary Transfer of an Employee to Remote Work at the Initiative of the Employer in Exceptional Cases» // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370070/ (accessed 14.04.2026).

[4] Sapphire, A. A. Limiting the Working Hours of Remote Workers and the Interests of Employers: Legal Issues // Labor Law in Russia and Abroad. - 2023. - No. 1. // Panorama Publishing House. URL: <https://panor.ru/articles/ogranichenie-rabochego-vremeni-distantsionnykh-rabotnikov-i-interesy-rabotodateley-pravovye-voprosy/84903.html> (accessed 14.04.2026).

[5] Draft federal law «On amendments to the Labor Code of the Russian Federation in terms of regulating platform employment» // Federal portal of draft regulatory legal acts. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=147223> (accessed 14.04.2026).

[6] Boldyrev V. A., Klepalova Yu. I. Working hours and rest time in the era of digitalization: opposition or comparison? // State and Law. 2024. No. 12. pp. 111–118.

[7] Federal Law of 26.12.2024 No. 498-FZ «On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494428/ (accessed: 14.04.2026).

[8] Adrianovskaya T.P., Baeva S.S. Professional Ethics in Labor Relations: Concept and Types // Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 6 (222). pp. 123-126.

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА

Научно-правовой журнал

**№ 3
(июль-сентябрь)
2026 г.**

научно-издательская группа
ЮРКОМПАНИ